

Экономика и управление:

научно-практический журнал

Выходит с 1994 года

Региональная экономика

*Актуальные проблемы развития
экономики и общества*

Политические процессы

Инвестиции. Финансы

Социальная сфера

4/2017

Башкирская академия государственной службы
и управления при Главе Республики Башкортостан
Башкирский государственный университет
Уфимский государственный нефтяной технический университет

Экономика и управление:

научно-практический журнал

№ 4 (138)

Издается с 1994 года

СОДЕРЖАНИЕ

Региональная экономика

Ф. САФИН, Э. МУХТАСАРОВА, К. СИРАЗЕТДИНОВ. Социально-экономические факторы развития федеративных отношений (на примере Республики Башкортостан)	6
Л. СУЛТАНОВА. К вопросу об оценке конкурентоспособности регионов	11
Н. КУЗЬМИНЫХ. Механизм создания благоприятного инновационного климата региона	15
Я. СКРЯБИНА. Реализация социальной политики по защите и поддержке граждан пожилого возраста в Республике Башкортостан	18
И. СИНГИЗОВ, Н. СИНГИЗОВА. Показатели эффективности экономики региона	23
Л. ЖАМАЛОВ, М. МИНАСОВ. Модернизация системы здравоохранения – необходимая составляющая стратегии устойчивого развития региона	27
Н. ТРОФИМОВА, А. ТАЙМАСОВ. Анализ структурных факторов развития российских регионов	30
Ю. ТОКТАМЫШЕВА, К. ЮСУПОВ. Оценка воспроизводственного потенциала региона с инновационной направленностью развития	34
И. НУСРАТУЛЛИН. Межрегиональная асимметрия территорий с позиции неравновесного подхода	38

Актуальные проблемы экономики и общества

Л. ТИШИНА. Анализ чувствительности российской экономики на изменение спроса на импортные товары	43
Р. МИЯНОВ. Коррупция: искоренить нельзя смириться	55
О. ВОДЯНЕНКО. Место и роль социальной экономики в эволюционном развитии общества	59
Н. КЛИМОВА. Валовой муниципальный продукт: зарубежный и российский опыт оценки и применения	65
З. САБИРОВА. Развитие социального предпринимательства: федеральный и региональный аспекты	69
Э. МЕХДИЕВ. Особенности региональной интеграции на примере ЕАЭС	73
З. ИБРАГИМОВА, Н. ИШМУХАМЕТОВ, Г. РОССИНСКАЯ. Социально-экономическая дифференциация потребления домохозяйств России в периоды экономического сжатия	78

У. НАЗАРОВА, Т. ШТОЛЬ. Мотивация государственных гражданских служащих на основе причастности	84
А. ГАВРИКОВА. Факторы формирования качества человеческого капитала в условиях информационного общества	87
Д. ИШМУРАТОВА. Общий и специфический человеческий капитал: основные тенденции накопления и использования	90
М. МИНАСОВ, Д. ПЕТРОВ. Интеллектуальный ресурс как экономическая категория	95
Л. АБЗАЛИЛОВА. Имитационная модель процесса предоставления услуг информационных технологий и связи	98

Политические процессы

Ю. ДОРОЖКИН. Какая политическая система и почему нужна современной России: вектор обновления	103
Г. КАМАЛОВА. Федеральные и муниципальные выборы в Российской Федерации: предвыборная агитация и новые тренды	108
Р. ЛАТЫПОВ, Д. БИКТИМИРОВА. Глобальные и классические агенты политической социализации современной российской молодежи	112
А. КУЛИНЧЕНКО. Управление общественными процессами: политическое управление или политический менеджмент	115
А. КУРМАНОВ. Конституционно-правовые основы права на равный доступ к государственной и муниципальной службе в Республике Башкортостан	119
В. ГИЛЬМАНОВ. Особенности партийного рекрутмента в демократических режимах и гибридных режимах с доминантной партией	123
Ч. САЛИМГАРЕЕВА. Идеология «третьего пути» России И.А.Ильина	128

Инвестиции. Финансы

Л. ВАЛИНУРОВА. Разработка системы контроллинга инвестиционной привлекательности муниципального образования	132
Е. ПОНОМАРЕНКО. Инвестиции как инструмент поступательного развития региона	136
Е. ФОМИНА, Ю. ХОДКОВСКАЯ. Оценка обеспечения прозрачности государственных финансов	140
Я. ТРОФИМОВА. Рейтинговая оценка налоговой системы России	145
А. РЕМНЕВ. Инструменты минимизации открытого риска при секьюритизации лизингового портфеля	149

Социальная сфера

Г. БИГЛОВА, Р. АМИРОВА. Проблемные аспекты гуманизации труда в Приволжском федеральном округе	155
Е. БЕГЛОВА, У. МУСИН. Факторы и институты развития трудовой миграции	160
Н. ШАМСУТДИНОВА, Д. ЯГАФАРОВА. Возрастные особенности репродуктивных установок и риски бедности в семьях с несовершеннолетними детьми в Республике Башкортостан	166
Л. ИМАЕВА. Формирование трудового потенциала организации	169
Г. ХИЛАЖЕВА, И. УТЯШЕВА, О. АДигамова, Д. ЯГАФАРОВА. Внутренние миграции в муниципальных образованиях Башкортостана	173
Г. ИСЛАКАЕВА. Влияние размера вуза на его мировой рейтинг	179

Аннотации и ключевые слова	184
Хроника	195
Содержание журнала за 2017 год	196

CONTENTS

Regional Economy

F. SAFIN, E. MUCHTASAROVA, K. SIRAZETDINOV. Social and Economic Factors of the Development of Federal Relations (the Republic of Bashkortostan as the Example)	6
L. SULTANOVA. The Question of Competitive Ability of Regions Assessment	11
N. KUZMINYKH. Mechanism of Formation of Favorable Innovative Climate of the Region	15
Ya. SKRYABINA. Realization of Social Policies for the Protection and Support of the Elderly in the Republic of Bashkortostan	18
I. SINGIZOV, N. SINGIZOVA. Performance Indicators of the Economy of the Region	23
L. ZHAMALOV, M. MINASOV. Modernization of the Health Care System is a Necessary Component of the Strategy for Sustainable Development of the Region	27
N. TROFIKOVA, A. TAIMASOV. Analysis of the Structural Factors of Development of Russian Regions	30
Yu. TOKTAMYSHEVA, K. YUSUPOV. Assessment of the Reproductive Potential of the Region with an Innovative Direction of Development	34
I. NUSRATULLIN. Interregional Asymmetry of Territories from a Non-equilibrium Approach	38

Actual Problems of Economy and Society Development

L. TISHINA. Analysis of the Russian Economy Sensitivity to Changes in Imported Goods' Demand	43
R. MIYANOV. Corruption: Better to Reconcile than to Nip in the Bud	55
O. VODYANENKO. Place and Role of the Social Economy in the Evolutionary Development of Society	59
N. KLIMOVA. Gross Municipal Product: Foreign and Russian Experience of Assessment and Application	65
Z. SABIROVA. Development of Social Entrepreneurship: Federal and Regional Aspects	69
E. MEKHDIEV. Features of Regional Integration on the Case of the EEU	73
Z. IBRAGIMOVA, N. ISHMUHAMETOV, G. ROSSINSKAYA. Socio-economic Differentiation of Consumption of Households in Russia During Periods of Economic Contraction	78
U. NAZAROVA, T. SHTOL. Motivation of State Civil Servants Based on Involvement	84
A. GAVRIKOVA. Factors of the Quality of Human Capital Forming in the Information Society	87
D. ISHMURATOVA. General and Specific Human Capital: the Main Trends of Accumulation and Use	90
M. MINASOV, D. PETROV. Intellectual Resource as an Economic Category	95
L. ABZALILOVA. Imitation Model of the Process of Providing Services of Information Technologies and Communications	98

Political Processes

Yu. DOROZHNIK. What Political System and Why Modern Russia is Needed: the Vector of Renewal	103
G. KAMALOVA. Federal and Municipal Elections in the Russian Federation: Political Campaign and New Trends	108
R. LATYPOV, D. BIKTIKIMIROVA. Global and Classical Agents of Political Socialization of Modern Russian Youth	112
A. KULINCHENKO. Management of Social Processes: Political Administration or Political Management	115
A. KURMANOV. Constitutional and Legal Bases of the Right to Equal Access to State and Municipal Service in the Republic of Bashkortostan	119
V. GILMANOV. Specificity of the Party's Recruitment in Democratic Regimes and Hybrid Regimes with a Dominant Party	123
Ch. SALIMGAREEVA. Ideology of the «Third Way» of Russia of I.A. Ilyin	128

Investments. Finance

L. VALINUROVA. Development of a System for Controlling the Investment Attractiveness of the Municipality	132
E. PONOMARENKO. Investment as a Development Tool of the Region	136
E. FOMINA, Yu. KHODKOVSKAYA. Assessment of the Transparency of Public Finances	140
Ya. TROFIMOVA. Rating of the Russian Tax System	145
A. REMNEV. Instruments for Minimizing Open Risk in Securitizing a Leasing Portfolio	149

Social Sphere

G. BIGLOVA, R. AMIROVA. Problem Aspects of the Humanization of Labor in the Volga Federal District	155
E. BEGLOVA, U. MUSIN. Factors and Institutions of Labor Migration Development	160
N. SHAMSUTDINOVA, D. YAGAFAROVA. Age Features of Reproductive Attitudes and Poverty Risks in Families with Minor Children in the Republic of Bashkortostan	166
L. IMAEVA. Formation of the Labor Potential of the Organization	169
G. KHILAZHEVA, I. UTYASHEVA, O. ADIGAMOVA, D. YAGAFAROVA. Internal Migrations in the Municipal Units of Bashkortostan	173
G. ISLAKAYEVA. Influence of the Size of the University on its World Rating	179
Abstracts and Key Words	184
Chronicle	195
Contents for 2017	196

Редакционная коллегия

Л.С. Валинурова, И.В. Дегтярева, Ю.Н. Дорожкин, В.В. Еникеев
(заместитель главного редактора), Г.А. Колобова, С.Н. Лаврентьев,
Д.Б. Миннигулова, А.В. Морозова (ответственный секретарь), Д.Р. Пескова,
Г.М. Россинская, Р.Р. Салахутдинова, Н.З. Солодилова, И.В. Фролова, С.Н. Шкель

Публикуемые материалы могут отражать точку зрения авторов, которая не совпадает с мнением редколлегии журнала.

Редакция не вступает в переписку с читателями и не возвращает рукописи.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Уфа, БАГСУ, 2017

© «Экономика и управление: научно-практический журнал», 2017

***Уважаемые читатели и авторы научного издания
«Экономика и управление: научно-практический журнал»!***

От имени коллектива Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, редакционного совета издания поздравляю Вас с наступающим Новым 2018 годом!

«Экономика и управление» является старейшим в республике профильным научным изданием по экономическим и политическим наукам. На его страницах публиковались программные статьи первых руководителей Республики Башкортостан, материалы научных исследований академиков РАН Л.И. Абалкина, А.Г. Аганбегяна, а также сотен докторов и кандидатов наук, докторантов и аспирантов, магистрантов и студентов.

Основатель издания – классик башкирской школы экономической науки, действительный член Академии наук Республики Башкортостан А.Х. Махмутов и сегодня остается действующим членом редакционного совета журнала, занимаясь вопросами совершенствования его редакционной политики.

«Экономика и управление» сочетает в себе уважение к традициям и инновационную устремленность в будущее. В 2017 г. журнал вновь вошел в перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям: «Экономические науки» (08.00.00) и «Политология» (23.00.00).

Вместе с тем мировые тренды развития современной науки, в том числе серьезных научных изданий, требуют межвузовской кооперации. В декабре 2017 года были подписаны соглашения о вхождении в состав соучредителей журнала Башкирского государственного университета и Уфимского государственного нефтяного технического университета. Начиная с января 2018 года издание обретет новый статус. Повысится не только научный уровень публикуемых материалов, но и качество полиграфии.

Поэтому наш журнал с уверенностью смотрит в будущее, оставаясь в Новом году Вашим верным советником и помощником.

Желаю Вам крепкого здоровья, творческих успехов и счастья!

*Ректор Башкирской академии
государственной службы и управления
при Главе РБ*

И.Р. Кызыргулов

Социально-экономические факторы развития федеративных отношений (на примере Республики Башкортостан)

**Ф. САФИН, Э. МУХТАСАРОВА,
К. СИРАЗЕТДИНОВ**

В развитии федеративных отношений в Российской Федерации важное место занимает социально-экономический потенциал регионов. В этом смысле свой особый статус в формировании новых федеративных отношений отстаивали те национальные республики, которые имели высокий социально-экономический потенциал.

По выработке совокупного общественного продукта в конце 1980-х гг. Башкирия опережала все автономные и многие союзные республики. В 1988 г. Башкирия произвела национального дохода в расчете на душу населения больше, чем Украина, Узбекистан, Казахстан, Грузия, Азербайджан, Молдавия, Киргизия, Таджикистан, Армения и Туркменистан [8, 51].

Объем промышленного производства на одного человека в 1989 г. в республике составил 3,9 тыс. руб., что на 5 % был выше, чем по Российской Федерации [9, 42].

Валовой сбор зерна в 1976–1980 годы в среднем составил 4 950 тыс. тонн, и Башкирия по этому показателю занимала четвертое место среди регионов РСФСР, уступая Ставропольскому, Краснодарскому краям и Оренбургской области [7, 424]. При этом в некоторые годы колхозы и совхозы республики вынуждены были сдавать государству до 70–80 % урожая.

Производство мяса и мясопродуктов на душу населения в 1989 г. в Башкирии составило 80 кг, а его потребление – 68 кг, то есть на 12 кг меньше, чем производилось. По РСФСР объемы производства данных продуктов составляли 69 кг, потребление – 75 кг. Уровень потребления мяса по Башкирии составил лишь 91 % от РСФСР [9, 44].

В 1989 г. на каждого жителя Башкирии было произведено 481 кг молока и молочных продуктов, а по России – 379 кг, то есть на 102 кг меньше, чем в Башкирии. А потреблялись эти продукты в Башкирии на 117 кг меньше, чем производились. По РСФСР, наоборот, объемы потребления превзошли объемы производства [8, 53].

Таким образом, потребление продукции сельского хозяйства существенно отставало от ее производства в республике. Большая часть продукции сельского хозяйства вывозилась в другие регионы Советского Союза по более низкой цене в обмен на другие, более дорогие товары народного потребления, тогда как население республики само остро нуждалось в этих продуктах питания.

Неудовлетворительной была также обеспеченность детей дошкольными учреждениями, медицинским обслуживанием. В 1988 г. в Башкирской АССР детскими дошкольными учреждениями было обеспечено только 62 % всех детей, в то время как в РСФСР – 70 %, в Татарской АССР этот показатель составлял 79 %, Карельской – 89 %, Коми АССР – 90 % [9, 46].

По уровню медицинского обслуживания населения Башкирия занимала 61-е место в РСФСР. Если по Российской Федерации на 10 тыс. чел. населения приходилось в 1990 году 45,0

Сафин Фаиль Габдуллович, д-р ист. наук, профессор, заведующий отделом этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. E-mail: failsafin@mail.ru

Мухтасарова Эльвира Анваровна, канд. ист. наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук филиала Уфимского государственного технического нефтяного университета в г. Октябрьском. E-mail: mux.elvira@yandex.ru

Сиразетдинов Камиль Олимович, соискатель отдела этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. E-mail: xazina2007@gmail.com

врачей, то по Башкирии – всего лишь 35,2 врача, при этом РБ уступала всем республикам и областям Уральского экономического района, кроме Курганской области [4, 243].

По степени обеспеченности населения республики больничными койками в 1990 г. Башкирия занимала 56-е место. Если по Российской Федерации на 10 тыс. чел. приходилось 138 больничных коек, то по Башкирии этот показатель составлял 136 [4, 233]. В связи с переходом на подушевое финансирование объектов здравоохранения и из-за невозможности содержать многие участковые больницы и акушерско-фельдшерские пункты за годы рыночной экономики были закрыты. В 2012 г. число больничных коек на 10 тыс. чел. по республике сократилось до 85,1. Башкортостан по этому показателю в Российской Федерации уже опустился на 68 место. Республика Башкортостан, входившая тогда в число регионов-доноров, не смогла сохранить имеющийся потенциал в медицинском обслуживании населения, тогда как дотационная Республика Тыва каким-то образом смогла сохранить число больничных коек в объеме 136 на 10 тыс. чел., занимая при этом 2 место в Российской Федерации [6, 426].

По численности студентов на 10 тыс. чел. Республика Башкортостан в 1980 году занимала 43 место, в 1992 г. – осталась на том же уровне (42 место), тогда как Республика Мордовия занимала 7, Республика Марий Эл – 18, Республика Татарстан – 19, Удмуртия – 25 место [2, 592–594].

После принятия Декларации о суверенитете БССР в 1990 г. существенно расширились экономические права республики и под ее юрисдикцию и в собственность перешла преобладающая часть промышленности, выросшей на ее территории в результате общегосударственной индустриализации.

Особый статус, вернее, особые межбюджетные отношения ряда республик (Татарстан, Башкортостан, Саха – Якутия и др.) с федеральным центром, заложили в свою очередь «необходимость» договорного процесса в Российской Федерации, что практически вело к новому витку распада государства. Впоследствии «договорный процесс», то есть заключение особых договоров между регионами-субъектами и федеральным центром, было признано как с позитивной, так и с негативной стороны. Вместе с тем, было отмечено, что договоры сыграли важную роль в социально-экономическом развитии регионов [1, 83].

Однако некоторые федеральные руководители опасались и утверждали, что введение одноканальной системы сбора и перечисления налогов в федеральный бюджет властями Башкирии, Татарии, Карелии, Чечни и Якутии есть прямой путь к развалу России [12, 51], поскольку эти субъекты практически не участвовали в финансировании депрессивных регионов, а также федеральных социальных программ.

«Плоды суверенитета» руководство республики понимало по-своему. В 1994 г. в результате «особого» межбюджетного режима Башкортостан перечислил в федеральный бюджет лишь 12 % всех собранных налогов. Татарстан перечислил в федеральный бюджет 16 %, Карелия – 5 %, Ингушетия – 11 %, а Саха – Якутия – вообще ничего. Разумеется, все эти льготы оплачивались налогоплательщиками других субъектов Федерации. Например, Москва перевела в федеральный бюджет 40 % всех собранных налогов, Московская и Нижегородская области – по 42 %, Санкт-Петербург – 43, Самарская область – 45 % и т.д. [1, 61].

Прошедшие годы мало что изменили в порядке построения бюджетных отношений между федеральным центром и субъектами. Видимо, неразработанность межбюджетных отношений в стране увеличила число регионов-реципиентов (дотационных). Если в начале 1990-х гг. регионов-доноров насчитывалось около 23, то к 2017 г. их число сократилось до 11.

Хотя бывший Президент Республики Башкортостан М. Рахимов во время торжественного заседания Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, посвященного пятой годовщине подписания Договора между РФ и РБ, отмечал, что именно Договор создал прочную основу для самостоятельного регулирования социальной сферы [3].

Однако, как показал опыт, Договор не стал инструментом, способствующим социально-экономическому развитию республики. Впервые за годы суверенитета бюджет республики

начиная с 2003 г. формируется с огромным дефицитом. Республика из субъекта-донора стала дотационной республикой.

За расширение своих полномочий больше выступали руководители тех регионов, которые самостоятельны и являются регионами-донорами. На VIII Гайдаровском форуме «Россия и мир: выбор приоритетов», состоявшемся в январе 2017 г., некоторые руководители регионов раскритиковали систему распределения федеральных средств между регионами-донорами и регионами-реципиентами. В частности, отмечалось, что в межбюджетных отношениях между регионами и федеральным центром сложилась парадоксальная ситуация, если в регионе происходил рост бюджетных доходов, то регион сразу вылетал из всех программ поддержки, которые используются для дотационных регионов, так как регионы-реципиенты получали для выполнения адресных программ определенные субсидии [13].

По мнению губернатора Калужской области А. Артамонова, к сокращению числа регионов-доноров ведет реализация бюджетной политики, которая подталкивает регионы к дотационности и нивелирует у них желание развиваться. В соответствии с этой логикой гораздо проще и выгоднее быть дотационным субъектом, так как дотационный регион гарантированно получит федеральную финансовую поддержку. А донор, напротив, полностью лишится дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности [13].

Сложившиеся федеративные отношения на современном этапе в стране некоторые политологи назвали «унитарным федерализмом» под формально федеральной правовой оболочкой. Показателем дефедерализации России является урезание финансовых полномочий и финансовых ресурсов субъектов Федерации, что в свою очередь дестимулирует регионы заниматься своей экономикой, это ставит их в тяжелое положение с точки зрения возложенных на них социальных обязательств, потому что сокращается бюджет, соответственно увеличивается долг [10].

Иными словами, в России до сих пор не урегулированы межбюджетные отношения между субъектами и федеральным центром. Отсюда и много разногласий по вопросам межбюджетных стратегий. Регионы сами не имеют возможности распоряжаться собственными средствами. Так или иначе они вынуждены перечислить средства в федеральный бюджет, а затем просить от центра для реализации своих нужд. Все эти схемы не способствуют развитию самостоятельности и ведут к деградации регионов. Примером этого может служить тот факт, что за прошедшие 20 лет число регионов-доноров с 23 сократилось до 11.

Если же обратиться к практике развитых стран, то за 50 % поступлений в федеральный бюджет там никто не выходит. И в большинстве стран большая часть средств все-таки остается в регионах. К примеру, в Швейцарии в отдельные годы в кантонах оставалось более 80 процентов собранных налогов. Регионы там имеют развернутые права, подкрепленные соответствующими финансовыми ресурсами, и развиваются за счет этого.

В России в этом отношении наблюдается аналогичная пропорция и имеет место ограничение по выстраиванию регионами собственной налоговой политики.

Еще в середине 1990-х гг. многие авторы утверждали, что устойчивость и целостность федеративного государства определяется экономической самостоятельностью субъектов федерации. Но практика показала, что в России с каждым годом уменьшается число регионов-доноров, то есть тех, кто не получает прямой помощи из федерального фонда финансовой поддержки. Естественно, рост перераспределяемых средств ведет к увеличению нагрузки на «регионы-доноры», провоцируя их к жесткому поведению [1, 49].

Как видим, через 20 лет развития федерализма в Российской Федерации вопросы межбюджетных отношений остаются не урегулированными.

Рассмотрим некоторые результаты «плодов суверенизации», которых «достигла» Республика Башкортостан за последние 25 лет.

Как известно, важной социальной проблемой является подготовка высококвалифицированных специалистов с высшим образованием, так как показателем высокого уровня научно-технического прогресса всегда выступает высокий уровень образования.

За эти годы заметно возросла численность студентов высших учебных заведений в целом по стране. По численности студентов на 10 тыс. чел. населения Башкортостан в Российской Федерации в 2012/2013 учебном году занимал 40 место, тогда как Татарстан – 10, Мордовия – 16, Республика Чувашия – 19 место [5, 308–311].

По данным за 2015/2016 учебный год, эксперты Высшей школы экономики (ВШЭ) поставили Республику Башкортостан на 46 место по «востребованности» вузов. Из 14 220 выпускников, с учетом корректирующего коэффициента, 33 % реализовали свои возможности за пределами республики, поступая в вузы столиц и соседних регионов. По этому показателю Башкортостан оказался на 42 месте [14].

Численность врачей на 10 тыс. чел. в 2012 г. составила 41,6 чел. при среднероссийском показателе 49,1, по ПФО – 46,2 чел., тогда как в Удмуртии – 54,9, Оренбургской области – 51,7 чел. По обеспеченности врачами на 10 тыс. чел. Башкортостан в Российской Федерации занимал 57 место, а по среднему медицинскому персоналу – 51 место, то есть заметно снизив показатели начала 1990-х годов [5, 432].

Младенческая смертность, то есть число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми в 2012 г. в Республике Башкортостан составила 7,9 чел. при среднем показателе по Приволжскому федеральному округу 7,7. По этому показателю Башкортостан занимал 32 место, тогда как Чувашия – 5 (5,3 чел.), Татарстан – 11 (6,4 чел.) [6, 64]. В 2015 г. младенческая смертность в республике почему-то оказалась выше, чем в предыдущие годы. По этому поводу Глава республики Р.З. Хамитов вынужден был провести специальное совещание с целью устранения существующих недоработок в данной сфере. Если в 2015 г. среднероссийский показатель младенческой смерти составлял 6,5 чел., то в Башкортостане эта цифра достигла 7,4 чел., занимая 59 место, тогда как в Чувашии – 3,3 чел. (1 место), Мордовии – 4,4 чел. (5 место), в Татарстане – 6,1 чел. (33 место) [6, 64]. Иными словами, это означало, что 58 регионов страны попали в когорту более благополучных по данному социально-медицинскому показателю.

Социальные проблемы, прежде всего, медицина, образование, в республике, мягко говоря, были не на должном уровне. Хотя следует отметить, что по ряду показателей экономического роста Башкортостан опережал многие регионы страны, в том числе в сфере промышленности и сельского хозяйства.

Валовой региональный продукт, производимый республикой, все эти годы в Приволжском федеральном округе занимал второе место, уступая лишь Татарстану. В 2000 г. ВРП в Республике Башкортостан равнялся 160 751,2 млн руб., в Республике Татарстан – 202 734,4 млн руб. В 2014 г. ВРП Башкортостана составил 1 248 817,7 млн руб., что соответствует второму месту в ПФО, по данному показателю РБ уступает Республике Татарстан – 1 671 397,1 млн руб. [6, 515].

Особо не изменилась структура производства основных видов продукции сельского хозяйства. Объемы производства молока в Башкортостане в 2015 г. составили 1 812,3 тыс. тонн, потребление на душу населения – 316 кг, заметно превышая среднероссийский уровень (239 кг) – 3 место в РФ [6, 287].

Объемы производства мяса и мясопродуктов (то есть скота и птицы на убой) в 2015 г. в Башкортостане составляли 248,9 тыс. т. (в убойном весе), занимая 9 место в РФ, в Татарстане – 310,3 тыс. тонн – 5 место [4, 771]. При этом объем потребления мяса на душу населения в Башкортостане составлял всего лишь 75 кг (32 место по общему списку), тогда как в Татарстане – 79 кг (18 место). В Республике Марий Эл производство мяса в том же году составляло 207,0 тыс. т (15 место), а потребление находится на уровне 95 кг (4 место) [6, 771, 287].

Таким образом, несмотря на то, что Республика Башкортостан производит у себя многие продукты сельского хозяйства в достаточном объеме, объемы потребления некоторых продуктов первой необходимости в этом регионе намного ниже, чем в среднем по России.

По многим показателям производства продукции сельского хозяйства Башкортостан всегда входил в первую пятерку регионов. По таким показателям, как поголовье крупного рогатого

скота, надой молока, республика по Российской Федерации всегда была на первом или на втором месте, по валовому сбору зерна в разные годы в первой пятерке.

По объему промышленной продукции в Приволжском федеральном округе республика всегда занимала второе место, уступая лишь Татарстану.

Поэтому понятно некоторое недовольство руководителей развитых регионов, когда говорят о превышении налоговых нагрузок на бюджеты республик.

Таким образом, прошедшие годы «суверенизации» показали, что, несмотря на высокий промышленный потенциал, в республике многие социальные проблемы остались нерешенными. Республика Башкортостан по решению социальных проблем заметно отстает от других субъектов Российской Федерации, то есть эффективность управления социальной сферой оставляет желать лучшего. Одной из основных причин столь ощутимой разницы между производственным потенциалом и социальными проблемами, как показывает статистика, является неурегулированность межбюджетных отношений между республикой и федеральным центром.

Литература

1. Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века // Федерализм власти и власть федерализма. М., ТОО «ИнтелТех», 1997. С. 6–107.
2. Показатели социального развития Российской Федерации и ее регионов. М.: Республиканский информационно-издательский центр, Госкомстат РФ, 1993. 623 с.
3. Рахимов М.Г. Выступление Президента Республики Башкортостан на заседании Государственного Собрания РБ 2 августа 1999 г. // Советская Башкирия. 1999. 3 августа.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. 863 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.
7. Российская Федерация в 1992 г.: статистический ежегодник. М., 1993. 654 с.
8. Сафин Ф.Г. Принципы этнополитического развития Башкортостана (1988–1993 гг.). М., 1997. 376 с.
9. Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И. Нациестроительство в Российской Федерации: опыт Башкортостана (диахронный и синхронный анализ). Отделение ист.-филол. наук РАН; СПб.: ООО «Свое издательство», 2014. 264 с.
10. Фарукшин М. В России возникло уникальное явление – «унитарный федерализм» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/355943>
11. Федерализм власти и власть федерализма / Отв. ред. М.Н. Губогло. М., ТОО «ИнтелТех», 1997. 875 с.
12. Федоров Б. Заметки об очевидном. М.: Евразия, 1994. 144 с.
13. Может нам больше денег в федеральный бюджет собрать, а не отобрать у кого-то? [Электронный ресурс]. URL: <https://realnoevremya.ru/news/53267>
14. Эксперты ВШЭ поставили Башкирию на 46 место по «востребованности» вузов [Электронный ресурс]. URL: http://ufa.rbc.ru/ufa/21/07/2017/5971d0b79a7947f741c3ee87?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

К вопросу об оценке конкурентоспособности регионов

Л. СУЛТАНОВА

Развитие социально-экономических процессов в регионах в значительной степени влияет на их место и положение в национальной и мировой экономиках. При этом уровень развития региона зависит не только от внешних, но и от внутренних факторов, которые учитываются при определении конкурентных преимуществ и конкурентоспособности территории. Составляющие показателя конкурентоспособности региона имеют большое значение при выборе стратегии развития самого субъекта.

Изучение региональных особенностей проводилось как в «доперестроечное» время (при определении показателей эффективности капитальных вложений), так и после перестройки при оценке регионального инвестиционного климата (индексы Доу-Джонса, промышленной активности, БЕРИ, системы конъюнктурных опросов руководителей предприятий, Тейна-Уотерса, методики Гарвардской школы бизнеса, Котлера-Хейзлера, журналов «Euro money», «The Economist», «Fortune», и др.) [7].

Что касается последних лет, то следует отметить, что для оценки конкурентоспособности региона, как правило, используются различные отечественные либо специально адаптированные к российским условиям зарубежные методики. Исследование существующих методик оценки конкурентоспособности регионов позволило выделить ряд характерных для них черт:

– наличие системы разноплановых показателей, отражающих конкурентные преимущества территории, которые впоследствии объединяются в индекс конкурентоспособности на основе ранжирования и экспертных оценок. К сожалению, практика экспертных балльных оценок демонстрирует неизбежность субъективного подхода и сглаживания реального разброса региональных характеристик, вызванную в значительной мере неприменением крайних оценок. Еще один метод, применяемый при оценке конкурентоспособности региона, – статистические балльные оценки с использованием выбранной шкалы. Однако, как показывает практика, данный метод также не может в полной мере отражать степень дифференциации статистических показателей по регионам. Причина тому – неизбежно ограниченное число применяемых интервалов «разбивки» данных или заранее заданный диапазон балльных оценок. По существу, оба метода не в полной мере учитывают реальный разброс соответствующих фактических объективных характеристик;

– выделение наиболее значимых, ключевых показателей конкурентоспособности (качества и цены продукции, инвестиционной привлекательности и уровня жизни населения) и основанный на их логическом объединении по характеру влияния на конкурентоспособность расчет комплексного индекса;

– выявление позиций регионов в зависимости от их положения в матрицах оценки по характерным для конкурентоспособности показателям.

В.Н. Парахина и Л.И. Ушвицкий для оценки конкурентоспособности региона предложили использовать интегральный показатель конкурентоспособности, в основе которого лежат 22 показателя [7]. Поскольку данный показатель относительный, то он, как правило, не зависит от территории и численности проживающих в регионе. Использование относительных показателей позволяет наиболее объективно оценить субъекты по сравнению с объемными показателями, нивелируя межрегиональные различия в специализации. Авторы отмечают, что власти (государство), акцентируя внимание на решении выявленных проблем, благоприятно влияют на благосостояние работающих, уровень жизни населения и обеспечивают его рост. Эффективное

использование ресурсов с ростом вложений в основной капитал свидетельствует об уровне развития территории. А это, в свою очередь, отражает инвестиционную привлекательность региона.

Модель оценки конкурентоспособности регионов В.Н. Парахиной и Л.И. Ушвицкого имеет ряд преимуществ: сформулирована концепция оценки конкурентоспособности региона; показатели для оценки обоснованы, а информационная база для исследования является доступной. Предлагаемая методика апробирована. Отметим и недостаток данной методики: необходимо дополнение и обоснование перечня показателей, которые характеризуют конкурентоспособность регионов.

Критерии, позволяющие оценить уровень благосостояния и качество жизни населения, положены в основу определения конкурентоспособности региона В.Е. Андреевым [1]. В основу показателя конкурентоспособности региона заложен региональный рынок и механизм ценообразования на нем.

Автор ранжирует регионы по численным значениям каждого из частных показателей с последующим определением занимаемого места. Далее место, занятое регионом, перемножается на весовое значение каждого показателя, суммируется с другими значениями показателей и определяется итоговый ранг. Регион, у которого наименьшее количество баллов, является более конкурентоспособным.

В.Е. Андреев также отмечает необходимость анализа влияния факторов ценообразования на конкурентоспособность региона одновременно со стороны регионального спроса и регионального предложения. Необходимость такого анализа вызвана тем, что многие подходы не в полной мере учитывают все более возрастающее влияние таких факторов, что может привести к значительным погрешностям при формулировании выводов исследования. Конечной целью данного анализа должен стать вывод о конкурентоспособности региона, основанный на показателях, отражающих взаимосвязь ценообразования в различных секторах регионального рынка. Автор работы делает вывод, что в основе конкурентоспособности региона лежат уникальные, имеющие присущую только каждому из типов регионального рынка специфику и тесно взаимосвязанные между собой факторы ценообразования.

Следует согласиться с мнением В.Е. Андреева, что сбалансированность регионального спроса и регионального предложения обеспечиваются за счет факторов ценообразования, способствуя постоянному росту показателей конкурентоспособности региона только в тех регионах, где наиболее быстро, своевременно и в полном объеме проводится разумная экономическая политика, где региональные власти всячески поддерживают структурообразующие предприятия, не вмешиваясь при этом в их финансово-хозяйственную деятельность, и где отраслевая структура экономики адаптировалась к современным методам ведения бизнеса.

Автор работы отмечает, что для оценки конкурентоспособности региона могут быть выбраны как частные, так и интегральные показатели. Применение последних показателей обоснованно, если речь идет о формировании благоприятного имиджа территории, в обосновании его вклада в экономическое развитие страны в целом [1]. Что касается частных показателей, то они позволяют, по мнению автора, оценить конкурентоспособность территории по определенным направлениям и критериям. Таким образом, регионы, имея низкий уровень конкурентоспособности, могут быть конкурентными по отдельным показателям и привлекательными для потенциальных инвесторов.

Интегральный индекс конкурентоспособности региона В.Е. Андреева рассчитан на основе двух сводных индексов: конкурентоспособности предприятий региона и институционального развития региона [1]. Каждый из указанных индексов формируется за счет нескольких составляющих. Индекс институционального развития состоит из индексов, которые характеризуют степень влияния условий региональной экономики на функционирование предприятий данного региона. Индекс конкурентоспособности предприятий региона включает индексы, дающие характеристику влиянию экономического состояния исследуемых организаций на общеэкономические условия региона.

В основу расчетов сводных индексов положены частные индексы, которые, в свою очередь, формируются на основе социально-экономических показателей либо экспертных оценок.

Среди преимуществ методики В.Е. Андреева можно отметить наличие структурно-концептуального подхода к оценке конкурентоспособности региона и доступность информационной базы для проведения исследования. Предлагаемая методика апробирована. Среди недостатков рассматриваемой методики можно выделить тот факт, что основное внимание сосредоточено на ценообразовании, и необходима экспертная оценка, что может повлечь за собой некую субъективность при оценке конкурентоспособности региона.

В.В. Меркушов считает, что сопоставление интегрального показателя конкурентоспособности субъекта с аналогичным показателем региона-эталона даст возможность оценить уровень конкурентоспособности исследуемого региона [5]. Среди показателей, используемых для расчета, автором предложены следующие: показатели экономического потенциала, региональной эффективности и конкурентных преимуществ. Для оценки В.В. Меркушов использовал многомерные непараметрические методы, в частности, такие, как метод относительных разностей, метод «Паттерн».

Интегральная оценка конкурентоспособности регионов В.В. Меркушова характеризуется следующими преимуществами: методика обоснована, используется трехкомпонентная система показателей для оценки конкурентоспособности регионов, информационная база, необходимая для исследования, доступна. Предлагаемая методика апробирована. В качестве недостатка предлагаемой методики можно отметить отсутствие для оценки показателей социальной направленности и данная методика показывает только общее экономическое развитие территории.

Следует согласиться с А.В. Ермишиной в том, что конкурентоспособность региона – это не только наличие конкурентоспособных отраслей, но и создание условий для формирования и сохранения конкурентных преимуществ хозяйствующих субъектов со стороны региональных властей [2]. По мнению автора, кластеризация региона – основа его конкурентной устойчивости. А.В. Ермишина считает, что необходимо проводить анализ конкурентной устойчивости организаций региона, взаимоувязав его с конкурентной устойчивостью отрасли. Оценка предусматривает как качественный (исследование ресурсной базы), так и количественный анализ (на основе статистических показателей) конкурентной среды, а также выявление тех конкретных секторов экономики, в которых целесообразно создание и развитие кластеров.

Среди преимуществ методики оценки конкурентоспособности региона А.В. Ермишиной можно отметить обоснование методики и использование многофакторного анализа конкурентной устойчивости региона. Однако эта методика имеет ряд недостатков: так, она направлена исключительно на оценку потенциала кластеризации региона, кроме того, имеется ограниченный доступ к информационной базе, необходимой для исследования.

Л.С. Шеховцевой для оценки конкурентоспособности регионов предложена методика интегральной оценки стратегической конкурентоспособности. В основе рассматриваемого показателя предложен расчет среднегеометрических индексов социальной (на основе оценки уровня жизни по 4 показателям), инновационной (на основе оценки уровня инновационного развития по 4 показателям), инвестиционной (на основе оценки инвестиционной привлекательности по 4 показателям) и экономической (на основе оценки уровня экономического развития по 4 показателям) конкурентоспособности [8]. Несмотря на апробацию и доступность статистических данных для расчета предлагаемых индексов, данная методика требует коррекции и модификации в связи с изменением методики расчета отдельных показателей Росстатом. В частности, речь идет об уровне рентабельности активов промышленности и доли сферы услуг в ВРП.

М.А. Комарова, проведя анализ подходов к оценке конкурентоспособности региона в своей статье, приводит мнения Ф.Н. Клоцвог и И.А. Кушникова, которые оценку конкурентоспособности региона предлагают проводить на основе оценки его ресурсного потенциала, то есть такой величины конечного продукта или национального дохода, получение которого возможно при максимально эффективном использовании фактически имеющихся в регионе ресурсов [3].

В работе приводится мнение М.И. Муратовой, которая предлагает ранжировать регионы по уровню конкурентоспособности на основе многомерных группировок, не останавливаясь на использовании одного показателя [6]. М.И. Муратова на основе рассчитанных средних значений факторных признаков по кластерам разделяет регионы России на шесть однородных групп (кластеров). Следует отметить, что предложенные в работах методики оценки конкурентоспособности регионов имеют существенные недостатки: в них явно преобладают показатели уровня экономического развития, характерные для индустриальной стадии.

М.А. Комарова подчеркивает, что управленческие и информационные технологии, рыночная инфраструктура и квалификация людей – это основные факторы, которые влияют на экономический рост и повышают конкурентоспособность территории в постиндустриальной экономике [6].

По мнению М.А. Комаровой, рассматриваемые факторы были учтены в методике Н.И. Лариной и А.И. Макаевой при оценке конкурентоспособности регионов Сибирского федерального округа [4]. Авторы предложили для оценки индексы текущей и стратегической конкурентоспособности, в основе которых лежат расчеты индексов развитости инфраструктуры и коммуникационных систем, внешнеэкономической деятельности, инновационности [6].

Постановка проблематики и разработка методики, при которой целевые установки догоняющего развития меняются на цели опережающего развития национальной и региональной экономик, имеет неоценимое прикладное значение при оценке конкурентоспособности регионов.

Проанализировав методики оценки конкурентоспособности региона, изложенные в исследуемых работах, необходимо отметить следующее.

Во-первых, различные цели, поставленные при оценке, привели к развитию различных подходов к оценке конкурентоспособности региона.

Во-вторых, авторы рассмотренных методик солидарны в одном: показатель конкурентоспособности региона – это комплексный, многофакторный показатель. В зависимости от применяемого подхода и поставленных целей авторы предлагают различные группы показателей. Как правило, относительные показатели наиболее объективно оценивают регионы в отличие от объемных показателей, так как не зависят от численности проживающих в субъекте и размера территории.

В-третьих, использование экспертных оценок в методиках может иметь некую субъективность при определении конкурентоспособности регионов.

В-четвертых, несмотря на открытость статистических данных для оценки конкурентоспособности регионов, можно отметить изменчивость группировок данных и, соответственно, методики их исчисления, их корректировку в течение года, длительность исчисления отдельных показателей, что негативно сказывается на объективности сделанных выводов и использовании их при формировании текущей региональной политики по повышению конкурентоспособности территории.

В-пятых, выбор показателей, включаемых в интегральный показатель конкурентоспособности, зависит от объекта, субъекта оценки, от критериев и способов. Зачастую корректировка статистических данных приводит к необходимости корректировки самой методики оценки конкурентоспособности регионов, так как данные и показатели не сопоставимы.

Литература

1. Андреев В.Е. Конкурентоспособность региона и методика ее оценки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litsoch.ru/referats/read/290245/>
2. Ермишина А.В. Конкурентоспособность региона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cfin.ru/management/strategy/competitiveness.shtml>
3. Комарова М.А. О критериях конкурентоспособности региона // Пути и механизмы обеспечения конкурентоспособности российских регионов: сб. науч. тр. Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2007. 292 с.

4. Ларина Н.И., Макаева А.И. Кластеризация как путь повышения международной конкурентоспособности страны и регионов // ЭКО. 2006. № 10. С. 2–26.
5. Меркушов В.В. Интегральная оценка конкурентоспособности регионов // Региональная наука: сб. науч. тр. молодых ученых. Кн. 1. М.: СОПС, 2004. 288 с.
6. Муратова М.И. Роль конкуренции в микроэкономических процессах переходного периода. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 358 с.
7. Ушвицкий Л.И., Парахина В.Н. Конкурентоспособность региона как новая реальность: сущность, методы оценки, современное состояние // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Экономика». 2005. № 1 [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.ncstu.ru](http://www.ncstu.ru)
8. Шеховцева Л.С. Обоснование методики оценки конкурентоспособности российских регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 6. С. 31–37.

Механизм создания благоприятного инновационного климата региона

Н. КУЗЬМИНЫХ

В современных условиях благоприятные условия хозяйствования определяют эффективность инновационной деятельности и позволяют скорректировать направления развития и конкретизировать точки роста экономики регионов. В связи с введением санкционного режима на высокие риски, которые сопровождают инновационную деятельность в России, возникла острая необходимость поиска путей выхода из сложившейся ситуации и форсирования перехода на инновационный путь развития. В этой связи высокую актуальность приобретают вопросы формирования благоприятного инновационного климата региона.

Понятие и сущность инновационного климата региона. Сегодня многие ученые отождествляют понятия «инновационный климат» и «инновационная среда». Если анализировать рассматриваемые понятия с точки зрения географии, следует отметить, что климат характеризует погодные условия, а среда представляется в виде совокупности всех природных условий жизнедеятельности. С учетом того факта, что понятие «климат» является более узким, чем понятие «среда», климат является объективной частью среды, не подвергающейся влиянию человека, в отличие от окружающей среды, включающей взаимодействие с человеком. Климат имеет четкую географическую привязку и отражает свойства определенной географической местности, а среда привязана к сообществу людей, являясь условием его развития [4]. Таким образом, понятие «среда» шире понятия «климат», отражающего многолетний режим погоды, который характерен для данной местности в силу ее географического положения [6].

Таким образом, инновационная среда – это сфера деятельности, определяющая специфику и содержание инновационных процессов. Вместе с тем среда – это окружение, а «климат» – это условия, которые создают обстановку для осуществления деятельности. В этой связи инновационный климат представляется в виде «совокупности объективных экономических, социальных, политических, правовых и иных условий, которые создают или нет привлекательность для инноваций. При этом инновационный климат формируется из инновационной активности, инновационного потенциала, инновационного риска» [2; 3]. Инновационный климат региона –

Кузьминых Наталья Александровна, канд. экон. наук, доцент кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: kashatan@inbox.ru

Исследование выполнено в рамках гранта Республики Башкортостан молодым ученым и молодежным научным коллективам – 2017 на тему «Моделирование инновационного имиджа Республики Башкортостан в контексте реализации многопрофильных стратегических инициатив».

это объективная характеристика его внешней среды, отражающая взаимодействие макро-, мезо- и микроклимата, что обеспечивает развитие бизнес-процессов на основе создания и внедрения открытых инноваций.

Факторы и условия создания благоприятного инновационного климата региона. Как известно, факторы – это движущие силы создания благоприятного инновационного климата, причины, определяющие его характер, а условия – предпосылки, обязательные обстоятельства, определяющие побуждение к их реализации [2; 3].

Условиями создания благоприятного инновационного климата в современной экономике являются:

- наличие у бизнеса финансовых ресурсов на разработку и закупку технологий и нового оборудования. В условиях ограниченных собственных, заемных и привлеченных финансовых ресурсов проблематично продвигать идеи и воплощать их в жизнь. В связи с этим возникает необходимость проведения активной работы по привлечению инвестиционных средств при минимизации рисков, повышения инвестиционной привлекательности региональных социально-экономических систем;

- привлечение за счет высокой оплаты высококвалифицированных, инициативных и молодых специалистов. К сожалению, в Республике Башкортостан отток молодежи приводит к «кадровому голоду» в целом, не говоря о высококвалифицированных кадрах. В связи с этим только обеспечение достойной оплаты труда позволит вернуть кадры и удержать молодежь;

- наличие конкурентной среды. В данном случае не только межрегиональная конкуренция должна стимулировать создание и внедрение инноваций, но и межмуниципальная на территории региона. Бесспорно, в инновационной деятельности лидерами в Республике Башкортостан сегодня являются г. Уфа и г. Салават. Но создание здоровой конкуренции между всеми муниципальными образованиями позволит не только привлечь интерес, но и принять действенные меры по продвижению инноваций различными территориями.

При этом факторами, определяющими формирование благоприятного инновационного климата в современной экономике, являются следующие [1–3; 5]:

- глобализация конкуренции, вызывающая ускорение инновационных процессов;
- сложность и мультидисциплинарность инноваций;
- стоимость инноваций;
- рискованность инновационных проектов;
- интеллектуальная защищенность;
- сочетание различных технологий и рынков;
- увеличение мобильности и свободы высокообразованных профессионалов;
- доступность венчурного капитала;
- возможность выбора за пределами региона каких-либо не использованных другими регионами технологий.

Инструменты и принципы создания благоприятного инновационного климата региона. Стоит отметить, что механизм создания благоприятного инновационного климата основывается на принципах, которые позволяют эффективно создавать и внедрять открытые инновации, к которым относятся [1–3; 5]:

- принцип целеполагания на основе учета всесторонности развития инновационной деятельности;
- принцип комплексности методов при поиске, выборе и использовании открытых инноваций;
- принцип комбинирования внутренних идей и разработок внешних знаний;
- принцип диверсификации каналов выхода на рынок нового продукта через собственные сети, а также посредством системы сбыта внешних партнеров;
- принцип проектирования модели «обучающийся регион»;
- принцип обеспечения конкурентоспособности на основе повсеместной реализации инноваций;
- принцип сетевого сотрудничества и взаимодействия;

- принцип обеспечения эффективности на основе активизации инновационной деятельности;
- принцип преобладания интегрированных систем технологического развития («global-linked»);

- принцип мотивированности специалистов и восприимчивости инноваций потребителями.

С учетом этого предлагается механизм создания благоприятного инновационного климата региона на основе принципа реализации открытых инноваций в современной экономике, включающий следующие инструменты:

- инсорсинг и аутсорсинг технологий. Под инсорсингом технологий подразумевается «привлечение технологий для развития внутренних инновационных возможностей», под аутсорсингом – «передача технологий, разработанных внутри региона в целях развития рынка и использования технологии во внешней среде» [1; 5];

- бизнес-модели, с использованием которых определяются продукты и услуги, которые будут созданы инновационными региональными предприятиями [1; 5];

- эффективное взаимодействие науки, образования, производственной сферы на основе государственно-частного партнерства, что позволяет гармонизировать интересы всех участников инновационных процессов [1; 2; 5];

- вовлечение общества в обменные процессы, включенность членов общества в механизм формирования и диффузии инноваций для активизации инновационной деятельности [1; 5];

- нормативно-правовое обеспечение соответствующими документами, позволяющими создавать благоприятные условия хозяйствования для осуществления инновационной деятельности, реализации стратегических инициатив, программ инновационного развития;

- информационное обеспечение, подразумевающее инструментарий упорядочивания связей, формирования информационного поля создания и внедрения инноваций, увеличение скорости принятия и реализации управленческих решений;

- защита интеллектуальной собственности посредством реализации мер по предупреждению и ликвидации последствий незаконного распространения и использования интеллектуальной собственности.

Таким образом, создание благоприятных условий хозяйствования обеспечит не только усиление позиций региона на федеральном уровне, но и на мировой арене. Поскольку механизм формирования благоприятного инновационного климата региона подразумевает совокупность методов, способов, факторов, условий и инструментов, обеспечивающих создание, внедрение и диффузию инноваций во всех сферах экономической деятельности. При этом все элементы механизма должны работать во взаимодействии между собой, а не условно существовать разрозненно.

Литература

1. Казакова О.Б., Кузьминых Н.А. Мировой опыт реализации открытых инноваций // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 32. С. 62–66.

2. Кузьминых Н.А. Механизм управления инновационным развитием социально-экономических систем в современных условиях. М.: Изд-во «Палеотип», 2013. 168 с.

3. Кузьминых Н.А. Формирование и оценка инновационного климата // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 4. С. 132–135.

4. Трофимов В.М. К вопросу о понятиях «инновационная среда» и «инновационный климат» в современной экономической науке // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2011. № 6.

5. Kuzminykh N.A., Kazakova O.B. Mechanism for the implementation of open innovation in the modern economy // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2017. SGEM 2017 Conference Proceedings, August 24-30; Book 1. Modern science, Vol. IV. Pp. 487–492.

6. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%EB%E8%EC%E0%F2>

Реализация социальной политики по защите и поддержке граждан пожилого возраста в Республике Башкортостан

Я. СКРЯБИНА

Демографическое старение населения является глобальной демографической проблемой. При этом многие развитые страны оказались не готовы к старению населения. Данный демографический процесс происходит по двум типам: старение снизу как результат снижения рождаемости и сверху – как результат увеличения средней продолжительности предстоящей жизни, уменьшения смертности в старших возрастах в условиях низкой рождаемости. В Республике Башкортостан, как и в целом в России, в отличие от большинства развитых стран увеличение численности и доли населения старше трудоспособного возраста происходит в результате не столько увеличения продолжительности жизни, сколько за счет сокращения молодых возрастных групп вследствие низкой рождаемости, то есть старение снизу. В целом с проблемой увеличения численности и удельного веса старших возрастных групп сталкиваются все регионы мира [7].

Определим степень старения населения Республики Башкортостан. В соответствии со шкалой польского демографа Э. Россета¹ коэффициент старения для нашего региона на начало 2016 г. составляет 18,5 %, что свидетельствует о высоком уровне старения населения. По методике ООН данный коэффициент, рассчитанный в отношении пожилых людей в возрасте 65 лет и старше, составляет 12,4 %, что также характеризует население республики как старое. Последствия старения окажут влияние, во-первых, на экономическое развитие – усилится нагрузка на пенсионную систему, так как увеличивается доля тех, кому надо платить пенсию, и сокращается доля тех, кто делает взносы в пенсионную систему; рынок товаров и услуг должен подчиниться спросу пенсионеров; во-вторых, на системы здравоохранения – пожилые люди чаще болеют и нуждаются в специализированной медицинской помощи; в-третьих, на демографическое развитие – растет доля одиноких пожилых людей.

Социальная политика по защите и поддержке пожилых людей в Республике Башкортостан в целом соответствует принципу ООН сделать жизнь лиц преклонного возраста полноценной. В республике реализуются долгосрочная целевая программа «Социальная поддержка граждан в Республике Башкортостан», подпрограмма «Старшее поколение» и др., которые определяют меры социальной поддержки гражданам пожилого возраста. Эффективность социальной политики в отношении лиц старшего возраста оценивается повышением качества жизни пожилых людей через продление активного долголетия, повышением уровня их материального обеспечения, доступностью и качеством социально-медицинских услуг, созданием удобной, комфортной для пожилых людей социальной инфраструктуры.

Процесс старения населения, который получит дальнейшее развитие, так как в группу людей старшего возраста начнут вступать многочисленные поколения послевоенных лет, требует корректировки мер государственной социальной политики в отношении пожилых людей, поскольку в настоящее время не обеспечивается достаточно высокий уровень и качество их жизни. Размер пенсий не позволяет пенсионерам полностью удовлетворить их физиологические и духовные потребности. Существуют серьезные проблемы в их медицинском, жилищно-бытовом обеспечении. Пожилые люди не имеют возможности приобрести дорогостоящие лекарственные

Скрябина Яна Альбертовна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

¹ Коэффициент старения представляет собой удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения.

средства, посетить квалифицированных специалистов-медиков. Недостаточный размер пенсий в условиях все большей «платности» медицинских услуг вынуждает большую часть пенсионеров отказываться от дорогостоящего медицинского обследования и лечения.

В целом оценить эффективность социальной политики по защите и поддержке пожилых людей сложно. Если оценивать ее по пятибалльной шкале, то, скорее всего, это 3 балла.

Сегодня социальная политика, средства массовой информации (СМИ) в недостаточной степени работают на перспективу, поскольку практически не учитывается, что проблемы пожилых людей кроются в том числе в изменении демографического поведения населения, выражающемся в увеличении возраста вступления в первый брак, переходе семей на малодетность, повышенной смертности мужчин, высокой миграционной подвижности молодежи. СМИ необходимо больше говорить о пожилых: об их жизни, быте, об основных проблемах современных пожилых людей – здоровье и одиночестве, о низком уровне жизни.

Часто встает вопрос – кто должен заботиться о пожилых: государство, бизнес, общество или же семья?

В любой семье рано или поздно наступает момент, когда престарелые родители становятся слабыми и требуют постоянного ухода. Пожилым людям в связи с возрастными изменениями свойственно часто болеть, испытывать затруднения, связанные с ведением домашнего хозяйства и самообслуживанием.

В 2017 г. в Башкортостане вступил в действие закон о приемных семьях для граждан пожилого возраста и инвалидов [4], который направлен на повышение качества жизни граждан пожилого возраста и инвалидов, создание условий для получения ими постоянного постороннего ухода в домашних условиях, профилактику социального одиночества и регулирует отношения, связанные с организацией деятельности приемных семей для граждан пожилого возраста и инвалидов. Основная цель – развитие альтернативных форм ухода за пожилыми людьми. По словам министра семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан Л. Ивановой, до конца 2017 года у нас будет больше 100 таких приемных семей [1].

Решит ли это проблему пожилых людей, нуждающихся в социальном обслуживании? На начало 2016 г. в Башкортостане насчитывалось 927 тыс. человек [3, 22, 26–27] в возрасте старше трудоспособного, в том числе в возрасте старше 65 лет 507 тыс. человек (54,7 %). Каждый пятый из лиц в возрасте старше трудоспособного (то есть примерно 185 тыс. пожилых людей) является одиноким и нуждается в постоянном постороннем уходе.

Конечно, приемная семья позволит гражданам пожилого возраста сохранить привычный образ жизни, преодолеть чувство одиночества, получить необходимый уход и поддержку, но это не решит проблему социального обслуживания пожилых людей.

На наш взгляд, необходимо активизировать создание коммерческих специализированных домов для лиц старше 65 лет. Такие дома должны быть небольшими, комфортабельными, иметь обслуживающий персонал, который следит за здоровьем и питанием пожилых граждан, должна быть обеспечена возможность самостоятельного приготовления пищи, совместного проведения досуга. Полезно изучить зарубежный опыт, например, Швеции, Голландии. В условиях роста доли пожилого населения, которая в 1990 г. составила 17,7 %, на 01.01.2017 г. – 23,4 % будущее за небольшими стационарами семейного типа для пожилых людей.

В качестве альтернативы приемным семьям также могут стать дневные центры пребывания пожилых людей, родственники которых в дневное время заняты на работе и, соответственно, не могут полноценно ухаживать за своими пожилыми родителями; необходимо развивать патронажные службы на дому.

Полезно рассмотреть возможности расширения государственно-частного партнерства в социальной сфере. Так, в деревне Ирсаево Мишкинского района создан негосударственный пансионат стационарного социального обслуживания для пожилых и инвалидов на 25 койко-мест [2]. Концессионером выступил ООО Центр социального обслуживания населения «Семья».

Необходимо развивать меценатство – материальную или иную другую безвозмездную поддержку со стороны физических лиц, благотворительность и волонтерство в отношении пожилых людей.

Пожилым людям необходима специализированная медицинская помощь, поскольку по мере старения отчетливее проявляются хронические заболевания, возникают возрастные проблемы со здоровьем, в том числе проблемы с психическим здоровьем. В поликлиниках надо создавать геронтологические кабинеты, обучать специалистов для оказания медицинской помощи лицам в преклонном возрасте.

Поддержка государства, бизнеса, общества – это хорошо. Но все-таки пожилые люди должны опираться на помощь детей. К сожалению, поздние браки, малодетность, сверхсмертность мужчин в трудоспособном возрасте, миграция молодежи обостряют проблему одиночества пожилых людей, особенно одиноких пожилых женщин, проживающих в сельской местности Башкортостана. К сожалению, не все престарелые родители могут рассчитывать на необходимые им содействие, заботу, поддержку со стороны их родственников по разным причинам.

Одним из приоритетных направлений Мадридского международного плана действий в области старения населения является интеграция и участие лиц пожилого возраста в жизни общества. Это значит, что пожилые люди должны иметь возможность участвовать в развитии общества. Они вносят огромный вклад в социально-экономическую деятельность и играют важную роль в семье, в обществе.

Пожилые люди – это неотъемлемая часть населения и быстрорастущая социально-демографическая группа, поэтому решение таких актуальных проблем данной категории населения, как сохранение здоровья, улучшение уровня и качества жизни, проблема одиночества, стимулирование активного долголетия, должны стать приоритетными направлениями государственной социальной политики в отношении граждан пожилого возраста. В феврале 2016 г. утверждена Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года [8] (далее – Стратегия), которая предусматривает участие субъектов Российской Федерации в решении проблем, связанных со старением населения, а также активное привлечение к решению этих проблем неправительственных организаций и волонтеров.

За реализацию Стратегии в Республике Башкортостан отвечает Министерство семьи, труда и социальной защиты населения республики. В Башкортостане мероприятия, направленные на повышение качества жизни пожилых людей, активно проводятся с 2011 года, то есть за пять лет до утверждения российской стратегии. К мероприятиям можно отнести: программу «Народный университет третьего возраста», подпрограмму «Развитие социального туризма», республиканские Спартакиады пенсионеров, республиканский фестиваль творчества людей старшего поколения «Я люблю тебя, жизнь!», универсальные выставки «50 плюс. Все плюсы зрелого возраста», увеличение количества получателей бесплатных услуг в сфере социального обслуживания и др.

Участие в социальной, экономической, культурной, спортивной, развлекательно-оздоровительной, образовательной деятельности способствует повышению и поддержанию личного благосостояния и душевному, психологическому комфорту пожилых людей.

В рамках государственной программы «Социальная защита населения Республики Башкортостан» предусматривается обучение граждан пожилого возраста новым знаниям, умениям и навыкам. Например, обучение основам компьютерной грамотности, обучение иностранным языкам, основам лечебной физкультуры, основам кулинарии, садоводства и др. К сожалению, в последние годы ряд предприятий прекратил бесплатное обучение пожилых людей.

Одно из основных направлений государственной поддержки граждан старшего поколения предусматривает доступ к посильной трудовой занятости, гарантии в части условий и оплаты труда, недопущение при трудоустройстве предвзятого отношения по возрастному признаку. Анализ структуры трудовых ресурсов [6] показал, что экономическая активность лиц в возрасте старше трудоспособного имеет тенденцию к росту: за период 2002–2010 гг. доля экономически активных лиц в возрасте 60–64 лет в общей численности населения данного возраста

в Башкортостане возросла с 14 % до 20 %, в России – с 20% до 31,5 %. Экономическая активность пенсионеров сдерживается в республике по таким причинам, как приоритет трудоустройства молодежи, высокая доля сельского населения и распространенность садоводчества.

В условиях сокращения численности лиц в трудоспособном возрасте нарастающими темпами возникнет потребность в привлечении к трудовой деятельности пенсионеров. По сравнению с 2010 г. в 2017 г. численность трудоспособного населения в республике уменьшилась на 250 тыс., по расчетам, к 2020 г. уменьшится на 350 тыс., к 2025 г. – на 460 тыс. человек (при условии нулевой миграции и базовых коэффициентах естественного движения). Динамика изменения удельного веса населения в трудоспособном возрасте и старшего трудоспособного представлена на рисунке.

С такой ситуацией экономика республики сталкивается впервые. В складывающихся демографических условиях население старших возрастов может стать одним из реальных источников покрытия дефицита рабочей силы. Потребность работодателей в использовании труда пожилых людей будет нарастать из-за нехватки рабочих ресурсов.

В условиях наступающего дефицита трудовых ресурсов правительству придется принимать меры по стимулированию занятости пенсионеров. Кроме того, следует учитывать, что современная молодежь в отличие от людей среднего и старшего возраста предпочитает работать без продления трудовых отношений.

Возраст 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин дает право на пенсионное обеспечение, но не является верхним пределом трудоспособности. Если пенсионеры по возрасту обладают определенной трудоспособностью и имеют удовлетворительное состояние здоровья, то они могут продолжать работать. Таким образом, мужчины в возрасте 60–72 лет и женщины в возрасте 55–72 лет – это дополнительный источник трудовых ресурсов, но при этом следует иметь в виду, что только определенная их часть сможет трудиться. Какая-то часть граждан данного возраста неспособна трудиться в связи с неудовлетворительным состоянием здоровья, кто-то – в силу преклонного возраста, кто-то будет занят домашними, семейными делами. Возможны и иные причины.

Удельный вес населения Республики Башкортостан в возрасте старше трудоспособного, 2010–2016 гг. – факт, 2017–2031 гг. – прогноз, на начало года

Для исследования проблемы привлечения в сферу экономики труда лиц в пенсионном возрасте недостаточно данных официальной статистики, которые не позволяют определить реальные социально-экономические и организационные условия привлечения данной демографической группы населения к трудовой деятельности, требуется использование социологических методов. Так, в 2014 г. проведено исследование «Проблемы привлечения и использования труда лиц пенсионного возраста, их переподготовки в Республике Башкортостан» [5]. Результаты исследования позволили сделать следующие выводы. Почти 43 % пожилого населения республики продолжает трудиться после выхода на пенсию. Низкая материальная обеспеченность доминирует среди основных причин желания работать после выхода на пенсию. Основными причинами, по которым они продолжают работу, являются стремление материально помочь детям, внукам; интерес к работе, желание работать; желание избежать одиночества, быть на людях, в коллективе.

Продолжение трудовой деятельности действительно помогает пенсионерам в значительной степени компенсировать низкую пенсию. Однако занятость пенсионеров зависит не только от их желания и мотивации, но и от их трудового потенциала, то есть возможностей трудоустроиться, конкурентоспособности на рынке труда. Так, 20 % работодателей вообще не рассматривают лиц пенсионного возраста в качестве работников на своем предприятии; 25 % – всегда рады видеть в рядах своих сотрудников людей пенсионного возраста; 27 % – принимают их в порядке исключения.

Наиболее заинтересованы в пенсионерах такие отрасли, как гостинично-ресторанный бизнес, ЖКХ, обрабатывающее производство, торговля, строительство. Интерес к использованию труда пенсионеров в обрабатывающей отрасли связан с острой потребностью в опытных и квалифицированных работниках.

Такие отрасли, как здравоохранение, образование, государственное управление и транспорт, заинтересованы в трудоустройстве пенсионеров, потому что из-за низкой заработной платы эти сферы деятельности не привлекательны для молодых специалистов.

Наименее заинтересованы в привлечении пенсионеров предприятия финансовой сферы, энергетики и добывающей промышленности. Очень малое число вакансий предусмотрено для пенсионеров на должности квалифицированных специалистов в области экономики, управления и юриспруденции или технических специалистов.

Из-за дефицита квалифицированных рабочих (токарей, фрезеровщиков, электрогазосварщиков, станочников, электриков и т.д.) наблюдается достаточно большой спрос на пенсионеров рабочих профессий с высокой квалификацией.

Еще выше спрос на вакансии неквалифицированных рабочих и обслуживающего персонала (неквалифицированные рабочие, дворники, уборщики, вахтеры, почтальоны, охранники, грузчики и т.д.), что объясняется не общим высоким спросом на эти профессии, а низким уровнем оплаты труда, не позволяющим привлечь на эти рабочие места молодежь.

Фактически реальная структура занятости пенсионеров выглядит следующим образом:

- большинство пенсионеров (42 %) заняты в сфере экономики и управления (это руководители высшего и среднего звена, экономисты, бухгалтеры, специалисты отделов и т.д.);
- меньшее пенсионеров (23 %) работает в сфере социальных услуг (образование, здравоохранение, культура);
- в качестве неквалифицированного персонала работает 20 %;
- на долю рабочих приходится всего 12 %.

С одной стороны, пенсионеры работают не в тех сферах, где они наиболее востребованы, а там, где они смогли удержаться. С другой стороны, работодатели в целом наиболее заинтересованы в привлечении неквалифицированных или квалифицированных рабочих, а не квалифицированных специалистов умственного труда.

На наш взгляд, следует совершенствовать мероприятия государственной социальной политики в отношении пожилых людей в таких направлениях, как развитие современных форм

социального обслуживания пожилого населения, создание гериатрических центров в целях укрепления здоровья пожилых, открытие небольших домов, центров временного, дневного пребывания, формирование условий для организации досуга пожилых людей, привлечение к труду лиц пенсионного возраста и др.

Старшее поколение имеет высокий образовательный, квалификационно-профессиональный потенциал, знания, трудовые навыки, устойчивые социальные убеждения и положительную мотивацию к труду. Пожилые люди – это не обременительный балласт для семьи, работодателя, общества и государства, а ценный человеческий ресурс, которому необходимо создать достойные социально-экономические условия жизни и который необходимо научиться эффективно использовать.

Литература

1. Больше 100 пенсионеров до конца 2017 года попадут в приемные семьи [Электронный ресурс]. URL: <http://rb7.ru/news/185710>
2. Глава Башкортостана ознакомился с работой пансионата в деревне Ирсаево Мишкинского района [Электронный ресурс]. URL: <http://mintrudrb.ru/press/news/16933/>
3. Демографические процессы в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостан-стат, 2017.
4. Закон Республики Башкортостан от 20.12.2016 № 432-з «О приемных семьях для граждан пожилого возраста и инвалидов в Республике Башкортостан» // «КонсультантПлюс».
5. Использование труда населения третьего возраста в условиях сокращения трудовых ресурсов: препринт / Отв. ред. А.М. Гарейшина, Р.Р. Яппарова. Уфа: Мир печати, 2016. 96 с.
6. Постановление об утверждении Концепции управления трудовыми ресурсами Республики Башкортостан на период до 2025 года от 29.08.2019 № 354 // «КонсультантПлюс».
7. Развитие в условиях старения населения мира [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf
8. Распоряжение Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 164-р «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» // «КонсультантПлюс».

Показатели эффективности экономики региона

И. СИНГИЗОВ, Н. СИНГИЗОВА

Эффективное функционирование региональной социально-экономической системы выступает одной из главных задач в деятельности органов государственной власти региона – субъекта Российской Федерации. На эффективность экономики региона оказывают влияние различные факторы, в том числе географическое положение региона, структура региональной экономики и сложившиеся макроэкономические пропорции в рамках территориального разделения труда и хозяйственной специализации регионов, эффективность системы управления региональным развитием [5; 6].

С точки зрения количественной оценки традиционно эффективность определяется путем соотношения достигнутых результатов и соответствующих затрат или ресурсов. При этом если рассматривать региональный уровень хозяйствования, следует отметить, что для измерения

Сингизов Ильдус Юлаевич, канд. экон. наук, доцент кафедры макроэкономического развития и государственного управления Института экономики финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: singizov@mail.ru

Сингизова Наркас Байрасовна, старший преподаватель кафедры общей экономической теории ИНЭФБ БашГУ. E-mail: Narkesochka@mail.ru

эффективности развития экономики региона в литературе предлагаются разнообразные обобщающие и частные показатели, такие как соотношение объема валового регионального продукта (ВРП) с величиной затрат (например, материальных затрат, амортизационных отчислений, заработной платы), ВРП на душу населения, производительность труда, фондоотдача, трудоемкость, фондоемкость и материалоемкость продукции, рентабельность общего капитала и др. [1, 138–139; 2, 104; 7, 437–438].

В настоящей статье в целях исследования эффективности экономики регионов Приволжского федерального округа будут рассмотрены такие частные показатели эффективности, как производительность общественного труда и фондоотдача. На наш взгляд, данные показатели являются наиболее значимыми индикаторами эффективности региональной экономики, поскольку они характеризуют эффективность затрат живого и овеществленного труда как важнейших факторов производства. В качестве информационной базы будут использованы официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата) за 2015 год [3; 4].

Производительность общественного труда рассчитывается путем деления объема ВРП (валовой добавленной стоимости в основных ценах) на среднегодовую численность занятых в экономике региона. Фондоотдача может быть определена как соотношение объема ВРП и среднегодовой стоимости основных фондов по полной учетной стоимости. Результаты расчета значений указанных показателей эффективности представлены в таблице 1.

Таким образом, данные таблицы 1 характеризуют значительную дифференциацию регионов по уровню производительности труда и фондоотдачи. Так, по производительности общественного труда соотношение между максимальным (1014,7 тыс. руб./чел. по Республике Татарстан) и минимальным (442,3 тыс. руб./чел. по Кировской области) значениями показателя составляет 2,3 раза. Соотношение между наиболее высоким (0,546 руб./руб. по Республике Башкортостан) и наиболее низким (0,363 руб./руб. по Чувашской Республике) значениями фондоотдачи в 2015 году достигает 1,5 раза. Подобные соотношения характеризуют существенные различия между регионами федерального округа по эффективности их экономик и уровню социально-экономического развития. В масштабах страны в целом данные различия становятся еще более очевидными.

Таблица 1

**Производительность общественного труда и фондоотдача по субъектам
Приволжского федерального округа за 2015 год**

Регион	Производительность общественного труда, тыс. руб./чел.	Фондоотдача, руб./руб.
Приволжский федеральный округ	709,3	0,451
Республика Башкортостан	748,6	0,546
Республика Марий Эл	543,8	0,480
Республика Мордовия	516,4	0,373
Республика Татарстан	1014,7	0,499
Удмуртская Республика	679,2	0,494
Чувашская Республика	453,9	0,363
Пермский край	841,1	0,377
Кировская область	442,3	0,403
Нижегородская область	647,7	0,431
Оренбургская область	758,0	0,446
Пензенская область	510,7	0,367
Самарская область	824,8	0,472
Саратовская область	527,0	0,418
Ульяновская область	516,8	0,470

Рассчитано на основе данных Росстата [3; 4, 109, 542].

В целях выявления различий в эффективности экономического развития исследуемых регионов важным представляется проведение группировки субъектов Приволжского федерального округа по уровню эффективности с выделением групп регионов с высоким, средним и низким уровнем производительности труда и фондоотдачи (табл. 2).

Таблица 2

Распределение субъектов Приволжского федерального округа по уровню производительности общественного труда и фондоотдачи

Группы регионов по уровню производительности общественного труда, тыс. руб./чел.	Группы регионов по уровню фондоотдачи, руб./руб.		
	0,363–0,424 (низкий уровень)	0,424–0,485 (средний уровень)	0,485–0,546 (высокий уровень)
442,3–633,1 (низкий уровень)	– Республика Мордовия; – Чувашская Республика; – Кировская область; – Пензенская область; – Саратовская область	– Республика Марий Эл; – Ульяновская область	
633,1–823,9 (средний уровень)		– Нижегородская область; – Оренбургская область	– Республика Башкортостан; – Удмуртская Республика
823,9–1014,7 (высокий уровень)	– Пермский край	– Самарская область	– Республика Татарстан

Рассчитано на основе таблицы 1 по данным Росстата [3; 4, 109, 542].

В результате распределения сформированы следующие группы субъектов федерального округа:

- группа регионов с высокоэффективной экономикой (Республика Татарстан);
- группа регионов с эффективностью экономики выше среднего уровня (Республика Башкортостан, Удмуртская Республика и Самарская область);
- группа регионов со средней эффективностью экономики (Нижегородская и Оренбургская области);
- группа регионов с эффективностью ниже среднего уровня (Республика Марий Эл и Ульяновская область);
- группа регионов с низкоэффективной экономикой (Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская, Пензенская и Саратовская области).

Отдельную группу при этом составляет Пермский край, экономика которого характеризуется сочетанием высокого уровня производительности общественного труда и низкой фондоотдачи.

Как было отмечено выше, на эффективность экономического развития регионов оказывают воздействие разнообразные факторы, в том числе структура региональной экономики. В свою очередь, структуризация экономики региона может быть проведена по различным признакам. При этом одним из наиболее значимых признаков, по нашему мнению, выступает отраслевая структура ВРП (или валовой добавленной стоимости), которая наглядно отражает специализацию региона и качественное состояние его экономики, а также вклад каждой отрасли в производимый валовой продукт. Поскольку ВРП представляет собой центральный макроэкономический показатель, характеризующий конечный результат экономической деятельности за период времени в масштабах всего региона – субъекта Российской Федерации, отраслевая структура ВРП является важнейшей характеристикой структуры экономики региона.

Анализ отраслевой структуры валовой добавленной стоимости Приволжского федерального округа, по официальным статистическим данным за 2015 год, показал, что в первую тройку видов экономической деятельности по вкладу в производство ВРП округа входят «Обрабатывающие производства» (23,7 % от общего объема валовой добавленной стоимости в основных ценах),

«Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» (12,9 %) и «Добыча полезных ископаемых» (12,7 %) [3].

Если же рассматривать отраслевую структуру экономики входящих в федеральный округ субъектов, то можно отметить, что в 11 из 14 регионов наибольший удельный вес имеет вид деятельности «Обрабатывающие производства». В остальных трех регионах округа (Республика Татарстан, Удмуртская Республика и Оренбургская область) данный вид деятельности уступает первое место виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых». Данным фактом отчасти объясняется тот факт, что Республика Татарстан (с долей по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых», составляющей 21,6 %), Удмуртская Республика (25,3 %) и Самарская область (16,2 %) входят в число регионов с высоким уровнем экономической эффективности или с уровнем данного показателя выше среднего. В свою очередь, это обусловлено тем, что добыча полезных ископаемых – это вид деятельности с самым высоким уровнем производительности труда. Что касается Республики Башкортостан, также входящей в группу регионов с эффективностью экономики выше среднего уровня, то на высокие позиции Башкортостана оказал влияние вид деятельности «Строительство», который замыкает тройку отраслей с самой большой долей в структуре валовой добавленной стоимости. В этой связи следует отметить, что строительство занимает второе место после торговой сферы в рейтинге видов экономической деятельности по уровню фондоотдачи.

Для группы регионов с низкокэффективной экономикой (Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская, Пензенская и Саратовская области) характерна высокая доля вида деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» по вкладу в производство ВРП. При этом сельское хозяйство как отрасль экономики отличается высоким уровнем трудоемкости производимой продукции.

Таким образом, проведенное исследование показало, что сложившаяся структура экономики региона оказывает воздействие на эффективность региональной экономики. Структура экономики формируется под влиянием исторических, природных, географических, политических, социально-экономических, организационно-технических условий и факторов, и в одночасье она не может быть изменена в целях повышения эффективности экономики региона. Однако необходимыми представляются системная проработка и реализация мероприятий, направленных на повышение производительности труда и фондоотдачи в отдельных отраслях региональной экономики.

Литература

1. Воспроизводственный потенциал Приволжского и Уральского федеральных округов: монография / под общ. ред. К.Н. Юсупова и А.В. Янгирова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 272 с.
2. Комарова В.В. Инструментарий оценки и анализа эффективности экономики региона // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 1. С 103–107.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.
5. Сингизов И.Ю., Сингизова Н.Б. К вопросу об эффективности деятельности органов государственной власти // Торговля, предпринимательство и право. 2017. № 1. С. 36–41.
6. Сингизова Н.Б., Сингизов И.Ю. Структурные изменения в экономике регионов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 3. С. 65–71.
7. Стратегическое управление: монография / под ред. В.П. Орешина. М.: МАТИ, 2010. 826 с.

Модернизация системы здравоохранения – необходимая составляющая стратегии устойчивого развития региона

Л. ЖАМАЛОВ, М. МИНАСОВ

Здравоохранение – это важнейшая часть региональной экономической системы, которая характеризуется сложными социально-экономическими процессами, развивающимися в ходе реализации мер по сохранению физического и психического здоровья населения, продления их жизни и оказания ему эффективной медицинской помощи при утрате здоровья.

Республика располагает развитой сетью государственных и муниципальных учреждений, оказывающих первичную, специализированную и высокотехнологичную медицинскую помощь. Государственные гарантии по охране здоровья граждан обеспечивают 200 лечебно-профилактических учреждений, из них 7 федерального, 33 республиканского и 160 муниципального значения.

В региональной системе здравоохранения занято 87 тыс. человек, в том числе 46 тыс. врачей и более 41 тыс. работников, имеющих среднее медицинское образование.

В 2016 году мероприятия программы «Земский доктор» позволили увеличить количество докторов еще на 150 человек, программы «Земский фельдшер» – способствовали привлечению 70 средних медицинских работников.

Региональная система здравоохранения руководствуется следующими законодательными актами: «Кодекс об охране здоровья граждан Республики Башкортостан», федеральный закон «О медицинском страховании граждан», «Кодекс о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «Семейный кодекс», законы «О государственной поддержке многодетных семей», «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства», «О социальной защите инвалидов», «Об основных гарантиях прав ребенка», «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней человека» и др.

В 2016 году объем финансирования системы здравоохранения Республики Башкортостан составил более 53 млрд рублей. На укрепление материальной базы медицинских учреждений направлено более 2,3 млрд рублей. В том числе в рамках Республиканской адресной инвестиционной программы профинансировано 17 объектов с общим объемом капитальных вложений более 2 млрд рублей. В рамках Республиканской целевой программы «Доступная среда» профинансированы мероприятия общим объемом 34 млн рублей.

В учреждениях системы здравоохранения задействовано 993 единицы дорогостоящего медицинского оборудования, полученного в рамках федеральных и республиканских программ. Только в 2016 году за счет бюджетных средств была приобретена 91 единица оборудования на сумму 117,5 млн рублей.

Объемы высокотехнологичной медицинской помощи за последние три года увеличились в три раза. В 2016 году проведено более 16 тысяч операций на сумму свыше 2 млрд рублей.

Продолжена диспансеризация групп взрослого населения. За 3 года осмотрено более 2 млн человек. Из них практически здоровыми были признаны 25 %, у остальных выявлены различные риски заболеваний, в том числе 38 % имеют высокие риски заболеваний, 36 % – хронические заболевания.

Также можно отметить, что в 2016 году были внедрены компоненты по мониторингу показателей деятельности медицинских организаций. В контакт-центр в 2016 году поступило более 2,5 млн звонков, что в 3 раза превышает уровень 2015 года.

Жамалов Линар Маратович, магистрант Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ)

Минасов Марат Шамильевич, канд. экон. наук, профессор кафедры экономической теории и социально-экономической политики БАГСУ. E-mail: minasov-bagsu@mail.ru

Увеличение сети частных медицинских учреждений региональной системы здравоохранения за последние годы связывается с формированием в гражданском обществе среднего класса, расширением круга работодателей, увеличением числа высокооплачиваемых рабочих мест. При этом считается, что частная система здравоохранения сдерживает монополизацию медицинской деятельности и способствует развитию конкурентной среды, стимулирует внедрение новых ресурсосберегающих технологий, обеспечивающих оптимальное сочетание цены и качества медицинских услуг.

Вместе с тем, на отмеченном, казалось бы, относительно благоприятном для здравоохранения фоне в республике наметился рост числа умерших и снижение числа родившихся граждан. В 2016 году по причине заболеваний системы кровообращения умерло 535 чел. на 100 тысяч населения, в дорожно-транспортных происшествиях погибло 14,6 чел. на 100 тысяч населения, по причине туберкулеза – 7,4 чел. на 100 тысяч населения, младенческая смертность составила 7,3 чел. на 1000 родившихся живыми.

Стоит подчеркнуть, что в Республике Башкортостан в течение предшествующих пяти лет смертность от болезней системы кровообращения снизилась на 21 %.

Увеличился на 6,4 % показатель смертности от новообразований, за 2016 год значение этого показателя составило 161,8 чел. на 100 тысяч населения, на фоне снижения смертности от дорожно-транспортных происшествий на 23 %.

За первые четыре месяца 2017 года в Башкирии из жизни ушло 17 159 человек, и чаще всего люди умирали от болезней системы кровообращения, от инсультов и инфарктов погибли 7 315 человек. Далее идут различные виды рака – 2 333 человек, тройку замыкают болезни органов дыхания.

Кроме того, жители Башкирии умирают от болезней пищеварительной системы, инфекций, туберкулеза, несчастных случаев и отравления алкоголем. В этом году совершено 78 убийств и самоубийств (269 человек).

Таким образом, все вышеизложенное свидетельствует о том, что в системе здравоохранения формируются негативные тенденции, являющиеся следствием накопившихся проблем, в том числе в системе организации и управления здравоохранением. Следовательно, модернизация системы организации медицинской помощи на основе глубоких и системных исследований внешней и внутренней среды, качественного прогнозирования развивающихся социально-экономических процессов является объективной необходимостью.

В модернизации нуждаются следующие составляющие системы здравоохранения:

- структура стационарной помощи, внедрение стационарозамещающих технологий (до 30 % объема стационарной помощи);
- коечная сеть с ориентированием ее на интенсивность лечебно-диагностического процесса;
- внедрение и развитие подсистемы врача общей практики;
- комплексы профилактики и эффективного лечения сердечнососудистых, онкологических заболеваний, туберкулеза, здоровья матери и ребенка, ВИЧ/СПИД, ИППП, травматизма, определяющих продолжительность жизни и высокую смертность в трудоспособном возрасте;
- лекарственное обеспечение, в том числе льготное;
- профилактические программы, охват более 80 % больных;
- материально-техническая база лечебно-профилактических учреждений;
- сегмент муниципального здравоохранения как доступный для всех категорий населения сегмент медицинской помощи.

Также в модернизации нуждается организация закупок изделий медицинского назначения, аппаратуры и оборудования, санитарного автотранспорта, капитального ремонта и т.д.

Необходимы и целенаправленная оптимизация расходования бюджетных средств и обеспечение финансовой устойчивости медицинских организаций и учреждений.

Одной из мер по снижению смертности является доступность высокотехнологичной медицинской помощи. Во многих регионах, в том числе в Республике Башкортостан, наблюдается

переоснащение медицинских учреждений новым оборудованием в рамках региональных программ здравоохранения. Реализация потенциала лизинговых поставок модернизированного оборудования может существенно изменить ситуацию.

Тем не менее, в рамках программ модернизации определяющими мероприятиями становятся прогнозное обоснование принимаемых решений по приобретению того или иного медицинского оборудования и контроль за его эффективным использованием; нуждаются в прогнозном обосновании и мероприятия по строительству и вводу в эксплуатацию зданий и сооружений, медицинских центров и клиник, а также обязательное рассмотрение итогов реализации мероприятий программ модернизации здравоохранения. Зачастую приобретается дорогостоящее оборудование, которое впоследствии не подвергается нагрузке, или, наоборот, приобретается относительно недорогое оборудование с очень дорогими расходными материалами, которые медицинские учреждения не могут приобретать.

Целенаправленных действий по модернизации системы здравоохранения в Республике Башкортостан требует и организация качественной лекарственной помощи, решающая многие проблемы, связанные с лечением и профилактикой заболеваний. Поскольку обеспечение населения, особенно социально уязвимых групп, лекарственной помощью является одной из основных функций системы здравоохранения.

В содержательном значении здравоохранение – это институт реализации государственных гарантий в области охраны здоровья с системной формой устройства, представляющий собой с организационно-правовой точки зрения неоднородную систему.

Охрана здоровья является делом государственной важности. Поэтому целесообразно выделить основные задачи государства в области системной модернизации здравоохранения. К ним следует отнести: улучшение качества и повышение доступности медицинской помощи; обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, создание экономических и социальных условий, способствующих снижению распространенности негативных факторов риска и уменьшению их влияния на человека.

В целях решения перечисленных задач государство принимает меры по развитию государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения; всячески поощряет деятельность, которая способствует развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию; обеспечивает формирование единого правового пространства системы здравоохранения, законодательное оформление схемы распределения предметов ведения, полномочий и ответственности между уровнями власти по вопросам охраны здоровья граждан; осуществляет управление системой здравоохранения без ведомственных и территориальных разграничений.

Подводя итоги вышеизложенного, можно констатировать, что модернизация системы здравоохранения является основой устойчивого развития экономики региона и страны, следовательно – объектом особого внимания и экономических исследований.

Литература

1. Минасов М.Ш. Республика Башкортостан: состояние и перспективы экономики в посткризисный период // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2011. № 3. С. 19–23.
2. Минасов М.Ш. Взаимодействие всех уровней власти – необходимое условие развития региона // Регион: экономика и социология. 2003. № 1. С. 188–194.
3. Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать: научное обоснование «Стратегии развития здравоохранения РФ до 2020 года». М.: ГЭОТАР-Медиа, 2016. 592 с.
4. Чубарова Т.В. Управление медицинскими учреждениями: методологические подходы и новые тенденции // Вопросы экономики и управления для руководителей здравоохранения. 2015. № 7. С. 51–57.

Анализ структурных факторов развития российских регионов

Н. ТРОФИМОВА, А. ТАЙМАСОВ

Современное состояние социально-экономического развития большинства регионов Российской Федерации (РФ) обусловлено совокупным влиянием различных факторов. Среди факторов, оказывающих значительное влияние на уровень социально-экономического развития региона, структура экономики региона занимает определяющее положение. По существу, уровень социально-экономического развития региона определяется структурой экономики, оказывающей прямое воздействие на доминирование того или иного сектора (отрасли, вида деятельности и т.д.). В условиях, когда имеют место сдержанные темпы экономического роста, структура экономики региона становится неким «ориентиром-барометром», определяющим позиции региона, как в национальном рынке, так и в продвижении на международный рынок.

Исследователи отмечают, что отраслевая структура национального хозяйства – это совокупность его частей (отраслей и подотраслей), исторически сложившаяся в результате общественного разделения труда [7, 3]. Она характеризуется долевыми процентными показателями по отношению либо к занятости экономически активного населения, либо к произведенному валовому внутреннему продукту (ВВП).

Региональные же экономики как своеобразная «проекция» национальной, структурируются аналогично, но в меньших объемах макроэкономических показателей, соответствующих масштабам того или иного регионального производства товаров и услуг.

В качестве базового индикатора социально-экономического развития отдельных регионов России в частности и РФ в целом, характеризующего структурно-экономические пропорции и количественный результат производства товаров и услуг, традиционно применяется валовой региональный продукт (ВРП) [1, 11].

Структурные сдвиги в экономике промышленно развитых стран носят системный характер и представляют собой часть глобального макросдвига, который предопределяет переход от индустриального общества к постиндустриальному.

Изменение отраслевой структуры осуществляется по следующим основным направлениям:

- 1) принципиальное изменение технологий производства;
- 2) доминирование обрабатывающей отрасли по сравнению с добывающей;
- 3) развитие наукоемких отраслей национальной экономики;
- 4) смещение центра тяжести в сторону непродовольственных отраслей.

Для современной отраслевой структуры национальной экономики России характерно преобладание топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Он является одной из наиболее капиталоемких отраслей, что обуславливает привлечение капитала от других отраслей. Ориентация ТЭК на международный рынок делает Россию зависимой от мирового колебания цен. В результате этого более половины ВВП страны формируется от продажи ресурсов. Преобладание добывающих отраслей экономики негативным образом сказывается на общих темпах развития национальной экономики. В целом же доминирование топливно-энергетического комплекса

Трофимова Наталья Владимировна, канд. экон. наук, доцент кафедры макроэкономического развития и государственного управления Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: trofimova_nv@list.ru

Таймасов Азат Рифгатович, канд. экон. наук, доцент кафедры макроэкономического развития и государственного управления ИНЭФБ БашГУ. E-mail: taimasdocent@gmail.com

препятствует развитию наукоемких отраслей экономики, его диверсификации на основе внедрения инновационных технологий производства и управления.

В этой связи, по нашему мнению, представляет как теоретический, так и прикладной интерес анализ структурных изменений, происходящих в региональных экономиках страны. В качестве объекта структурного анализа нами определены два региона Российской Федерации, которые, несмотря на их соседство, имеют значительные структурные различия, сложившиеся исходя из их ресурсной обеспеченности, исторических предпосылок, а также «отведенного» им места в системе территориальной организации планового периода хозяйствования. Обобщая данные о типологизации регионов Российской Федерации, с определенной долей условности Республику Башкортостан (РБ) можно охарактеризовать как индустриально-аграрный регион, а Челябинскую область – индустриальный. Следует отметить, что эти два региона сегодня можно охарактеризовать также как и «старопромышленные».

Для анализа структурных изменений в региональной экономике используем данные о валовой добавленной стоимости (ВДС) в Челябинской области и Республике Башкортостан. Исходные данные представлены в таблице.

**Структура валовой добавленной стоимости в основных ценах
2015 г. в Челябинской области и Республике Башкортостан (2004 г.)**

	Удельный вес ВЭД в ВДС РБ		Δd_i	Удельный вес ВЭД в ВДС Челябинской области		Δd_i
Вид экономической деятельности	2004	2015		2004	2015	
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	11,1	7,8	-3,3	5,9	6,9	1
Рыболовство, рыбоводство	0	0	0	0	0	0
Добыча полезных ископаемых	11,6	3,7	-7,9	0,9	2,4	1,5
Обрабатывающие производства	29,6	29	-0,6	45,2	35,7	-9,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,9	3,1	-0,8	3,9	3,3	-0,6
Строительство	6,1	8,9	2,8	5,2	7,2	2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	10,5	15,8	5,3	11,8	11,9	0,1
Гостиницы и рестораны	1,2	1,4	0,2	0,6	0,8	0,2
Транспорт и связь	9,4	7,8	-1,6	8,8	8,3	-0,5
Финансовая деятельность	0,2	0,2	0	0,4	0,2	-0,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5,3	8,6	3,3	7,6	9,5	1,9
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	2,4	3,8	1,4	2,5	4,7	2,2
Образование	3,6	4,2	0,6	2,7	3,3	0,6
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,6	4,4	0,8	3,6	4,6	1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,2	1,3	0,1	0,9	1,2	0,3
Деятельность домашних хозяйств	0	0	0	0	0	0

Также в таблице приведены значения абсолютного прироста удельного веса i -й структурной части Δd_i , которые произошли за период с 2004 г. по 2015 г.

$$\Delta d_i = d_1 - d_0, \quad (1)$$

где d_0 , d_1 – показатели удельного веса в базисном и текущем периодах.

Для оценки структурных изменений в экономике двух исследуемых регионов воспользуемся линейным коэффициентом «абсолютных» структурных сдвигов (K_L), который покажет среднее изменение удельного веса (в %) за период 2004–2015 гг. [2, 89–90].

$$K_L = \frac{\sum |d_1 - d_0|}{k}, \quad (2)$$

где k – количество групп в сравниваемых структурах.

Рассчитанный линейный коэффициент абсолютных структурных сдвигов, который характеризует среднее изменение удельного веса группы в общем объеме произведенной ВДС, свидетельствует о более серьезных изменениях структуры ВДС в Республике Башкортостан по сравнению с Челябинской областью: $K_L=1,79$ п.п. для РБ и $K_L=1,35$ – для Челябинской области.

В абсолютном выражении удельный вес групп видов экономической деятельности двух сравниваемых регионов за одиннадцатилетний период наиболее существенно снизился в РБ в секторе «Добыча полезных ископаемых» – с 11,6 % в 2004 г. до 3,7 % в 2015 г., то есть на 7,9 п.п., в сельском хозяйстве – с 11,1 % до 7,8 %. В Челябинской области еще более существенное снижение произошло в секторе обрабатывающих производств. Данная сфера экономической деятельности в начале 2000-х гг. являлась локомотивом роста в регионе, но с каждым годом вклад обрабатывающих производств в общий объем произведенной продукции снижается в среднем на 1 п.п. в год. Для сравнения доля обрабатывающего сектора упала с 45,2 % в 2004 г. до 35,7 % к 2015 г.

Небольшая положительная динамика в последние годы отмечается в сфере добычи полезных ископаемых, в сельском хозяйстве и строительстве – от 1 до 2 п.п. в год.

На наш взгляд, среди наиболее существенных факторов, формирующих отрицательную динамику, необходимо выделить не только конъюнктуру мировых рынков металлов, последствия санкций и общероссийскую кризисную ситуацию, но и сложности, связанные с привлечением инвесторов в регион. Данный фактор в современном мире становится ключевым для экономического развития, поскольку обладает наибольшим мультипликативным эффектом. Еще одной из причин замедления темпов экономического роста в Челябинской области за последние 5 лет эксперты называют слабое региональное управление. На справедливость данного подхода указывает тот факт, что в других регионах, характеризующихся схожей структурой экономики, спад был не столь значительным, а в последние периоды наметился небольшой рост. В среднем по России рост составил от 0,5 до 1 % (прогноз Центрального банка на 2017 г. – 1,3–1,8 %), тогда как в Челябинской области с начала 2017 г. зафиксировано падение уже на 6–7 %.

При этом в настоящий момент отсутствуют объективные предпосылки для ускорения экономического развития. Даже рост цен на металлы лишь незначительно способствует улучшению экономической ситуации в регионе.

В Республике Башкортостан, обладающей более широкими возможностями для структурного маневра, определение основных проблемных зон для прогрессивных структурных сдвигов следует связывать не только с внутренними резервами. Вносящие серьезные коррективы в соответствующие направления развития регионов санкционные ограничения подталкивают многие из них к формированию импортозамещающей модели хозяйствования. Для отраслей топливно-энергетического комплекса Республики Башкортостан колебания цен на мировом рынке при прочих равных условиях могут существенно снизить их долю в ВРП. На фоне новых обстоятельств агропромышленный комплекс региона может компенсировать существенное снижение своего веса за рассматриваемый период. Для РБ серьезной проблемой становится сокращение вклада предприятий по добыче полезных ископаемых и сельскохозяйственных отраслей. При

этом Республика Башкортостан обладает значительным природно-ресурсным потенциалом. Так, площадь сельхозугодий по республике составляет 7 331,5 тыс. га, из них площадь пашни – 3 667 тыс. га, посевная площадь в 2016 г. составила 3 065 тыс. га. Лесной фонд занимает 56,3 млн га (38 % территории республики). В среднем ежегодно возобновляемые водные ресурсы республики составляют 35 км³, в том числе формирующиеся только на территории Башкортостана – 25,5 км³. В этой связи особое внимание следует уделить сельскому хозяйству, которое может стать приоритетной сферой, «точкой роста» в развитии региона.

При всей сложности кризисно-санкционной ситуации в национальной экономике положительные итоги 2016 г. в РБ были достигнуты за счет проводимой в регионе работе по формированию благоприятных условий для развития инвестиционной деятельности и улучшению состояния инвестиционного климата.

В настоящее время в Республике Башкортостан реализуется более 600 инвестиционных проектов. В перечень приоритетных вошли 66 инвестиционных проектов общей стоимостью свыше 435 млрд руб. Количество же запланированных новых рабочих мест превышает 21 тыс. Выделенные факторы и стали ключевыми, что позволило РБ показать более значительные темпы роста по сравнению с Челябинской областью.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что существует объективная необходимость теоретического обоснования исследования прогрессивных изменений отраслевой структуры региональной экономики. Отражающие суть регионального развития структурные изменения должны стать базовой проблемой в выработке управленческих решений по определению ключевых направлений долгосрочных государственных и частных инвестиций в региональные экономики, а также по реализации задач повышения их конкурентоспособности.

Литература

1. Абрамова О.А. Роль государства в экономическом развитии страны // Формирование рыночного хозяйства: теория и практика: сб. науч. статей / под ред. М.Г. Лапаевой. Оренбург: ОГУ, 2008. С. 10–14.
2. Багат А.В., Конкина М.М., Симчера В.М., Бармотин А.В. Статистика: учебное пособие. М.: Финансы и статистика, 2013. 389 с.
3. Воспроизводственный потенциал Приволжского и Уральского федеральных округов: монография / под общ. ред. К.Н. Юсупова и А.В. Янгирова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 272 с.
4. Поликарпова М.Г. Статистический анализ диверсификации интеграционной активности в экономике России // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 377 – 379.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: стат. сб. / Росстат. М., 2007. 870 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.
7. Фиापшев, А.Б., Созаева Т.Х., Кайгермазова А.Ю. Роль территориально-отраслевых пропорций в модернизации и обеспечении устойчивого развития национальной экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 6. С. 2–8.

Оценка воспроизводственного потенциала региона с инновационной направленностью развития

Ю. ТОКТАМЫШЕВА, К. ЮСУПОВ

Анализируемый нами регион-субъект – Республика Татарстан (РТ) обладает рядом положительных и отрицательных признаков, способствующих и препятствующих его устойчивому инновационному развитию. Вначале перечислим, на наш взгляд, наиболее значимые из них.

Так, к положительным признакам Республики Татарстан относятся следующие:

- положительные темпы роста абсолютных и относительных значений валового регионального продукта (ВРП);

- создание предприятий и структур (особых экономических зон (ОЭЗ) «Алабуга», «Иннополис»), являющихся непосредственными индикаторами инновационного развития; функционирование большого количества вузов с высокими рейтингами и НИИ, закладывающих фундамент для перехода к когнитивной экономике;

- инвестиционная привлекательность благодаря широким международным экономическим связям и наличию законодательной базы, гарантирующей возвратность кредитов; благодаря созданию стабильного межнационального согласия на основе договоров о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации (РФ) и РТ до августа 2017 г.;

- создание прочной базы туристско-рекреационной сферы, включая объекты «ЮНЕСКО» (Казанский кремль, Болгар, Свияжск), и активный поиск других объектов для расширения этого кластера для того, чтобы занять нишу, относительно слабо освоенную в условиях РФ.

Отрицательными признаками, характерными для Республики Татарстан, выступают следующие:

- в структуре ВРП, хотя и незначительно, преобладают экстенсивные факторы производства – на долю вида экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» приходится 21,65 %, что больше, чем в других видах;

- степень изношенности основных фондов на уровне 44,4 % приводит к высокой фондоемкости (2,1) и низкой фондоотдаче (0,47);

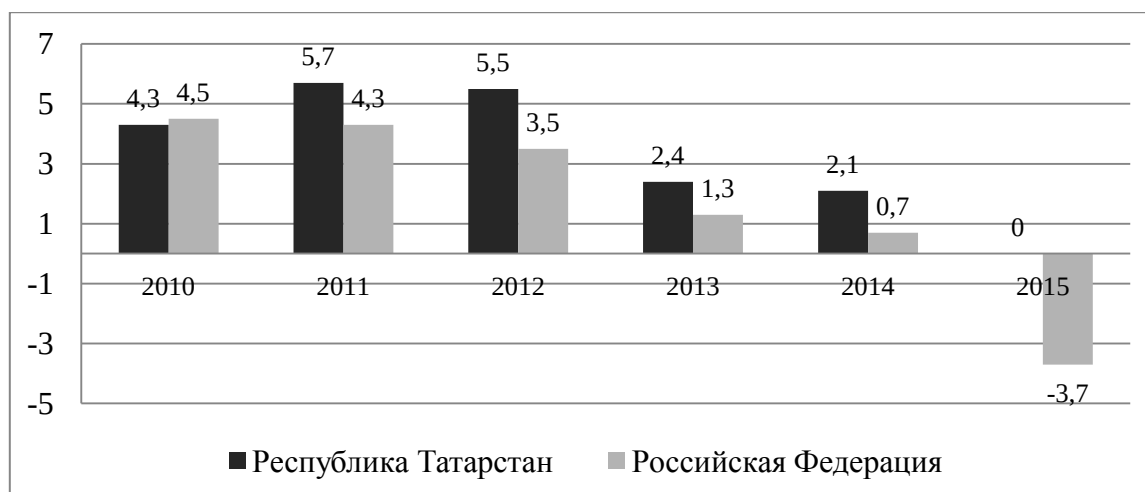
- несмотря на активное внедрение передовых технологий по добыче вязкой нефти и достижению мировых стандартов в их переработке в РТ, также как в РФ, продолжается сырьевая направленность экспорта.

Ниже приводится характеристика перечисленных признаков на 2015 г.

Республика Татарстан лидирует среди всех субъектов РФ, входящих в Приволжский федеральный округ (ПФО), по объемам ВРП (в целом – 1833,2 млрд руб. и на душу населения – 474,7 тыс. руб.) (см. рис.), уровню заработной платы и значению индекса человеческого развития. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата составляет 29142 руб., уровень безработицы – 4 % [5], а индекс человеческого развития – 0,894 (2014 г.) [2, 281].

Токтамышева Юлия Семеновна, канд. экон. наук, доцент кафедры макроэкономического развития и государственного управления Института экономики финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ)

Юсупов Касим Назифович, д-р экон. наук, профессор кафедры макроэкономического развития и государственного управления ИНЭФБ БашГУ. E-mail: makroras_gu@mail.ru

Динамика темпов прироста ВРП Республики Татарстан и темпов прироста ВВП Российской Федерации

Крупнейшими особыми экономическими зонами Российской Федерации являются те, что расположены в Республике Татарстан: «Алабуга» (зона промышленно-производственного типа, созданная в 2005 г. на территории Елабужского района у р. Камы и г. Елабуга в Нижне-Камской (Набережночелнинской) агломерации) и «Иннополис» (зона технико-внедренческого типа, созданная в 2013 г. на территориях Верхнеуслонского и Лаишевского муниципальных районов Республики Татарстан, в г. Иннополис). Если «Алабуга» остается практически единственной эффективной ОЭЗ промышленно-производственного типа во всей РФ, то за «Иннополисом», ОЭЗ со специализацией информационно-коммуникационных и электронных технологий, нанотехнологий, биотехнологий, большое будущее.

Объемы инвестиций в основной капитал за 2015 г. составили 617180 млн руб. (4,24 % от значения по РФ). Примерно одинаковые пропорции имеют инвестиции по источникам финансирования. Так, собственные средства занимают удельный вес в 45,1 %, а привлеченные – 54,9 %. Значительная часть привлеченных средств получена в виде бюджетных средств – 29,1 % (из федерального бюджета – 12,1 %, из регионального – 16,4 %), намного меньше – в виде кредитов банков – 11,9 %. Прямые иностранные инвестиции в Республику Татарстан за 2015 г. составили 110 млн долл. США. Распределение инвестиций в основной капитал по формам собственности следующее: государственная – 6,9 %, муниципальная – 1,8 %, частная – 62,7 %, смешанная – 9,6 % [5].

Туристскими центрами республики признаны Казань, Болгар, Свияжск, Елабуга, Чистополь, Тетюши. Рост туристского потока в них в 2016 г. по сравнению с показателем 2015 г. составил в среднем 45,9 % [3].

Развитие туризма как одно из направлений региональной экономической политики ставит целью решение таких экономических и социальных вызовов, как создание новых рабочих мест, повышение благосостояния граждан и развитие сопряженных сфер экономической деятельности. В связи с этим в Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г. развитый туризм обозначен как одна из приоритетных сфер экономики, где делается акцент именно на въездном туризме. Этому будут способствовать уникальная культура и богатая история народа – множество исторических объектов, достопримечательностей, развитие спортивного туризма, а также реализация такого процесса, как повышение качества туристского продукта и обслуживания туристов в соответствии с международными стандартами. Растут требования к работникам сферы туризма и проводятся соответствующие мероприятия по повышению качества специалистов со стороны государственного комитета по туризму РТ. Все

перечисленные объекты включены в перечень мероприятий, которые финансируются Федеральной целевой программой «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)». Госкомитетом ведется работа по поиску инвесторов для включения в федеральную целевую программу туристско-рекреационных кластеров «Камское Устье» и «Рыбная Слобода» [3].

При росте производства происходит одновременное снижение численности занятых преимущественно по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», что характеризует интенсивный тип экономического роста. Остальные же сферы характеризуются преимущественно экстенсивным типом производства (см. табл.).

**Темпы прироста среднегодовой численности занятых и ВРП
в разрезе видов экономической деятельности за 2015 г.**

	Всего	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Строительство	Оптовая и розничная торговля; ремонт	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	Другие виды деятельности
Темпы прироста занятых, %	-0,31	-0,69	1,02	-2,02	3,89	-2,51	1,26	2,64	0,4	1,4	-0,81	0,39	1,32	-2,65
Темпы прироста ВРП, %	0	6,1	4,3	0,5	0,8	-4	-1,8	-11,1	-4	-3,5	1	-0,3	2,1	-14,4

По видам экономической деятельности структура ВРП республики (кроме названной выше добычи полезных ископаемых) следующая: обрабатывающие производства – 19,1 %; оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования – 14,2 %; строительство – 9,1 %; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг – 9 %; сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство – 7,5 %; транспорт и связь – 6,5 %; образование – 2,8 %; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование – 2,7 %; производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 2,5 %; здравоохранение и предоставление социальных услуг – 2,5 %; остальные – 2,5 % [4]. Диверсификация, которая присуща экономике региона, создает условия для ее конкурентоспособности и устойчивости развития в период кризисов и структурных изменений. Как известно, ориентированность на добычу и экспорт полезных ископаемых делает экономику РФ зависимой от мировой конъюнктуры и цен на энергоресурсы, хотя и позволяла достичь высоких показателей роста экономики в первое десятилетие 2000-х гг. Однако в дальнейшем при стабильном, но менее интенсивном развитии экономики, по темпам прироста ВРП стали лидировать те регионы, для которых характерны развитые обрабатывающее производство и сфера услуг, что и составляло основу их валового регионального продукта.

Если же рассмотреть структуру занятых по видам экономической деятельности, то следует отметить, что она несколько отличается от структуры производимого ВРП. Предприятия Республики Татарстан, относящиеся к различным видам деятельности, обеспечивают население

рабочими местами в следующем соотношении: обрабатывающие производства – 17,4 %; оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования – 17,4 %; строительство – 9,7 %; сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство – 9,5 %; образование – 8,8 %; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг – 8,4 %; транспорт и связь – 7 %; здравоохранение и предоставление социальных услуг – 5,7 %; добыча полезных ископаемых – 2,2 %; остальные – 13,9 %.

Основные фонды Республики Татарстан на начало 2016 г. имели учетную стоимость в размере 3921931 млн руб. По объемам основных фондов республика занимает 8 место (2,44 %) в России, по информации за 2015 г., а в разрезе регионов ПФО – 17 %. Регион можно смело рассматривать как территорию с хорошей обеспеченностью предприятий основными фондами. По видам экономической деятельности они распределены следующим образом: «Обрабатывающее производство» – 22,1 %, «Транспорт и связь» – 14,6 %, «Добыча полезных ископаемых» – 10,1 %, «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» – 5,3 %, «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» – 5,2 %, «Оптовая и розничная торговля, ремонт» – 3,5 %, «Строительство» – 2,8 %. По степени износа основных фондов Татарстан занимает 30 место.

Примечательно, что добыча полезных ископаемых, обеспечивая почти четверть производства ВРП, способна предоставить рабочие места лишь для 2 % всех занятых в экономике Татарстана. Следовательно, это еще один критерий, согласно которому для будущего развития региона необходимо развивать в нем производство и реализацию готовых товаров и услуг, а не только ориентироваться на добычу и экспорт сырья.

Объемы экспорта Республики Татарстан в 2015 г. составили 11408,3 млн долл. США, а импорта – 2579,9 млн долл. США. Полученные значительные объемы данных показателей и положительные объемы чистого экспорта (8828,4 млн долл. США) свидетельствуют об активной внешнеторговой деятельности предприятий и высокой степени открытости экономики региона.

Рассмотрим долю чистого экспорта в объеме ВРП как обобщающий показатель вклада от реализации товаров и услуг региона за рубеж в его доходы и той части ВРП, которую приходится расходовать на импортируемые товары и услуги. Так, по Республике Татарстан доля чистого экспорта в объеме ВРП составляет 31,6 %, а по Российской Федерации – 11,2 %, что свидетельствует об активной внешнеэкономической торговле республики. В то же время именно нефтедобывающие регионы Российской Федерации и регионы с развитым обрабатывающим производством имеют значительные доходы от экспорта. В число этих регионов входит и Татарстан.

Для определения трудового воспроизводственного потенциала Республики Татарстан рассчитана стоимость ее трудового потенциала, она составила 25,6 трлн руб. по показателям 2015 г. (методика расчета приведена в [6, 69]).

При построении типологизации субъектов Российской Федерации по уровню воспроизводственного потенциала и конкурентоспособности за 2014 г. было выявлено, что Республика Татарстан входит в подгруппу А2 (воспроизводственный потенциал выше среднего) и В1 (конкурентоспособность региона высокая) (оценка по [1, 133]). В данную подгруппу также входят Белгородская, Владимирская, Калужская, Московская, Тульская, Нижегородская и Тюменская области. Следует отметить, что перечисленные регионы характеризуются высоким уровнем социально-экономического развития и находятся лишь на одну ступень ниже регионов самого высокого уровня воспроизводственного потенциала и конкурентоспособности региона (А1 В1) – г. Москвы, г. Санкт-Петербурга и Сахалинской области.

Таким образом, Республика Татарстан располагает интенсивными факторами экономического роста, которые активно вовлечены в хозяйственный оборот, что подтверждается высоким уровнем ее воспроизводственного потенциала.

Литература

1. Ахунов Р.Р. Управление конкурентоспособностью в системе воспроизводственного потенциала региона. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. 242 с.
2. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации // Аналитический центр при Правительстве РФ [Электронный ресурс]. URL: ac.gov.ru/files/publication/a/11068
3. Иванов С.Е. Об итогах работы Государственного комитета Республики Татарстан по туризму в 2015 году и задачах на 2016 год // Сайт госкомитета РТ по туризму [Электронный ресурс]. URL: http://tourism.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_462082.pdf.
4. Официальная статистика Республики Татарстан // Территориальный орган Федеральной службы госстатистики по РТ [Электронный ресурс]. URL: tatstat.gks.ru.
5. Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru.
6. Управление воспроизводственным потенциалом региона: монография / Под общ. ред. К.Н. Юсупова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 236 с.

Межрегиональная асимметрия территорий с позиции неравновесного подхода

И. НУСРАТУЛЛИН

В современной экономической литературе уделяется значительное внимание межрегиональной асимметрии, ее причинам и последствиям. Экономическая поляризация в российском обществе, экономике и на территориях становится очевидной и без глубоких экономических исследований. В качестве примера можно привести различия в уровне заработной платы в разных уголках страны, рост миграционных процессов, неравномерное экономическое развитие городов и территорий.

Межрегиональная дифференциация объясняется влиянием множества факторов: это и географическое положение, наличие природных ресурсов, разный начальный уровень развития региона и динамика его развития, наличие внешнеэкономических связей и многие другие. Однако задача государства в сфере региональной политики как раз и заключается в создании таких условий, когда различия регионов сглаживаются государственной политикой с целью обеспечения нормального проживания и развития населения данной территории. Проблема межрегиональной асимметрии является достаточно актуальной, множество научных работ посвящено выявлению указанной асимметрии, однако причины и пути преодоления рассматриваются недостаточно подробно.

В этой связи главной целью исследования является выявление основных причин сформировавшегося межрегионального экономического неравенства.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

- 1) проведение анализа работ, посвященных оценке межрегиональной дифференциации;
- 2) выявление причин межрегиональной дифференциации;
- 3) получение устойчивой неравновесной модели дифференциации регионов России по социально-экономическому положению.

Нусратуллин Ильмир Вилович, канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: nusratullin.iv@gmail.com

Публикуется при финансовой поддержке РФФИ, проект «Межрегиональная асимметрия территорий и миграционная мобильность населения в России» № 17-02-00425.

Источником информации послужила Центральная база статистических данных (ЦБСД) [9].

В рамках исследования применялись следующие методы научного познания: дедукции, обзора библиографических источников, абстрагирования, анализа статистических показателей, обобщения, документального изучения, неравновесного анализа экономики.

Методика построения неравновесной модели экономики подробно описана в книге «Неравновесная экономика» [7]. Суть методики заключается в построении ранжированного ряда субъектов по таким показателям, как совокупные издержки общества на приобретение ресурсов, совокупная себестоимость общества, совокупная производственная стоимость, совокупная новая стоимость в динамике с построением графической модели в макроэкономическом разрезе.

В современной российской литературе довольно часто встречаются работы, посвященные межрегиональной асимметрии. Одни исследования посвящены оценке развития регионов России и межрегиональной дифференциации на основе показателей по номинальному и реальному среднему душевому ВРП, доходам населения, производительности труда, уровню инвестиций и пр. [2; 3], другие – построению обобщающих рейтингов российских регионов на основе индексов человеческого развития и качества жизни в регионах [4; 8].

К примеру, в исследовании «Российские средние классы: теоретико-методологические основы выявления, социальные стандарты идентификации, оценивание и увеличение численности» [1] В.Н. Бобков на основе социальных индикаторов (индекс человеческого развития, покупательная способность денежных доходов населения, уровень абсолютной бедности населения по доходам, коэффициент Джини, коэффициент фондов, валовой региональный продукт) проводит оценку качества и уровня жизни в регионах России. В результате исследований выявлено, что в России сохраняется высокий уровень межрегионального неравенства. По некоторым показателям социально-экономического развития регионов выявлены значительные разрывы, к примеру, по уровню абсолютной бедности (5,1 раза); по уровню неравенства, определенного по коэффициенту фондов (2,42 раза); по уровню покупательной способности душевых денежных доходов (2,71 раза); по уровню ВРП по паритету покупательной способности (ППС) (11,4 раза).

В исследовании «Экономика и управление межрегиональной дифференциацией» [5] В.С. Кривошлыков оценивает межрегиональную дифференциацию с помощью следующих показателей: коэффициенты Джини и фондов, валовой региональный продукт на душу населения, покупательная способность денежных доходов населения (рассчитанная исходя из величины прожиточного минимума в среднедушевых денежных доходах населения), доля доходов среднеобеспеченного населения, доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума.

В ходе анализа данных за 2000 по 2015 год установлено, что наблюдается тенденция к сглаживанию межрегиональных различий. Однако, несмотря на положительные тенденции, в России сохраняется сильная межрегиональная дифференциация.

В исследовании «Взаимосвязь неравномерности распределения доходов с экономическим развитием регионов Российской Федерации» М.Ю. Малкина [6] анализирует различия социального благополучия регионов России в 2004–2014 годах. Анализ строится на основе модели социального благополучия в виде четырехкомпонентной мультипликативной модели, основанной на расширенной функции А. Сена, включающей ВРП на душу населения, долю доходов населения в ВРП, индекс стоимости жизни в регионе и показатель дифференциации доходов. В результате исследования определен момент ускоренной конвергенции регионов в 2009 году и слабой дивергенции в 2011 году. Кроме того, наиболее благополучными регионами оказались Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, г. Москва, Чукотский АО, Сахалинская область, Республика Татарстан, наименее благополучными – Республика Калмыкия, Республика Тыва, Республика Алтай, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика и Республика Ингушетия.

В своем исследовании «Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспект» [3] Е.А. Коломак также выявила тенденции пространственной концентрации

экономической активности и роста межрегиональных различий стране на основе анализа данных с 1995 по 2007 годы с использованием моделей конвергенции.

В иностранной литературе также изучаются вопросы межрегиональной асимметрии. Зарубежные исследователи в ходе оценки функции благосостояния территорий корректируют полученные значения на основе других показателей, к примеру, по показателям неравенства (рост неравенства) или экологическим показателям (загрязнение окружающей среды), формируя тем самым индексы устойчивого экономического благосостояния. Причем в некоторых исследованиях отдается предпочтение корректировкам благосостояния по уровню неравенства, в других – по уровню выбросов в атмосферу вредных веществ [10; 11].

Также встречаются работы, в которых функция благосостояния строится с учетом неравенства доходов [13], штрафов за неравенство и снижения ожидаемой продолжительности жизни [12].

При анализе указанных источников и результатов исследования были выявлены следующие основные причины межрегиональной асимметрии:

1) разные природно-климатические условия, обуславливающие различия в издержках производства одной и той же продукции;

2) большие расстояния и неоднородность распределения инфраструктуры, сдерживающие развитие экономики на определенных территориях;

3) исторически сложившаяся асимметрия, обусловленная различиями регионов по наличию факторов производства (труда, капитала, ресурсов) и эффективностью его использования;

4) неэффективная региональная политика со стороны государственных органов власти;

5) усиливающаяся экономическая специализация регионов в условиях глобальной конкуренции.

Таким образом, среди причин региональной асимметрии выделяются как объективные причины, так и субъективные, требующие тщательного изучения.

Для оценки асимметрии развития регионов России построим неравновесную модель экономики на основе данных валового регионального продукта федеральных округов Российской Федерации. В качестве совокупной себестоимости общества (совокупных бухгалтерских, явных, внешних издержек общества) примем валовой региональный продукт предшествующего периода, совокупной производственной стоимости (совокупной стоимости товара, совокупной цены производства, совокупных экономических издержек, совокупных альтернативных издержек общества по производству товара) – региональный продукт отчетного периода.

На основе данных Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru/>) построим неравновесную модель экономики в текущих ценах в динамике, предварительно ранжировав федеральные округа Российской Федерации по объемам ВРП (рис. 1).

В рамках неравновесного анализа становится очевидной диспропорция развития экономик федеральных округов. За рассматриваемый период экономика Центрального федерального округа с 2001 по 2015 года выросла на 20 470 386,1 млн руб. с 2 243 525 млн руб. до 22 713 911,1 млн руб. За тот же период экономика Северо-Кавказского федерального округа увеличилась только на 1 561 888,7 млн руб. с 142 442,1 млн руб. до 1 704 330,8 млн руб.

Следует отметить, что темпы роста экономики находятся на примерно одинаковом уровне. Более высокими темпами, чем в среднем по России, растут экономики Центрального, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, ниже – Приволжский, Уральский, Сибирский, Северо-Западный, Дальневосточный федеральные округа.

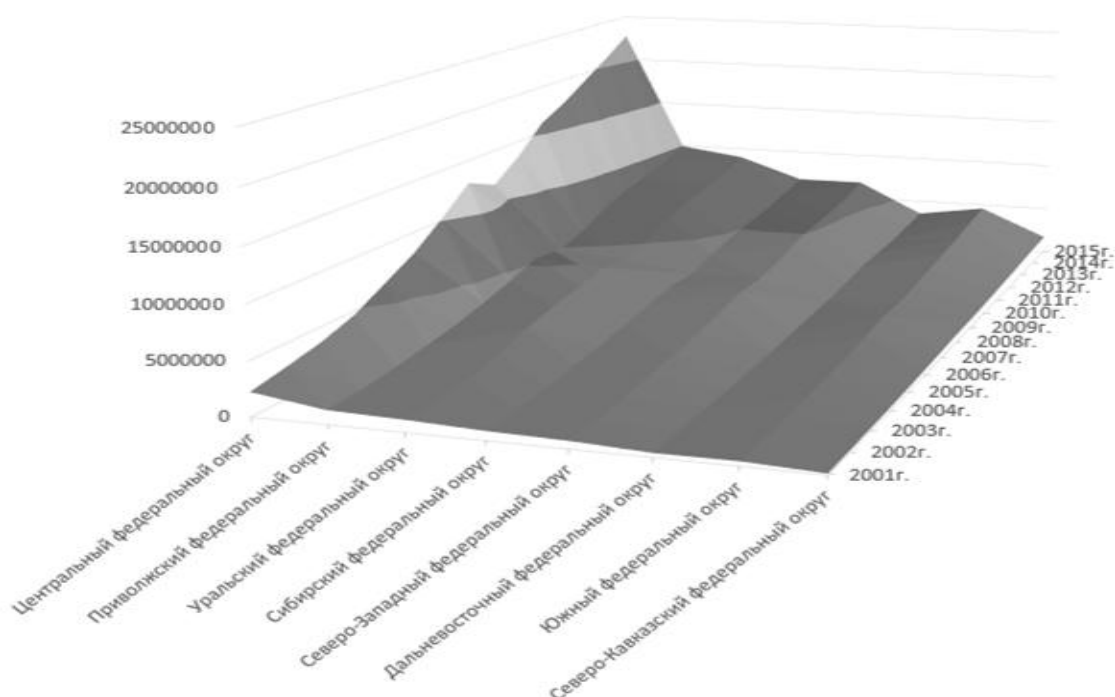

Рис. 1. Неравновесная модель экономики для федеральных округов РФ

Неравновесную модель экономики можно представить для регионов всей России в целом и для федеральных округов в частности. К примеру, на рисунке 2 построена неравновесная модель для Приволжского федерального округа (данные Федеральной службы государственной статистики).

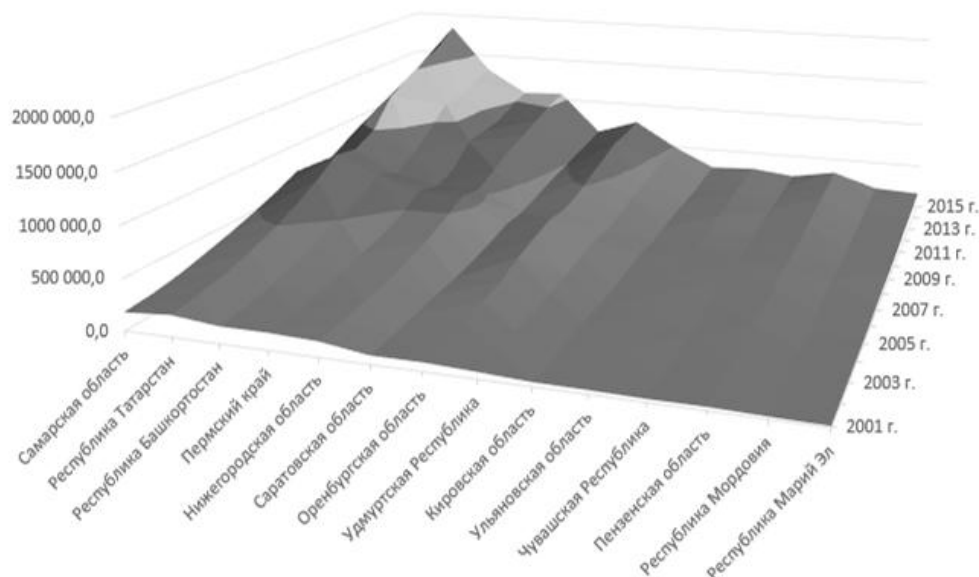

Рис. 2. Неравновесная модель экономики для субъектов РФ Приволжского федерального округа

Субъекты Российской Федерации в Приволжском Федеральном округе развиваются также неравномерно. Наиболее динамично развивающиеся экономики – это экономики Самарской области, Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Пермского края и Нижегородской области. Однако стоит отметить, что темпы роста экономик регионов Поволжского федерального округа в среднем ниже общероссийских значений (кроме Пензенской области и Республики Марий Эл).

В ходе исследования выяснены основные причины сформировавшегося межрегионального экономического неравенства, был проведен анализ работ, посвященных оценке межрегиональной асимметрии, получена неравновесная модель дифференциации регионов России по социально-экономическому положению.

Рассмотренные в работе исследования в области межрегиональной асимметрии показали ее наличие в России. Данная асимметрия по мнению авторов одних работ, увеличивается, других – снижается. Неравновесный анализ демонстрирует четкую тенденцию к разрыву социально-экономического положения регионов в России и усилению региональной дифференциации, что объясняется в первую очередь различными стартовыми позициями. В этих условиях для снижения региональной асимметрии в развитии необходимо сфокусироваться на развитии депрессивных территорий и регионов, поддержке местных инициатив и повышении качества и уровня жизни населения на всей территории России до приемлемого уровня.

Литература

1. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Зленко Е.Г., Одинцова Е.В. Сравнительные характеристики индикаторов качества и уровня жизни в российских регионах: субъекты, федеральные округа, Арктика // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1. С. 50–64.
2. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов. Рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26.
3. Коломак Е.А. Межрегиональное неравенство в России. Социальный и экономический аспекты // Пространственная экономика. 2010. № 1. С. 26–35.
4. Коробицын Б.А. Методический подход к учету истощения природных ресурсов, изменения состояния окружающей среды и человеческого капитала в валовом региональном продукте // Экономика региона. 2015. №3. С. 77–88. DOI: 10.17059/2015–3–7.
5. Кривошлыков В.С., Жахов Н.В. Экономика и управление межрегиональной дифференциацией // Вестник НГИЭИ. 2017. № 1. С. 119–129.
6. Малкина М. Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 1. С. 49–62.
7. Нусратуллин В.К. Неравновесная экономика. 2011. 354 с.
8. Пыжев А.И., Пыжева Ю.И. Оценка регионального социо-эколого-экономического благополучия Красноярского края. Новый подход // Региональная экономика. Теория и практика. 2015. № 34. С. 30–40.
9. Центральная база статистических данных (ЦБСД) Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbsd.gks.ru/>
10. Andrade G.A., Garcia J.R. Estimating the Genuine Progress Indicator (GPI) for Brazil from 1970 to 2010 // Ecological Economics. 2015. Vol. 118. Pp. 49–56.
11. Bleys B. The Regional Index of Sustainable Economic Welfare for Flanders, Belgium // Sustainability. 2013. Vol. 5. Pp. 496–523.
12. Kakwani N. Welfare measures: An international comparisons // Journal of Development Economics. 1981. Vol. 8. Pp. 21–45.
13. Sen A. Real national income // Review of Economic Studies. 1976. Vol. 43. Pp. 19–39.

Анализ чувствительности российской экономики на изменение спроса на импортные товары

Л. ТИШИНА

Сложившаяся макроэкономическая ситуация, для которой характерны низкие цены на нефть, действие санкций в отношении Российской Федерации и низкие темпы экономического роста, поддерживает интерес к проблематике процессов импортозамещения, снижению импортопотребления определенных групп товаров и уменьшению импортозависимости в целом. Эти вопросы активно обсуждаются как на правительственном уровне, так и в научных кругах. Поэтому анализ чувствительности российской экономики при изменении спроса на импортные товары в зависимости от ценовых или макроэкономических параметров является сегодня актуальным. Сложившаяся макроэкономическая ситуация также требует разработки специального инструментария, позволяющего оценивать результаты проводимой политики в области импортопотребления и импортозамещения. В качестве инструмента анализа чувствительности российской экономики в зависимости от изменения спроса на импортные товары был разработан специальный инструментарий на основе модели межотраслевого баланса (таблицы «Затраты–Выпуск») со встроенными функциями спроса на импортные товары. Общая схема, иллюстрирующая системы анализа чувствительности российской экономики при изменении спроса на импортные товары, представлена на рисунке 1.

Отметим, что опора на таблицы «Затраты–Выпуск» позволяет представить изменение всей экономической системы, так как именно таблицы «Затраты–Выпуск» представляют собой «фотографию экономики» [2], демонстрирующую взаимоотношения различных хозяйствующих субъектов, а инструментарий на основе межотраслевого баланса позволяет решать целый ряд аналитических задач. Однако очень долгое время в российской статистике не было официальных отчетных базовых межотраслевых балансов. Лишь в начале 2017 года Росстат опубликовал систему таблиц «Затраты–Выпуск» за 2011 год и таблицы ресурсов и использования товаров и услуг за 2012–2014 годы. На данный момент в Росстате проводится активная разработка базовых таблиц за 2016 год, в дальнейшем статистическая служба обещает разрабатывать и публиковать базовые таблицы на регулярной основе, раз в 5 лет.

До этого момента последний опубликованный базовый межотраслевой баланс был оценен за 1995 год, конечно, с этого периода экономика претерпела существенные изменения. Изменилась не только внутренняя структура экономики, но и была принята новая система классификаторов, по которой формировались итоговые показатели. До 2006 года Росстат публиковал краткие расчетные таблицы, однако этих данных было недостаточно для проведения полномасштабных макроэкономических исследований на основе межотраслевого инструментария. Рядом научных коллективов разрабатывались экспертные межотраслевые балансы, которые использовались в качестве информационной базы для проведения межотраслевых исследований и прогнозов. Разработка экспертных таблиц «Затраты – Выпуск» осуществляется, например, коллективами ИМЭИ ВАСГТ, ИНП РАН, НИУ ВШЭ и др. Выпущенные Росстатом базовые таблицы не только позволяют скорректировать экспертные оценки, но и стимулируют новые исследования в области создания и развития межотраслевого инструментария. Отметим, что российская практика использования таблиц «Затраты–Выпуск» в макроэкономических исследованиях имеет существенные пробелы из-за длительного перерыва в публикации статистических материалов по базовым таблицам и естественных ограничений при использовании экспертных расчетных таблиц. Таким образом, возобновление публикации базовых таблиц открывает широкие возможности для создания межотраслевых моделей для прогнозирования и анализа российской экономики.

Тишина Людмила Ильинична, научный сотрудник Института макроэкономических исследований Всероссийской академии внешней торговли. E-mail: shre@mail.ru

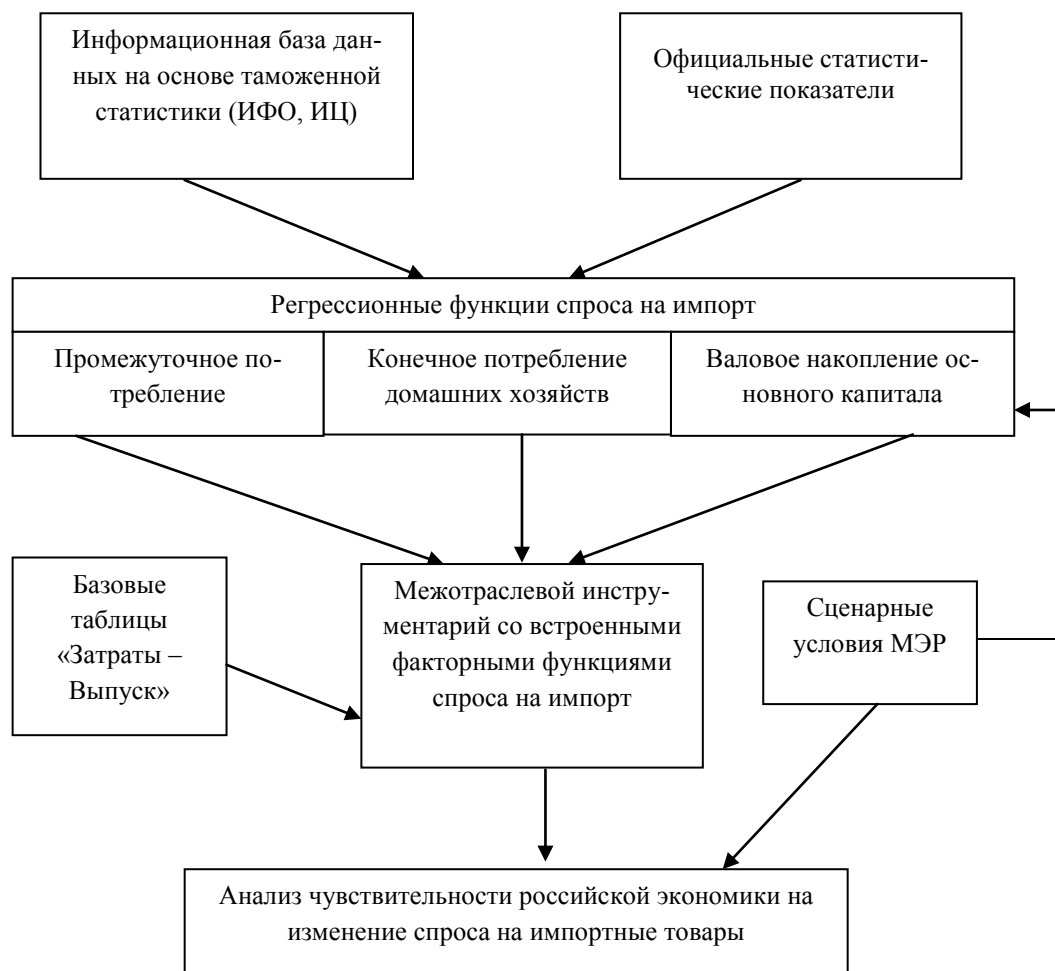

Рис. 1. Схема системы анализа чувствительности российской экономики при изменении спроса на импортные товары

Разработанный инструментарий также включает функции спроса на импортные товары. Оценка факторных функций спроса опирается на созданную информационную базу на основе официальной таможенной статистики по импорту товаров. Таможенная статистика, предоставляемая Федеральной таможенной службой Российской Федерации, дает возможность оценить стоимостные объемы регистрируемого импорта товаров в разрезе классификатора ОКПД (в том числе в разрезе по основным направлениям потребления: потребительский, промежуточный и для валового накопления основного капитала). Для этих целей специалистами ИМЭИ ВАВТ были разработаны специальные двухкомпонентные ключи перехода «ТН ВЭД-ОКПД». Работы по развитию данного направления велись двумя подразделениями ИМЭИ, а именно сектором межотраслевого баланса (заведующая лабораторией Каширская С.И.) и лабораторией вычислительной техники (заведующий лабораторией Лапенин В.А.), научным руководителем выступала руководитель Центра макроэкономического прогнозирования и структурных исследований д-р экон. наук Л.А. Стрижкова. Эти ключи перехода позволяют провести соответствие между кодом ТН ВЭД и кодом вида деятельности, результатом которой данный продукт является, и учесть степень переработки и функциональное назначение данного товара (подробнее см. [11]). Отметим, что полученная информационная база по импорту товаров содержит:

- стоимостные объемы регистрируемого импорта товаров в классификаторе ОКПД (принцип «чистой отрасли») за 2002–2015 гг.;

- распределение стоимостных объемов импортных товаров с учетом степени переработки и направлений использования в классификаторе ОКПД за 2002–2015 гг.;

- индексы физического объема и индексы среднеконтрактных цен импорта товаров в разрезе группировок ОКПД за 2003–2015 гг.;

- индексы физического объема и индексы среднеконтрактных цен импорта товаров по функциональному назначению за 2003–2015 гг.;

- индексы физического объема и индексы среднеконтрактных цен импорта товаров по функциональному назначению в разрезе группировок ОКПД за 2003–2015 гг.

В разработанном инструментарии предполагается, что изменение спроса на импорт отечественной экономикой может быть оценено через факторные функции спроса на импорт, сгруппированные по функциональному назначению. Были выделены следующие основные группы товаров: импортные товары промежуточного, конечного потребления и валового накопления основного капитала. Использование отдельных функций спроса на данные виды импортных товаров помогает отразить склонность к потреблению импорта в различных сегментах экономики, что дает возможность использовать различные объясняющие переменные для каждого вида импорта.

В качестве объясняющих переменных, в соответствии с теоретическими предпосылками международной торговли, использовались различные показатели, отражающие относительные цены на импорт и доход. Следует отметить, что была принята гипотеза о том, что курс иностранной валюты влияет на импортопотребление, так как многие эмпирические исследования российской экономики подтверждают эту зависимость [4; 3; 1]. Кроме того, при выборе объясняющих переменных учитывалась возможность влияния на них проводимой государственной политики. При моделировании были выбраны следующие гипотезы об объясняющих переменных, косвенно отражающих влияние дохода на импортопотребление:

- развитие промышленного производства оказывает влияние на потребление импортных товаров промежуточного спроса (сегмент производства);

- от реальных располагаемых доходов населения зависит спрос на импортные товары конечного потребления (сегмент домашних хозяйств);

- динамика инвестиций оказывает влияние на потребление импортных товаров для валового накопления основного капитала и чистого приобретения ценностей (сегмент валового накопления основного капитала и чистого приобретения ценностей).

В качестве параметра, отражающего относительные цены на импорт, был использован индекс ценовой конкурентоспособности импорта на российском рынке для каждого направления использования импорта. Он рассчитывался как отношение инфляции к произведению индекса среднеконтрактных цен импорта и индекса валютного курса (руб./\$):

$$КОНК_i = \frac{ИПЦ}{ИЦ_i \times КУРС} \quad (1)$$

где $КОНК_i$ – индекс ценовой конкурентоспособности импорта вида j (импорт всего, для промежуточного, конечного потребления и валового накопления основного капитала) на отечественном рынке;

$ИПЦ$ – индекс потребительских цен на товары и услуги (отражает годовую инфляцию);

$КУРС$ – индекс внутреннего валютного курса (руб./\$);

$ИЦ_i$ – индекс среднеконтрактных цен импорта вида j (импорт всего необходимого для промежуточного, конечного потребления и валового накопления основного капитала).

Подчеркнем, что существенное влияние на выбранные объясняющие переменные может оказывать политика государства, это позволяет использовать разработанную схему в качестве инструментария оценки проводимой государственной политики, прямо или косвенно влияющей на импортопотребление. Так, параметр индекса потребительских цен регулируется Центральным Банком, который реализует политику таргетирования инфляции. На динамику реальных располагаемых доходов существенное влияние оказывают политика в области зарплат в

государственном секторе, социальные выплаты населению и динамика зарплат на государственных предприятиях, которые занимают довольно внушительную долю в экономике. Существенное влияние государственной политики на уровень доходов населения подтверждается следующими данными: в 2015 году, согласно данным национальных счетов, доля сектора «Государственное управление» в оплате труда наемных работников составляла 22,3 % [7]; по оценкам ФАС, вклад государства и госкомпаний в ВВП вырос с 35 % в 2005 г. до 70 % в 2015 г. [6]; в 2016 году 19 % доходов россиян приходилось на социальные выплаты [5]. Параметры развития промышленного производства и инвестиций в экономику могут регулироваться государством прямыми или косвенными методами, например, стимулирующей политикой в данных областях. В отношении индекса обменного курса следует отметить, что на сегодняшний день (с ноября 2014 года) в России действует режим плавающего валютного курса, и он регулируется рыночными силами. Единственным экзогенным фактором, на который не может оказывать влияние государственная политика, проводимая в России, является индекс среднеконтрактных цен на импортные товары. Таким образом, практически все параметры модели могут прямо или косвенно регулироваться государством, что дает возможность оценивать последствия государственных решений, влияющих на факторы спроса на импортные товары.

Следует отметить, что созданная информационная база по индексам физического объема и среднеконтрактных цен на основе двухкомпонентных ключей перехода «ТН ВЭД-ОКПД» позволяет оценивать регрессионные функции спроса не только для широких групп товаров, но и для отдельных наиболее значимых товаров. Разработка отдельных функций спроса – задача довольно масштабная и требует проведения специального исследования для выявления факторов влияния на потребление отдельных импортных товаров.

Итак, в основе разработанной межотраслевой модели со встроенными функциями спроса на импорт лежит основное уравнение использования стоимости в межотраслевом балансе (2), отражающее распределение выпуска на промежуточном и конечном использовании:

$$X_i = \sum_j a_{ij} X_j + Y_i, \quad (2)$$

где X_i – выпуск продукции вида i в основных ценах;

a_{ij} – коэффициент прямых затрат продукции вида i на производство продукции вида j ;

Y_i – стоимость продукции вида i , поступившей в конечное использование, за вычетом импорта продукции вида i (i -й элемент конечного продукта экономики).

Для оценки макроэкономических эффектов, связанных с изменением импортопотребления в различных сегментах экономики, необходимо переписать уравнения образования и использования стоимости с учетом импортных потоков из других стран. Для этого используются основные соотношения межотраслевой модели (3)–(9) [8; 10]:

$$a_{ij} X_j = PP_{ij}, \quad (3)$$

$$PP_{ij} = X_{ij} + IMpp_{ij}, \quad (4)$$

$$a_{ij} = \frac{PP_{ij}}{X_j} = \frac{X_{ij} + IMpp_{ij}}{X_j} = x_{ij} + im_{ij}, \quad (5)$$

$$X_{ij} = x_{ij} X_j, \quad (6)$$

$$IMpp_{ij} = im_{ij} X_j, \quad (7)$$

$$Y_i = C_i + VNOK_i + IZ_i + IC_i + E_i + IM_i = KI_i - IM_i, \quad (8)$$

$$IM_i = (IMc_i + IMvnok_i + IMiz_i + IMe_i + IMic_i) + IMppi = IMki_i + IMppi, \quad (9)$$

где PP_{ij} – объем расходов продукции вида i в составе промежуточных затрат на производство X_j ;

X_{ij} и $IMpp_{ij}$ – соответственно объем расходов продукции вида i отечественного и импортного производства в составе PP_{ij} ;

x_{ij} и im_{ij} – коэффициенты удельных затрат вида i на производство продукции вида j соответственно отечественной и импортной продукции;

KI_i и IM_i – объем продукции вида i , направленной в конечное использование, и объем импорта вида i , поступившего в экономику (в промежуточное и конечное использование);

$IMpp_i$ – импорт вида i , использованный в промежуточном потреблении экономики;

KIo_i – объем отечественной продукции вида i , направленной в конечное использование (вышедшей за год из производственного процесса);

Y_i – стоимость продукции вида i , поступившей в конечное использование, за вычетом импорта продукции вида i (i -й элемент конечного продукта экономики);

C_i – объем продукции вида i , направленной в конечное потребление;

IMc_i – объем продукции вида i , соответственно отечественного и импортного производства, направленной в конечное потребление;

$VNOK_i$ – объем продукции вида i , направленной в валовое накопление основного капитала;

$IMvnoK_i$ – объем продукции вида i , соответственно отечественного и импортного производства, направленной в валовое накопление основного капитала;

IZ_i – изменение запасов материальных оборотных средств вида i ;

$IMiz_i$ – изменение запасов материальных оборотных средств вида i , соответственно отечественного и импортного производства;

E_i – экспорт продукции вида i (предполагается отсутствие реэкспорта и весь экспорт, состоящий из отечественной продукции).

Таким образом, применяя к формуле (2) соотношения (3)–(9), можно получить уравнения использования стоимости, формула (10) с учетом импортных потоков будет иметь следующий вид:

$$X_i = PP_i - IMpp_i + KI_i - IMki_i = \sum_j a_{ij}X_j - \sum_j im_{ij}X_j + KI_i - IMki_i. \quad (10)$$

Для оценки макроэкономических эффектов и анализа чувствительности, связанных с изменением импортопотребления, на основе формулы (10) разработана модель, учитывающая регрессионные функции спроса на импорт по направлениям использования и позволяющая создать возможность для расчета нескольких сценариев:

- изменение импорта продукции, непосредственно поступающей в конечное использование: на потребительский рынок и в валовое накопление капитала;
- изменение импортопотребления продукции, поступающей в промежуточное потребление;
- одновременное изменение потребления импортной продукции для конечного использования и промежуточного потребления.

Общий вид модели для оценки макроэкономических эффектов от изменения объемов импортопотребления может быть представлен следующими формулами:

$$X^* = [(E - (A - K^* \times \overline{IM}))]^{-1} (\hat{Y} - (L^* \times IM_c + T^* \times IM_{vnoK} + IM_{iz} + IM_e + IM_{ic})), \quad (11)$$

$$Y^* = Y + \Delta IM_{ki}^* - \Delta IM_{pp}^*, \quad (12)$$

$$\Delta IM_{pp}^* = (K^* \times \overline{IM}) \times X^* - IM_{pp}, \quad (13)$$

где X^* – вектор выпусков в условиях изменения импортопотребления;

E – единичная матрица;

A – матрица коэффициентов прямых затрат на производство продукции в основных ценах;

K^* – диагональная матрица индексов изменения коэффициентов прямых затрат импортной продукции в отечественных производствах (управляющий параметр);

$\overline{IM}$ – матрица коэффициентов прямых затрат импортной продукции на производство продукции в условиях изменения импортопотребления;

$\hat{Y}$ – вектор продукции, поступившей в конечное использование (на конечное потребление, валовое накопление и экспорт), в основных ценах;

L^* – вектор-столбец индексов изменения импорта товаров конечного потребления (управляющий параметр);

IM_c – вектор импортной продукции, поступившей в конечное потребление до изменения импортопотребления;

T^* – вектор-столбец индексов изменения импорта товаров валового накопления основного капитала (управляющий параметр);

IM_{vnoK} – вектор импортной продукции, поступившей в валовое накопление основного капитала до изменения импортопотребления;

IM_{iz} – вектор изменения запасов материальных оборотных средств импортного производства;

IM_e – вектор реэкспорта импортных товаров;

IM_{ic} – вектор приобретения за вычетом выбытия ценностей импортного производства;

Y^* – вектор конечного продукта в основных ценах в условиях изменения импортопотребления;

Y – вектор конечного продукта в основных ценах до изменения импортопотребления;

ΔIM_{ki}^* – вектор изменений в расходе на импорт продукции конечного использования, вызванных изменением импортопотребления;

ΔIM_{pp}^* – вектор прироста/уменьшения потребности в импорте продукции промежуточного спроса;

IM_{pp} – вектор потребности в импорте продукции промежуточного спроса до изменения импортопотребления.

Управляющие параметры (диагональная матрица K^* и вектора L^* и T^*) оцениваются за счет использования факторных функций спроса на различные виды товарного импорта. Так, диагональная матрица K^* отображает изменение коэффициентов прямых затрат импортной продукции в отечественных производствах, оцененное за счет функции спроса на импортные товары промежуточного потребления (формула (13)). Вектор L^* – изменение импорта товаров конечного потребления, оцененное на основе факторной функции спроса на товары конечного потребления (формула (14)). Вектор T^* – изменение импорта товаров валового накопления основного капитала, оцененное на основе факторной функции спроса на импортные товары, идущие в валовое накопление основного капитала (формула (15)).

$$K^* = \begin{pmatrix} k_{11} & 0 & \dots & 0 \\ 0 & k_{22} & \dots & 0 \\ \vdots & \vdots & \ddots & \vdots \\ 0 & 0 & \dots & k_{nn} \end{pmatrix}, \quad (14)$$

где:

$$\begin{cases} k_{ii} = \frac{IM_{pp,com}^*}{IM_{pp,com}} = F_{pp}(x_{pp,1}, x_{pp,2}, \dots, x_{pp,m}), i \in \text{товарным позициям ОКВЭД}, \\ k_{ii} = 1, i \in \text{позициям услуг ОКВЭД}. \end{cases}$$

$$L^* = \begin{pmatrix} l_1 \\ l_i \\ \vdots \\ l_n \end{pmatrix}, \quad (15)$$

где:

$$\begin{cases} l_i = \frac{IM_{c,com}^*}{IM_{c,com}} = F_c(x_{c,1}, x_{c,2}, \dots, x_{c,m}), i \in \text{товарным позициям ОКВЭД}, \\ l_i = 1, i \in \text{позициям услуг ОКВЭД}, \end{cases}$$

$$T^* = \begin{pmatrix} t_1 \\ t_i \\ \vdots \\ t_n \end{pmatrix}, \quad (16)$$

где:

$$\begin{cases} t_i = \frac{IM_{vnok,com}^*}{IM_{vnok,com}} = F_{vnok}(x_{vnok,1}, x_{vnok,2}, \dots, x_{vnok,m}), i \in \text{товарным позициям ОКВЭД}, \\ t_i = 1, i \in \text{позициям услуг ОКВЭД}, \end{cases}$$

где k_{ii} – диагональные коэффициенты диагональной матрицы индексов изменения коэффициентов прямых затрат импортной продукции в отечественных производствах (управляющий параметр);

$IM_{pp,com}^*$ – потребность в импорте товарной продукции промежуточного спроса после изменения импортопотребления;

$IM_{pp,com}$ – потребность в импорте товарной продукции промежуточного спроса до изменения импортопотребления;

l_i – элементы вектора изменения импорта товаров для конечного потребления (управляющий параметр);

$IM_{c,com}^*$ – потребность в импорте товарной продукции, поступившей в конечное потребление после изменения импортопотребления;

$IM_{c,com}$ – потребность в импорте товарной продукции, поступившей в конечное потребление до изменения импортопотребления;

t_i – элементы вектора изменения импорта товаров для валового накопления основного капитала (управляющий параметр);

$IM_{vnok,com}^*$ – потребность в импорте товарной продукции, поступившей в валовое накопление основного капитала после изменения импортопотребления;

$IM_{vnok,com}$ – потребность в импорте товарной продукции, поступившей в валовое накопление основного капитала до изменения импортопотребления;

F_{pp} – функция спроса на импортные товары для промежуточного потребления;

F_c – функция спроса на импортные товары для конечного потребления домашних хозяйств;

F_{vnok} – функция спроса на импортные товары для валового накопления основного капитала;

$x_{pp,1}, x_{pp,2}, \dots, x_{pp,m}$ – факторы спроса на импортные товары для промежуточного потребления;

$x_{c,1}, x_{c,2}, \dots, x_{c,m}$ – факторы спроса на импортные товары для конечного потребления домашних хозяйств;

$x_{vnok,1}, x_{vnok,2}, \dots, x_{vnok,m}$ – факторы спроса на импортные товары для валового накопления основного капитала.

Следует отметить, что рассчитанные на основе таможенной статистики индексы физического объема и среднеконтрактных цен по направлениям использования, которые легли в основу формирования функций спроса на импорт, позволяют оценить только спрос на товарный импорт, а объемы импорта услуг остаются неизменны. Разработанную модель можно дополнить специальным блоком, отражающим изменение спроса на импортные услуги. Разработка такого блока возможна на основе данных Платежного баланса Российской Федерации по импорту услуг, тем более на сегодняшний день Центральный банк в соответствии с методологией «Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции» (РПБ6), представляет информацию по экспорту и импорту услуг в довольно широкой классификации. Такая информация дает возможность построить функции спроса на импортные услуги по отдельным видам и внедрить полученные функции в общую модель.

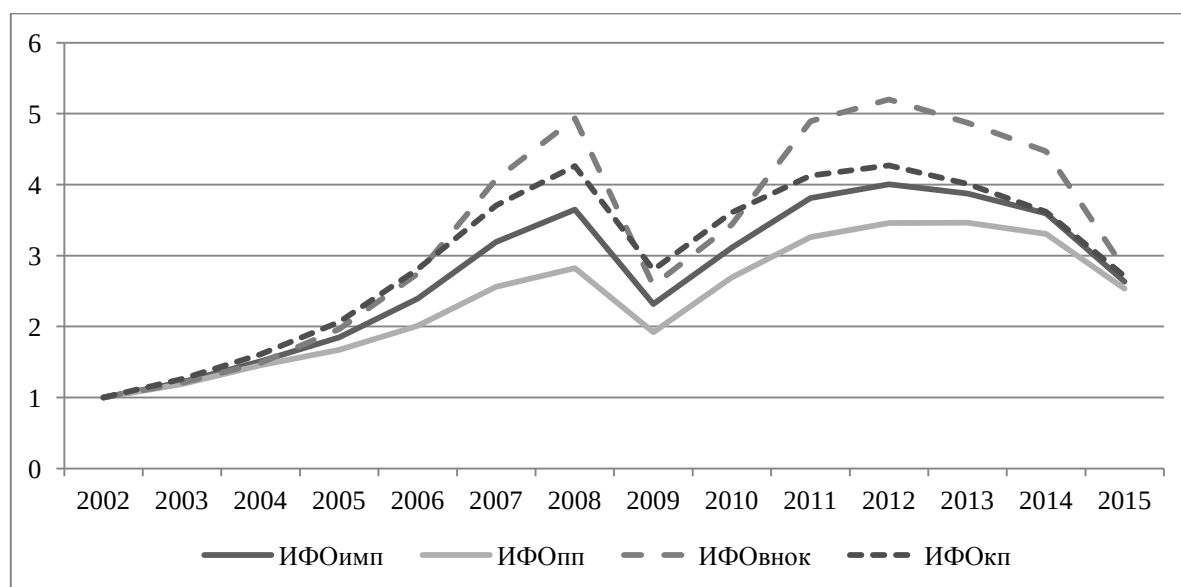
Как было отмечено выше, для оценки функций спроса на товарный импорт по направлениям использования, определяющих управляющие параметры межотраслевой модели, а именно элементы k_{ij} , l_i и t_i , было проведено эконометрическое исследование, позволяющее выявить возможные объясняющие переменные и факторы влияния на спрос на импортные товары (подробнее см. [11]). В результате были получены оценки двухфакторных регрессий, где в качестве объясняющих переменных использовались соответствующие переменные, косвенно или прямо отображающие доход и индекс ценовой конкурентоспособности для каждой группы импортных товаров (см. табл.). В связи с тем, что практически на протяжении всего рассматриваемого периода (кроме 2009 года и периода с 2013 по 2015 г.) физический импорт товаров всех видов рос очень быстрыми темпами (см. рис. 2), то оптимальными оказались регрессионные функции спроса на импорт вида $\ln(y)=a+b*x+c*z$. Полученные регрессии имеют высокий R^2 , при этом все коэффициенты регрессий значимы. Отметим, что знаки перед коэффициентами совпадают с теоретическими предпосылками.

Оценки уравнений регрессий спроса на импорт по видам импорта и их статистические характеристики

Вид имп. товаров	Функции спроса на импорт товаров и стандартные ошибки коэффициентов	R^2
Имп. товары ПП	$\ln(ИФО_{пп}) = -2,96 + 2,29 * CDE + 0,51 * КОНК_{пп}$ s.e. (0,27) (0,25) (0,24)	0,96
Имп. товары для ВНОК	$\ln(ИФО_{внок}) = -1,69 + 0,59 * ИНВ + 1,08 * КОНК_{внок}$ s.e. (0,6) (0,11) (0,27)	0,96
Имп. товары конечного спроса ДХ	$\ln(ИФО_{кп}) = -2,25 + 0,43 * РРДД + 1,8 * КОНК_{кп}$ s.e. (0,23) (0,09) (0,23)	0,96
Итого имп. товары	$\ln(ИФО_{имп}) = -2,63 + 1,36 * ВВП + 1,18 * КОНК_{имп}$ s.e. (0,13) (0,11) (0,14)	0,99
Примечания: ИФО _i – индекс физического объема импорта товаров соответствующего вида; CDE – реальная динамика промышленного производства; КОНК _i – индекс ценовой конкурентоспособности импортных товаров соответствующего вида; ИНВ – реальная динамика инвестиций в основной капитал; РРДД – индекс реальных располагаемых денежных доходов населения; ВВП – реальная динамика ВВП.		

Источник: составлено автором.

Отметим, что в качестве усовершенствования разработанного межотраслевого инструментария по оценке макроэкономических эффектов с регрессионными функциями спроса на товарный импорт можно рассмотреть включение функций спроса на товары, относящиеся к отдельной товарной группе, например, раздел/подраздел ОКВЭД или код ОКВЭД, с учетом направления использования. Созданная экспертная база по индексам физического объема и среднеконтрактных цен на импортные товары, как было отмечено выше, позволяет оценить дезагрегированные функции спроса, однако данная работа требует специального исследования по поиску и выявлению факторов влияния на спрос на отдельные импортные товары или группы товаров. Одним из вариантов может стать создание функций спроса не для всех товаров и товарных групп, а только для проблемных позиций, например, отдельных позиций машиностроения или химических производств, по которым наблюдается высокая импортозависимость. Это позволит оценивать макроэкономические эффекты по наиболее проблемным «точкам» экономики.

ИФОимп – индекс физического объема на импортные товары, всего;
 ИФОпп – индекс физического объема на импортные товары промежуточного потребления;
 ИФОВнок – индекс физического объема на импортные товары для валового накопления капитала;
 ИФОкп – индекс физического объема на импортные товары конечного потребления.

Рис. 2. Базисные (2002 г. = 1) индексы физического объема регистрируемого товарного импорта всего и по основным направлениям использования

Разработанные регрессионные функции задают изменение спроса на импортные товары для межотраслевой модели, что дает возможность оценить чувствительность российской экономики от изменения спроса на импортные товары в зависимости от заданных приростов объясняющих переменных. При этом возможно выявить, изменение какого параметра будет оказывать наибольшее влияние на экономику, что позволит вырабатывать наиболее оптимальные решения в области государственной политики. Следует отметить, что расчеты оценки чувствительности российской экономики с применением инструментария межотраслевого баланса осуществлялись по статической схеме, при этом применялись следующие гипотезы:

- изменение управляющих макроэкономических и ценовых параметров влияет лишь на изменение спроса на импорт товаров;
- не учитывались дополнительные потребности в инвестиционных ресурсах, необходимых для расширения и модернизации производства при изменении импортопотребления;
- не учитывались косвенные эффекты, возникающие при изменении импортопотребления;
- изменения спроса на импортные услуги не происходит;
- не учитывались ценовые эффекты, возникающие за счет различия в уровнях цен на отечественную и импортную товарную продукцию.

Несмотря на узость постановки возможных сценариев из-за применения указанных гипотез, модель позволяет охарактеризовать ряд общих особенностей формирования макроэкономических эффектов от изменения спроса на импорт. Также следует отметить, что расчеты оценки чувствительности при изменении параметров проводятся в условиях «стационарной» экономики 2011 года, так как российская статистика располагает отчетной системой таблиц «Затраты–Выпуск» лишь за этот год.

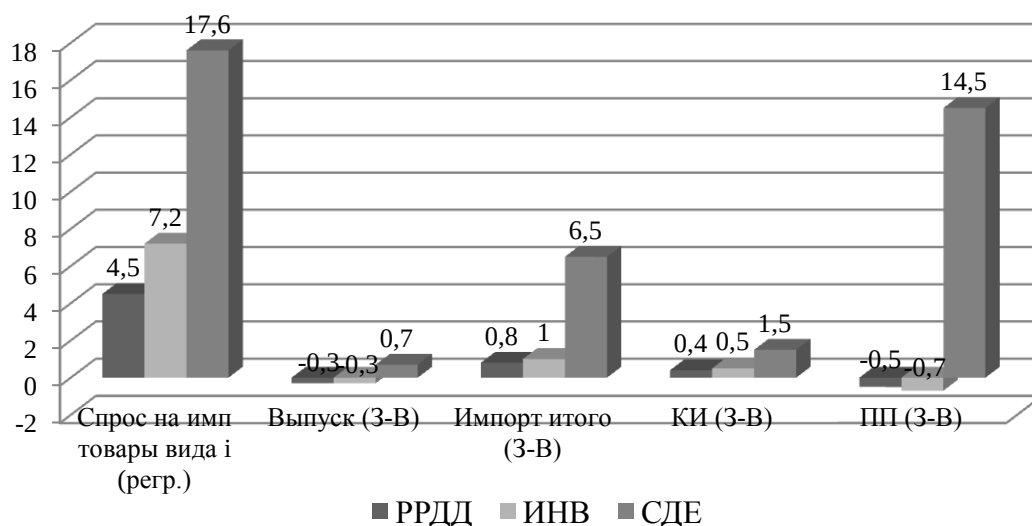
В качестве экспериментальных расчетов, позволяющих продемонстрировать возможности разработанной модели, можно оценить несколько сценариев, когда изменяются либо макроэкономические параметры, либо ценовые факторы. Возможные сценарии позволяют оценить

воздействие на экономику изменения спроса на импорт, проанализировать реакцию различных видов деятельности на изменение импортопотребления, оценить итоговое изменение импортопотребления и конечного потребления в экономике. Решение таких задач может служить основой для принятия государственных решений в области управления экономикой и импортопотреблением. Наличие такого инструментария оценки влияния актуально для России сегодня, так как на различных уровнях активно обсуждаются вопросы снижения импортозависимости, обеспечения экономической безопасности и возможность принятия адекватных государственных решений в области импортопотребления.

Так, в качестве примера использования макроэкономического инструментария со встроенными функциями спроса можно рассмотреть несколько различных сценариев изменения факторов, влияющих на спрос на импортные товары:

1. Увеличение реальных денежных доходов населения на 5 % при неизменных остальных параметрах.
2. Увеличение инвестиций на 5 % при неизменных остальных параметрах.
3. Рост индекса промышленного производства на 5 % при неизменных остальных параметрах.
4. Рост курса доллара на 10 % при одновременном увеличении индекса потребительских цен на 8 % и при неизменных остальных параметрах.

По первым трем сценариям итоговые результаты расчетов представлены на рисунке 3.

РРДД – сценарий изменения реальных располагаемых денежных доходов населения;

ИНВ – сценарий изменения индекса инвестиций в основной капитал;

СДЕ – сценарий изменения индекса промышленного производства;

Рег. – изменения в регрессионной функции спроса соответствующего вида;

3-В – таблица «Затраты–Выпуск»;

КИ – изменение показателя «итого конечное использование в таблице “Затраты–Выпуск”»;

ПП – изменение показателя «итого промежуточное использование в таблице “Затраты–Выпуск”».

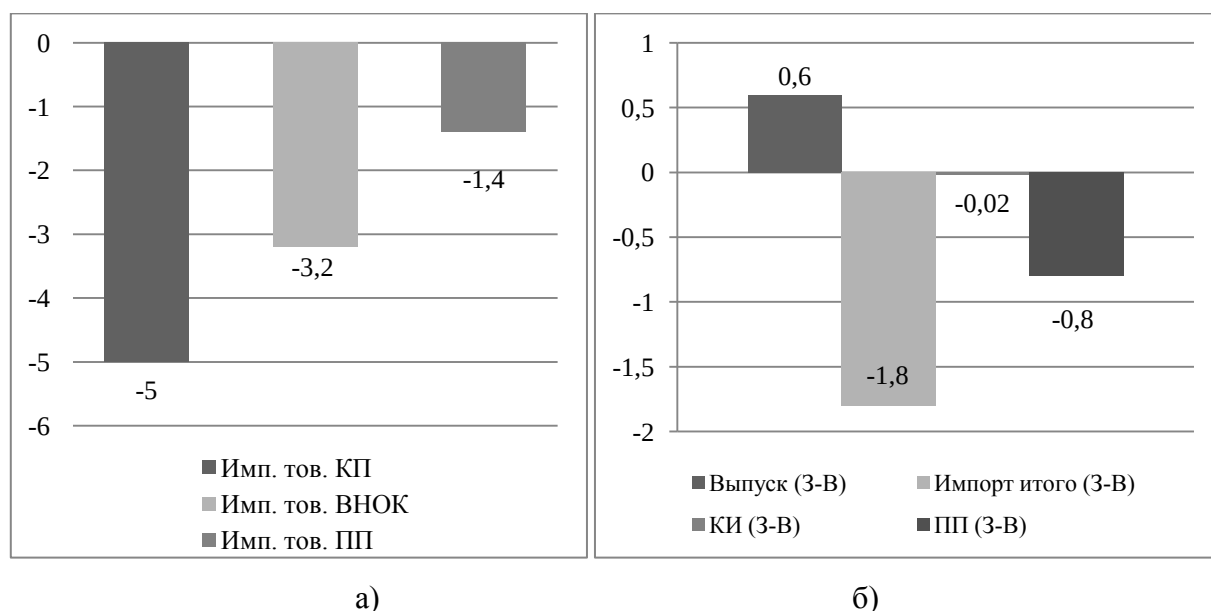
Рис. 3. Изменение основных параметров межотраслевой модели по первым трем сценариям

Рисунок 3 показывает, что увеличение спроса на импортные товары для конечного потребления и валового накопления капитала позволяет сэкономить определенный объем отечественных ресурсов (снижение выпуска), что, с одной стороны, позволяет высвободить ресурсы на достижение определенных целей по развитию наиболее важных производств, с другой стороны, увеличивает импортозависимость экономики. Применение такого сценария при проведении

государственной политики требует всестороннего анализа всех возможных плюсов и минусов как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Изменение спроса на импортные товары промежуточного потребления за счет роста индекса промышленного производства стимулирует развитие экономики в целом (рост выпуска) и конечного использования, однако импортозависимость в данном случае также повышается. Однако использование данного сценария при проведении государственной политики требует выработки целого комплекса прямых и косвенных мер по стимулированию промышленного производства в различных видах деятельности.

Четвертый сценарий базируется на изменении ценовой конкурентоспособности импортных товаров и последующем изменении спроса на импортные товары всех видов. Рост курса доллара на 10 % при одновременном увеличении индекса потребительских цен на 8 % и при неизменных остальных параметрах, согласно формуле (1), приводит к снижению ценовой конкурентоспособности импортных товаров на 1,8 % (то есть выгоднее становится покупать отечественные товары). На рисунке 4 представлено изменение спроса на импортные товары всех видов (см. рис. 4а) и итоговые изменения в модели «Затраты–Выпуск» (см. рис. 4б).

Имп. тов. КП – изменение импорта товаров конечного потребления;
 Имп. тов. ВНОК – изменение импорта товаров, идущих в валовое накопление основного капитала;
 Имп. тов. ПП – изменение импорта товаров промежуточного потребления;
 З-В – таблица «Затраты – Выпуск»;
 КИ – изменение показателя «итого конечное использование в таблице “Затраты – Выпуск”»;
 ПП – изменение показателя «итого промежуточное использование в таблице “Затраты – Выпуск”».

Рис. 4. Изменение спроса на импортные товары (а) и основных параметров межотраслевой модели (б) ценовому сценарию

Так, на снижение ценовой конкурентоспособности наиболее остро реагирует спрос на импортные товары конечного потребления, так как населению довольно просто переключиться с приобретения импортных на приобретение отечественных товаров. Спрос на импортные товары промежуточного потребления существенно менее эластичен и во многих видах деятельности в значительной степени зависит от уже сложившихся технологических цепочек, которые невозможно изменить достаточно быстро. Спрос на импортные товары, идущие во ВНОК, при изменении ценовой конкурентоспособности демонстрируют большую эластичность по сравнению с товарами промежуточного потребления, что может говорить о том, что в современных условиях

предприятия довольно остро реагируют на негативные макроэкономические изменения снижением инвестиционной активности, направленной на закупку иностранного оборудования.

В целом снижение ценовой конкурентоспособности импортных товаров ведет к росту выпуска в отечественной экономике и снижению импорта и импортозависимости. Однако применение данного сценария требует рассмотрения не только дополнительных макроэкономических эффектов в экономике в сфере импортопотребления, но и эффектов, связанных с ростом курса и индекса потребительских цен.

Отметим, что при расчете сценариев отдельно можно проанализировать изменения параметров таблицы «Затраты–Выпуск» на детализированном уровне, для отдельных разделов и подразделов ОКПД. Более детальная картина позволит понять отдельные процессы, происходящие при производстве и потреблении определенной продукции.

Таким образом, разработанный межотраслевой инструментарий со встроенными функциями спроса на импортные товары позволяет рассматривать и анализировать реакцию экономики на изменение ценовых и макроэкономических параметров, изменяемых в том числе за счет государственной политики. Это дает возможность оценивать последствия государственных решений и формировать наиболее эффективную стратегию принятия управленческих решений. При этом данный инструментарий наглядно демонстрирует изменение импортозависимости экономики в целом и по отдельным видам продукции в зависимости от изменения факторов спроса на импортные товары. Разработанный инструментарий может быть усовершенствован (о конкретных возможных направлениях усовершенствования говорилось в статье), однако уже сейчас он представляет собой целостную систему, которую можно применять для анализа макроэкономических эффектов при изменении спроса на импорт товаров.

Литература

1. Емельянов С.С. Динамика объема и технологической структуры внешней торговли РФ, возможности прогнозирования с помощью макроэкономических показателей // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2006. С. 34-59.
2. Ивантер В.В. Цифры без ретуши // Российская газета – Федеральный выпуск. 2017. № 7236. 4 апр.
3. Идрисов Г.И. Факторы спроса на импортные товары инвестиционного назначения в России. М.: Ин-т Гайдара, 2010. 204 с.
4. Кнобель А.Ю. Оценка функции спроса на импорт в России // Прикладная эконометрика. 2011. № 4. С. 3–26.
5. Кувшинова О. Население все больше зависит от выплат из бюджета // Ведомости. 2017. 15 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/02/15/677712-naselenie-zavisit-ot-viplat>.
6. Мереминская Е. Государство и госкомпании контролируют 70% российской экономики // Ведомости. 2016. 29 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekonomiki>.
7. Национальные счета России в 2011–2016 годах [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_15/Main.htm.
8. Стрижкова Л.А. О структуре стоимости конечной отечественной продукции на основе межотраслевого метода // Экономист. 2013. № 6. С. 61–71.
9. Стрижкова Л. А. Использование таблиц «Затраты–Выпуск» при оценке зависимости российской экономики от импорта и процессов импортозамещения // Вопросы статистики. 2016. № 5. С. 3–22.
10. Стрижкова Л.А., Тишина Л.И. О ловушке импортопотребления // Экономист. 2012. № 5. С. 18–30.
11. Тишина Л.И. Факторные функции спроса на импортные товары по основным направлениям использования: конечное потребление, промежуточное потребление и валовое накопление // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 76–96.

Коррупция: искоренить нельзя смириться

Р. МИЯНОВ

9 декабря – Международный день борьбы с коррупцией. Отмечается он по инициативе Организации Объединенных Наций, предложившей «Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята на Генеральной Ассамблее ООН в октябре 2003 года). В преамбуле Конвенции объявлено, что «коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран, что обуславливает исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней» [5]. Этим актом мировое сообщество объявило коррупцию глобальной проблемой и угрозой современности. И сегодня тема коррупции – едва ли не самая актуальная после цен на нефть, протекционизма в торговле, валютных войн, долговых кризисов на экономических и политических площадках различных международных форумов.

По общепринятому определению, коррупция (от лат. *corrumpere* – растлевать, лат. *corruptio* – подкуп, порча, растление, продажность, разложение) – термин, обозначающий использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав, а также связанных с этим официальным статусом авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам [6]. Международный валютный фонд предлагает расширенное определение понятия «коррупция»: различные способы незаконного использования активов общества в частных целях. Впервые фонд признает, что коррупция может поражать и процесс законотворчества в рамках «захвата государства». При этом допускается, что коррупционный акт может и не приносить прямой материальной выгоды чиновнику [1].

По определению Transparency International, неправительственной международной организации по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру, коррупция – это злоупотребление доверенной властью в частных интересах [8].

Важнейшим направлением деятельности Transparency International является составление индекса восприятия коррупции (ИВК) (The Corruption Perceptions Index) – ежегодного рейтинга государств мира, отражающего оценку уровня восприятия коррупции аналитиками и предпринимателями по десятибалльной шкале. Данный индекс – сводный индикатор, рассчитываемый на основе данных, полученных из экспертных источников, представленных международными организациями. Все источники измеряют общую степень распространенности коррупции (частотность и/или объем взяток) в государственном и экономическом секторах и включают оценку множества стран. Первое место в ИВК-2016 разделили Дания и Новая Зеландия (по 90 баллов), второе заняла Финляндия (89 баллов), третье – Швеция (88 баллов). Аутсайдеры рейтинга – Северная Корея (12 баллов), Южный Судан (11 баллов) и Сомали (10 баллов). Состав лидеров и аутсайдеров по сравнению с 2015 годом почти не изменился [2].

«Росту коррупции в мире способствует возросший популизм», – считают представители Transparency International. Политики-популисты, несмотря на свои обещания, на деле с коррупцией не борются, а еще больше усугубляют ситуацию. Глава исследовательского отдела Transparency International Финн Айнрих приводит в пример лидеров Турции и Венгрии, а также нового президента США Дональда Трампа, который уже стал назначать на высокие посты людей из своего ближайшего окружения. «С одной стороны, Дональд Трамп пришел к власти на

Миянов Равиль Амирович, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: miyanov@bk.ru

волне антикоррупционных обещаний, как это было в Турции и Венгрии. Он обещал осушить это болото, но если посмотреть на его действия – налицо кумовство. Его зять назначен старшим советником, а многие члены его администрации замешаны в конфликты интересов. Эти люди выступают не за прозрачность, а за тайные коррупционные сделки» [10].

Современная коррупция динамична и многогранна. В связи с необходимостью анализа состояния и прогнозирования ее развития в последние годы получили широкое распространение всевозможные индексы и рейтинги. Они служат не только важным инструментом анализа и оценок, но и выступают значимым фактором поддержки управленческих решений как на уровне страны в целом, так и на уровне отдельных регионов и организаций. И хотя за последние годы они снискали себе репутацию одного из инструментов манипуляции и стали одним из факторов, усугубивших и без того тяжелую ситуацию в мировой экономике, тем не менее, они остаются средством оперативной и наглядной демонстрации среза текущего развития общества, экономики или государства.

Основной закономерностью, обнаруженной при анализе пространственных особенностей коррупции, является наличие обратной зависимости между коррумпированностью страны и уровнем ее экономического развития: чем выше уровень экономического благополучия (ВВП на душу населения), тем меньше чиновники склонны прибегать к незаконным методам получения прибыли, тем строже антикоррупционные меры и тем сильнее гражданское общество (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение уровня коррупции с размером валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения в наименее и наиболее коррумпированных странах мира*

Место	Страна	ВВП на душу населения, 2017		Индекс восприятия коррупции, 2016–2017		Общий рейтинг
		Место	\$	Место	Баллы	
1	Норвегия	1	82 330	6	85	7
1	Швейцария	2	81 240	5	86	7
1	Дания	6	56 730	1	90	7
2	Швеция	8	54 630	4	88	12
3	Люксембург	3	76 660	10	81	13
4	Сингапур	7	51 880	7	84	18
5	Исландия	5	56 990	14	78	19
6	Австралия	9	54 420	13	79	22
7	США	7	56 180	18	74	25
8	Ирландия	10	52 560	19	73	29
9	Катар	4	75 660	31	61	35
	<i>Россия</i>	<i>81</i>	<i>9 720</i>	<i>131</i>	<i>29</i>	<i>212</i>
–	Северная Корея	–	С	174	12	–
–	Южный Судан	210	820	175	11	385
–	Сомали	–	С	176	10	–

*Источник: составлено автором.

**С – категория стран с низким уровнем дохода на душу населения.

Рейтинг прогнозируемо возглавляют скандинавские страны, а также благополучная Швейцария. В этих государствах, по оценкам экспертов, нет либо почти нет взяточничества. Сочетание

доверия и контроля присущи всему обществу в североевропейских странах, и поэтому грубые формы коррупции здесь – большое исключение.

Чем более обеспечены члены общества, тем они менее склонны подвергать риску свое благосостояние и идти на конфликт или нарушение существующих правил и законов. В том уникальном случае, когда риск коррупции не является экономически оправданным, исчезает стимул и сама причина злоупотребления властью. И, наоборот, бедность и коррупция – две стороны одной медали. Чем выше уровень коррупции, тем беднее страна. Чем беднее страна – тем выше уровень коррупции. Венесуэла, Гвинея-Бисау, Афганистан, Ливия, Судан, Йемен, Сирия, Северная Корея, Южный Судан, Сомали замыкают топ-10 стран рейтинга по уровню восприятия коррупции. Эти страны по официальной аналитической классификации Всемирного банка относятся к категории стран с низким уровнем дохода на душу населения (от \$ 1 035 и ниже).

Чтобы выявить причинно-следственные связи коррупции с иными общественными и социальными явлениями в жизни общества, составим сводную таблицу рейтингов и сравнений стран на основе международных комплексных индикаторов (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинги и сравнения стран на основе международных комплексных индикаторов*

Страна	ИВК	РЭС	РГК	ВБ	РЗС	РМТ	РВЗ	РУС	РУГ	ИЧР
Дания	1	12	12	3	8	17	1	2	6	4
Новая Зеландия	2	3	13	1	5	4	8	8	30	9
Финляндия	3	24	10	13	1	5	3	5	12	24
Швеция	4	26	7	9	2	9	4	9	7	14
Швейцария	5	4	1	31	7	7	?	4	5	3
Норвегия	6	32	11	6	6	12	2	1	21	1
Сингапур	7	2	3	2	3	1	9	26	20	11
Нидерланды	8	16	4	28	11	3	5	6	1	5
Канада	9	6	14	22	10	14	12	7	11	9
Германия	10	17	5	17	13	10	6	16	16	6
Россия	131	153	38	40	96	105	92	49	48	50

*Источник: составлено автором на основе данных международных организаций.

Условные обозначения:

ИВК – индекс восприятия коррупции 2017 (Всемирный экономический форум).

РЭС – рейтинг экономической свободы стран мира (IEF) 2016 (исследовательский центр The Heritage Foundation совместно с газетой The Wall Street Journal).

РГК – рейтинг глобальной конкурентоспособности 2017–2018 (Всемирный экономический форум).

ВБ – ведение бизнеса: рейтинг стран мира 2017 (Всемирный банк).

РЗС – рейтинг стран мира по уровню защиты прав собственности 2011 (Международный Альянс прав собственности).

РМТ – рейтинг вовлеченности стран в международную торговлю 2014 (Всемирный экономический форум).

РВЗ – рейтинг стран мира по индексу верховенства закона 2016 (Международная неправительственная организация World Justice Project).

РУС – рейтинг стран мира по уровню счастья населения 2017 (Исследовательский центр «Институт Земли»).

РУГ – рейтинг стран мира по уровню глобализации 2017 (Швейцарский экономический институт KOF).

ИЧР – индекс человеческого развития стран мира (Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)).

Среди факторов, учитываемых при составлении представленных рейтингов, важнейшим является уровень коррупции в стране. Так, авторы рейтинга экономической свободы стран мира (IEF) 2016 подчеркивают, что в странах с более свободными экономиками намного выше уровень благосостояния населения. Страны, проводящие политику экономической свободы, создают благоприятные условия для торговли и предпринимательства, которые, в свою очередь, генерируют экономический рост и противодействуют коррупционным проявлениям.

Далее, в мире нет страны с очень высоким уровнем коррупции и одновременно с высоким уровнем конкурентоспособности. Это общее правило, из которого нет исключений. В мире также нет стран с низким уровнем коррупции и одновременно с низким уровнем конкурентоспособности. Это также является общим правилом, у которого нет исключений. А ведь именно конкурентоспособность национальной экономики является определяющим фактором экономического успеха на мировой арене. Именно это обстоятельство и позволяет Швейцарии, которая демонстрирует очень высокие показатели практически по всем параметрам, занимать первое место в GCI восемь лет подряд [7].

Жители стран, находящихся в первой десятке по индексу восприятия коррупции, – самые счастливые. Тому подтверждение – данные рейтинга стран мира по уровню счастья населения [8]. При составлении рейтинга учитываются такие показатели благополучия, как уровень ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, наличие гражданских свобод, чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне, стабильность семей, гарантии занятости, уровень коррупции, а также такие категории, как уровень доверия в обществе, великодушие и щедрость.

Несколько приведенных примеров позволяют сделать вывод: связь между экономическим благополучием и коррупцией безусловна, но она носит сложный характер. То есть рост экономического благополучия в обществе отнюдь не влечет снижения коррупции автоматически, как и наоборот.

Борьба с коррупцией стала важнейшим вопросом политической повестки для многих стран и международных организаций. На протяжении последних 15 лет страны, пораженные масштабной коррупцией и в основной своей массе относящиеся к развивающимся регионам мира, инициировали антикоррупционные реформы, поддержанные международным сообществом. Принято множество многосторонних международных конвенций по борьбе с коррупцией, глобальных и региональных программ и деклараций, посвященных данной проблеме.

МВФ в лице директора-распорядителя Кристин Лагард обращает внимание на необходимость усиления борьбы с коррупцией. По словам К. Лагард, никого сейчас не удивляет, что должностные лица берут взятки, а некоторые компании стремятся их им предложить. Согласно оценке МВФ, ежегодный объем взяток во всем мире составляет от \$1,5 до \$2 триллионов, что составляет приблизительно 2 % от мирового объема ВВП [7].

В начале сентября 2013 года инициативная группа G20 «Открытость и противодействие коррупции» отправила письмо главам государств «двадцатки». В письме говорится: «Для нас в бизнесе борьба с коррупцией – вопрос не только этики или социальной ответственности. Мы знаем, и в ряде случаев – на собственном опыте, что коррупционные действия лишь одного работника-жулика могут уничтожить корпоративную репутацию компании и нанести огромный финансовый ущерб» [10]. Авторы отмечают, что коррупция высасывает ресурсы из компаний и заставляет бизнес снижать инвестиционную активность.

Тема коррупции – одна из ключевых мер по стимулированию мирового экономического роста. На различных международных форумах, прежде всего в рамках ООН, ведется постоянный поиск наиболее эффективных способов противодействия коррупции. Принят целый ряд международных и региональных антикоррупционных конвенций, разработаны механизмы оценки выполнения государствами положений этих международно-правовых актов. Однако полностью искоренить коррупцию на сегодня еще не удалось ни одной стране мира. Признается, что для эффективного противостояния коррупции на национальном уровне необходимо взаимодействие всех государств.

На вопрос о том, является ли коррупция вечным явлением в обществе, ответить однозначно невозможно – сама по себе коррупция не исчезнет. С ней придется долго и планомерно бороться.

Литература

1. Бутрин Д. На эти два процента и живут // Коммерсант. 2017. 30 мая.
2. Индекс глобальной конкурентоспособности [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info>
3. Институт земли: рейтинг стран мира по уровню счастья населения в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2017/03/20/7316>.
4. Индекс восприятия коррупции–2016: положение России не изменилось [Электронный ресурс]. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/>
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/2563049/1/#friends>
6. Коррупция [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Коррупция>
7. МВФ: объем взяток в мире составляет до \$2 трлн в год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/91103>
8. Наумов А. Коррупция: причины возникновения, влияния и методы борьбы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirec.ru/2009-01/korruptsiya-prichiny-vozniknoveniya-vliyaniya-i-metody-borby2>
9. G20 против коррупции [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2013/09/3/g20-protiv-korruptsii/>
10. Transparency International связала рост коррупции в мире с ростом популизма [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.euronews.com/2017/01/25/transparency-international-2016-corruption-perception-index>.

Место и роль социальной экономики в эволюционном развитии общества

О. ВОДЯНЕНКО

В России идут процессы реформирования экономической системы, в результате которых наблюдается превращение индустриальной державы в страну с социально ориентированным хозяйством. В современных условиях, когда основной характеристикой развития экономики должна стать ее социальная направленность, перед экономической наукой стоят задачи нового осмысления проблем модернизации экономики, социальной сферы и социальной политики.

В теории и практике последних десятилетий экономические процессы воспринимались как доминирующие, а социальные – как производные, как бы сопутствующие общественному развитию. Наиболее выраженное проявление такого подхода – разделение экономической эффективности и социальной справедливости. Однако многих исследователей такое положение дел не устраивает, поэтому развиваются самостоятельные научные направления, которые пытаются органично объединить социальные и экономические аспекты общественного развития. Общая идея состоит в неразрывной связи и активном взаимовлиянии экономики и социальной сферы и, соответственно, экономической и социальной политики.

Водяненко Олег Игоревич, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории Саратовского социально-экономического института (филиала) РЭУ им. Г.В. Плеханова. E-mail: vodio@mail.ru

Экономику можно рассматривать как хозяйственную деятельность общества и совокупность отношений между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления продуктов и услуг, образующих конкретную экономическую систему. При анализе экономических отношений большое значение имеет уровневая характеристика экономической системы. Исходя из этого критерия различают миниэкономику (домохозяйство, семья), микроэкономику (предприятия и организации), мезоэкономику (регионы, хозяйственные комплексы), макроэкономику (национальное хозяйство), мегаэкономику (мировую экономику).

Кроме того, существуют различные формы социально-экономических систем. Они различаются способами организации и координации хозяйственных взаимодействий, методами и принципами управления хозяйственными отношениями. Широкое распространение получила следующая классификация экономик: традиционная, рыночная, плановая, переходная и социально ориентированная. Однако данная классификация не является исчерпывающей.

Также следует обратить внимание на известное теоретическое деление в эволюционном развитии общества на три этапа: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное. Однако представляется, что на постиндустриальной фазе должны быть свои этапы зрелости производительных сил и формы существования экономических отношений. Поэтому предлагается выделить у постиндустриального общества две стадии зрелости: первая – социально ориентированная экономика как ее начальная ступень развития, вторая – развитая социальная экономика как хозяйство, в полной мере отражающее содержание выражающих их экономических отношений. Логика эволюционного развития экономики и общества выдвигает на первый план как адекватную экономическую форму постиндустриального общества социальную экономику, где основой развития производительных сил становятся информационные, нано- и биотехнологии, а ключевым звеном – человек, прямо или косвенно управляющий системой факторов производственного процесса (см. табл.).

Социальная экономика и эволюция общества

Информационные, нано- и биотехнологии	Постиндустриальное общество	Человек, управляющий факторами производства
	Развитая социальная экономика – 2 стадия	
	Социально ориентированная экономика – 1 стадия	
Индустриальные технологии	Индустриальное общество	Человек как один из факторов производства
Аграрные технологии	Доиндустриальное общество	Человек как важнейший ресурс

При этом не следует отождествлять постиндустриальную экономику и информационную экономику, как принято в ряде научных работ. Информатизация экономики – это лишь инструмент в развитии самого человека и общества. А информационные технологии обеспечивают лишь базу для перехода от индустриальной экономики к социальной.

В мире социально ориентированная экономика начала формироваться после Второй мировой войны и сегодня существует практически во всех развитых странах и части развивающихся стран. Российская конституция провозглашает примат социально ориентированной экономики. Вместе с тем, более интенсивное использование системы современных технологий рядом стран создает экономическую возможность ускоренно двигаться по пути становления развитой социальной экономики (например, скандинавские страны).

Итак, социальная экономика – экономика, ориентированная на развитие человека, гуманизацию производства, достижение социально-экономического прогресса. «Именно такая социально ориентированная экономика является наиболее эффективной и наиболее динамично развивающейся на рубеже XX и XXI веков».

Предметом социальной экономики являются экономические отношения и закономерности развития народнохозяйственного комплекса, сознательно ориентированного на решение социальных проблем. Объектом анализа социальной экономики являются процессы, происходящие в социальной сфере экономики, а также социальные аспекты жизнедеятельности человека.

Все экономические процессы и явления, влияющие на благосостояние населения, – социальная сфера экономики. Поэтому важным направлением изучения социально ориентированной экономики выступают потребности населения: их природа, процессы формирования потребительских запросов, рациональные потребности социальных групп, семьи, человека [10].

В пространственное поле предмета социальной экономики включены доходы различных групп населения: источники, виды, уровень доходов, степень дифференциации, соотношение доходов и расходов, потребительские бюджеты человека, семьи, профессиональных групп и др.

Социальная экономика органично связана с формами собственности, особенно в части влияния отношений владения, распоряжения и присвоения на доходы и благосостояние людей и социальных групп. Вот почему отношения по поводу личной, семейной, акционерной и других форм собственности относятся к социальным проблемам [12]. Соответственно, предметом интереса социальной экономики становятся денежные накопления и сбережения, имущественное состояние людей, социальных групп.

Таким образом, функционирование экономики, направленное преимущественно на наиболее полное удовлетворение потребностей человека, семьи, повышение их благосостояния, называют социально ориентированной экономикой.

Ключевой для развития любой экономической системы является проблема взаимодействия работника и средств производства, качества спецификации прав собственности. Абстрактно можно утверждать, что появление адекватных для формируемой экономической системы отношений собственности демонстрирует достижение этой системой зрелого состояния. При этом сначала складывается адекватная система отношений распределения, а затем начинается процесс воспроизводства новой экономической системы: капиталистическая модель спросоограниченной экономики либо «экономика дефицита» или ресурсоограниченная экономика, базирующаяся на государственно-бюрократической системе отчуждения работника от средств производства, превращенных формах коллективизма и социального творчества, энтузиазма. Но независимо от конкретных форм реализации социально-экономических отношений возникает специфическая самовоспроизводящаяся экономическая система.

В рамках модели социального рыночного хозяйства или социал-демократической модели предполагается отчуждение части прибыли, передачу ее наемным работникам, диффузия собственности.

В условиях социалистической экономики наибольшего уровня развития достигли отрасли национальной производственной инфраструктуры и тяжелой промышленности. Ввиду своей высокой капиталоемкости и достаточно длительного производственного цикла и цикла обновления капитала эти отрасли традиционно считались непривлекательными для частного бизнеса. Следовательно, осуществляемый прямой государственный контроль деятельности компаний в вышеназванных отраслях выступал как одна из наиболее действенных форм контроля благополучности развития национальной экономики. Соответственно, при переходе к экономической системе, механизм координации в которой включает рыночные рычаги, произошел отказ не только от бюрократизированной и инертной системы государственного управления предприятиями, но и снизилось значение прямого государственного контроля функционирования отраслей для общего состояния экономики.

Следует четко разделять феномен социальной и социалистической экономики.

Социалистической экономике свойственны следующие черты:

– общественная собственность, обеспечивающая основы социального равенства, полной занятости и отсутствие эксплуатации;

- планомерность экономического развития, обеспечивающая быстрые темпы развития и возможность концентрации ресурсов в наиболее передовых отраслях (космическая промышленность, машиностроение, военно-промышленный комплекс);
- социальная справедливость и защищенность, обеспечиваемая через механизмы распределения по труду и общественные фонды потребления;
- бескризисное воспроизводство, направленное на развитие человека.

Трансформация социалистической экономики может осуществляться по пути развития «рыночного социализма», многовариантности моделей социализма, становления «реального социализма», планово-бюрократической экономики [4].

В социальной экономике возрастает роль распределительной функции государства. Основная цель перераспределения валового внутреннего продукта состоит в обеспечении более благоприятных условий жизни для большинства населения страны. Формами реализации этой цели выступают государственный бюджет, перераспределение финансовых средств, трансфертные платежи, государственные целевые программы по стабилизации доходов.

Социальные институты государства занимаются решением проблем улучшения жизнеобеспечения людей, устанавливают государственные стандарты социальной поддержки нуждающихся. Эти стандарты и нормы зависят от исторических, экономических, политических, этических и других условий, сложившихся в обществе [6].

Кроме того, социальную экономику не следует отождествлять с «социоэкономикой» [1; 8]. «Социоэкономика» – это научное направление, возникшее под воздействием широкого спектра теоретических и практических вызовов на разных уровнях хозяйствования. Главное в «социоэкономике» – это попытка увязать экономический подход с идеями других социальных наук [8]. По мнению авторов, это должно способствовать становлению нового знания через экономический анализ социальных ресурсов и повышению эффективности принимаемых решений. Это близко к междисциплинарной версии социоэкономики американского ученого А. Этциони [11], который прямо дистанцируется как от экономического империализма, так и от неоклассической теории, считая, что рациональное поведение задается и структурой личности, и структурой общества.

Определенный научный интерес представляет разрабатываемая Р.С. Гринбергом и А.Я. Рубинштейном концепция экономической социодинамики. В содержательном плане это возможности гармонизации социальных интересов и индивидуальных предпочтений, когда требуется сводить воедино решения общественных институтов и рынка. Проблема в том, что и групповые и индивидуальные интересы требуют для своего решения определенный объем ресурсов, которые распределяют и перераспределяют в зависимости от силы и значимости акторов экономики. В результате предлагается новая трактовка понятия «смешанная экономика», где расширяется сфера действия механизмов рынка и государственной активности. Это дает практическую основу для определения уровня государственных вложений в социальную сферу. По мнению авторов, современная экономика России – «рыночная, но асоциальная, ориентированная на сиюминутную прибыль при практически полном забвении и игнорировании общественного интереса» [2]. Поэтому необходима реализация общественных интересов на базе взаимосвязи индивидуальных и групповых предпочтений.

Принципы социальной экономики – это многократно проверенные на практике (подтвержденные практическим опытом) положения о поведении субъектов социальной сферы, которыми руководствуются люди в своей практической деятельности. Научные принципы, хотя и субъективны по форме, несут объективный характер, поэтому следование им обеспечивает положительные результаты. В своей деятельности субъекты социальной экономики должны руководствоваться принципами гуманизма, социальной справедливости, общественной целесообразности, экономической эффективности, приоритета государственных начал, экономической самостоятельности местных органов власти [9].

Принцип гуманизма выражается в признании человека высшей ценностью, в защите его гражданских прав, в создании благоприятных условий для его всестороннего развития [5].

Принцип социальной справедливости выражается в различных формах:

- справедливая цена труда (заработная плата);
- справедливый доход производителя, предпринимателя;
- сокращение разрыва между минимальной и средней заработной платой;
- сокращение разрыва между средней пенсией и заработной платой;
- ограничение роста доходов руководящего состава (по сравнению с зарплатой подчиненных работников) на предприятиях и организациях государственной формы собственности;
- недопущение чрезмерных различий в оплате одинакового по качеству труда (одинаковых профессий) в различных министерствах, ведомствах, департаментах. Это в полной мере можно отнести и к отраслям народного хозяйства;
- законодательное установление справедливого соотношения между оплатой труда в бюджетной и небюджетной сферах народного хозяйства и др.

Принцип общественной целесообразности выражается в распространении социальных льгот и преференций только на тот контингент населения, который реально нуждается в поддержке и социальной защите. Нарушение данного принципа, как подтверждает опыт стран с развитой рыночной экономикой, снижает трудовую мотивацию, приводит к росту числа иждивенцев. Воплощением этого принципа в работе социальных служб стала система адресной социальной помощи конкретным категориям населения.

Принцип экономической эффективности выражается в установлении оптимального соотношения между объемами финансирования социальной сферы и реальным состоянием экономики (темпы экономического роста, доходы населения в реальном и финансовом секторах экономики, фазы экономического цикла, международная политическая обстановка и др.). Реализация принципа экономической эффективности предполагает также рациональное использование финансовых ресурсов субъектами социальной сферы.

Принцип приоритета государственных начал выражается в том, что именно государство должно выступать основным гарантом социальной защиты населения. Другие экономические субъекты могут принять локальное участие в удовлетворении потребностей незащищенных групп населения.

Принцип экономической самостоятельности местных органов власти выражается в разграничении социальных полномочий между федеральными институтами и другими уровнями власти. Региональные и муниципальные органы управления должны иметь достаточный объем финансовых средств для выполнения своих социальных обязательств перед населением.

Несмотря на ошибки, допущенные в процессе реформирования, в целом в России сформированы основы социального рыночного хозяйства.

К таким предпосылкам следует отнести:

- наличие политических и экономических свобод;
- ликвидация монополии государственной собственности;
- формирование конкурентной среды и механизмов рыночного ценообразования;
- создание основ рыночной и социальной инфраструктуры;
- формирование смешанной экономики, сочетающей государственные рыночные механизмы и методы ее регулирования;
- формирование основных институтов системы социальной защиты населения [3].

Российская действительность еще далека от идеалов социальной экономики государства. Основным субъектом реализации социальной политики выступает государство. Государству приходится решать вопросы на глобальном и национальных уровнях. Уровень конкурентоспособности современной экономики в условиях глобализации определяется стоимостью и

качеством человеческого и интеллектуального капитала. России уже трудно поддерживать конкурентные позиции по этим параметрам. Низкие темпы роста ВВП и производительности труда ограничивают возможности России в модернизации социальных секторов, обеспечивающих высокое качество человеческих ресурсов (здравоохранение, образование, жилищный сектор); формировании среднего класса общества, сокращении социального неравенства [7].

Формирование экономической системы на основе либерально-капиталистической модели с незначительным государственным вмешательством в экономику представляется для России неприемлемым исходя из следующих обстоятельств. *Во-первых*, это связано с деформацией в развитии экономических и институциональных отношений, отсутствием высокоразвитых форм производственной и социальной инфраструктуры. *Во-вторых*, низкий уровень доходов большинства населения ограничивает возможности приобретения платных услуг социального характера. Если в развитых странах помощь в оплате образования, услуг здравоохранения предоставляется незначительной части низко обеспеченного населения, то в российских условиях государственная социальная поддержка оказывается большинству населения. *В-третьих*, россиянам присущи общность, соборность, коллективизм, которые воспитывались и поддерживались на протяжении всей нашей истории. Данное обстоятельство является серьезным доводом против либерально-капиталистической модели, основывающейся на индивидуализме. *В-четвертых*, необходимо изменить структуру экономики, создать конкурентоспособные отрасли и сформировать шестой технологический уклад. В период же проведения структурной перестройки экономики роль государства всегда повышается, а для нашей страны это чрезвычайно важно.

Перечисленные доводы убеждают в необходимости значительного государственного вмешательства в экономику и неприемлемости для современной России либерально-капиталистической модели. Наиболее приемлемой для России в сложившихся условиях является *социально ориентированная рыночная модель*, отличающаяся сильной государственной экономической политикой.

Предложена авторская концепция становления социальной экономики на основе эволюционного подхода, выражающегося в выделении основных характеристик развития постиндустриальной экономики и обосновании двух этапов ее зрелости – социально ориентированной экономики и социальной экономики. Если социально ориентированная экономика отражает идеологию массового потребления, основанную на индустриальном производстве, то социальная экономика – это персонализированное (индивидуализированное) потребление на базе информационных технологий и производств.

Знание свойств, механизмов, принципов и критериев функционирования социальной экономики необходимо как представителям предпринимательского сообщества, так и государственным органам власти.

Литература

1. Бородкин Ф.М. Социэкономика. Статья 1. Путь к господству над хозяйством // Общественные науки и современность. 2006. № 4. С. 122–136.
2. Гринберг Р.С., Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: ИНФРА-М, 2012.
3. Кочеткова Л.Н. Социальное государство: цели и функции // Социально-гуманитарные знания. Итоги проблемы и перспективы социального государства в России // Политика и общество. 2013. № 3. С. 256–262.
4. Митяева Н.В., Водяненко О.И. Социальная экономика в концепции эволюции социально-экономических систем // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 3. С. 22–26.
5. Орехова Е.А. Гуманизация экономического роста: тенденции и противоречия. Саратов: СГСЭУ. 2013. 128 с.

6. Полин Грин. Социальная экономика и социальное предприятие // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2009. № 3. С. 437–439.
7. Русановский В.А. Демографический фактор долгосрочного экономического роста: возможности, ограничения, асимметрия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 5. С. 41–46.
8. Социоэкономика (для экономистов, менеджеров, госслужащих): уч. пособие. М.: Экономика. 2012. 560 с.
9. Шабанова М.А. Социоэкономика: от парадигмы к новой науке // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 121–133.
10. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 1991.
11. Этциони А. Социоэкономика: дальнейшие шаги // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. Т.3. № 1. С. 65–71.
12. Юрьева Т. В. Социальная экономика: учеб. для студ. вузов, обучающихся по эконом. спец. М.: Дрофа, 2001. 352 с.

Валовой муниципальный продукт: зарубежный и российский опыт оценки и применения

Н. КЛИМОВА

Принцип «управление по результатам», принятый в качестве концептуального в бюджетной сфере, вполне правомерно может быть распространен на социально-экономические системы любого иерархического уровня (страна в целом, регионы, субрегиональные образования). Но если для страны и ее субъектов методологически разработаны и применяются в практике управления индикаторы, которые характеризуют конечный результат их функционирования и развития (ВВП и ВРП), то для уровня субрегиональных образований вопрос о показателе, который может быть конечным измерителем их деятельности, в настоящее время достаточно активно обсуждается в экономической литературе. Существующие российские разработки в данной области не оспаривают положение о том, что в качестве такого измерителя может выступать валовой муниципальный продукт (ВМП). Однако в связи с отсутствием утвержденных методических рекомендаций Росстата по его оценке позиции исследователей по схеме и алгоритму его расчета, как правило, расходятся в силу различий в базовых подходах и их конкретизации в методическом инструментарии оценки. В этой связи несомненно актуальным и практически значимым является исследование существующих подходов к расчету данного показателя посредством анализа зарубежного и российского опыта и оценки целесообразности его использования в практике территориального управления.

Зарубежный опыт расчета ВМП. Зарубежные публикации в области методологии и оценки результирующего показателя развития территориальных образований – GMP (Gross metropolitan product) в основном посвящены научным разработкам и практике применения данного показателя в США и Европе. По своей функциональной направленности данный показатель является аналогом российского ВМП и представляет собой оценку (в стоимостной форме) конечной продукции, произведенной в субрегиональном образовании. Широкая практика использования данного показателя определяется кругом исследовательских и практических задач, которые

Климова Нина Ивановна, д-р экон. наук, профессор, заведующий сектором региональных финансов и бюджетно-налоговой политики Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН. E-mail: klimova_ni_2011@mail.ru

решаются посредством оценки объема GMP и его сопоставления с городскими образованиями «лучшей практики», аналитической проработки динамики и направленности его изменения, выявления уровня эффективности городских экономик и ряда других аспектов, позволяющих задействовать их особенности и ресурсы для обеспечения роста конечных результатов их функционирования и развития.

Для решения этих и других задач в США Бюро экономического анализа (Bureau of Economic Analysis, BEA) при Министерстве торговли Соединенных Штатов в составе официальной статистики рассчитывает GMP (в целом за год и по кварталам). Расчет GMP осуществляется в разрезе городских статистических областей (MSA), которые географически определены Управлением по вопросам управления и бюджета (Office of Management and Budget) и постоянно обновляются в связи с поступлением информации. Согласно принятой методологии расчета GMP городские статистические области выступают в качестве основной учетной единицы. При формировании совокупности учетных единиц предполагается наличие по крайней мере одной урбанизированной территории с населением 50 и более тысяч человек, а также прилегающих территориальных образований, характеризующихся высоким уровнем экономической и социальной интеграции с ядром и тесными коммутирующими связями [8].

Результаты этих расчетов впоследствии используются для оценки ВВП США в территориальном разрезе, что позволяет определить вклад каждого входящего в выборку городского образования в формирование общего результата, рассчитывать и сопоставлять достигнутые в его рамках уровни производительности труда и конкурентоспособности. Опыт данного анализа представляет особый интерес для российской практики территориального управления, поскольку реализация в настоящее время императивов формирования «вертикали власти» экономически не подкреплена соответствующими результативными индикаторами территориального развития на уровне субрегиональных образований.

Методология расчета GMP основана на принципах и приемах системы национального счетоводства, адаптированных к особенностям территориальных экономик с использованием отраслевой статистики и статистики доходов. В результате регулярно осуществляемых публикаций статистики и анализа GMP [11], а также мониторинга показателей эффективности деятельности территориальных экономик администрации всех иерархических уровней управления США, наряду с частными компаниями и всеми заинтересованными лицами, располагают объективной информацией о достигнутых объемах и темпах роста GMP. Кроме того, в их распоряжении выполнены на основе накопленных статистических данных прогнозные параметры GMP [9]. Это позволяет ознакомиться с лучшими практиками достижения конечных результатов развития городских образований, выбирать территориальные зоны для размещения и развития бизнеса, а также направления инвестирования и жизнедеятельности в целом. Так, согласно опубликованному отчету «U.S. Metro Economies. GMP and Employment Report (2015-17)», в 2017 году прирост GMP для всех статистически наблюдаемых городских образований составит 2,7 %, что приведет к увеличению ВВП США. По прогнозам, 81 % (309) городских образований достигнут реального прироста GMP не менее 2 %; 33 % (125) превысят 3 %-ный уровень прироста данного показателя [11].

Аналогичные разработки GMP осуществляются Евростатом при поддержке национальных статистических бюро в странах Евросоюза. Сходной в этих разработках является методологическая основа – принципы и подходы системы национального счетоводства. Но в отличие от США Евростат проводит оценки GMP по городским образованиям (европейским аналогам Metropolitan Statistical Area, MSA), столичным и крупным городам Европы [12].

Широкий диапазон принятых для анализа вопросов позволяет выявить достаточно устойчивые закономерности в части формирования как уровня развития и доминирующих трендов его изменения, так и параметров эффективности и конкурентоспособности разномасштабных городских образований. При этом для совершенствования практики территориального менеджмента особый интерес представляют сравнительные оценки в части: 1) опережающего

роста масштабов столичных городов по сравнению с провинциальными городскими образованиями и усиления асимметрии в их развитии, свидетельствующие о наличии в ряде случаев тенденций формирования моноцентризма; 2) близости параметров развития равномасштабных городских образований вне зависимости от их статусной (столичной или провинциальной) принадлежности; 3) пропорциональности темпов роста GMP численности населения городского образования; 4) доминирующего влияния городов-столиц на развитие национальных экономик; 5) парадоксальности городских экономик и т.д. [10; 12].

Эти и другие выводы, полученные при анализе GMP, активно задействуются в политике территориального управления, повышая уровень экономического обоснования реализуемых управленческих воздействий на развитие городских образований.

Оценка ВМП в регионах Российской Федерации. Несмотря на значительное количество публикаций по проблематике ВМП, его расчет и использование в практике муниципального менеджмента в регионах России осуществляется в инициативном порядке. В числе этих регионов – Челябинская область [5], республики Татарстан [1], Карелия и Коми, а также Новгородская область, Красноярский край и муниципальное образование г. Набережные Челны [6]. Сложившаяся ситуация с расчетом ВМП в значительной степени связана с регламентом работы Росстата и его территориальных подразделений, согласно которому ВМП не входит в число наблюдаемых показателей. Это обуславливает факт отсутствия методических рекомендаций по расчету ВМП и, соответственно, распространенной практики его использования в территориальном менеджменте.

Однако, понимая значимость данного показателя в практике управления территориями, ученые и специалисты в области региональной экономики активно занимаются разработкой методического инструментария его расчета. Основа данного инструментария структурирована и базируется на различных подходах [2]. При этом в числе наиболее часто используемых подходов выделим следующие:

1) факторный подход, использующий в качестве основы теорию факторов производства [4 и др.], а в качестве инструментария оценки – либо формализованную взаимосвязь влияния их уровня на распределение ВРП по муниципальным образованиям, либо производственную функцию Кобба-Дугласа. Идеология метода состоит в распределении ВРП региона между муниципальными образованиями в соответствии с имеющимися в их распоряжении производственными ресурсами;

2) подход, основанный на суммировании первичных доходов в разрезе институциональных секторов экономики муниципального образования;

3) методологию системы национального счетоводства, адаптированную к условиям территориальных экономик и использующую показатель валовой добавленной стоимости в качестве основы формирования ВМП [3; 7 и др.].

Критический анализ изложенных подходов позволяет выделить их достоинства, в числе которых:

– инструментальное преимущество факторного подхода – отсутствие прямого счета и связанной с ним необходимости в наличии детализированной информации по хозяйствующим субъектам при имеющей место вероятности получения искаженных результатов расчета за счет объективно существующей разницы в эффективности использования ресурсной базы муниципалитетов;

– достоинство подхода, основанного на суммировании доходов, в качестве которого следует отметить использование одного из приемов национального счетоводства – формирования конечного результата доходным методом. При этом присущая ему фрагментарность (в части возможностей охвата всех учетных единиц) ограничивает возможности достижения результатов, которые позволят осуществить их адекватное распределение по муниципалитетам.

При этом расчет ВМП по методологии национального счетоводства при всей его трудоемкости базируется на уже сформированных (в рамках расчета ВРП региона) информационных

массивах, требующих «разнесения» по субрегиональным образованиям. Именно это обстоятельство обеспечивает достижение результатов расчетов ВМП, по общему объему максимально приближенных к значению ВРП региона. Тем самым при всей первоначальной трудоемкости выполнения расчетных работ, их итог – оценка результирующего показателя функционирования и развития муниципальных образований, является практически значимой для целей муниципального управления.

Обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что зарубежный и российский опыт оценки ВМП и его широкое распространение в практике развитых стран являются свидетельством необходимости его транспонирования в практику территориального управления России. Таким образом, будет сформирована база экономически взаимосвязанных показателей по всей иерархии территориального управления как основа для оценки деятельности субрегиональных образований, так и для разработки перспектив их развития во взаимосвязи со стратегическими параметрами региона в целом.

Литература

1. Галдина А.А. Показатели системы национальных счетов – международной системы учета и статистики: доклад [Электронный ресурс]. URL: http://monitoring.tatarstan.ru/rus/seminars_ogv.htm?page=2&pub_id=33798.
2. Ижгузина Н.Р. Расчет условно исчисленного валового агломерационного продукта (на примере крупных агломераций Свердловской области) // Журнал экономической теории. 2015. № 2. С. 60–65.
3. Колечков Д.В. Валовой муниципальный продукт: методология, анализ, управление. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2014. 144 с.
4. Макарова М.Н., Козлова О.А. Труд как фактор математической модели валового муниципального продукта // Достойный труд – основа стабильного общества: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2012. Ч. 1. С. 35–39.
5. Прогноз социально-экономического развития города Челябинска на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов. Утв. распоряжением Администрации г. Челябинск от 24.09.2013 № 5777.
6. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования город Набережные Челны до 2021 года и на период до 2030 года. Раздел «Структура экономики» [Электронный ресурс]. URL: <http://nabchelny.ru/page/262>.
7. Татаркин А.И., Козлова О.А., Тимашев С.А. Вопросы (проблемы) методического обеспечения расчета валового муниципального продукта // Безопасность критичных инфраструктур и территорий. 2012. № 1. Т. 3. С. 3–8.
8. GDP by Metropolitan Area Methodology, September, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bea.gov/regional/pdf/GDPMetro2015.pdf>.
9. Gross Metropolitan Product (GMP) of the United States in 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/183808/gmp-of-the-20-biggest-metro-areas/>
10. Strano E., Sood V. Rich and Poor Cities in Europe. An Urban Scaling Approach to Mapping the European Economic Transition [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0159465>.
11. U.S. Metro Economies. GMP and Employment Report: 2015-2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://uscm.wpengine.com/wp-content/uploads/2017/02/201606-metroeconomies.pdf>.
12. Urban Europe Statistics on cities, towns and suburbs: 2016 edition [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/7596823/KS-01-16-691-EN-N.pdf>.

Развитие социального предпринимательства: федеральный и региональный аспекты

3. САБИРОВА

В последнее время социальное предпринимательство стало одной из самых обсуждаемых тем развития предпринимательской деятельности. Термин «социальное предпринимательство» используется в контексте уточнения предпринимательского поведения, направленного на решение социальных задач и проблем.

В целом в России, по мнению экспертов, обнаруживаются четыре подхода к пониманию практики социального предпринимательства:

- социальное предпринимательство как способ социальной поддержки определенных групп населения;
- социальное предпринимательство как механизм содействия экономическому развитию, поддержки предпринимательства;
- социальное предпринимательство как альтернативный государственному механизм решения социальных проблем;
- социальное предпринимательство как социально ориентированный бизнес [3].

На сегодняшний день в стране в целом и регионах накоплен значительный потенциал для поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) и развития социального предпринимательства. Деятельность СОНКО и социальных предпринимателей, по мнению субъектов данной сферы, может выступать в качестве дополнительного, а в иных случаях альтернативного государственным институтам социальной поддержки механизма решения социальных задач. В этом контексте актуален вопрос обеспечения государственной поддержкой СОНКО и социальных предпринимателей.

Наиболее значимые события в данной сфере за последний год связаны с официальным поручением Президента России В. Путина Правительству страны провести все необходимые со стороны исполнительной власти мероприятия для рассмотрения и утверждения до конца 2017 года Закона о социальном предпринимательстве.

Предыдущий вариант законопроекта потребовал серьезных доработок. Последняя редакция законопроекта, подготовленная еще в начале года и согласованная с Минфином России и другими министерствами и ведомствами (ФАС, ФНС и Минтруд), содержит более четкие формулировки и приведена в соответствие с Трудовым кодексом РФ.

Одновременно документ предполагает ужесточение критериев социального предпринимательства: в предыдущей версии к социальным предпринимателям предлагалось относить предприятия, 30 % работников которых являются инвалидами, одинокими (имеющими детей до 14 лет) и многодетными родителями, пенсионерами, выпускниками детских домов в возрасте до 21 года, лицами, освобожденными из мест лишения свободы. В новой трактовке – уже 50 % работников, однако их доля в фонде оплаты труда остается на прежнем уровне – не менее 25 %.

В соответствии с законопроектом социальным может считаться предприятие, которое своей деятельностью помогает людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Например, улучшает условия их жизнедеятельности в таких сферах, как здравоохранение, физкультура и массовый спорт, дошкольное образование, организация детских кружков, социальный туризм, культурно-просветительская деятельность. Доля доходов от этой деятельности должна составлять не менее 70 % в их общем объеме.

Сабирова Земфира Эмильевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления Республики Башкортостан. E-mail: zemfira-2601@mail.ru

Документ также предусматривает разработку и осуществление мер поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления субъектов социального предпринимательства: создание инфраструктуры такой поддержки; предоставление на льготных условиях помещений; обеспечение доступа к банкам франшиз и образовательным программам, а также к осуществлению функций социального обслуживания граждан. Дополнительно предусматривается возможность заключения договоров аренды государственного или муниципального имущества без проведения торгов.

Законопроектом определено, что сведения о субъектах социального предпринимательства будут вноситься в единый реестр (ведется Федеральной налоговой службой с 1 августа 2016 года) субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП), что позволит снять информационные, имущественные и организационные ограничения для развития малых и средних предприятий, осуществляющих деятельность в области социального предпринимательства.

В институциональном плане изменения произошли в Минэкономразвития России; в частности, была создана рабочая группа по социальному предпринимательству. В ее состав вошли эксперты, представители различных министерств и ведомств, а также негосударственных организаций, занимающихся развитием и продвижением социального бизнеса в России. Цель создания рабочей группы – уточнение критериев статуса социального предпринимателя и социального предприятия, координация работы над законопроектом о социальном предпринимательстве и выработка предложений о мерах поддержки социально ориентированного бизнеса.

В середине текущего года Председатель Правительства РФ Д. Медведев подписал подготовленное Минэкономразвития России распоряжение от 19 июня 2017 г. № 1284-р, в соответствии с которым утвержден перечень показателей, используемых для расчета рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрению конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере.

В перечень включены такие показатели, как темпы роста количества СОНКО на территории субъекта РФ; доля муниципальных районов и городских округов, реализующих муниципальные программы по поддержке СОНКО и социального предпринимательства, в общем количестве муниципальных районов и городских округов в регионе; доля работников в негосударственных организациях в общей численности работников, занятых в социальной сфере; доля негосударственных организаций в общем количестве организаций, оказывающих услуги в социальной сфере; доля средств бюджета субъекта РФ, выделяемых негосударственным организациям на предоставление услуг, в общем объеме средств бюджета, выделяемых на предоставление услуг в социальной сфере.

Данное решение направлено на формирование сравнимых по оценкам отчетов субъектов Российской Федерации по работе в сфере поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере для выявления лучших практик и обеспечения надлежащего качества оказания услуг.

Знаковым событием стал конкурс среди некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества. Конкурс проводился Фондом президентских грантов в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 3 апреля 2017 г.

Система распределения президентских грантов для НКО по 12 выделенным направлениям направлена на большую прозрачность процедуры и повышение доступности господдержки для НКО в регионах. По итогам конкурса гранты президента на реализацию социально значимых общественных проектов получили 970 некоммерческих организаций из 79 регионов страны.

Среди победителей 12 НКО Башкортостана стали обладателями президентских грантов. Общая сумма грантов, которые выиграли некоммерческие организации от Башкортостана, составила порядка 14,2 млн рублей. Победители получают на реализацию своих проектов от 235 тысяч до 2,9 млн рублей. Всего в первом Конкурсе президентских грантов в текущем году Республику Башкортостан представляли 152 общественные организации региона. По количеству грантов Башкортостан находится в конкурсном рейтинге на 6 месте среди НКО Приволжского федерального округа и 28 месте в Российской Федерации.

Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р) предусматривает дополнительные меры поддержки малых и средних предприятий в области социального предпринимательства, в том числе создание и развитие специализированных организаций инфраструктуры поддержки в субъектах Российской Федерации, предоставление субсидий на реализацию проектов в области социального предпринимательства, меры по популяризации такой деятельности.

Наряду с принятыми всеми субъектами Федерации долгосрочными документами по развитию субъектов малого и среднего предпринимательства, предусматривающими охват и социальных предпринимателей, в ряде регионов России осуществляются меры поддержки в рамках Концепции развития социального предпринимательства – это Архангельская, Новосибирская, Тамбовская области.

В г. Санкт-Петербурге и Пермском крае с 2015 года реализуется программа «Поддержка социального предпринимательства», в рамках которой возмещению подлежат затраты, связанные с уплатой арендных платежей и приобретением оборудования: аренда зданий, нежилых помещений, аренда оборудования и приобретение оборудования.

Перспективные модели доступа социально ориентированных некоммерческих организаций к социальным услугам созданы в Республике Башкортостан и Пермском крае, Ханты-Мансийском АО, Санкт-Петербурге, Москве и Московской области.

В Республике Башкортостан работа по развитию, повышению престижа и популяризации социального предпринимательства проводится Центром инноваций социальной сферы Республики Башкортостан (ЦИСС РБ). Центром регулярно проводятся мероприятия, направленные на развитие социального предпринимательства, в числе которых наибольшую популярность демонстрируют образовательная программа трехмесячного сопровождения бизнес-проекта с выходом на инвестиционную сессию «Акселератор социальных проектов»; институт менторов – успешные предприниматели оказывают консультационную и методическую поддержку начинающим при реализации социальных проектов.

В целях привлечения инвестиций в социальную сферу создан интернет-каталог лучших социальных проектов Республики Башкортостан, начал работать Клуб социальных предпринимателей.

В целом приоритетными направлениями деятельности Центра в сфере социального предпринимательства в 2017 году стали:

- оказание информационно-консультационных услуг по вопросам операционного и финансового менеджмента, основ планирования, делопроизводства, налогового и бухгалтерского учета, правового регулирования деятельности;
- формирование реестра социально ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства и некоммерческих организаций (по отраслям);
- проведение III Республиканского Форума социальных предпринимателей и СО НКО (10 ноября 2017 г.), Республиканской конференции по лучшим практикам в сфере социального предпринимательства и СОНКО (22 августа 2017 г.), ежегодного республиканского конкурса «Лучший социальный проект» (итоги конкурса подведены 12 октября 2017 г. по 5 номинациям, лауреатами признаны 20 конкурсантов);

– привлечение проектов республиканских социальных предпринимателей к участию во всероссийском конкурсе «Лучший социальный проект года» и ежегодной премии за вклад в развитие и продвижение социального предпринимательства в России «Импульс добра», проводимого Фондом региональных социальных программ «Наше будущее».

Центр инноваций социальной сферы работает с привлечением федеральных средств (в 2017 году центру выделено 5 млн рублей), а заявка 2017 года на софинансирование ЦИСС РБ из федерального бюджета была признана лучшей по стране.

Наиболее распространенными сферами деятельности социальных предпринимателей в Республике Башкортостан являются дошкольное образование (41 %), трудоустройство людей в трудной жизненной ситуации (16 %), повышение качества жизни людей из незащищенных категорий населения (7 %), повышение качества и доступности медицинских услуг (7 %) (см. рис.).

*Сферы деятельности социальных предпринимателей
в Республике Башкортостан*

Вместе с тем, по данным Министерства образования Республики Башкортостан, в республике сохраняется высокая очередность в детские дошкольные образовательные организации (ДОО) детей в возрасте от 0 до 3 лет. В 2016 г. регион вышел на 4 место в ПФО по развитию частных детских садов, имеющих лицензию на осуществление образовательной деятельности. Частные детские сады функционируют в таких городах, как Уфа (20 детских садов), Стерлитамак (1 детский сад), Белебей (1 детский сад). Однако в остальных районах и городах работа с социальными предпринимателями по развитию частного дошкольного образования ведется в недостаточной степени. В соответствии с плановыми показателями профильных федеральных ведомств к 2018 году доля негосударственного сектора в дошкольном образовании должна увеличиться в 2–2,5 раза [1].

В целях развития и поддержки негосударственного сектора дошкольного образования реализуется план мероприятий («дорожная карта»), утвержденный Распоряжением Правительства Республики Башкортостан от 3 декабря 2015 г. № 1361-р, в котором определены следующие показатели удельного веса численности детей, обучающихся в частных ДОО, в общей численности детей, обучающихся в ДОО: в 2016 г. – 0,42 % (факт – 0,36 %); в 2017 г. – 0,43 %; в 2018 г. – 0,44 % [2].

На наш взгляд, необходимо разработать системные меры по развитию сети частных дошкольных образовательных организаций с участием социальных предпринимателей.

Федеральным законом № 273 «Об образовании в Российской Федерации» традиционные услуги детских садов разделены на две группы: уход и присмотр за детьми и собственно дошкольное образование, которое относится к лицензируемым видам деятельности. Уход и присмотр за детьми без реализации образовательной программы возможен, а реализация образовательной программы без ухода и присмотра – нет.

Для решения указанной проблемы в рамках деятельности ЦИСС РБ, на уровне муниципальных районов и городских округов, различных органов государственной власти, в первую очередь Министерства образования Республики Башкортостан и Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан, необходимо предусмотреть комплекс совместных мероприятий, позволяющих социальным предпринимателям создавать частные площадки (детские сады ясельного типа) по уходу и присмотру за детьми без реализации образовательной программы.

Бесспорно одно: с позиций педагогической науки и в силу возрастных особенностей дошкольников разделение работы педагогов на образование и уход, присмотр весьма условно, если вообще возможно. Поэтому наряду с требованиями законодательства и механизмами контроля наличие необходимых компетенций у социального предпринимателя является обязательным условием качества и безопасности оказываемых услуг в данной сфере.

Литература

1. Доклад министра образования Республики Башкортостан Г.Р. Шафиковой на расширенной коллегии Министерства образования РБ 21.02.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://education.bashkortostan.ru/presscenter/lectures/507923/>

2. Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 9 июня 2016 г. № 620-р «Об утверждении межведомственного плана мероприятий «дорожной карты» по содействию развитию конкуренции в Республике Башкортостан».

3. Сабирова З.Э. Стимулирование развития социального предпринимательства в регионе // Вестник БИСТ. 2016. № 1. С. 70–74.

Особенности региональной интеграции на примере ЕАЭС

Э. МЕХДИЕВ

Начиная с XX века в рамках международного экономического сотрудничества государств появилась новая тенденция в форме создания интеграционных объединений. Такого рода экономические процессы стали протекать параллельно как на региональном, так и на универсальном уровнях. Первоначальное проявление интеграционных процессов было в виде создания определенных региональных объединений. Некоторые юристы-международники утверждают, что «регионализм имеет тенденцию к подрыву универсальности международного права» [12, 2]. Тем не менее, с точки зрения отечественных исследователей, можно выделить две взаимосвязанные тенденции: регионализацию и универсализацию международного правопорядка [6]. Эти тенденции ведут к созданию различных центров экономической силы посредством соответствующих правовых механизмов. Как правило, в основе этих процессов лежит международный договор, а международные организации могут выступать в роли институциональной опоры в этой связи.

Мехдиев Эльнур Таджадинович, канд. ист. наук, научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России. E-mail: e.mehdiev@gmail.com

Глобализационные процессы, которые стали неотъемлемой частью современных международных экономических отношений, также сыграли ключевую роль в усилении интеграционных процессов, протекающих по всему миру. На сегодняшний день можно смело утверждать, что экономика каждого государства по отдельности в большей степени зависит от международных процессов. Участие в таких международных процессах может помочь придать необходимый импульс развитию экономике того или иного государства. Это, в свою очередь, можно обеспечить путем активизации международного экономического сотрудничества, принятия активного участия в интеграционных процессах, привлечения иностранных инвесторов во внутреннюю экономику, поощрения капиталовложений собственных инвесторов в экономики других стран.

Совокупность вышеприведенных факторов делает необходимым должное международно-правовое регулирование современных экономических отношений, которые лежат в основе любых процессов, в том числе политических. Международное право в лице таких отраслей, как международное экономическое право, международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций и других, стремится к тому, чтобы стать прочной основой для общего и единого международно-правового регулирования международных экономических отношений. Кроме того, важную роль играет и должное правовое регулирование интеграционных процессов, широко распространившихся как на региональном, так и на универсальном уровнях.

Процессы глобализации мировой экономики стали набирать обороты в Европе с середины прошлого века. Экономическая интеграция трансформировалась в политическую и на долгие годы поменяла ситуацию на европейском континенте. Современные же интеграционные процессы несколько отличаются от европейской интеграции прошлого века: теперь основу экономической интеграции составляет политическая интеграция. Региональные и универсальные интеграции экономик стали довольно частым явлением в современном мире: сами государства, их физические и юридические лица активно сотрудничают друг с другом в различных областях хозяйствующей деятельности.

В отечественной доктрине выделяют следующие правовые модели экономического регионализма: европейскую, евразийскую, североамериканскую, южноамериканскую, азиатско-тихоокеанскую и китайскую модели [6]. Каждая из них характеризуется своими специфическими свойствами и особенностями, которые выражаются в виде различных правовых оснований интеграции, различных форм сотрудничества и разделения благ, полученных в результате экономического сотрудничества. Нас интересует евразийская модель, которая теоретически послужила основой сотрудничества в рамках ЕАЭС.

Говоря о таком явлении, как право ЕАЭС, стоит, в первую очередь, обратить внимание на евразийскую модель экономического сотрудничества с точки зрения правовой теории. Эта модель легла в основу сотрудничества государств бывшего СССР. В начале 90-х гг. прошлого века, сразу после распада СССР, это сотрудничество выразилось в виде возникновения Содружества Независимых Государств (СНГ), в рамках которого лидирующая экономическая роль принадлежит Российской Федерации в силу многих политических и экономических факторов. Первым этапом евразийской интеграции в сфере экономического сотрудничества государств следует считать учреждение зоны свободной торговли в 1994 году, в 2000 году было сформировано Евразийское экономическое сообщество. Необходимость обеспечения устойчивого развития и укрепления интеграции обусловила подписание 6 октября 2007 г. Договора о Таможенном союзе и, далее, создание с 1 января 2012 г. Единого экономического пространства (ЕЭП). В подписании обоих документов участвовали 3 государства – Россия, Казахстан и Беларусь. В развитие такой формы сотрудничества в качестве перехода на новый этап интеграционного процесса 29 мая 2014 г. в Астане лидерами трех стран был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе. В Российской Федерации договор был ратифицирован Государственной Думой 26 сентября 2014 г. и вступил в силу с 1 января 2015 г.

Главным фактором создания ЕАЭС можно назвать намерение государств обеспечить устойчивое экономическое развитие всей территории действия Договора в долгосрочной перспективе. Союз способствует всесторонней модернизации, кооперации и повышению конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики. Как и для большинства региональных интеграционных объединений, для ЕАЭС характерно обеспечение свободы движения товаров, лиц, услуг и капиталов, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в ключевых отраслях экономики [1].

В качестве основополагающих целей создания ЕАЭС можно выделить следующие:

- заинтересованность государств в повышении жизненного уровня населения стран-участниц Договора посредством тесного регионального экономического сотрудничества;
- формирование единого рынка товаров, рабочей силы, услуг и капиталов в качестве основного направления развития сотрудничества;
- придача импульса развитию национальных экономик государств-участников, а также выведение на новый уровень их конкурентоспособности в рамках современных глобализационных процессов.

К органам ЕАЭС относятся Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия, Суд Евразийского экономического союза.

В рамках правовой оценки Договора от 29.05.2014 теоретики первым делом задаются вопросом о том, представляет ли собой ЕАЭС международное интеграционное объединение, а также имеет ли данный союз наднациональный характер действия, наличие которого может оказать большое влияние на тенденции развития государственных экономик стран-участниц.

В п. 2 ст. 1 Договора от 29.05.2014 отмечено: «Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью» [3]. Из этого следует, что ЕАЭС наделяется статусом субъекта международного права, что позволяет ему вступать в международные правоотношения, которые регулируются международным правом и могут возникать исключительно между субъектами. В то же время важной характерной особенностью субъекта международного права является непосредственное участие в процессе создания международно-правовых норм. В отечественной доктрине существует разделение субъектов международного права в силу природы их возникновения на первичные (государства) и вторичные (международные организации, которые могут быть созданы государствами) [5, 126]. В силу условий приобретения международной правосубъектности ЕАЭС можно отнести к вторичным субъектам международного права.

В отношении наднационального характера права ЕАЭС отметим, что «наднациональность» как одно из характерных свойств свойственна большинству интеграционных объединений на сегодняшний день. Это можно проследить на примерах Европейского Союза, НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле) и других. В то же время, как справедливо отмечает Шмаков Р.В., ««наднациональность» – это признак, который может применяться к международным организациям, как особое их качество, но не к праву этих организаций» [11]. Многие исследователи считают, что наднациональный характер действия проявляется только в том случае, когда право, минуя внутренние законодательства государств-участников, применяет свои положения непосредственно на территории этих стран без какого-либо обязательства по имплементации этих норм в национальные законодательства. Такой подход оправдывается в рамках буквального толкования понятия «наднациональность». При таком восприятии сложно говорить о наднациональном характере действия ЕАЭС, так как в самом Договоре отмечается, что для применения многих нормативно-правовых актов, принимаемых в рамках Союза, необходима соответствующая имплементация этих норм на уровне внутригосударственного законодательства. Таким образом, здесь уместно говорить о «функциональной наднациональности».

Говоря о «системе права ЕАЭС», в первую очередь, стоит отметить, что под понятием системы права в целом подразумевается внутренняя структура права, совокупность его

взаимосвязанных компонентов. В состав системы права входят отрасли, подотрасли, институты, а также нормы права. Система права ЕАЭС изложена в п. 1 ст. 6 Договора о ЕАЭС:

«Право Союза составляют: настоящий Договор; международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза» [3].

Отсюда можно сделать вывод о том, что право ЕАЭС представляет собой целостность его взаимосвязанных элементов. Помимо перечисления элементов права ЕАЭС, в Договоре приводится также их иерархия. Государства-участники получают право заключать между собой международные договоры, которые станут неотъемлемой частью правовой базы ЕАЭС. В то же время они имеют возможность вступать в договорные отношения с третьими государствами, то есть со странами, не являющимися участниками Договора и международными организациями в рамках все той же правовой базы ЕАЭС.

Все те же элементы права ЕАЭС, перечисленные в вышеупомянутом п. 1 ст. 6 Договора, представляют собой одновременно и источники. Кроме них, во втором приложении к Договору (то есть в Статуте Суда) для целей функционирования Суда ЕАЭС также приводятся источники: общепризнанные принципы и нормы международного права, сам Договор, договоры в рамках Союза и договоры, участниками которых является сторона спора, решения и распоряжения органов ЕАЭС, международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы [3]. Подобное перечисление источников в основополагающем документе, безусловно, является позитивным моментом, в то же время в документе приводится иерархия источников, причем местами не совсем понятная. К примеру, международные договоры с третьей стороной (с иными международными организациями или государствами) отнесены к источникам, поставлены ниже договоров, заключаемых в рамках Союза, но в то же время выше решений и распоряжений органов ЕАЭС. В отношении того, что касается международных договоров с третьей стороной, в Договоре отмечено, что они «не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза» [3], несмотря на то, что одним из основополагающих механизмов определения данных целей и принципов являются акты органов ЕАЭС, учрежденных для обеспечения должного функционирования Союза. Кроме того, вызывает вопрос практическое применение некоторых источников, приведенных в Договоре: так, например, в каких случаях Суд ЕАЭС прибегает к использованию международного обычая? С другой стороны, как отмечает А.Я. Капустин, тот факт, что предусмотрена возможность применения Судом международного обычая и общепризнанных принципов и норм международного права, говорит о международно-правовом характере данного интеграционного объединения [1].

В своем докладе в рамках IV Московской юридической недели К.А. Бекашев обозначил следующие источники права ЕАЭС: общие принципы права, общепризнанные принципы международного права, договор о создании ЕАЭС, договоры с другими организациями, обязательные решения органов ЕАЭС (регламенты) [4].

Очень важным является анализ принципов, которые составляют основу функционирования права ЕАЭС. Рассмотрение этих принципов кажется еще более необходимым с учетом наличия международной правосубъектности Союза. В первую очередь, можно смело утверждать, что в качестве субъекта международного права ЕАЭС функционирует на основе общепризнанных принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН 1945 г. и в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., что отмечено и в самом Договоре об учреждении Союза.

Одним из главных вопросов, связанных с правовой природой Союза, как уже было отмечено, является наднациональный характер права ЕАЭС. Несмотря на некоторые расхождения во мнениях исследователей, можно говорить о наличии принципа верховенства права Союза. Этот принцип проявляется в том, что нормы права ЕАЭС обладают большей юридической силой, чем

национальные правовые нормы государств – участников Договора. В то же время принцип прямого действия права ЕАЭС обеспечивает некоторых частных лиц субъективными правами и обязанностями, защита и исполнение которых могут быть обеспечены в судебном порядке.

Правовая природа Договора о ЕАЭС позволяет говорить о широком спектре положений, которые разносторонне регулируют деятельность организации. На сегодняшний день ЕАЭС становится новой вехой для евразийской интеграционной модели. Пока его институциональную основу составляет один Договор об учреждении ЕАЭС (правда, в его основу легли документы, подписанные на более ранних этапах интеграции) и одна международная организация региональной экономической интеграции. С первого взгляда Договор кажется содержательным в плане регулирования всех необходимых сторон функционирования организации. Тем не менее, возможные и существующие коллизии были заметны с самого начала подписания Договора. Их выявление и приведение в наилучший порядок займет определенное время, а методы устранения недостатков станут известны чуть позже. Будет ли взят за основу европейский опыт интеграции или стороны договорятся каким-то иным образом? Однако уже сегодня мы можем наблюдать явные позитивные импульсы, которые оказывает ЕАЭС и сотрудничество в рамках Союза на экономики государств-участников. Приоритетной задачей, которая стоит перед участниками Союза, с нашей точки зрения, является расширение сфер сотрудничества, а также поиск партнеров.

Литература

1. Бекашев К.А. ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евразийский юридический журнал. 2014. № 11. С. 14–16.
2. Боришполец К.П., Мехдиев Э.Т. Евразийский тренд регионального сотрудничества // Евразийская интеграция: перспективы межгосударственного сотрудничества. Приложение к периодическому изданию «Ежегодник ИМИ». Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Центр военно-политических исследований. Сер. Книги и брошюры ИМИ. Т. 28. М., 2014. С. 8–20.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.02.2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>
4. Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 98–107.
5. Международное право: учебник / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Высшее Образование, Юрайт-Издат, 2009.
6. Международное экономическое право: учебное пособие / колл. авторов; под ред. А.Н. Вылегжанина. М.: КНОРУС, 2012. с. 148
7. Мехдиев Э.Т., Ермолаев А.О. Новая модель глобального управления и региональная интеграция // Мировая политика. 2017. № 1. С. 95–106.
8. Мехдиев Э.Т., Содиков Ш.Д. Перспектива развития всеобъемлющего евразийского партнерства // Евразийский юридический журнал. 2017. № 3. С. 14–16.
9. Содиков Ш.Д., Мехдиев Э.Т. Перспективы развития ЕАЭС и ЕС // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 5–3. С. 139–142.
10. Содиков Ш.Д., Сафронов К.Ю., Мехдиев Э.Т. Постмайданные перспективы евразийской интеграции // Международная жизнь. 2016. № 4. С. 53–72.
11. Шмаков Р.В. К вопросу о «наднациональности» права Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10. С. 16–22.
12. Malanczuk P. Akehurst's Modern Introduction to International Law. Seventh Revised Edition. Routledge. London; New York, 1997.

Социально-экономическая дифференциация потребления домохозяйств России в периоды экономического сжатия

**З. ИБРАГИМОВА, Н. ИШМУХАМЕТОВ,
Г. РОССИНСКАЯ**

Исследование вопросов социально-экономической дифференциации домохозяйств и феномена экономического сжатия в их взаимосвязи основано на анализе понятий, представляющих несомненный интерес для современной экономической науки. С одной стороны, это микроэкономическое понятие «домохозяйство», агрегируемое на макроэкономическом уровне в «сектор домашних хозяйств», а с другой – лежащее на поверхности макроэкономики понятие «экономическое сжатие», генерируемое на уровне микроэкономики.

Потребление домохозяйств есть важнейшая компонента валового внутреннего продукта, следовательно, правомерно сказать, что домохозяйства выступают значимым субъектом экономического роста и социально-экономического развития, тогда как экономическое сжатие выступает фактором сдерживания роста, а также усиления социально-экономической дифференциации. Под экономическим сжатием в данной работе будем понимать, прежде всего, периоды сжатия экономической активности. С некоторым лагом сжатие экономической активности отражается на сжатии совокупного спроса.

В свою очередь, чрезмерная социально-экономическая дифференциация домохозяйств сопровождается рядом неоднозначных социально-экономических последствий на макроуровне. Так, низкий уровень доходов и потребления основной массы населения России обуславливает сужение объема конечного спроса на товары и услуги, ограничивая развитие отечественного производства, поскольку его динамика следует за динамикой спроса. Ослабление стимулов развития отечественного производства, внутреннего рынка чревато для страны угрозой превращения в «сырьевой придаток» развитых экономик. Поскольку данный фактор связан с низким уровнем зарплат, он снижает трудовую мотивацию, способствует недооценке роли труда, особенно интеллектуального, в современном производстве, не позволяя в полной мере использовать человеческий потенциал, сдерживая инновационное развитие экономики.

Опережающий, как показывает статистика, рост доходов наиболее обеспеченных домохозяйств ведет к ускоренному «проеданию» имеющегося экономического потенциала за счет колоссальной доли в ВВП первичных доходов групп населения, получающих их преимущественно от собственности (скрытой формой доходов от капитала являются и доходы высших менеджеров) и во многом носящих рентный характер. Высокие личные доходы в сочетании с ростом тарифов естественных монополий способствуют росту издержек. В результате снижаются доля прибыли в ВВП, рентабельность производства и конкурентоспособность продукции. Вследствие недопотребления страдает качество самого человеческого потенциала, который подвергается истощению и деградации.

Ярким проявлением растущей социально-экономической дифференциации в нашей стране выступает уровень и динамика бедности. Малоимущее и бедное население поставлено в такие условия, при которых их потребительское поведение определяется необходимостью выживания,

Ибрагимова Зульфия Фануровна, канд. экон. наук, доцент кафедры макроэкономического развития и государственного управления Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: badertdinova@mail.ru

Ишмухаметов Наиль Салаватович, канд. экон. наук, доцент кафедры общей экономической теории ИНЭФБ БашГУ. E-mail: IshmukhametovNS@bashedu.ru

Россинская Галина Михайловна, д-р экон. наук, заведующий кафедрой общей экономической теории ИНЭФБ БашГУ. E-mail: g-ross@mail.ru

что ведет к расходованию практически всего объема имеющихся ресурсов на текущее потребление. Сберегательное поведение, в значительной степени детерминируемое потребительским поведением, этими социальными группами практически не реализуется. Вследствие этого снижается инвестиционный потенциал экономики, запуская механизм экономического сжатия.

Подавляющая часть потребления домохозяйств является, по сути, производительным потреблением, направленным на воспроизводство и накопление человеческого потенциала домохозяйств. Ресурсный подход подразумевает дальнейшую реализацию данного потенциала в качестве человеческого капитала, прежде всего, на рынках труда. Здесь можно провести аналогию с восприятием домохозяйств как источников энергии. Рыночный подход к анализу домохозяйств есть не что иное, как реализация принципа экономической эффективности: домохозяйства интересуют рыночную экономику как своего рода аккумуляторы, которые потребляют энергию, а затем выступают в роли носителей потенциала той самой энергии, идущей в расход на нужды физического или умственного труда. Эти «батарейки» имеют определенный жизненный цикл, достигая в назначенный период максимальной производительности, и неминуемо теряют КПД к концу цикла по мере износа носителя энергии. Они требуют регулярной «подзарядки» и связанных с этим дополнительных расходов, могут выходить из строя полностью или частично. Проблема оптимизации таких расходов в рамках рыночного подхода вполне очевидна и сводится к недопущению перерасхода, к поиску оптимального значения удельных расходов на одну единицу получаемой энергии.

Таким образом, рынок устанавливает в качестве базовых следующие параметры развития домохозяйства: объем человеческого капитала домохозяйства, доходы домохозяйства и потребление домохозяйства.

Потребление выступает формой реализации социальной структуры общества. Именно в сфере потребления проявляются складывающиеся в обществе социально-экономические отношения [7, 51]. Так, поляризация характеристик потребления, характерная для трансформационной российской экономики, выступает лишь внешним проявлением социально-экономических процессов, происходивших на предшествующих этапах.

Социально-экономическая дифференциация домохозяйств проявляется, прежде всего, в дифференциации уровня и структуры собственно потребления, а также в дифференциации характеристик потребительского потенциала семьи, определяемого, в первую очередь, уровнем доходов. Вместе с тем, нельзя забывать, что условиями роста потребительского потенциала домохозяйства и его эффективной реализации выступают не только создание макроэкономических условий роста его реальных доходов, но и повышение культуры формирования потребностей и потребления семьи [3, 352].

Необходимо определить факторы, обуславливающие рост социально-экономической дифференциации, и выявить особенности ее проявления в экономическом пространстве домохозяйств, что позволит предложить адекватные меры по ограничению чрезмерного уровня дифференциации. Отметим, что факторы, оказывающие определяющее влияние на формирование закономерностей потребительского поведения и обуславливающие дифференциацию потребления, специфичны для различных периодов развития постсоветской российской экономики. Остановимся на этой специфике.

Трансформационный кризис 1990-х годов и финансовый кризис 1998 года. В период трансформационного кризиса 1990-х годов основная группа факторов была связана с особенностями экстремальных для потребителя условий экономического кризиса, сопровождающегося «ломкой» привычных стереотипов поведения, ценностей, норм. Составляющими этого кризиса явились инфляция и безработица, снижение реальных доходов, поляризация населения по уровню доходов, нарастание бедности в российском обществе. В начальный период реформ наблюдался и «остаточный» дефицит многих товаров. При этом высокая инфляция многократно

усугубляла социальное расслоение: как известно, инфляция – своеобразный «налог на бедных», она способствует лавинообразному падению уровня их жизни, поскольку в опережающем порядке дорожают предметы первой необходимости и жизнеобеспечивающие услуги, затраты на которые и «съедают» фактически весь бюджет бедных семей.

Если в первые годы кризиса основными факторами потребительского поведения послужили инфляция и дефицит, то в последующие годы при сохранении влияния инфляции одним из решающих факторов становится насыщение рынка товарами, удовлетворение платежеспособного спроса. Рыночные преобразования в экономике России привели к быстрому наполнению прилавков потребительскими товарами, к тому, что товарный дефицит был в кратчайшие сроки преодолен. С середины 1990-х годов эта проблема ушла в прошлое.

«Инфляционный навес», сформировавшийся в экономике предреформенной России, в процессе либерализации цен фактически был ликвидирован путем экспроприации сбережений и падения реальных доходов у основной массы населения. Практически одновременно в процессе приватизации и глобального передела собственности были созданы и запущены механизмы, обеспечивающие постоянное перераспределение доходов в масштабе всей экономики в пользу собственников и высших менеджеров, чьи заработки тоже фактически являются формой участия в доходах от собственности. При этом зарплата быстро утратила как стимулирующую, так и воспроизводственную функции, о чем свидетельствует стремительное снижение ее доли в доходах населения. Полноценное воспроизводство такого фактора, как труд, и в целом воспроизводство человеческого потенциала (его физической, интеллектуальной, социальной составляющих) нарушается.

Практически все факторы, которые формируют потребительское поведение, в условиях трансформационной экономики России стали одновременно факторами дифференциации и даже поляризации этого поведения, оказывая воздействие в конечном счете на подушевой уровень дохода домохозяйства, а через него – на потребительское поведение домохозяйств. Дифференциация в потреблении, таким образом, выступает внешней формой проявления социальной дифференциации, формирующейся на более ранней стадии – стадии распределения.

Финансовый кризис 1998 года имел тяжелые последствия – девальвация рубля, рост инфляции, увеличение безработицы, банкротство мелких и средних фирм, ликвидация банков. Во время кризиса 1998 года произошло сильное сжатие практически всех основных элементов доходов (заработной платы, пенсий и социальных пособий, предпринимательских доходов, доходов от собственности). Падение доходов привело к обеднению населения. Кризис сопровождался не только ухудшением благосостояния, но и сокращением сбережений.

Таким образом, на территории нашего государства сформировались, по определению Н. Римащевской, «две России», для которых характерны разные системы ценностей, разные предпочтения и потребительский спрос; они приходят на разные потребительские рынки, отличающиеся набором товаров и услуг, ценами, валютой платежа [4; 5]. «Линия разлома» между этими «двумя Россиями» проходит не только по «социальной вертикали», но и по «территориальной горизонтали»: разрыв между наиболее и наименее экономически обеспеченными регионами по показателю подушевого регионального продукта составляет, по данным Д.Львова, 60 раз, по уровню потребления – 30 раз [4, 4].

В результате в период рыночных преобразований в России (1990-е – первая половина 2000-х гг.) сформировался новый, специфический механизм «дефицита наоборот», «дефицита в условиях товарного изобилия», когда для различных социальных групп были созданы стартовые условия, ставящие их в заведомо неравное положение относительно доступности для них товаров и услуг и одновременно – консервирующие и усугубляющие с течением времени это положение. На фоне расширения товарного предложения покупательные возможности большинства населения снижаются. Товарный дефицит сменился, условно говоря, «денежным дефицитом».

Практический уход государства в этот период из сферы социального регулирования, отсутствие внятной государственной социальной политики, в особенности политики защиты социально уязвимых слоев населения, политики занятости, политики доходов и т.д., обусловили еще большую остроту «дефицита наоборот» и, в свою очередь, выступили важнейшими макрофакторами, формировавшими закономерности потребительского поведения в период трансформационного кризиса 1990-х гг.

Экономический рост 2000-х гг. и экономический кризис 2008–2009 гг. Несмотря на совокупный рост реальных доходов, характерный для первой половины 2000-х гг. и, в частности, заработной платы, структура этого роста такова, что он происходит за счет форсированного роста доходов наиболее обеспеченных слоев населения и тем самым усугубляет социальную поляризацию. Так, в 2000–2004 гг. около 52 % совокупного прироста официально регистрируемой заработной платы составило увеличение роста выплат 20 % самых высокооплачиваемых работников. При этом 36 % совокупного прироста пришлось на долю 10 % этой категории работников.

Рассмотрим период экономического кризиса 2008–2009 гг., которому предшествовали благоприятные тенденции роста реальных доходов населения, формирование у определенной части населения современных моделей потребления. Экономический кризис 2008–2009 гг. был частью мирового кризиса, начавшегося в финансовом секторе США. Кризис российской экономики был обусловлен невозможностью получения дешевых иностранных кредитов; падением цен на нефть и, как следствие, снижением доходов от экспорта, что в свою очередь обусловило уменьшение налоговых поступлений в госбюджет. Оттоку иностранного капитала способствовало ухудшение отношений со странами Запада вследствие обострения осетино-грузинского конфликта.

Под влиянием кризиса 2008 г. структура потребления претерпела ряд изменений. Выросла доля расходов домохозяйства на питание (28,8 % в 2009 г. против 27,6 % в 2008 г. и 26,8 % в 2007 г.). Также этот период характеризуется снижением удельного веса расходов на покупку транспортных средств (9,9 % в 2007 г. против 8,2 % в 2008 г. и 6,0 % в 2009 г.). Следует отметить резкий рост расходов на приобретение недвижимости в 2008 г. до 4,7 % от всех используемых доходов домохозяйств против 3,9 % в 2007 г. и 2,9 % в 2009 г. [10]. Расходы на здравоохранение за кризисные годы оставались практически неизменными. Возросла доля услуг центров отдыха, туризма в потребительских расходах домохозяйств с 1,7 % в 2007 г. до 2,3 % в 2009 г. Такие расходы характерны для богатой пятой группы населения (4,9 % от потребительских расходов, против 1,1 % для первой беднейшей группы), что свидетельствует о наличии достаточной «подушки безопасности» для сохранения привычного уровня жизни.

По мнению экспертов, одна из форм адаптации к кризисным условиям связана с самоограничением и исчерпанием ресурсов домохозяйства (экономия, долги, продажа имущества, откладывание платежей), что позволяет детерминировать ее как неприбыльную, исчерпывающую стратегию, не способствующую увеличению социально-экономического потенциала домохозяйств [11, 107].

Восстановительный рост 2010-х гг. и экономический кризис 2014–2015 гг. По мере восстановления экономики с 2010 года начался рост доходов домохозяйств. Согласно официальным данным Росстата, рост реальных располагаемых денежных доходов продолжался вплоть до кризиса 2014 года.

Для этого периода характерно снижение уровня бедности и повышение, хоть и незначительное, благосостояния населения в целом. В структуре потребительских расходов домашних хозяйств снижается доля продуктов питания и увеличивается доля расходов на здравоохранение, покупку и эксплуатацию транспортных средств, общественное питание, услуги центров отдыха, туризм. Это свидетельствует о том, что население в эти годы перестает ориентироваться на выживание, удовлетворяя только минимальные физиологические потребности, а начинает

уделять внимание досугу, здоровью и может позволить покупку транспортного средства. Отмеченная тенденция согласуется с данными Росстата, свидетельствующими о росте индекса потребительской уверенности. Так, значение индекса потребительской уверенности, отражающего совокупные потребительские ожидания населения, в I квартале 2010 г. по сравнению с I кварталом 2009 г. повысилось на 25 процентных пункта.

В отличие от кризиса 2008–2009 гг. экономический кризис 2014–2015 гг. был обусловлен в большей степени политическими факторами. На внутренние причины кризиса, связанные с дисбалансом российской экономики, преобладанием топливно-энергетического комплекса в структуре промышленности, значительным обесценением рубля в конце 2014 г., «наложились» внешние причины, среди которых – критическое снижение стоимости барреля нефти на международном рынке, а также введение международных экономических санкций в отношении России, возникшие в результате конфликта на Украине. Обострению кризисных проявлений способствовали и другие политические факторы, требующие больших финансовых затрат – расходы на развитее Крыма, военная операция в Сирии.

Падение цен на нефть способствовало резкой девальвации российского рубля по отношению к иностранным валютам. Это обусловило возникновение в четвертом квартале 2014 г. ажиотажного спроса населения на валюту и разные товары. Стремление населения вложить имеющиеся финансовые ресурсы в любые товары с целью опережения скачка цен и сокращения обесценивания сбережений привело к увеличению товарооборота и краткосрочному росту спроса практически на всех сегментах рынка, что не наблюдалось во время кризиса 2008 года. Так, по данным Росстата, если в 2014 году на покупку товаров и оплату услуг было израсходовано 75,3 % от общего объема денежных доходов населения, то в 2015 г. – 71,0 %. Также в 2014 году наблюдается резкий рост расходов на приобретение недвижимости – 4,5 % от общего объема денежных доходов населения (в 2013 г. – 3,9 %, в 2015 г. – 2,9 %). В такой ситуации вполне логично, что в 2014 г. наблюдалось уменьшение прироста финансовых активов до 8,4 % от общего объема денежных доходов населения (в 2013 г. – 10,8 %, в 2015 г. – 15,2 %) [2].

В среднем по России в структуре потребительских расходов домашних хозяйств в 2013 г. доля продуктов питания составила 26,2 %, в 2014 г. – 27,0 %, в 2015 г. – 30,3 %. Как видно, после кризисных событий 2014–2015 гг. доля расходов на питание начала расти, что свидетельствует об ухудшении материального положения домохозяйств. Однако при рассмотрении расходов различных групп населения в зависимости от уровня располагаемых ресурсов ситуация не столь однозначна: если в пятой квинтильной группе населения расходы на продовольствие в 2015 году составили 22,2 %, то в первой значение приблизилось к критическому уровню – 42,8 %. Специалисты отмечают, что в 2015 году при снижении экономической доступности продовольствия уже проявились два характерных варианта реакции на недостаток средств: уменьшение потребления домохозяйствами количества продуктов без изменения традиционной структуры питания и изменение набора потребляемых продуктов в целях сохранения энергетического баланса пищевых веществ за счет более доступных, но зачастую более экологически небезопасных продуктов питания [8, 41].

Расходы на гостиницы, кафе и рестораны характеризуются умеренным сжатием: в 2013 г. – 3,7 %, в 2014 г. – 3,6 %, в 2015 г. – 3,5 % от потребительских расходов домашних хозяйств. Такой вид расходов более характерен для обеспеченных слоев и демонстрирует, что даже в условиях затяжного кризиса они не хотят менять привычный образ жизни и обладают финансовыми ресурсами для его сохранения.

По последним данным Росстата, уровень бедности в России по итогам 2016 г. вырос до 13,5 % и стал максимальным с 2008 г., когда его значение составляло 13,4 %.

В 2017 году продолжается дальнейшее снижение располагаемых доходов населения, увеличение уровня безработицы, что может привести к дальнейшему росту масштабов бедности.

В силу нарастания дефицита бюджетных ресурсов следует ожидать дальнейшего снижения государственной поддержки населения. Это приведет к снижению доступности продуктов питания и корректировке рациона в пользу более дешевых и некачественных продуктов для низкообеспеченных слоев. В последнее время ряд исследователей (например, Н.В. Зубаревич) отмечают такую неприятную и даже опасную тенденцию в потребительском поведении большинства населения, как сползание к понижательным стратегиям выживания.

Проведенный в статье краткий анализ социально-экономической дифференциации и ее проявлений в потреблении домохозяйств подводит к выводу о недопустимости ухода государства из сферы социального регулирования в периоды экономического сжатия. Факторы дифференциации от кризиса к кризису изменялись, однако отсутствие внятной социальной политики приводило к «наступлению на те же грабли». В новых экономических условиях налицо необходимость разработки государственной стратегии по ограничению и постепенному преодолению чрезмерной дифференциации населения, что, по нашему убеждению, требует дальнейшего изучения факторов, обуславливающих рост социально-экономической дифференциации. В качестве первоочередных шагов видится принятие адекватных мер по защите социально уязвимых слоев населения с целью сокращения масштабов бедности.

Литература

1. Жеребин В. Экономический рост и интересы большинства населения // Экономическая наука современной России. 2006. № 1. С. 59–73.
2. Использование денежных доходов населения. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm
3. Ишмухаметов Н.С., Россинская Г.М. Роль потребительского потенциала и потребительских способностей в формировании человеческого капитала // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8. С. 351–353.
4. Львов Д. О стратегии развития России // Экономист. 2007. № 2. С. 3–10.
5. Римащевская Н. Экономическая стратификация населения России // Общество и экономика. 2002. №12. С. 6–14.
6. Россинская Г.М. К методологии анализа экономического поведения потребителя // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2007. № 6. С. 72–80.
7. Россинская Г.М., Ибрагимова З.Ф. Потребление бедных // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 2. С. 50–53.
8. Сеницына Л.М., Попов М.В. Продовольственная безопасность домашних хозяйств в современных условиях // Известия ВолгГТУ. 2016. № 16. С.39–44.
9. Сорокин Д. Воспроизводственная динамика и ее качество // Экономист. 2006. № 3. С. 3–13.
10. Структура использования денежных доходов. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_13/IssWWW.exe/Stg/d1/06-29.htm
11. Филоненко Ю.В. Потребление российских домохозяйств в посткризисный период как источник восстановительного роста // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). 2010. № 3. Т. 1. С. 106–112.

Мотивация государственных гражданских служащих на основе причастности

У. НАЗАРОВА, Т. ШТОЛЬ

Институт государственной гражданской службы на сегодняшний день выступает важным звеном в достижении целей социально-экономического развития российского общества и одновременно представляет собой весьма сложную и специфичную часть рынка труда. Достаточно сказать, что в настоящее время в России насчитывается более 685 тысяч государственных гражданских служащих, в Республике Башкортостан – порядка 11,5 тысяч человек (включая территориальные органы федеральных органов исполнительной власти) [4]. Исконно специфика занятости на государственной гражданской службе подразумевала такие параметры, как стабильность, престижность, понятность и алгоритмичность выполняемых задач. Требования современности меняют характер как всей экономики, так и данного института. Для исследования современных трендов нами был проведен экспертный опрос 5 руководителей кадровых служб органов государственной власти в Республике Башкортостан, которые указали следующие новые тенденции последних лет: возрастание круга и разнообразия выполняемых государственными служащими задач и повышение требований к результативности деятельности. На фоне свойственного для отрасли медленного темпа карьерного и зарплатного роста удержание молодежи на государственной гражданской службе становится все более проблематичным. Это отражается на росте текучести кадров именно среди молодых, вновь пришедших сотрудников. К примеру, в Министерстве экономического развития Республики Башкортостан значение данного показателя составляет около 25 %. Именно поэтому возрастает актуальность мотивации государственных гражданских служащих. Кроме того, для повышения мотивации может использоваться и эффективный контракт – трудовой договор, в котором конкретизированы должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки.

Наиболее сложным аспектом данного вопроса выступает разработка показателей в системе эффективного контракта [2]. Данная мера стимулирования государственных гражданских служащих сейчас апробируется по принципу проектного управления.

Поскольку материальные ресурсы для данной сферы занятости ограничены и алгоритмизированы, на наш взгляд, наиболее эффективной будет разработка мотивационного инструментария на основе причастности.

Мотивацию на основе причастности можно назвать структурной мотивацией. В основе структурной мотивации лежит базовый мотив общности – потребность быть в коллективе и дополняющие его мотивы признания и одобрения окружающих.

Подсистема инструментов мотивации на основе причастности (для удобства будем называть ее «системой причастности») представлена, в свою очередь, двумя подгруппами инструментов: инструменты микроуровня и инструменты макроуровня.

Инструменты микроуровня базируются на формировании команды (или команд, рабочих групп) внутри организации. Инструменты макроуровня базируются на связи трудовой деятельности человека и человеческой общности, выходящей за пределы организации как в пространстве, так и во времени (региона, страны, всего человечества сейчас и много лет спустя). Именно

Назарова Ульяна Анатольевна, д-р экон. наук, заведующий кафедрой социологии труда и экономики предпринимательства Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: step.kafedra@mail.ru

Штоль Татьяна Валерьевна, магистрант кафедры социологии труда и экономики предпринимательства ИНЭФБ БашГУ

для государственной гражданской службы применение таких инструментов будет целесообразно, поскольку круг решаемых задач в подавляющем большинстве имеет высокую общественную значимость.

К примеру, Министерство экономического развития Республики Башкортостан успешно решает актуальные задачи развития экономики республики, в том числе в сфере стратегического управления, формирования прогноза социально-экономического развития региона, антикризисной политики, осуществляет деятельность по сопровождению проектов государственно-частного партнерства, формированию и реализации республиканской адресной инвестиционной программы, развитию инвестиционного потенциала республики и поддержке инвестиционных проектов, способствует формированию и укреплению внешнеэкономических и межрегиональных связей.

Рассмотрим каждую группу инструментов подробнее, обозначив также принципы применения данных инструментов.

К инструментам микроуровня системы причастности относятся:

1. Инструменты командообразования, в том числе постановка командной цели, эффективное распределение ролей, мотивация к сотрудничеству (пропагандой, системой тренинговых программ тим-билдинга и т.п.). Сейчас в научной литературе уделяется большое внимание проблемам командообразования. Причем совершенно справедливо некоторые авторы опираются на историческое наследие, например, опыт командообразования А.В. Суворова, успешно реализованный им в российской армии XVIII века.

2. Инструмент (техника) круговой поруки. Механизм использования техники круговой поруки применительно к современной организации наиболее полно изложила Е.Сидоренко, назвав это «драйвом системы» [3]. Согласно данному подходу, «драйв системы» задействуется путем построения жесткой структуры взаимодействия, подкрепляемой принципами взаимозависимости, жесткими временными рамками по каждому этапу, вознаграждением только полного объема работ определенного качества. Эффективность данного инструмента весьма велика. В качестве демонстрации его действия может служить игра по типу «скачек в мешках», когда есть две (или более) команды, член каждой команды выполняет действие максимально быстро (например, доскакивает в мешке до точки, возвращается и передает мешок другому), и так до последнего игрока. Побеждает, естественно, самая быстрая и организованная команда. В таких играх мотивация участников достигает наиболее высоких значений. И это в силу того, что соблюдены все условия использования данного инструментария: игроки зависят друг от друга, каждый этап сопряжен с жесткими сроками, вознаграждается не отдельный участник за свой результат, а только вся команда, когда задание выполнено полностью. Сразу оговоримся, что данный инструмент может использовать только руководитель, наделенный властными полномочиями. Для государственной службы, на наш взгляд, данный инструмент также применим, но требует определенной адаптации. Например, отдел получает задание подготовить документацию к очередному мероприятию. У каждого есть свой круг задач. Тогда руководитель может предусмотреть какой-либо элемент наказания (например, замечания всем) или поощрения (благодарность) всем при условии стопроцентного выполнения в срок, вне зависимости от того, как каждый выполнил свой участок работы.

Можно привести пример, как используется этот инструмент в бизнес-среде. Так, руководитель кадровой службы крупной торговой организации никак не могла добиться стопроцентного и своевременного посещения сотрудниками подразделения отдаленных объектов. Доплата за посещение точек была небольшой, а дорога – дальней (по затратам времени и денег примерно адекватная вознаграждению). Были сотрудники ответственные, которые свои посещения делали вовремя, а были те, кто «спускал эту работу по тормозам». Просьбы руководителя увеличить фонд доплат финансовой службой отклонялись. Тогда был применен следующий порядок: если все (а их было 8) объекты посещались в срок, то все восемь сотрудников получали свою доплату. Если же хотя бы кто-то один не посетил закрепленный за ним объект на обозначенное число – доплаты лишались все, даже те, кто уже провел свою работу. В итоге групповое давление повлияло неотвратно, и проблем с посещением точек работниками кадровой службы не стало. Сразу

оговоримся, что данный инструмент может использовать только руководитель, наделенный властными полномочиями. Вариантов применения данного инструмента много. При этом его использование может осуществляться при совершенно разных обстоятельствах и в различных вариациях.

3. В качестве отдельного инструмента необходимо выделить соревнование, хотя оно содержательно связано с инструментом круговой поруки, рассмотренным выше.

Эффективность соревнования была многократно доказана как опытом социалистического общества, так и в рамках социально-экономических систем, построенных на принципах рыночной экономики. Не углубляясь в описание действия, которое очевидно, обозначим основные принципы его применения при осуществлении трудового влияния. Первый принцип – принцип неожиданности. Второй принцип – разнообразие параметров, чтоб победить могли разные сотрудники и коллективы. Действительно, в коллективе всегда есть сильнейшие, и если они всегда побеждают, то мотивационный эффект соревновательности снижен. Поэтому, затеявая очередное соревнование, руководитель должен подумать о том, как его организовать, чтоб реальные шансы на победу получали разные коллективы. В системе государственной гражданской службы могут иметь место следующие варианты: соревнование между подразделениями по скорости обработки обращений, соревнование на самый масштабный проект, определение лидеров по «исполнительской» дисциплине (как отдельных служащих, так и структурных подразделений).

Кроме того, в Министерстве экономического развития Республики Башкортостан проводился конкурс «человек недели», который определялся по совокупности различных факторов (успешное выполнение поручений руководства, высокий уровень «исполнительской» дисциплины, отсутствие опозданий и замечаний).

Также возможно проведение конкурса «Человек года» для различных категорий государственных служащих (среди специалистов, начальников отделов/заведующих секторами, заместителей министра/начальников управлений), победители которого будут определяться по совокупности набранных баллов по итогам голосования сотрудников министерства. Служащие, победившие в конкурсе, награждаются руководителем государственного органа.

При этом очень важно, чтобы после проведения соревнования была проведена компенсация негативных последствий сплочением. Дело в том, что при организации мотивационных процедур посредством соревнования субъект хочет повлиять на производительность труда, то есть в итоге улучшить результат. Побочным же результатом любого соревнования является дезинтеграция в коллективе: от тихого саботажа и межличностной напряженности до открытых конфликтов. Поэтому после того, как был использован инструмент конкуренции, требуется задействовать инструмент интеграции. Например, совместный корпоратив, обучающая программа или общая благодарность. Очень важно в этой связи, чтобы у людей не разрушилось ощущение единой команды. Как пишет известный специалист в области коучинга М. Аткинсон, «я поняла, что люди счастливы, когда становятся частью команды и энергично берутся за дело, если возникает необходимость» [1, 78].

Государственная гражданская служба должна реагировать на новые вызовы и находить новые мотивационные инструменты как для роста результативности выполнения задач, так и для удержания перспективных работников, а это сделать непросто в условиях конкуренции со стороны бизнеса и возрастающих требований молодого поколения.

Литература

1. Аткинсон М. Мастерство жизни: Внутренняя динамика развития / Пер. с англ. 3-е изд. М.: Альпина Пабlishер, 2014. 214 с.
2. Никонова О.В., Назарова У.А. Инструменты трудового влияния в практике управления организацией социального обслуживания населения // Вестник БИСТ, серия «Экономика». 2016. № 1. С. 41–47.
3. Сидоренко Е.В. Технологии создания тренинга. От замысла к результату. СПб.: Речь, 2008. 329 с.
4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/54-2016.htm

Факторы формирования качества человеческого капитала в условиях информационного общества

А. ГАВРИКОВА

В настоящее время ученые выделяют несколько видов человеческого капитала: национальный, корпоративный и индивидуальный. Под национальным человеческим капиталом понимается совокупность инновационных трудовых ресурсов, конкурентоспособных знаний, интеллектуального капитала и инновационных технологий, а также качество жизни населения, обеспечивающее высокую конкурентоспособность экономики страны и государства на мировой арене. Корпоративный человеческий капитал включает в себя интеллектуальный капитал, компьютерные и информационные технологии, накопленные фирмой и способствующие повышению ее конкурентоспособности [4; 5].

В данной статье под человеческим капиталом подразумевается индивидуальный человеческий капитал, который включает в себя накопленный запас специфических знаний, умений и профессиональных навыков индивидуума, способствующих развитию определенных компетенций, которые дадут ему возможность получить дополнительные блага и повысить свой уровень дохода и качество жизни [1].

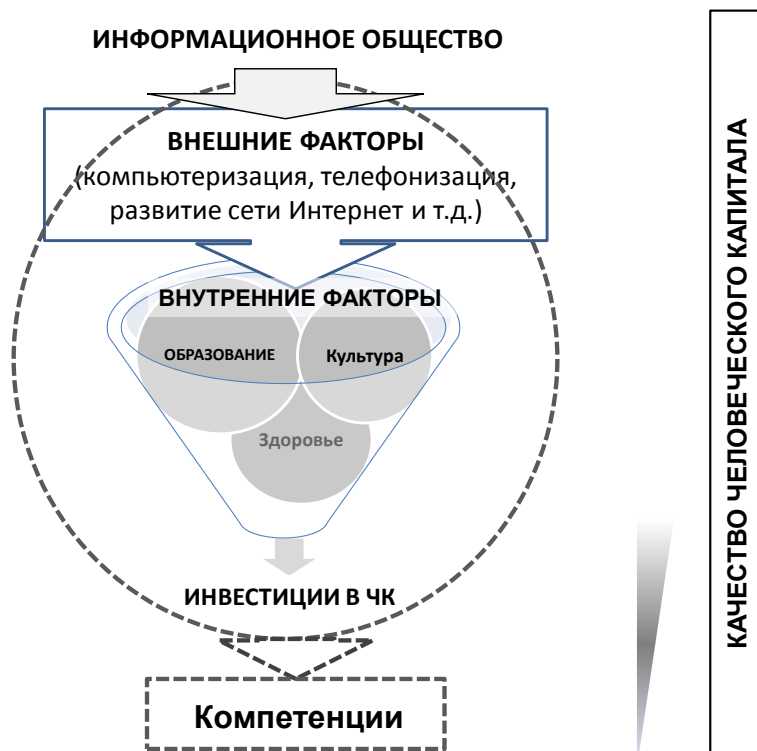
Информационное общество влияет на формирование ключевых компетенций работников, их потребности и мотивацию как движущие силы деятельности, что в свою очередь задает вектор развития всей экономической системы. В информационном обществе возникают новые факторы формирования качества человеческого капитала (см. рис.). Внешние факторы обусловлены развитием информационных технологий (компьютеризация, телефонизация, развитие сети Интернет и т.д.). Они, в свою очередь, оказывают влияние на внутренние факторы.

К внутренним факторам формирования качества индивидуального человеческого капитала относится *здоровье*, включающее в себя совокупность психофизиологических качеств человека; *образование* как совокупность знаний, умений и навыков личности; *культура* как совокупность этических и эстетических установок личности. Ключевым фактором среди вышеперечисленных является образование [3], так как жизнедеятельность в информационном обществе требует роста компетенций, особенно способности к обработке информации и к выбору нужной информации из общего информационного поля.

Информатизация в настоящее время является одним из основных путей модернизации системы образования. Основной ценностью в информационном обществе становится информация и навыки работы с ней. Развитие информационно-коммуникационных технологий создает фундамент для осуществления научных и образовательных программ на качественно новом уровне. Создание скоростных телекоммуникаций и разработка технологий реального времени дает возможность реализации моделей распределенной образовательной среды, построенной на технологиях удаленного доступа к информационным ресурсам и компьютерных средствах общения. Данные технологии прочно вошли в практику образовательных учреждений. А научно-технический прогресс не стоит на месте: если еще десять лет назад электронная почта считалась достижением века, то сейчас общество трудно удивить онлайн-технологиями и удаленным доступом [7].

Гаврикова Анастасия Владимировна, канд. геогр. наук, научный сотрудник Института социально-экономических исследований УНЦ РАН. E-mail: avgavrikova@mail.ru

Исследование выполнено в рамках госзадания ИСЭИ УНЦ РАН по теме «Социализация экономической системы, формирующая новые траектории социального развития региона» (№ гос. регистрации АААА-А17-117021310208-8).

Формирование качества человеческого капитала в условиях информационного общества

Информационно-коммуникационные технологии вносят креативность и разнообразие в процесс обучения, тем самым расширяя возможности образовательной среды. В настоящее время практически все учебники делают акцент на развитии творческого мышления, поэтому они содержат задания эвристического характера. К числу таких программных средств относятся моделирующие программы, поисковые, интеллектуальные обучающие, экспертные системы, программы для проведения деловых игр. С помощью информационно-коммуникационных технологий в процесс обучения виртуально могут влиться учащиеся различных учебных заведений, находящихся за тысячи километров друг от друга, выполнять совместные творческие проекты и дискутировать на разные темы.

Глобальный характер информатизации общества ведет к формированию современных тенденций образования, которые заключаются в сокращении длительности аудиторных занятий и увеличению самостоятельной работы. Это происходит из-за нецелесообразности траты аудиторных часов на освоение большей части материала, так как доступ к информации учащийся может получить в любое время через Интернет. В большей степени это, конечно, относится к университетскому образованию и переподготовке специалистов, нежели к обучению в школе [2].

Возможности информационного общества в определенной степени позволяют повысить степень соответствия работников требованиям, выдвигаемым организациями, путем приобретения определенных знаний и умений средствами интернет-технологий. Каждый руководитель хочет, чтобы сотрудники выполняли свои обязанности эффективно и профессионально. Для этого работникам необходимо пополнять свои знания и развивать свои навыки. Именно поэтому сегодня все большей популярностью пользуется интернет-обучение, которое позволяет получать новые знания и навыки, оставаясь на рабочем месте. Востребованность дистанционного обучения растет из-за ряда преимуществ: оно позволяет получить нужные знания в любой точке мира, не выходя из дома, и при этом обходится дешевле. Данные обстоятельства стирают грань между классическим образованием и дистанционным обучением и приобретением новых знаний

и умений. В результате приобретение и накопление индивидом определенных знаний, умений и навыков приводит к росту его качественных характеристик и компетенций и увеличению необходимости удовлетворения своих потребностей в реализации накопленных знаний, умений и навыков средствами продвижения по карьерной лестнице внутри организации либо сменой места работы. Таким образом, данная потребность напрямую влияет на оборот рабочей силы.

Информационное общество оказывает влияние на обучение и путем расширения возрастных и временных рамок традиционного образовательного процесса. В современном обществе в условиях мобильности и доступности информации процессу обучения и переобучения подвержена не только молодежь. Индустрия образования открывает свои двери всем активным членам общества.

Массовая культура, формирующаяся под влиянием информационного общества, также является одним из факторов, влияющих на развитие качества человеческого капитала. С одной стороны, происходит информатизация сферы культуры путем оцифровки научного и культурного наследия, создания электронных библиотек и предоставлением открытого доступа к ним. Это повышает уровень информированности и знаний в области культуры и искусства [9].

С другой стороны, происходит формирование низкого уровня массовой культуры, который принимает самые причудливые формы, и имеет место отсутствие этических и эстетических норм сетевой культуры. В результате этого появились специальные программы, которые помогают подготавливать молодое поколение к жизни в информационном обществе [8]. Основной задачей этих программ является формирование у молодежи умения разбираться в принципах, методах и целях создания различных видов виртуальной реальности, то есть умения противостоять агрессивным методам масс-медиа. Под противостоянием подразумевается в большей степени понимание происходящего, возвращение в реальность. Только когда все общество научится противостоять технологиям масс-медиа любых видов и его представители станут специалистами в этой области, человек сможет реализовать те уникальные возможности для индивидуального развития, которые заложены в едином информационном пространстве.

В здравоохранении информационные технологии способствуют повышению доступности и качества медицинской помощи для широких слоев населения. На смену традиционной медицине постепенно приходят телемедицина, появившаяся путем синтеза медицинских, информационных и коммуникационных технологий. Развитие телемедицины способствует решению ряда задач: удаленное медицинское обслуживание лиц, проживающих в труднодоступных районах; оказание медицинской помощи в очагах массовых поражений и чрезвычайных ситуациях; консультирование пациентов в ведущих мировых медицинских центрах; обеспечение сбора, хранения и доступа к базам данных, располагающим медицинской и управленческой информацией, работникам здравоохранения и оказание государственных услуг населению в данной сфере и многое другое [6].

В совокупности внешние и внутренние факторы формируют определенные компетенции, которые позволяют индивиду встраиваться в экономическую систему. Факторы, составляющие человеческий капитал (внутренние факторы), на индивидуальном уровне можно рассматривать как институты, осуществляющие инвестиции в человеческий капитал.

Развитие многообразия форм собственности, рост доходов и социальной защищенности, повышение инвестиций в социальную сферу способствуют накоплению человеческого капитала, который, в свою очередь, будучи эффективно использованным, расширяет инновационную составляющую экономики, повышает ее конкурентоспособность.

Рост экономики в первую очередь зависит от возможностей производства и связан с использованием основных видов производственных ресурсов – трудовых, капитальных, природных, имеющих в ограниченном количестве. Это традиционные факторы. Они использовались и используются на всех этапах развития общества. В последние десятилетия все больше внимания уделяется анализу влияния новых факторов, таких как знания, наука, информация. Особое значение имеют исследования влияния человеческого капитала на экономический рост.

Интеллектуализация хозяйственной деятельности и признание человеческого капитала основным фактором производства является важнейшим направлением развития экономики. Качество человеческого капитала становится основой успешной деятельности современных фирм и превращается в ведущий показатель уровня развития стран и регионов.

Литература

1. Биглова Г.Ф. Парадокс бедности в богатой России: попытка институциональных обобщений // Экономика и управление. 2016. № 2. С. 16–21.
2. Гаврикова А.В., Ишмуратова Д.Ф. Образование и качество жизни: отдельные аспекты взаимосвязи // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 221–226.
3. Ишмуратова Д.Ф. Роль системы образования в обеспечении устойчивого развития общества // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2016. С. 270–273.
4. Корчагин Ю.А. Российский человеческий капитал. Фактор развития или деградации? Воронеж: Центр исследования региональной экономики, 2005.
5. Конев А.А. Социальный капитал как фактор экономического роста в современной экономике: автореф. дис. ...канд. экон. наук. Иркутск, 2007. 23 с.
6. Мигунова Ю.В., Гаврикова А.В. Тенденции развития здравоохранения и проблема доступности медицинской помощи // Научные изыскания в сфере социально-экономических и гуманитарных наук: Междисциплинарный подход и генезис знаний: монография. Самара, 2017. С. 240–250.
7. Сафиуллина Е.А., Гаврикова А.В. Человеческий капитал и развитие информационного общества // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2017. С. 169–172.
8. Семья и дети в России: современное состояние и перспективы развития / Большакова Н.Л., Гайфуллин А.Ю., Мигунова Ю.В., Садыков Р.М., Файзуллин Ф.С. Уфа, 2016.
9. Шагиева Л.А. Ключевые показатели развития социального потенциала территориальных систем // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 1–2. С. 175–178.

Общий и специфический человеческий капитал: основные тенденции накопления и использования

Д. ИШМУРАТОВА

Человеческий капитал выступает в качестве одного из ведущих факторов социально-экономического развития. В современных условиях его роль и значение возрастают, что подтверждается и изменением отношения населения к образованию как к одному из ведущих институтов, способствующих его накоплению, вниманием исследователей к данному феномену.

Ишмуратова Дина Фаритовна, канд. социол. наук, научный сотрудник Института социально-экономических исследований УНЦ РАН. E-mail: ishdin@inbox.ru

Исследование выполнено в рамках госзадания ИСЭИ УНЦ РАН по теме «Социализация экономической системы, формирующая новые траектории социального развития региона» (№ гос. регистрации АААА-А17-117021310208-8).

Развитие человеческого капитала относится к важнейшим направлениям в социальной политике, уделяющей внимание повышению качества, росту инвестиций в процесс его накопления. Повышение социальной направленности политики, социализация экономики как очередной этап ее эволюции также предполагают ориентацию на человека, призванную максимально способствовать реализации потребностей и способностей индивида. Так как процесс накопления человеческого капитала, его воспроизводства требует затрат, а его использование предполагает получение прибыли, то проблема инвестиций и отдачи от них является центральной при рассмотрении его эффективности, качественных и количественных характеристик.

В структуре человеческого капитала к основным элементам относятся знания, навыки, позволяющие индивиду встраиваться в социальную структуру, выполнять свои роли и функции, получать вознаграждение за свою профессиональную деятельность [1]. В теории существует разделение имеющегося у человека запаса знаний на общий человеческий капитал и специфический. Значительная часть общего капитала приобретается в рамках системы образования и представляет собой универсальную основу, позволяющую человеку заниматься профессиональной деятельностью. Как правило, к показателям объема накопленного потенциала в данной части относятся уровень образования, среднее число накопленных лет обучения. Специфический человеческий капитал работник получает непосредственно на рабочем месте. Данный вид капитала имеет значение и применение в рамках того предприятия или организации, где они были получены.

Обе части капитала по мере своего увеличения должны способствовать повышению вознаграждения за них. Исследования говорят о динамическом характере величины отдачи от них, подверженной влиянию как социально-экономических условий в целом, так и изменению трудовых и образовательных траекторий работников. При этом изменения не одинаковы для этих частей. Так, в отношении отдачи от образования исследователи говорят о его быстрой позитивной динамике в период 1990-х – начала 2000-х годов, после чего происходит понижение нормы отдачи [7]. К причинам, обуславливающим понижение нормы отдачи, помимо экономически сложных условий, относится и постепенное повышение уровня образования населения (табл. 1).

Ориентация молодежи преимущественно на получение высшего образования повышает предложение специалистов с соответствующим уровнем образования на рынке труда. При этом, несмотря на увеличивающуюся конкуренцию, спрос населения на него остается высоким, так как, помимо уровня заработной платы, важными составляющими выбора являются повышение доступности обучения в высших учебных заведениях, социальная желательность этой образовательной траектории. Дополняют мотивацию и представления о гарантиях занятости, что отчасти подтверждается статистическими данными: риск безработицы понижается с повышением уровня образования [8].

Таблица 1

Уровень образования населения от 15 лет и старше
(в расчете на 1000 человек населения соответствующей возрастной группы, указавших уровень образования) [9, 10; 4, 20]

Образование	2002 г.	2010 г.	2015 г.
Высшее профессиональное	162	234	258
Среднее профессиональное по программам подготовки специалистов среднего звена	275	312	311
Среднее профессиональное по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих	128	56	92

Повышение уровня образования населения связано и с увеличением времени, затрачиваемого на его получение. Так, показатель среднего числа накопленных лет образования также растет, по данным исследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья

населения», в 2008 г. он имел значение в 12,5 лет на одного респондента, тогда как в 2000 г. – 11,9 лет, в 1995 г. – 11,5 лет [6, 95]. Ожидаемая продолжительность обучения в течение предстоящей жизни также растет: в 2014 г. для России она составляла 16,5 лет, в 2000 г. – 14,5 лет [10, 50]. Развитие системы непрерывного образования, необходимость постоянно актуализировать свои знания, навыки, квалификацию будут способствовать увеличению показателей вовлеченности населения в процесс обучения.

Отдача от накопленного в ходе обучения человеческого капитала происходит в ходе реализации полученных знаний и навыков в процессе трудовой деятельности в виде вознаграждения за нее. При этом величина вознаграждения зависит от множества составляющих: сферы деятельности предприятия, его принадлежности к государственному или частному сектору, степени специализированности выполняемых работником функций, степени соответствия способностей, квалификации работника требованиям работодателя и т.д. [13]. На уровне государства одним из ключевых факторов, обуславливающих эффективность инвестирования в процесс подготовки кадров, является взаимодействие между системой образования и рынком труда, для которого характерно наличие профессионально-квалификационной количественной рассогласованности спроса и предложения на рынке труда на современном этапе [12]. О величине данной рассогласованности можно судить в том числе по статистике трудоустройства выпускников и связи их работы с полученной профессией.

Так, по данным выборочного наблюдения трудоустройства выпускников образовательных организаций в 2016 г. [5], из выпускников 2010–2015 гг. нашли работу, связанную с полученной профессией (специальностью), 65,7 %, не связанную с полученной профессией (специальностью) – 34,3 %. При этом чем выше уровень полученного образования, тем выше степень соответствия работы и уровня образования: среди специалистов высшего уровня квалификации устроились после окончания образовательной организации на первую работу, связанную с полученной профессией, – 88,0 %, для специалистов среднего уровня квалификации эта цифра достигает значения 70,5 %. Основными причинами для трудоустроившихся не по профессии является отсутствие вакансий – об этом заявили порядка половины из этой группы выпускников, независимо от уровня образования. Низкая заработная плата также стала препятствием для реализации человеческого капитала в виде профессиональных знаний и навыков на работе по профессии для 17 % опрошенных выпускников, еще 18 % назвали другие причины, помешавшие трудоустроиться в соответствии с полученным образованием. 83,2 % опрошенных выпускников, трудоустроившихся на первую работу, связанную с полученной профессией (специальностью), оценивают полученные в ходе обучения знания довольно высоко. Для 15,4 % респондентов знаний оказалось недостаточно, еще 1,5 % работающих они не пригодились.

Несмотря на высокий процент удовлетворенных своим багажом знаний, части из них пришлось проходить дообучение – 27,8 % из рассматриваемой группы выпускников 2010–2015 гг., трудоустроенных на первую работу по профессии, проходили дообучение либо переобучение в первые три месяца работы. При этом, как правило, это обучение не предполагало вложения средств (18,7 %) либо реализовывалось за счет работодателя (6,9 %). Тем, кто устроился на первую работу не по специальности, также пришлось проходить дообучение либо переобучение в первые три месяца работы – таковых среди этой группы 30,9 %, без финансовых инвестиций прошли переобучение 18,2 %, за счет средств работодателя – 9,5 % [5].

Приведенная статистика позволяет сделать вывод, с одной стороны, о достаточности получаемых в системе образования знаний для работы как по специальности, так и в областях, не связанных с профессией. В последнем случае фактором, позволяющим работнику соответствовать требованиям рабочего места, является как универсальность части знаний, получаемых в системе образования и позволяющих их применять вне зависимости от специфики рабочего места, так и отсутствие требований к наличию специальных знаний для работы на определенных должностях.

С другой стороны, значительная часть выпускников вынуждена проходить дополнительное обучение или переобучение независимо от характера связи их работы с полученной профессией. В этих условиях большое значение приобретает специфический человеческий капитал как сумма знаний и навыков, приобретенных в процессе трудовой деятельности. В условиях недостаточности получаемого образования специфическая часть человеческого капитала выполняет компенсаторную роль, позволяя работнику повысить степень своего соответствия требованиям рабочего места. Накопление специфической части человеческого капитала должно способствовать увеличению производительности труда, а также повышению вознаграждения работника за более высокие результаты, что делает выгодным инвестирование средств и работников, и работодателей в процесс роста специфического капитала.

Показателем, позволяющим характеризовать величину накопленного специфического человеческого капитала, является размер специального стажа, отражающий время, в течение которого работник выполняет свои обязанности на одном предприятии или организации. По данным статистики, соотношение численности групп работников с тем или иным стажем остается примерно одинаковым (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение численности работников по стажу на последнем месте работы, в %*

Стаж на последнем месте работы	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
До 1 года	11,9	13,1	11,1	11,2	10,9	10,0	9,4	9,1
От 1 года до 3 лет	16,2	15,4	15,7	15,4	15,8	15,5	15,2	14,6
3–5 лет	14,8	15,1	15,2	14,2	14,4	14,8	14,8	14,6
5–10 лет	22,1	22,5	23,4	24,7	24,1	23,9	24,7	25,6
10 лет и более	35,0	33,9	34,5	34,5	34,8	35,8	35,9	36,2

* Рассчитано по данным выборочных обследований рабочей силы (Росстат) [3; 11].

Наиболее многочисленной является группа работников с большим стажем, при этом фактором, способствующим продлению этих отношений, по мнению исследователей, является премия не только и не столько за величину специального стажа, а за более высокое соответствие работников требованиям рабочего места [2].

В исследованиях, учитывающих переменную специального стажа, указывается разное значение его средней величины у российских работников. Так, по данным обследования населения по проблемам занятости, в 2009–2014 гг. средняя величина специального стажа была равна примерно 8,5 лет, по данным обследования профессий по заработной плате, указывается величина 10 лет (период 2009–2013 гг.), в соответствии с Российским мониторингом экономического положения и здоровья населения – менее 8 лет в 2014 г. [2].

Невысокая средняя величина специального стажа связана с наличием работников, имеющих небольшой стаж в структуре рабочей силы. Доля лиц со стажем до 3 лет несколько снизилась за период 2009–2016 гг., но остается достаточно большой, что складывается благодаря действию множества факторов. Это связано и с выходом на рынок труда выпускников (впервые приступающих к работе), и с объемами ликвидируемых и вновь создаваемыми рабочими местами, а также с отсутствием мотивации у части работников и работодателей к длительным трудовым отношениям, стимулов к накоплению специфического человеческого капитала. В последнем случае работники и работодатели предпочитают поиск выгодных и подходящих условий и специалистов, а не инвестирование в развитие собственных, уже имеющихся ресурсов.

Таким образом, накопление и использование человеческого капитала характеризуется как положительными тенденциями, связанными с его высокими количественными и качественными характеристиками, так и наличием резервов повышения эффективности данных процессов.

Современное социально-экономическое развитие имеет динамичный характер, повышая значение человеческого капитала как ресурса адаптации к изменяющимся условиям, что актуализирует процесс его накопления и повышения эффективности использования.

Литература

1. Гаврикова А.В. Влияние информационного общества на развитие качества человеческого капитала в контексте социализации экономической системы // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8. С. 978–981.
2. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Ощепков А.Ю. «Новички» и «старожилы»: что говорят показатели специального стажа: препринт WP3/2017/01. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 69 с.
3. Данные обследований населения по проблемам занятости 2009–2016 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766
4. Индикаторы образования: 2017: стат. сб. / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, И.Ю. Забатурина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 320 с.
5. Итоги выборочного наблюдения трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование в 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr/index.html
6. Капелюшников Р.И. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения») / Р.И. Капелюшников, А.Л. Лукьянова. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. 196 с.
7. Лукьянова А.Л. Отдача от образования: что показывает метаанализ: препринт WP3/2010/03. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 60 с.
8. Мигунова Ю.В. Социальный потенциал молодежи в инновационном обществе // Региональная экономика: взгляд молодых: сб. науч. тр. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2014. С. 167–173.
9. Образование в цифрах: 2016: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, И.Ю. Забатурина, Г.Г. Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2016. 80 с.
10. Полетаев А.В., Агранович М.Л., Жарова Л.Н. Российское образование в контексте международных показателей. Сопоставительный доклад [Электронный ресурс]. URL: http://stat.edu.ru/doc/Rus_education.pdf
11. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 146 с.
12. Развитие и регулирование рынков образовательных услуг и труда на основе агент-ориентированного подхода: монография / Д.А. Гайнанов, Л.И. Мигранова, Л.Д. Сайфуллина; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Д.А. Гайнанова. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. 132 с.
13. Шагиева Л.А. Тенденции развития социального потенциала в современном российском обществе // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2015. С. 161–163.

Интеллектуальный ресурс как экономическая категория

М. МИНАСОВ, Д. ПЕТРОВ

Актуализация роли интеллектуального ресурса. С 1980-х г. в структуре мировой экономики и ее взаимосвязанных хозяйств активизировались процессы интеллектуализации производства, обусловленные необходимостью ускорения их инновационного роста. Основной целью была реализация концепции устойчивого развития, ориентированного на инновационный прогресс экономики с учетом природного фактора (в рамках Программы ООН по окружающей среде «О развитии без разрушения» (1980)). Данная специфика привела к актуализации в 1990-х г. научных наработок Т.А. Стюарта, впервые выделившего категорию «интеллектуальный ресурс» как некие накопленные знания или сформированный интеллектуальный материал, используемые для производства более ценного имущества или эффективного управления им [5].

Такой подход закрепил интеллектуальный ресурс в качестве характерной черты современных национальных, региональных, индивидуальных систем, поскольку их воздействие характеризовалось потенциальными возможностями трансформации в нечто полезное, имеющее определенную форму и позволяющее воздействовать на степень соответствующего прогресса экономики отдельных территорий (различные инновации, изобретения, научно-технические разработки) [5]. Например, наиболее прогрессивной (с точки зрения устойчивого развития) является экономика Швейцарии. Данное государственное образование, при практически полном отсутствии собственных минерально-сырьевых ресурсов, – лидер по способности извлекать выгоды от использования интеллектуальных ресурсов: патентов на изобретения, инноваций научно-исследовательских и венчурно-внедренческих центров (доля инновационного фактора в ВВП составляет $\approx 92\%$ [4]). В Российской Федерации такие ресурсы используются ограниченно (доля инновационного фактора в ВВП составляет $\approx 8\%$ [4]), а потому исследованы в наименьшей степени.

Поляризация трактовок интеллектуального ресурса как экономической категории. В отечественной науке нет единства в определении сущности интеллектуальных ресурсов, хотя имеются расхождения во мнениях многих ученых-экономистов относительно этой категории [2, 10].

Констатируем, что, с одной стороны, ее рассматривают как совокупность накопленных знаний, которая выступает основой различных процессов воспроизводства, необходимых для эффективного общественного развития. Следует отметить, что данная точка зрения характерна для научных воззрений следующих авторов.

1. *Головчанская Е.Э.*, характеризующая данную категорию как основу воспроизводства интеллектуального капитала, которая напрямую связана с воспроизводством патентов, ноу-хау, инноваций [1, 10]. Фактически автор рассматривает эту категорию как основу *воспроизводства элементов, призванных повышать эффективность других ресурсов*;

2. *Минасов М.Ш.* в своих работах рассматривает интеллектуальный ресурс в качестве системы отношений по производству знаний и интеллектуальных способностей индивидуумов, коллективов и общества в целом. При этом отмечается стремление всех выделенных субъектов обеспечить устойчивое расширенное и сбалансированное *воспроизводство национального богатства* (на интенсивной основе в интересах повышения качества жизни всего населения);

Минасов Марат Шамильевич, канд. экон. наук, профессор кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ). E-mail: minasov-bagsu@mail.ru

Петров Дмитрий Владимирович, магистрант БАГСУ

3. Гостевой О.В. и Агентьевой Е.И. интеллектуальные ресурсы рассматриваются как совокупность умений и навыков, которые человек использует для производства продуктов труда и для получения прибыли. Таким образом, основное внимание акцентируется на них как на *источнике формирования и воспроизводства нематериальных активов страны, отдельных ее территорий (муниципалитетов) и т.д.* [2].

С другой стороны, рассматриваемую категорию идентифицируют как некий экзогенный (вызываемый внешними причинами или возникший под влиянием чего-либо) фактор, обеспечивающий прогресс общественного производства [2]. Данные положения отражены в научных трудах следующих исследователей.

1. Попкова Е.Г., Чечина О.С., Позднякова У.А., Головчанская Е.Э., которые считают, что важнейшим условием развития интеллектуальных ресурсов является инвестирование (формирующее обеспеченность финансовыми ресурсами). Поскольку вследствие этого процесса финансовый капитал преобразуется в инвестиционные затраты, которые в конечном итоге определяют прирост капитальной стоимости в виде дополнительного дохода и социального эффекта [5, 20–23];

2. Шамрай Ю.Ф., рассматривающий интеллектуальный ресурс как результат интеграционного сотрудничества человеческого капитала государственного и местного самоуправления, бизнеса и научных учреждений в интересах повышения уровня и качества жизни населения [2, 21].

Следует отметить, что интеллектуальный ресурс действительно обеспечивает непрерывность большинства процессов производства благ в экономике, тем самым подавая импульсы для развития мировых, национальных и внутринациональных (муниципальных) систем. Вместе с тем идеи об экзогенной природе категории интеллектуальных ресурсов тоже не лишены смысла. Рассматривая эти ресурсы в качестве основы различных процессов воспроизводства, нельзя не отметить, что их интегратором всегда выступает человеческий капитал, знания, которыми он обладает, связи и другие необходимые элементы. По нашему мнению, существующая поляризация трактовок интеллектуального ресурса не только существенно искажает ее сущность, но и препятствуют активному использованию ее возможностей в улучшении уровня и качества жизни отечественного населения.

Сущность интеллектуального ресурса как экономической категории. Наиболее целесообразно понимание интеллектуального ресурса как:

1) комплексной категории эндогенной природы, обеспечивающей процесс *расширенного или простого* воспроизводства благ в экономике (при помощи совокупности накопленных знаний);

2) экзогенной природы, которая определяет такие ресурсы как аккумулирующее понятие, определяемое количеством и качеством человеческого капитала, обеспеченностью информационными, финансовыми и природными ресурсами регионов, ведомств, предприятий (организаций), работников и т.д.

Таким образом, нельзя не согласиться с тем, что выполненный экзо-эндогенный синтез превращает интеллектуальный потенциал в ресурс, обеспечивающий социально-экономический или общественно-политический прогресс регионов при условии стимулирования развития науки и активного накопления знаний на личном, корпоративном и общественном уровнях; создание соответствующей макроэкономической среды, центральные звенья которой формируются экономической политикой государства и уровнем управления социально-экономическими процессами; стимулирование развития эффективной национальной и региональных инновационных систем (способных функционировать в автономном режиме).

Авторская трактовка сущности интеллектуального ресурса как экономической категории позволяет не только выделить его категориальные элементы, но и представить в качестве открытой системы, которая непрерывно взаимодействует с внешней средой и регулируется ее потребностями (рис. 1).

Так, интеллектуальный ресурс как экономическая категория может быть описан на примере открытой системы, имеющей содержательную основу («знания – патенты, ноу-хау, инновации – блага в экономике, уровень культуры»), функционирование которой обеспечивается через ресурсную основу («регион – ведомства, предприятия (организации) – работник») при помощи входа и выхода системы.

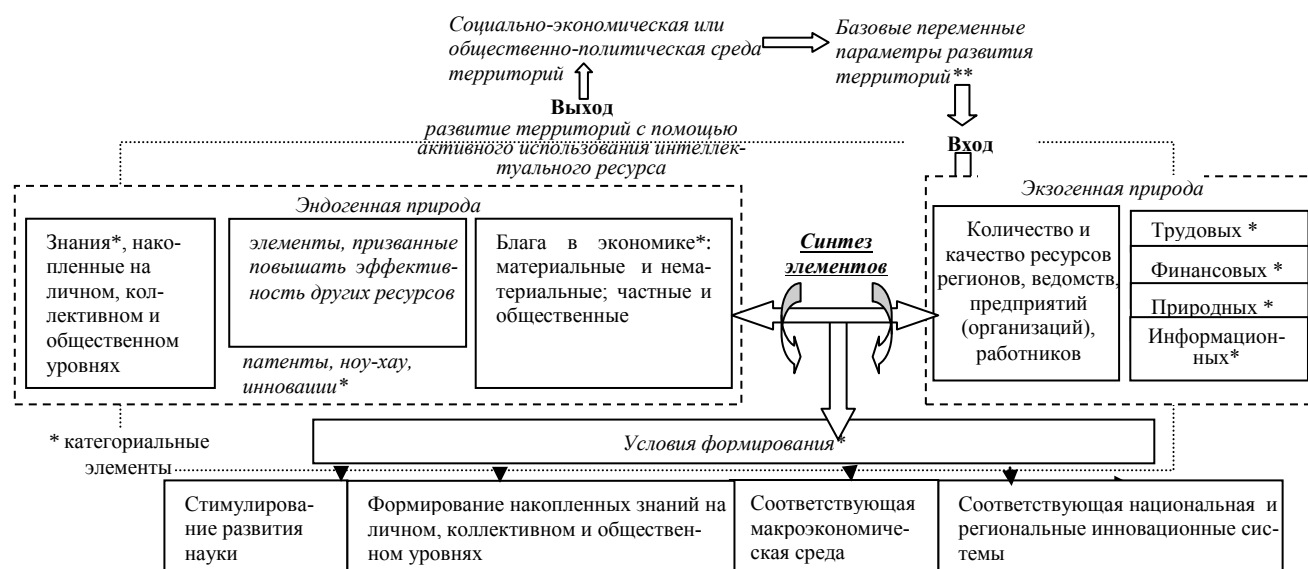

Схема категории интеллектуального ресурса, как открытой системы
(разработано авторами на основе [1; 2; 5])

Вход в систему реализуется через совокупность базовых переменных параметров, способных влиять на процессы формирования и использования интеллектуального ресурса, а выходом является достигнутый уровень социально-экономического или общественно-политического развития территорий.

Литература

1. Головчанская Е.Э. Интеллектуальный ресурс: психологический феномен экономического конструкта // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2. С. 347–351.
2. Гостева О.В., Акентьева Е.И. Интеллектуальные ресурсы как основа интеллектуального капитала организации // *Экономические науки*. 2015. № 6. С. 34–35.
3. Минасов М.Ш. Интеллектуальный потенциал региона – важнейший фактор устойчивого развития // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2012. № 4. С. 29–36.
4. Минасов М.Ш. Интеллектуальный ресурс – пути активации и повышения уровня и качества // *Инновационные технологии в образовании: материалы Всеросс. научно-практ. конф.* 2015. С. 157–161.
5. Попкова Е.Г., Чечина О.С., Позднякова У.А., Головчанская Е.Э. Инновационное развитие интеллектуальных ресурсов в условиях формирования университетов предпринимательского типа: монография. М.: Русайнс, 2015. 196 с.

Имитационная модель процесса предоставления услуг информационных технологий и связи

Л. АБЗАЛИЛОВА

Шестой технологический уклад – электронная экономика – неотвратимо диктует специфические условия функционирования предприятий. Особую актуальность приобретают корпоративные цифровые телекоммуникационные сети, обеспечивающие управление, контроль и анализ всех основных бизнес-процессов компаний в режиме онлайн. Кроме информационных систем, необходимо внедрить соответствующую культуру в компании. Только комплекс условий делает компанию «цифровой», обеспечивая ее эффективность, продуктивность и потенциал роста бизнеса – остро необходимые сейчас конкурентные преимущества. Компаниям необходимо осознать необходимость перестройки как реальность, изменить формат, начать работать так же, как новые цифровые сервисы, обучить персонал работе с новыми технологиями, внедрение которых необходимо для развития бизнеса, ввести поощрение для сотрудников, освоивших новые технологии. От осознания необходимости интеграции современных технологий в повседневную работу и бизнес-процессы зависит скорость и успех перестройки.

Эффективность работы любого предприятия во многом определяется рациональной организацией бизнес-процессов. Так как практически любой бизнес-процесс можно охарактеризовать с помощью инструментария системы массового обслуживания, то имитационное моделирование данного процесса позволяет выявить «узкие места» в работе системы и сформулировать предложения по ее совершенствованию.

В настоящей работе рассматривается деятельность управления информационных технологий и связи (УИТиС), функционирующего в ООО «Газпром нефтехим Салават». Основной задачей подразделения является предоставление услуг информационных технологий и связи всем пользователям предприятия. Для организации взаимодействия между пользователем и специалистами УИТиС в центре сервисного обслуживания подразделения функционирует отдел поддержки пользователей (HelpDesk). Ключевыми задачами этого отдела являются [4]:

- 1) обеспечение единой точки входа (контакта) для пользователя по всем вопросам предоставления услуг ИТ и связи;
- 2) регистрация и обработка всех поступающих обращений от пользователей, обеспечение их успешного решения с максимальным удобством для пользователя.

Целью данного исследования является изучение, анализ и моделирование процесса предоставления услуг информационных технологий и связи и оптимизация работы отдела поддержки пользователей (HelpDesk). Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- 1) Построить имитационную модель службы HelpDesk.
- 2) На основании экспериментов собрать статистику поведения модели.
- 3) Провести анализ собранных данных.
- 4) Сформулировать предложения по повышению эффективности работы системы.

Работа службы HelpDesk рассматривалась как система массового обслуживания (СМО) G/GR/n [1] с ожиданием, поскольку заданы все компоненты: входящий поток запросов; количество и типы обслуживаемых устройств (приборов); емкость накопителей (буферов), где запросы, заставшие все приборы занятыми, ожидают начала обслуживания; время, которое необходимо для обслуживания запросов; дисциплина обслуживания. Заявки, поступающие в систему

через временные интервалы, описываются произвольной функцией распределения $A(t)$. Данная СМО имеет несколько каналов обслуживания, в которых поступающие заявки обслуживаются в течение некоторого временного интервала, описываемого функцией распределения $B(t)$: закономерности обслуживания различных требований одинаково распределены, но закон их распределения также не известен. В случае, когда все каналы заняты, вновь поступившая заявка «ожидает» обслуживания в очереди.

В качестве основных вероятностных характеристик имитационной модели были выделены интенсивность входного потока заявок (число обращений пользователей в HelpDesk); временные характеристики обработки заявок в подразделениях поддержки.

Обращение пользователя регистрируется сотрудником HelpDesk в виде заявки в системе. После заполнения необходимой информации проводится классификация заявки на предмет обращения, оценка степени влияния и приоритета заявки. Приоритет поступающих заявок устанавливается исходя из сервисного обслуживания программного обеспечения и техники, настройки учетной записи пользователя, задачи повышенной сложности. Если сотрудник группы приема HelpDesk не может выполнить заявку самостоятельно либо для выполнения заявки необходимо длительное непосредственное участие сотрудника, то он адресует ее на вторую линию поддержки в соответствии с предметом обращения по функциональному направлению для дальнейшего решения. При регистрации заявки сотрудник HelpDesk заполняет форму заявки в соответствии с рабочей инструкцией. После заполнения формы сотрудник первой линии поддержки сохраняет заявку в системе и сообщает инициатору ее номер. В результате работы сотрудник формирует отчет о выполнении либо об отклонении в обслуживании заявки.

В качестве исходных данных выступали фиксировавшиеся службой поддержки пользователей обращения в службу и время исполнения обращений. Для идентификации законов распределения и времени обработки обращений использовался отрезок временного ряда обращений в службу HelpDesk за 2016 год.

Поток заявок, поступающих в отдел, имеет различную интенсивность в рабочие и праздничные и выходные дни, поэтому были выделены две группы запросов: запросы, поступающие в рабочие дни, и запросы, поступающие в выходные и праздничные дни. Идентификация законов распределения осуществлялась отдельно для каждой последовательности данных. За первоначальную гипотезу о вероятностном распределении количества заявок в HelpDesk было принято предположение об экспоненциальном характере поступления заявок, как в рабочие, так и в выходные и праздничные дни. Данная гипотеза была отвергнута [3]. Но, согласно критерию Пирсона, была принята гипотеза о нормальном распределении потока заявок. Полученные результаты приведены в таблице 1.

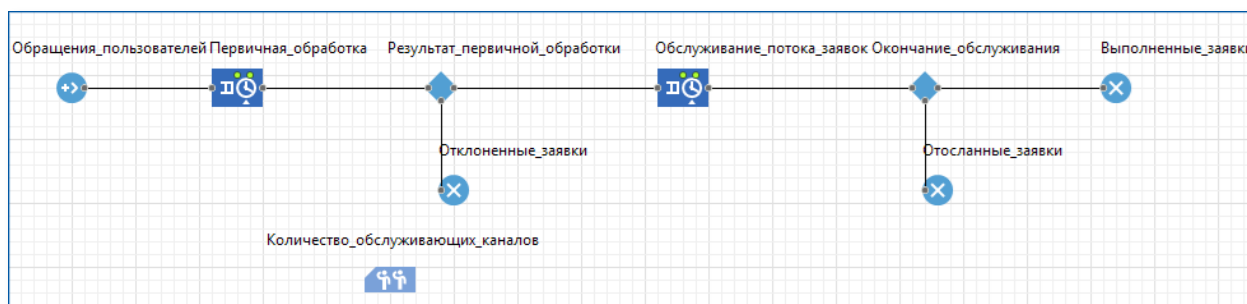
Таблица 1

Результаты вычислений

№	Нижняя граница интервала*	Верхняя граница интервала	Середина интервала	Количество наблюдений в интервале	Теоретические частоты	Критерий Пирсона
1	110 / 8	133 / 14	121,5 / 11	20 / 13	0,0652 / 0,1522	0,3616 / 13,6435
2	133 / 14	156 / 20	144,5 / 17	51 / 36	0,0574 / 0,0305	82,5466 / 268,9166
3	156 / 20	179 / 26	167,5 / 23	78 / 38	0,0504 / 0,0295	307,5498 / 316,0992
4	179 / 26	202 / 32	190,5 / 29	58 / 25	0,0444 / 0,0285	178,8795 / 127,4333
5	202 / 32	225 / 38	213,5 / 35	36 / 8	0,0390 / 0,0276	62,4431 / 5,8851
6	225 / 38	248 / 44	236,5 / 41	14 / 8	0,0343 / 0,0267	2,5166 / 6,3986
7	248 / 44	271 / 50	259,5 / 47	5 / 4	0,0302 / 0,0258	1,1749 / 0,1726
8	271 / 50	294 / 56	282,5 / 53	5 / 4	0,0256 / 0,0249	0,6241 / 0,2332
9	294	317	305,5	1	0,0233	4,4082
						286,3 / 738,8

*Через дробь указаны показатели, характерные для выходных и праздничных дней.

В среде AnyLogic была построена имитационная модель рассматриваемого бизнес-процесса. AnyLogic [2] – инструмент имитационного моделирования нового поколения, основанный на результатах, полученных в теории моделирования и в информационных технологиях. Основными строительными блоками модели AnyLogic являются активные объекты, которые позволяют моделировать любые объекты реального мира. Активный объект является экземпляром класса активного объекта, который реализуется путем создания классов активных объектов (или использованием объектов библиотек AnyLogic) и заданием их взаимосвязи. AnyLogic интерпретирует создаваемые графически классы активных объектов в классы Java. Поэтому модель позволяет пользоваться всеми преимуществами объектно-ориентированного моделирования. Схема построенной имитационной модели представлена на рисунке.

Интерфейс имитационной модели

Основные блоки модели:

1. Source (обращения пользователей) – блок, генерирующий входной поток заявок, в соответствии с представленной информацией. Для первого типа заявок среднее значение составляет 20; минимальное – 12, а максимальное – 35. Для заявок второго типа средним значением является 5 заявок, минимальным – 2 заявки, максимальным – 11 заявок.

2. Service (первичная обработка) – блок, осуществляющий первичную обработку заявки, на предмет установления корректности обращения, классификации и приоритета заявки. Блок Service (первичная обработка) задерживает поступающую заявку на заданный период времени, в рамках проведения первичной обработки. Период задержки соответствует треугольному закону распределения, который определяется его средним, максимальным и минимальным значениями. Исходя из анализа предметной области, удалось установить, что 0,5 минуты является минимальным значением, 2 минуты – средним значением, 3 минуты – максимальным значением. Помимо этого, в процессе первичной обработки в случайном порядке устанавливается соответствующий приоритет заявки (1 – сервисное обслуживание программного обеспечения и компьютерной техники; 2 – настройка учетной записи пользователя; 3 – задачи повышенной сложности).

3. SelectOutput (результат первичной обработки) – блок, распределяющий входной поток заявок, исходя из результатов «первичной обработки», на отклоненные заявки и заявки, которые впоследствии будут исполнены. Заявки, на которые приходится более одной минуты затрачиваемого времени, отправляются в блок, в котором происходит непосредственное исполнение. В противном случае заявка считается отклоненной.

4. Service (обслуживание потока заявок) – блок, характеризующий выполнение поступившей заявки. Заявка задерживается на заданный период времени, период задержки соответствует треугольному закону распределения: 5 минут является минимальным значением, 10 минут – средним значением, 25 минут – максимальным значением. Помимо этого, данный блок учитывает приоритет заявки и проводит обслуживание исходя из сложности поступившего запроса, то есть в первую очередь обслуживаются задачи повышенной сложности, далее задачи, связанные с настройкой учетной записи пользователя, затем задачи, связанные с обслуживанием программного обеспечения и компьютерной техники.

5. Блок SelectOutput (окончание обслуживания) исходя из времени, затрачиваемого на исполнение заявки, либо переводит их на следующий уровень поддержки, либо проводит завершающую процедуру выполнения. В рамках рассматриваемой системы заявки, на которые приходится более двенадцати минут затрачиваемого времени, отправляются на следующий уровень поддержки. В противном случае заявка считается выполненной, и сотрудник первой линии поддержки формирует отчет о ее выполнении либо об отказе в выполнении в автоматизированную систему управления заявками.

6. Sink (выполненные заявки) – блок, характеризующий завершающий этап выполнения работ по заявкам, а именно формирование отчета о выполнении или отказе в выполнении заявки в автоматизированную систему управления заявками;

7. ResourcePool (количество обслуживающих каналов) – блок, отражающий количество обслуживающих каналов связи (работников первой линии поддержки пользователей), основная цель которых заключается в обслуживании поступающих заявок.

Прогон модели позволил собрать статистику и провести анализ системы. Были оценены следующие показатели: среднее число заявок в системе; среднее число заявок в очереди; среднее число свободных каналов; среднее число занятых каналов; среднее время нахождения заявки в системе; среднее время нахождения заявки в очереди; интенсивность нагрузки системы массового обслуживания (минимальное число обслуживающих каналов, которые необходимо для выполнения поступающих заявок в систему); потери от простоев (денежная сумма, формирующаяся исходя из количества простаивающих каналов связи).

Таблица 2

Оценка эффективности функционирования системы

Среднее количество обращений в день	Занятость каналов обслуживания, %	Среднее число простаивающих каналов	Среднее число заявок в очереди, час	Среднее время нахождения заявки в системе, час	Среднее время нахождения заявки в очереди, час	Потери от простоев, руб./месяц
215 / 38	48 / 44	5 / 2	0 / 0	0,14 / 0,14	0 / 0	125000 / 3000

На основании результатов имитационного моделирования можно говорить о существенных простоях, которые наблюдаются в работе обслуживающих каналов связи. По результатам экспериментов было установлено, что в будние дни в среднем простаивает 5 каналов, а в выходные и праздничные дни – 2 канала. Значит, есть ресурс для оптимизации. В качестве оптимизируемого параметра было выбрано количество обслуживающих каналов связи, при котором ежемесячные денежные потери предприятия будут минимальными, при этом учитывались существующие параметры системы и ограничения, накладываемые на ее функционирование. Одним из главных ограничений модели, определяющим пользовательское соглашение управления информационных технологий и связи, является время нахождения заявки в системе. Согласно соглашению об уровне услуг (SLA), время нахождения заявки в системе на первом уровне поддержки не должно превышать 15 минут. Вторым ограничением в модели является количество заявок, находящихся в очереди. Для того, чтобы рассматриваемая система работала стабильно, не накапливая большое количество заявок, которые будут находиться в очереди, необходимо задать максимальное количество ожидаемых обслуживания заявок. Для первого типа заявок такое ограничение составляют 5 обращений, а для второго типа максимальным значением будет являться 2 обращения.

Данный процесс оптимизируется с встроенного в AnyLogic оптимизатора OptQuest, который автоматически находит лучшие значения параметров модели с учетом заданных ограничений. Перебиралось количество каналов связи в диапазоне от 1 до 9 в будние дни, от 1 до 3 – в выходные и праздничные дни. Выполнение одной итерации характеризуется выполнением одного имитационного эксперимента, при определенных значениях перебираемого параметра. Результаты оптимизации приведены в таблице 3.

Таблица 3

Оптимальные параметры функционирования системы

Среднее количество обращений/день	Занятость каналов обслуживания, %	Среднее число простаивающих каналов	Среднее число заявок в очереди, час	Среднее время нахождения заявки в системе, час	Среднее время нахождения заявки в очереди, час	Потери от простоев, руб. /месяц
191 / 39	75 / 67	1 / 1	1 / 1	0,14 / 0,12	0,13 / 0,04	25000/1500

Таким образом, оптимальным, с точки зрения ежемесячных денежных потерь, будет 5 обслуживающих каналов в будние дни и 2 обслуживающих канала в выходные и праздничные дни. При использовании данных параметров были получены следующие результаты:

1. Занятость каналов обслуживания в будние дни повысилась на 27 %, в выходные и праздничные дни – на 23 %.

2. Простои обслуживающих каналов связи сократились в среднем до одного в обоих случаях.

3. Среднее время нахождения заявки в системе и количество заявок, находящихся в очереди, будет соответствовать пользовательскому соглашению об уровне предоставления услуг.

4. Денежные потери предприятия, формирующиеся исходя из простоев обслуживающих каналов, сократятся в среднем на 100 000 рублей для первого рассматриваемого случая и на 1500 рублей – для второго случая соответственно.

Разработанная имитационная модель отвечает всем необходимым требованиям и учитывает все возможные ограничения модели. Результаты проведенного исследования могут являться непосредственной рекомендацией руководству предприятия по проведению мероприятий, связанных с оптимизацией бизнес-процесса предоставления услуг информационных технологий и связи.

Необходимо отметить, что данная модель является лишь начальным этапом исследований отдельных бизнес-процессов предприятия. Интерес представляет учет приоритетов поступающих заявок, рассмотрение более сложных систем массового обслуживания, повышающих гибкость планирования процессов с различными характеристиками, в том числе с механизмом обратной связи. Полученные результаты позволяют обосновать предложения по совершенствованию как отдельных отделов управления информационных технологий, так и всего управления ИТ в целом.

Литература

1. Вентцель Е.С. Исследование операций: задачи, принципы, методология. М.: Наука, 1980. 208 с.
2. Карпов Ю.Г. Имитационное моделирование систем. Введение в моделирование с AnyLogic 5. СПб.: БХВ–Петербург, 2006. 400 с.
3. Мишенев А.И. Моделирование бизнес-процесса по оказанию услуг информационных технологий и связи // Начало в науке: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. школьников, студентов, магистрантов и аспирантов. С. 117–120.
4. Мишенев А.И. Разработка модели процесса выполнения услуг информационных технологий и связи на основе стандарта документирования технологических процессов // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2017. Т. 1. № 3. С. 98–100.

Какая политическая система и почему нужна современной России: вектор обновления*

Ю. ДОРОЖКИН

И тогда, по всей видимости, скоро, оказавшись «на развилке», придется выбирать между еще двумя векторами обновления российской политической системы.

Один из них – соблазн перехода от «мягкого» авторитаризма к более жесткой его форме – классическому авторитаризму, чреватому усилением репрессивности политического режима, нарастанием администрирования, тотального контроля, политической мобилизацией и консолидацией вокруг бессменного национального лидера, новой фазой централизации и концентрации власти на самом пике властной «вертикали», изолированностью России от все более глобализирующегося мира. Сегодня уже заметны симптомы такого политического поворота.

Представляется, что данный вектор развития политической системы стал бы столь же типичным, как и мягкий авторитаризм, и, следовательно, он неприемлем для сегодняшней России. Классический авторитаризм как ядро политической системы не адекватен задачам модернизации по европейскому пути. А Россия и ее политическая система, Конституция, политическая культура уже необратимо европеизированы.

Кроме того, политико-государственную «остановку» под названием «Просвещенный и успешный авторитаризм» Россия уже «проехала». Восточноазиатский вариант политической системы во главе с просвещенным национальным политическим лидером (Сингапур, Южная Корея, сегодняшний Казахстан) малоперспективен в России в силу как срединного положения России между европейскими и азиатскими политическими ценностями и культурой, но с явным креном в сторону Европы, так и качества российской политической элиты. Конечно, правящая элита пользуется поддержкой большинства граждан, а рейтинг президента России зашкаливает за 80 %. Однако эта элита, находясь у руля несменяемой власти почти 20 лет, так и не смогла модернизировать Россию. Поэтому вряд ли у нее получится повторить опыт Сингапура и других «азиатских тигров» в проведении столь необходимых в России реформ. Для этого нет осознания таких перемен и политической воли к их реализации, то есть того, что было, например, у Ли Куан Ю в Сингапуре и ряде государств Юго-Восточной Азии, было декларировано Н. Назарбаевым в Казахстане¹.

В этих странах именно персоналистский политический режим, концентрация власти в руках одного лица, минимизация роли оппозиции, слабый контроль общества за исполнительной властью, не помешали, а напротив, позволили запустить судьбоносный процесс модернизации. Это был ответ азиатских стран на быстро меняющиеся глобальные, национальные и местные реалии современного мира, когда возрастает роль политической элиты, политического лидерства, когда политика персонифицируется.

Дорожкин Юрий Николаевич, д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

* Продолжение статьи, опубликованной в № 3/ 2017

¹ Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мире / Пер. с англ. М., 2017; Шаукенова З.К., Дунаев В.Ю. Идеологическое конструирование в Республике Казахстан: вехи эволюции и траектории развития в контексте Стратегии «Казахстан – 2050». Алматы, 2013. Дульман П. Альтернатива реформам – застой // Российская газета. 2016. 16 марта.

Так, своим невероятно успешным развитием Сингапур практически полностью обязан личностному феномену Ли Куан Ю. Эффективное личное лидерство, созданная Ли команда, понимание потребностей создания жизнеспособного общества, решимость, долгосрочное видение будущего, стремление интегрировать Сингапур в мировое сообщество, ставка на главный ресурс – образованных и высококвалифицированных людей-управленцев, создание условий для обеспечения высокого уровня жизни каждого сингапурца, их полное равноправие – вот базовые предпосылки просвещенного, то есть созидательного авторитаризма Ли. «Открытость, готовность воспринимать опыт других, усваивать его и претворять в переработанном виде у себя дома были для него абсолютным залогом успеха-человека, нации, государства. Главное достижение Сингапура при Ли Куан Ю – продуманная система меритократии, воспитания и продвижения высококачественных кадров, развитие человеческого капитала»¹. Ли писал: «Мы делаем ставку на высокое качество наших кадров. Мы не собираемся держаться за власть ради власти»². Он был противником двухпартийной системы, но не исключал возможности системы создания «работоспособной оппозиции», считал, что она может доказать свое превосходство в сравнении с его «Партией народного действия» только путем более успешного удовлетворения ожиданий народа и привлечения в свои ряды достаточного числа лучших талантливых людей³. Он подчеркивал: «Я создал прозрачную, меритократическую и открытую систему»⁴. При этом он требовал, чтобы власть была «менее начальственной», менее нравоучительной: «Больше консультироваться с общественностью при разработке политики»⁵. И еще один поучительный урок от Ли Куан Ю: «...Мы будем находиться в выгодном положении, если сохраним те преимущества, которые были созданы нами в прошлом: высокообразованную рабочую силу, верховенство права, уважение к интеллектуальной собственности, стремление быть на гребне самых передовых технологий во всех областях, прозрачность и отсутствие коррупции в правительстве, а также режим благоприятствования для ведения бизнеса»⁶. Таково политическое завещание Ли. Но это была совсем другая страна – не Россия, с другими условиями и политической ментальностью политического класса.

Исходя из постулатов Ли, можно сделать вывод, что в России правящая политическая элита свой шанс на авторитарную модернизацию уже упустила. Поэтому у страны остается единственный путь прорыва в клуб продвинутых стран – через демократическую политическую систему, учитывая европейские корни России, уже достигнутые результаты демократического развития и общественный запрос на перемены. Данный вектор ее обновления неизбежен и безальтернативен, вопрос лишь в сроках такого обновления.

На наш взгляд, в настоящее время есть серьезные объективные основания для оптимистического взгляда на грядущую демократизацию российской политической системы.

Логика здесь простая. В начале XXI века государству во всех странах мира приходится действовать в гораздо более агрессивной и менее предсказуемой внешней сфере, что не может обострять сугубо национальные проблемы развития, востребованность более активной роли властных структур: «Противоречие между все более взыскательным отношением к качеству государства и необходимостью для этого государства сохранять управляемость порождает внутреннее напряжение. Эрозии подвергаются практически все имеющиеся модели политической организации общества. И когда это затрагивает страны неблагополучные либо с недостаточно развитыми институтами, начинается неконтролируемое обрушение системы, а это уже создает воронку, куда втягиваются внешние силы»⁷.

¹ Лукьянов Ф. Расставание с легендой // Российская газета. 2015. 24 марта.

² Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира. С. 273.

³ Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира. С. 272-273.

⁴ Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира. С. 278.

⁵ Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира. С. 280.

⁶ Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира. С. 298.

⁷ Лукьянов Ф. Государство под ударами // Российская газета. 2014. 22 окт.

Вариантов реакции власти в таких случаях немного: или ужесточение политического режима, усиление давления на бизнес и оппозицию, нервная реакция на «внешние» геополитические раздражители или движение навстречу требованиям времени, что предполагает последовательную демократизацию политической системы, приближение ее в части организации власти и государственной политики к запросам наиболее активной части общества или, как третий вариант, – сочетание авторитарных метаний с либерализацией политического режима. Первый и третий сценарий имеют свои ограничения – это масштаб, сила и длительность «нажима» гражданского общества на власть. И если власть не справляется с протестным движением средствами государственного принуждения, она идет на политические компромиссы, суть которых – демократизация государства и его политики. Этот тренд становится господствующим в мировой политической практике. Альтернативы демократизации для повышения качества государственного управления, роста эффективности политической системы, общественного согласия и снятия напряжения в социуме, доверия к власти в двадцать первом столетии не существует. Все другие политико-властные инструменты, прежде всего насилие по отношению к собственному народу и тотальный запрет, только разрушают саму государственность, провоцируют революционные «взрывы», ведущие к непредсказуемым последствиям для стабильности и прогресса.

В России есть возможность встать на путь полного транзита к демократической политической системе. Весь вопрос в том, кто раньше – правящая элита или общество – осознает значимость стратегической потребности и «железную» необходимость демократического обновления политико-властных отношений, перехода от формальных, имитационных форм демократии к реальному воплощению принципов российской Конституции, народовластия, политической конкуренции, правового государства, разделения властей, независимости судебной власти, свободы слова. Лучший исход – прозрение одновременно двух главных акторов – власти и народа.

У правящей политической элиты сейчас есть прекрасный шанс адаптировать деятельность и взаимодействие всех ветвей власти, власти и общества в соответствии с современными вызовами и угрозами. Престиж президента высок как никогда, власть едина, общество в своем большинстве лояльно к государству, политическая стабильность позволяет проводить последовательное реформирование всех требующих «ремонта» институтов государства в сторону их адекватности и открытости запросам времени. Важно не поддаваться умиротворенности, иллюзиям о совершенстве российской политической системы, не уверовать в собственную непогрешимость, достаточность частичных преобразований, что грозит потерей политической инициативы, накоплением социального недовольства, активизацией деструктивных сил. Власть должна все больше коммуницировать с обществом, вступать с ним в диалог, а не противостоять ему, тем более что есть все признаки «пробуждения», самоорганизации и активизации различных социальных групп и общественных движений с потенциально непредсказуемыми последствиями для политического режима.

В последнее время мы все чаще становимся свидетелями пока слабого, но растущего недовольства граждан своим социально-экономическим положением, действиями федеральной, региональной и муниципальной власти, отчужденностью от нужд и повседневных запросов и интересов людей, обеспокоенностью геополитическими угрозами, возможностью развязывания военных конфликтов с участием России и т.д. Согласно данным Института социологии РАН, 60 % населения по-прежнему выступают за стабильность, но число желающих перемен возросло до 39 %¹.

Отсутствие сильных оппозиционных политических сил, способных сузить монополизацию политического пространства инкубентом, компенсируется растущим структурированием гражданского общества, расширением масштабов и географии гражданской активности и протестных движений, их «уход» в регионы, новизной и многообразием самих форм, поводов, состава участников социальных инициатив и протеста («движения одного требования», «синие ведерки», обманутые дольщики, защитники архитектурного наследия, дальнобойщики, пикеты врачей

¹ В. Выжутович. Привычная реальность // 2016. 9 дек.

и учителей и т. п.) против неповоротливого российского чиновничества, неэффективности власти, ее политики, нежелания вникать в проблемы людей, непрофессионализма, когда по-иному «достучаться» до властей не удастся и требуется вынудить власть выполнять ее прямые обязанности.

Хотя большая часть российского общества остается политически индифферентной (граждане не осознают себя источником власти, полагая, что таковым является сама власть, а они лишь ее «пехотинцы», что «правительство людей не бросит»), тем не менее, согласно исследованиям Института социологии РАН, доля тех, кто ни при каких обстоятельствах не готов отказаться от политических свобод, составляет 37 %, а 30 % уверены, что могут подвинуть органы власти на принятие тех или иных решений; 21 % знает, как именно заставить элиту услышать голос отдельных граждан; чем моложе граждане, тем чаще они ценят именно политические права и свободы, а не стремление к «твердой руке» (молодые люди и россияне со средними доходами говорили об этом в 40–45 % случаев); существенно (с 25 до 45 % за последние годы) выросло число людей, которые участвуют в политической жизни не ради личных интересов и даже не в оппозицию властям, а во имя общего блага, «чтобы изменить жизнь к лучшему»; до 16 % возросло число тех, кто готов работать на выборах наблюдателями, 17 % готовы участвовать в деятельности политических организаций (8 % – провластных, 9 % – в оппозиционных)¹.

Политика «власть предержащих», пытающихся консолидировать большинство населения различного рода мобилизационными акциями, порождает другой общественный, политический и идеологический полюс, все более непримиримый к власти, противостоящий и оппонирующий ей. К сожалению, российское общество «раскалывается» на многие социально-групповые «сегменты», часто противостоящие друг другу по ценностям, установкам и практикам, будучи при этом не готовыми к диалогу и общественному согласию.

Идет естественный процесс структурирования гражданского общества, впервые не управляемый властью, являющийся закономерным следствием растущей зрелости граждан под влиянием быстро меняющихся реалий, стагнации политической системы, ее неадаптивности и неоткрытости. Усиливается альтернативная институционализация в общественном пространстве. Фактически процесс модернизации общества, перемены в нем происходят не путем реформ «сверху», а осуществляются «снизу» путем добровольной самоорганизации граждан по массовым запросам текущего времени.

Подводя общий итог, можно сделать следующий вывод. Российская политическая система нуждается одновременно в демократических институциональных и процедурных реформах, эффективном политическом лидерстве и столь же эффективных менеджерах федерального и регионального масштаба, структурировании гражданского общества и его активном влиянии на власть. Это императивное требование XXI века в условиях все более динамичного и конкурентного пространства национального и мирового развития. Вопрос только в том, кто будет драйвером и гарантом политической модернизации? Когда это случится? Каким образом произойдет: посредством реформ действующей власти под давлением обстоятельств, в результате демократических и честных выборов и появления новой политической элиты или вследствие мощных протестных выступлений с требованием общественных перемен? Ответ на вопрос даст только время и естественный ход политико-властного процесса. Это уже вопрос цены неизбежного политического обновления. Очевидно одно. Россия по-прежнему находится в ситуации непростого выбора между альтернативами политического развития. Власть и общество должны сделать этот выбор своевременно и правильно. В интересах успешного будущего России и, следовательно, каждого из россиян.

¹ Как по-русски «демократия» // Российская газета. 2014. 10 янв. Зямахина Т. Власть под контролем // Российская газета. 2016. 10 июня.

Литература

1. Выжutowич В. Аппетит уходит – не время еды // Российская газета. 2016. 24 июня.
2. Выжutowич В. Государство нам поможет // Российская газета. 2016. 8 июля.
3. Выжutowич В. Оппозиция // Российская газета. 2016. 23 сент.
4. Выжutowич В. Площадка вместо площади // Российская газета. 2017. 3 марта.
5. Выжutowич В. Привычная реальность // Российская газета. 2016 г. 9 декабря.
6. Гаман-Голутвина О. Новая Дума: штрихи к портрету // Российская газета. 2016. 10 окт.
7. Добрынина Е. Полет на честном слове // Российская газета. 2016. 25 ноября.
8. Дульман П. Альтернатива реформам – застой // Российская газета. 2016. 16 марта.
9. Егоршева Н. Бедно работаем // Российская газета. 2017. 14 апр.
10. Зудин А. «Наши указы»: Народный фронт и российское государство // Российская газета. 2014. 25 ноября.
11. Зыкова Т. Состояние среднее // Российская газета. 2015. 28 июля.
12. Зямахина Т. Власть под контролем // Российская газета. 2016. 10 июня.
13. Как по-русски «демократия» // Российская газета. 2014. 10 янв.
14. Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира / Пер. с англ. М., 2017.
15. Лукьянов Ф. Государство под ударами // Российская газета. 2014. 22 окт.
16. Лукьянов Ф. Расставание с легендой // Российская газета. 2015. 24 марта.
17. Матвиенко В. Федерализм без популизма // Российская газета. 2016. 26 сент.
18. Миркин Я. Испытание августом // Российская газета. 2015. 30 июля.
19. Миркин Я. Почему мой ответ – нет // Российская газета. 2015. 15 мая.
20. Миркин Я. Сливай нефть // Российская газета. 2017. 27 июня.
21. Мировые центры научного прогресса // Российская газета. 2015. 30 сент.
22. Радзиховский Л. Воспроизводство // Российская газета. 2016. 20 сент.
23. Радзиховский Л. Где мы? // Российская газета. 2017. 2 мая.
24. Трицюк М. Ближе к жизни // Российская газета. 2015. 1 июля.
25. Шаукенова З.К., Дунаев В.Ю. Идеологическое конструирование в Республике Казахстан: вехи эволюции и траектории развития в контексте Стратегии «Казахстан – 2050». Алматы, 2013.
26. Экономика ждет перемен // Российская газета. 2015. 15 мая.

Федеральные и муниципальные выборы в Российской Федерации: предвыборная агитация и новые тренды

Г. КАМАЛОВА

Как показал анализ ситуации, федеральные и муниципальные выборы 2016 года имели свои особенности и новые тренды. По сравнению с предыдущими думскими выборами гражданам в 2016 году нужно было определиться и отдать свой голос одной из партии из большого списка участников избирательного процесса. На выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва приняли участие 14 партий: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Коммунисты России», «Яблоко», «Родина», «Российская партия пенсионеров за справедливость», «Партия Роста», «Парнас», «Патриоты России», «Зеленые», «Гражданская платформа», «Гражданская сила». Как известно, в парламентских выборах предыдущего, VI созыва участвовало 7 партий: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Патриоты России», «Яблоко», «Правое дело». Увеличение числа партий привело к разбросу голосов среди избирателей, которые традиционно отдавали предпочтение основным игрокам политического процесса, с одной стороны, и привело к некоторым путаницам – с другой. Так, появление партий-клонов повлияло на отток определенного количества избирателей в партии, которые оказались схожими по названию (например, «КПРФ» и «Коммунисты России», «Гражданская сила» и «Гражданская платформа») и графическому представлению логотипа партии (например, «КПРФ» и «Коммунисты России»). Необходимо отметить, что данный вопрос поднимался ранее – в июне 2015 года, когда КПРФ обвиняла партию «Коммунисты России» и подала иск в Арбитражный суд «о прекращении использования наименования и партийной символики, ссылаясь на их чрезмерную схожесть» [1]. КПРФ требовала изменить название партии «Коммунисты России», обвиняя последних в недобросовестной политической конкуренции. По мнению представителей КПРФ, «полное наименование конкурирующей партии сходно с ее названием до степени смешения» [1]. Как заявляли представители КПРФ в ходе рассмотрения данного дела, «это чисто политическое решение, связанное с выборами в Госдуму, потому что и название, и эмблема «Коммунистов России» полностью скопированы у КПРФ» [1]. На эмблемах КПРФ и «Коммунистов России» изображен серп и молот на красном фоне. Различия лишь в цветовом оформлении орудия труда: у КПРФ – белого цвета, у «Коммунистов России» – желтого.

Определенная зависимость от расположения в бюллетене среди такого большого количества партий также могло оказать влияние на выбор избирателей. Как отмечают эксперты, «Коммунисты России» в связи с успешным расположением в бюллетене имели возможность «перехвата части избирателей КПРФ» [8] («Коммунисты России» были под № 2, а КПРФ – под № 12). На часть электората, по мнению экспертов, повлияло «говорящее название партий», которые «увели» часть электората от КПРФ – «Российская партия пенсионеров за справедливость» в связи «с актуализацией темы различных вариантов пенсионной реформы» [8].

Также на выбор той или иной партии традиционно оказывает большое влияние образ лидера партии и его команды. Так, «Единая Россия» успешно использовала образ В.В. Путина, к которому сохраняется высокий уровень доверия среди населения, и, по данным «Левада-центра», в среднем 82 % опрошенных россиян одобряют деятельность этого лидера (данные за январь-сентябрь 2016 года, опросы проводились по репрезентативной выборке, которая составила 1600 человек из 137 населенных пунктов 48 субъектов РФ) [4]. Несмотря на то, что

В.В. Путин не является членом партии «Единая Россия», была успешно применена тактика прямой ассоциации с образом президента страны на вербальном уровне.

В отличие от двух предыдущих парламентских выборов последние выборы в Государственную Думу, состоявшиеся осенью 2016 г., прошли по смешанной системе: половина – по партийным спискам, половина – по одномандатным округам. Следующая особенность данных выборов – проведение праймериза партией «Единая Россия», в ходе которой умело был представлен образ В.В. Путина на вербальном уровне.

Предвыборная агитация и слоганы. Партия «Единая Россия» использовала в ходе избирательных кампаний в нижнюю палату в разные годы яркие лозунги и слоганы, которые апеллировали к объединяющим ценностям коллективного сознания: «Мы верим в себя и в Россию!» (2003), «Сохраним и приумножим!» (2009), «Единство, духовность, патриотизм» (2010), «Вместе победим!» (2011), ориентация в будущее – «Россия, вперед!» (2009), «Будущее за нами!» (2011). В предвыборной кампании 2016 года были задействованы лозунги и слоганы, направленные на реализацию конкретных действий: «Действовать в интересах людей – наша задача», «Слышать голос каждого – наша обязанность», «Создать и защитить будущее России – наша цель». Кроме того, в различных субъектах Российской Федерации были представлены «свои» слоганы (адаптированные к региональным реалиям или слоганы-перифразы основных трех одобренных ранее партией): «Работать для людей!», «Время созидания», «Действовать в интересах людей – наша работа!», «Власть начинается с тебя!» (в Республике Башкортостан), «Сделали Россию Единой – Сделаем Россию Сильной!», «Сильная Сибирь – гордость России!» (в Новосибирской области), «Сила Урала» (в Свердловской области), «Забота о людях, развитие края!» (Алтайский край) [2; 7] и др.

Во время предвыборной кампании была применена и такая тактика, как апелляция к знаковым персонам и экспертному сообществу (в большей степени в агитационных роликах). Так, был использован образ лидера партии Д.А. Медведева (в агитационных роликах) и цитаты из его речей с его фотографией на агитационных плакатах, баннерах: «Наша цель – благополучие человека и развитие страны» (Алтайский край), «Слышим людей. Сможем сделать» (в Республике Башкортостан) и др. Семантический уровень текстов агитационных баннеров усиливался за счет использования говорящих визуальных образов (например, баннеры, где Д.А. Медведев представлен в окружении обычных граждан разных возрастных групп (пенсионеры, молодежь и др.) с общим посылом – «он готов их слушать, он их слышит и готов действовать в их интересах»).

Также «Единая Россия» отобрала 12 цитат президента В. Путина, которые были размещены на баннерах и билбордах в различных регионах страны. Цитаты были подобраны из выступлений Президента РФ – первые шесть цитат были взяты из текста речи, прозвучавшей на съезде «Единой России» 27 июня 2016 г. Текст цитат – это обращение в целом ко всем россиянам – коллективный образ граждан России: «В основе политики “Единой России” – глубокое понимание государственных интересов страны», «Точкой сборки страны стала “Единая Россия”», «Всегда и во всем действовать в интересах людей», «Самое главное для нас – это люди», «Нам нужна Россия, где каждый может реализовать себя, свой талант, свои возможности», «Ценить доверие людей, обещать только то, что сможешь выполнить». Остальные шесть цитат обращены к отдельным категориям граждан: учителям – «Без достойной зарплаты не повысить престиж учителя, этой профессии, важнейшей в любом обществе» (из высказывания В.В. Путина в ходе встречи с лауреатами конкурса «Учитель года России» в октябре 2015 г.), медицинским работникам – «Важнейшая из тем – это подготовка кадров и социальные гарантии, уровень заработной платы медицинских работников» (выступление В.В. Путина на форуме медиков), аграриям – «Рост отечественного агропромышленного комплекса прямо зависит от тех, кто трудится в поле, на земле» (речь В.В. Путина в конце апреля 2016 г.), представителям бизнеса – «Мы все нуждаемся в успехах малого бизнеса: и сам малый бизнес нуждается в них, и страна нуждается» (выступление В.В. Путина на Форуме предпринимателей), пенсионерам – «Мы должны сделать все возможное, чтобы люди старшего возраста были здоровы, чувствовали себя комфортно, чтобы

выход на пенсию не снижал их социальный статус» (из выступления В.В. Путина на заседании президиума Госсовета в августе 2014 г.) и молодежи – «У нас очень интересные, целеустремленные дети и молодежь. Мы должны сделать все, чтобы у ребят были равные возможности для успешного жизненного старта» (из Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, декабрь 2015 г.). При этом на баннерах присутствовал только текст из выступлений Путина без его изображения, что является корректным, поскольку Президент не является членом партии «Единая Россия» [3].

В разных городах России также использовали в слоганах названия конкретных городов и аналогии с партией в ходе муниципальных выборов – «Единая Россия: Любим Россию – гордимся Пермью!» и параллельно была запущена социальная реклама «Пермь: любим и гордимся», которая по дизайну, по цветовым решениям копирует партийные агитационные баннеры и билборды. В городе Уфе также была запущена сходная технология – аналогия с ведущей партией. Это технология не нова, ее использовали и ранее (например, «Единая Россия» в Москве в 2011 году применила эту тактику при разработке плакатов городского избирательного округа, призывающих граждан идти на выборы [2]). Кандидаты в депутаты Совета городского округа город Уфа от «Единой России» использовали технику аналогии – слоган «Выбираю Уфу!» и «Я люблю Уфу!». Также были предложены свои слоганы без конкретизации названия города – «Мой город – моя семья» (П. Васильев, кандидат в депутаты Совета городского округа город Уфа от «Единой России») и с конкретизацией – «Он строит Уфу!» (О. Филиппов, директор промышленно-строительного комплекса, кандидат в депутаты Совета городского округа город Уфа от «Единой России»).

Ряд кандидатов в депутаты в Государственную Думу РФ, наряду с общепартийными слоганами, использовали свои слоганы, ассоциирующиеся с профессиональной деятельностью и компетенциями. Так, кандидаты в депутаты в ГД РФ от партии «Единая Россия», наряду с общепартийным слоганом «Власть начинается с тебя!», применили свои слоганы – депутат ГД РФ, бывший мэр г.Уфы П. Качкаев использовал слоган «Человек дела», тринадцатикратная паралимпийская чемпионка, восемнадцатикратная чемпионка мира Р. Баталова – спортивный слоган «Вперед! Только вперед!», юрист Р. Марданшин – «За словом – дело!», бывший военный, подполковник, поисковик И. Бикбаев – «За нашу победу!», депутат ГД РФ предыдущего созыва З. Рахматуллина – «Только вместе, только вперед!». Кандидат в депутаты Совета городского округа город Уфа от «Единой России» трехкратный чемпион мира по боевым единоборствам А.А. Соснин также связал слоган со своей профессиональной деятельностью – «Здоровое поколение – сильная Россия!».

КПРФ сделала ставку на узнаваемый образ лидера партии Г. Зюганова. Были представлены агитационные ролики по телевидению, в которых выступал Г. Зюганов, также эти ролики дублировались на интернет-странице партии и в видеохостинге YouTube. Слоганы КПРФ были представлены на страницах партийной газеты «Правда» [5], среди которых наиболее частотными были: «Мы – правы! Мы – сможем!» (например, на баннере кандидата в депутаты в ГД РФ от партии КПРФ А. Ющенко, Республика Башкортостан). Также были использованы лозунги: «Главное – сохранить доверие» (на баннере кандидата в депутаты Совета городского округа город Уфа от КПРФ А.О. Баутского) и др. Стоит отметить, что большого разнообразия не было представлено в слоганах партии КПРФ на региональном уровне. Такая же тенденция зафиксирована и у партии ЛДПР.

Были слоганы, удачно обыгравшие названия партий, например, кандидат в депутаты Совета городского округа город Уфа от «Партии Роста» И. Абсалямов на баннере использовал слоган – «Идем в Рост», сопроводив его своей фотографией в полный рост, на которой он идет уверенной походкой навстречу избирателю и даже разместил оригинальные предвыборные обещания на баннере – «Ипотека в 3 %; профессиональная армия; свободный Интернет; отдых в Крыму и Турции».

Среди оригинальных и запоминающихся слоганов также можно отметить слоган кандидата-самовыдвиженца в депутаты Совета городского округа город Уфа Ф. Батырова (директора

транспортной компании) – «Дальше едем вместе!», размещенный на автобусах, курсирующих по г. Уфе (снаружи и внутри транспортного средства).

Многие партии и кандидаты в депутаты федерального и муниципального уровня в период проведения предвыборной кампании широко использовали традиционные агитационные раздаточные материалы: листовки, буклеты, календари, газеты, брошюры, информационные бюллетени, а также ряд партий использовали оригинальные материалы – распространяли магниты с логотипом партии (КПРФ, «Справедливая Россия»), ростомер для детей («Партия Роста»), стикеры для двери («Зеленые») и др. Проходила агитация на телевидении, радио, а также в Интернете – как на своих партийных страницах, так и в видеохостинге YouTube и в социальных сетях. Так, многие кандидаты в депутаты создали свои страницы в Facebook, Вконтакте, Твиттере и размещали на своих страницах информацию о проводимых мероприятиях и фиксировали результаты по обращениям граждан. Многие партии использовали в своих агитационных материалах апелляцию к знаковым персонам, партийным лидерам («Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР, «Партия Роста» и др.), экспертному сообществу, известным людям («Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и др.). При этом образ Путина умело использовала не только партия «Единая Россия», но и партии «Справедливая Россия», «Патриоты России». Так, в Пермском крае кандидаты в депутаты от партии «Справедливая Россия» А. Колесников, И. Шулькин разместили слоган – «Расскажем Путину Правду» на своих баннерах, а партия «Патриоты России» сделала ставку на игру слов – «Патриоты в Пути на 2017» (ассоциация с «Патриотами Путина»). На близость к Путину претендовали и другие партии в ходе предыдущих парламентских выборов (например, слоган одной из партий – «Партия “Родина” – Спецназ Президента») [6].

В целом предвыборная кампания федеральных и муниципальных выборов показала, что партии успешно применяют традиционные информационно-коммуникативные избирательные технологии и с готовностью используют новые возможности современного периода. Политические партии широко применяли различные виды агитаций, использовали методы аналогий, ассоциаций, апелляций к знаковым персонам и делали ставку на оригинальность, и эпатажность в подаче материала. Агитационные материалы в содержательном плане преимущественно были ориентированы на конкретные региональные особенности. Зафиксированы новые тенденции и тренды, связанные в том числе с распространением и расширением поля политической коммуникации – Интернет и социальные медиа становятся эффективной платформой в избирательном процессе для привлечения потенциальных избирателей.

Литература

1. Арбитраж отказался менять название «Коммунистов России» по иску КПРФ [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2016/07/11/struggleofcommies/>
2. Винокурова Е. Действовать, слышать, создать и защитить. «Единая Россия» выбрала слоганы для агитации [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2016-08-5/edinaya_rossiya_vybrala_slogany_dlya_agitacii
3. Макутина М., Рубин М., Рустамова Ф. Единороссы пойдут на выборы с 12 цитатами Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/16/08/2016/57b1e3bc9a79473814ae5e15/>
4. Оценка текущего положения дел в стране [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/old/indexsy>
5. Призывы и лозунги ЦК КПРФ [Электронный ресурс]. URL: <http://gazeta-pravda.ru/archive/issue/35-30386-5-6-aprelya-2016-goda/-prizvyvy-i-lozungi-tsk-kprf+35//>
6. Предвыборная агитация 2016: ЛДПР vs «Справедливая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.advertology.ru/article138345.htm>
7. Тишкина А. «Единая Россия» выбрала слоганы кампании [Электронный ресурс]. URL: <https://politcentr.com/2016/08/07/er-bibrala-slogani-kampanii/>
8. Экспертная оценка кампании по выборам в Госдуму [Электронный ресурс]. URL: http://www.politteh.ru/netcat_files/9/10/h_331caeb53581af9a5604a9264dbd6560

Глобальные и классические агенты политической социализации современной русской молодежи

Р. ЛАТЫПОВ, Д. БИКТИМИРОВА

Актуальность проблемы, рассматриваемой на страницах настоящей статьи, обусловлена важностью модернизации теории политической социализации в соответствии с изменившимися реалиями мировой политической системы и, прежде всего, процессами глобализации и стремительным развитием глобальной сети Интернет. Классическая теория политической социализации перестала быть отражением объективной политической действительности. Опираясь на классическую теорию, невозможно строить точные прогнозы политического поведения, а также обеспечить национальную безопасность Российской Федерации и ее регионов.

Классическая теория политической социализации была сформирована в работах Х. Хьюмана, Ф. Гиддингса [10, 22], Д. Истона, Дж. Денниса [5], Г. Алмонда, С. Вербы [1, 122–134], З.А. Грунта, Г.Л. Кертмана [2, 56–71]. В рамках первого блока особо выделяются труды классиков политической психологии, в том числе Ж. Пиаже [9], Ч. Кули [6], А. Рогоу, Г. Лассуэлла [8], Ч. Мерриама, Р. Инглхарта [4].

Для классической теории политической социализации характерно выделение институтов политической социализации, относящихся к национальным политическим системам, таким как государство, семья, вуз, школа, государственные средства массовой информации (электронные, печатные), а также гражданское общество, включая политические партии, политические общественные организации. В поздних трудах исследователей «классической» школы было введено в научный оборот понятие «агенты политической социализации», которые не являются институциональными структурами государства и выполняют функции политического воспитания граждан, однако оказывают заметное влияние на процесс политической социализации. В числе агентов политической социализации можно выделить следующие: семья, референтные группы, производственные коллективы, институты гражданского общества и др.

В целом классическая теория политической социализации адекватно отражала реалии политического становления личности гражданина в эпоху национальных государств конца XIX – 90-х годов XX столетия. Помимо общеизвестных прав суверенитета государства, национальные политические системы располагали монополией на осуществление политической социализации на своей территории, которая обеспечивалась монопольным правом на управление политическими коммуникациями в пределах национальных границ. Достаточно эффективным фильтром, ограждающим процесс политической социализации внутри политической системы, был институт политической цензуры, «железный занавес» или «информационная политика». Правящий класс обладал монополией на средства массовой информации, политическая элита контролировала государственные СМИ, а экономическая элита – так называемые «независимые» СМИ. В рамках терминологии, предложенной Дж. Бернхемом, мы рассматриваем экономическую элиту как часть правящего класса, поэтому принадлежащие национальному бизнесу СМИ нельзя оценивать как антисистемные. На наш взгляд, именно монопольный доступ правящей элиты к «классическим» агентам политической социализации обеспечил возможность проведения политики перестройки в СССР и либеральных реформ в России в 1991–1996 гг.

Латыпов Рустем Фаридович, д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ). E-mail: rustemoktadm@mail.ru

Биктимирова Диля Зайрановна, аспирант кафедры политологии, социологии и философии БАГСУ

Уже к концу XX процессы глобализации и интернет-революции существенно поколебали модель национальной политической социализации. Кризис традиционных агентов политической социализации начался с уменьшения тиражей и читательской аудитории печатных СМИ. Стал развиваться процесс вытеснения общественно-политических газет и журналов интернет-сайтами. С появлением широкополосного скоростного Интернета уменьшилась аудитория телевизионных каналов.

Если в позднюю индустриальную эпоху содержать собственные СМИ, помимо государства, крупных муниципальных образований, могли только крупные финансово-промышленные корпорации, то интернет-технологии предоставили техническую возможность издавать сетевые газеты и даже сетевые любительские телеканалы гражданам среднего достатка. Несмотря на то, что, согласно Конституции Российской Федерации, официальная идеология и цензура не допускаются, фактически владелец СМИ устанавливает внутреннюю цензуру, так называемую «информационную политику», которая зачастую оказывается более жесткой, нежели цензура государственная. Осуществление же эффективного цензурирования в сети Интернет является гораздо более организационно сложным и затратным методом. К тому же подобные практики идут в разрез с идеологией либеральной демократии и могут осуществляться только авторитарными режимами. На сегодняшний день наибольших успехов в деле «балканизации» (то есть национального цензурирования) глобальной сети достигли политические элиты Китайской Народной Республики. На территории китайской политической системы запрещены такие ресурсы, как YouTube, Facebook, Twitter, однако даже такой тоталитарный контроль едва ли возможно признать политически эффективным.

С появлением технологий Web 2.0 произошел качественный рост сетевых ресурсов. Они перестали быть средствами массовой информации и обрели качества средств массовой коммуникации, демократичных и доступных. Сетевые форумы, политические социальные сети, блогосфера не просто информируют, дают «эффект присутствия», но и обеспечивают оперативную обратную связь, позволяя всем участникам коммуникации почувствовать себя не объектами, а субъектами – игроками на информационном поле. «Новые агенты» стали ведущим фактором политической социализации современной российской молодежи оттесняя традиционные СМИ на периферию общественно-политической жизни. На сегодняшний день традиционные СМИ и властные структуры позиционируют в глобальной сети собственные ресурсы, однако они не в состоянии вернуть себе монопольное положение традиционных СМИ.

Помимо интернет-революции, экономические процессы глобализации, внутренняя и внешняя миграция населения привели к ослаблению традиционных референтных групп в форме родственных и земляческих общин, традиционных трудовых коллективов. Данный тренд вызвал к жизни трансформацию модели политической социализации российской молодежи в следующих аспектах:

- размывание подданнической политической культуры, лежавшей в основе политической социализации молодежи 90-х гг. XX в. и «нулевых» годов;
- ослабление влияния традиционных идеологий и формирование политического сознания на основе мозаичных политических ценностей;
- сближение политической культуры и типа политической социализации столичной и региональной, городской и сельской молодежи.

Данный тренд подтверждают материалы социологических исследований, проведенных на территории Республики Башкортостан Республиканским центром изучения общественного мнения «Социс-Эксперт» в мае-августе 2017 г. с использованием метода массового раздаточного анкетирования.

Характерной особенностью электорального поведения граждан Республики Башкортостан в 90-х годах XX столетия и первом десятилетии XXI века являлись существенные размежевания по линии «город – село», а также «Уфа – малые города». Многочисленные исследования фиксировали существенные различия между моделями электорального поведения горожан и жителей сельских муниципальных районов. Эти различия выражаются в более сильной

электоральной мобилизации села, о чем свидетельствует меньший уровень абсентеизма. Сельская электоральная модель характеризовалась менее выраженным протестным голосованием и более высоким рейтингом «правительственных» партий. Проведенное исследование подтвердило гипотезу о сближении позиций городского и сельского электората. Это объясняется целым рядом социально-экономических и демографических факторов:

– на сегодняшний день сети интернет-коммуникаций охватили не только городское, но и сельское пространство. Не только молодежь, но и граждане среднего возраста, проживающие в малых городах и сельских муниципальных районах, имеют техническую возможность получать информацию с общественно-политических сайтов и блогосферы, которые не контролируются местными муниципальными властями.

– большая часть сельской молодежи получает образование в Уфе, Стерлитамаке и других крупных городских агломерациях региона, а также за его пределами. Обучение и проживание сельской молодежи в возрасте от 18 до 24 лет в городской среде означает, что завершающий этап политической социализации молодого поколения проходит под влиянием городских агентов политической социализации, а также в составе городских референтных групп. Данный тренд формирует принципиально иную систему политических ценностей и электоральных поведенческих установок;

– важным социальным фактором сельской модели электорального поведения избирателей являлся коллективистский, а по существу общинный характер трудовых отношений в колхозах, а также преобразованных из колхозов предприятий АПК. Данная форма трудовых отношений являлась доминирующей в сельской местности еще в «нулевых» годах. Общинные трудовые отношения определяли большую управляемость сельского электората и депутатов представительных органов муниципальных образований. Присоединение России к ВТО постепенно разрушает прежнюю систему традиционных для села трудовых коллективов, а следовательно, и свойственных им паттернов политического поведения: патернализм, коллективная ответственность, дисциплина. Произошел скачок внутренней трудовой миграции, все больше жителей сельской местности, оставаясь формально прописанными на территории своих районов, осуществляют трудовую деятельность в крупных городах республики, а также за ее пределами. Согласно нашей гипотезе, подобный маргинальный статус вызывает серьезный психологический кризис личности, который неизбежно приводит к трансформации моделей политических ценностей. Помимо этого, ослабляется экономическая зависимость граждан от муниципальных политических элит, а следовательно, исчезает механизм административного управления электоральным поведением избирателей.

В результате проведенных теоретических и прикладных исследований нами доказана необходимость разработки новой теории политической социализации с учетом объективной роли глобальных агентов политической социализации и, прежде всего, сети Интернет.

Современные тренды развития процессов политической социализации молодежи требуют от органов государственной власти и местного самоуправления субъектов Российской Федерации изменения стратегии и тактики информационной политики и молодежной политики с учетом новых реалий.

Следует отметить, что глобальные агенты политической социализации несут определенные риски для национальной безопасности страны. Они открывают возможность трансграничного влияния на политическую социализацию молодежи со стороны иностранных политических систем. Экстремистские группировки различной направленности также получают открытый доступ к процессу политического воспитания граждан России. Помимо этого, как показал опыт оранжевой революции на Украине, «революции роз» в Грузии, а также «Арабской весны», идеологическая подготовка, организация и управление беспорядками осуществлялась с помощью ресурсов Facebook, Twitter. Подобные внешнеполитические вызовы, риски вмешательства во внутренние дела государства требуют корректировки концепции национальной безопасности России и подключение к ее разработке специалистов в области теории и практики политической социализации.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 122–134.
2. Алмонд Г.А., Грунт З.А., Кертман Г.Л. и др. Российская повседневность и политическая культура: проблемы обновления // Полис. 1996. № 4. С. 56–71.
3. Воинов Д. Политические амбиции Интернета в России // Власть. 2007. № 2. С. 88–91.
4. Инглхарт Р. Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002. С. 106–128.
5. Истон Д., Деннис Дж. Дети в политической системе: основа политической законности // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 3. С. 76–97.
6. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Прогресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.
7. Лаврушин Е. Сетевые властители дум. Через блоги формируется политическая повестка дня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novopol.ru/text36242.html>
8. Лассуэлл Г.Д., Рогоу А.А. Власть, коррупция и честность. М.: РАГС, 2009. 176 с.
9. Пиаже Ж. Избранные труды. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
10. Giddings F. The theory of socialization. N.Y., 1897. 289 p.

Управление общественными процессами: политическое управление или политический менеджмент

А. КУЛИНЧЕНКО

Задача управления процессами в обществе, которое представляет собой сверхсложную систему, является весьма трудной. Еще более затрудняет решение этой задачи необходимость выбора целей и средств управляющего воздействия в условиях их многообразия, взаимодействия друг с другом, а также существования различных интерпретаций этих воздействий и взаимодействий.

Чаще всего управленческое воздействие на общество в целом связывают с деятельностью государства как центрального института публичной власти, с государственным управлением. При этом исследователи, как правило, понимают, что в современном демократическом обществе действуют также процессы самоуправления, саморегулирования, самоорганизации, в том числе политической. Иногда это приводит к стремлению провести четкое разделение между важнейшими управляющими воздействиями на общественные процессы.

Государственное управление и политический менеджмент. Широкое распространение и поддержку получила точка зрения, которую сформулировала Г.В. Пушкарева в процессе раскрытия сущности, роли и специфики политического менеджмента. Если государственное управление способно опираться на нормотворчество и властное принуждение, политический менеджмент, по ее мнению, представляет собой особую разновидность управляющего воздействия. В данной трактовке политический менеджмент представляет собой особый вид управления в политике, при котором субъект управления лишен возможности создавать общеобязательные нормы и опираться на право «легитимного насилия» и поэтому вынужден применять особые приемы и способы решения своих задач, использовать разнообразные политические технологии [10, 21]. Можно сделать вывод, что политический менеджмент – это некие «несиловые» методы

Кулинченко Александр Викторович, канд. филос. наук, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: ku107@rambler.ru

управляющего воздействия, которые действуют в дополнение к государственно-властному воздействию на общество. Несмотря на видимую очевидность и логичность данного подхода, следовало бы сделать некоторые уточнения.

Во-первых, государство управляет делами не только общества в целом, но и – в качестве специальной задачи – осуществляет управление самим государством как сложнейшей системой государственных органов и организаций. В отношении второй задачи управления используют понятие «государственный менеджмент», который призван способствовать оптимизации государственного управления в целом. Более того, современные исследователи развивают *концепцию государственного менеджмента* в качестве одного из направлений совершенствования государственного управления и повышения эффективности выполнения его общественных функций [2; 5; 6; 11], что обуславливает необходимость подробного рассмотрения границ использования понятия «менеджмент».

Во-вторых, власть и управление государства основываются не только и не столько на легитимном насилии, сколько на принципах *легитимности*, доверия и поддержки народа, которые в свою очередь обусловлены адекватным выражением и реализацией его интересов. Согласно И.А. Ильину, насилие не выражает сущность власти, оно составляет лишь крайнее и болезненное ее средство, «ее последнее слово и слабейшую из ее опор». Поэтому задача властвующего заключается в том, «чтобы на путях подчинения воспитать волю к автономному согласованию и насытить духом этой добровольной координации субординирующую форму государственности» [4, 291–308].

Иными словами, сила и эффективность государственного управления базируется на его тесной взаимосвязи и взаимодействии с гражданами и обществом в целом. Управление в обществе неразрывно связано с исполнением, которое возможно лишь при условии согласования целей, средств, результатов и затрат. Общим знаменателем такого рода отношений и взаимодействий служит важное и емкое определение: *сотрудничество*. Сегодня идея государственного управления через сотрудничество с обществом считается одним из магистральных направлений теории и практики публичного управления [13]. Однако сотрудничество не является каким-то внешним атрибутом современного государственного управления, а входит в саму его сущность. По мнению Б.П. Курашвили, «государственное управление есть не что иное, как “организационное сотрудничество государства с коллективными и индивидуальными членами общества, обеспечивающее политически целесообразное закономерное функционирование и развитие”» общества. Это взаимодействие сторон, направленное на достижение общих целей [7, 88–89].

Согласование интересов и сотрудничество неразрывно связано с политической жизнью, особенно с политической сферой демократического общества. Поэтому легко сделать вывод о том, что управление обществом представляет собой политическое управление. Современные исследователи зачастую используют этот термин [3]. Правда, не всегда можно понять, речь идет об общем наименовании целой совокупности управленческих воздействий и взаимодействий: о государственном управлении как управлении «политическом», о «политическом менеджменте», «политической самоорганизации» и т.д. или существует особая разновидность собственно политического управления. Представляется, что рассмотрение второго понимания политического управления составляет предмет специальной статьи. Поэтому сосредоточим внимание на политических свойствах, качествах управленческих воздействий, выражаясь точнее, на необходимости прояснить, в чем состоит *политический характер* управления общественными процессами. Но, прежде всего, рассмотрим содержание понятия «менеджмент».

Менеджмент как управление организацией. Понятие «менеджмент» сегодня активно используется в политической науке. Но его неправомерно сводить к использованию политических технологий для достижения поставленных целей. Реализация отдельных политических целей может привести к ущербу и даже разрушению общества. А это нечто противоположное управлению. Менеджмент также неправомерно отождествлять с управлением обществом в совокупности основополагающих общественно-политических и социально-экономических процессов. Поскольку менеджмент – это деятельность менеджера, специально подготовленного

человека, который профессионально занимается особой разновидностью деятельности – управленческой деятельностью, управленческим трудом, выполняет особые управленческие функции. Прежде всего, это процесс планирования, организации, мотивации и контроля, которые необходимы для правильной формулировки и достижения цели организации [9, 27–60]. Под организацией понимается целевая общность, объединение людей, искусственно созданная для достижения определенной цели, изначально это фирма, предприятие, действующее в экономической сфере. Менеджмент как деятельность по управлению не есть управление обществом, это его разновидность, часть, форма воплощения в деятельности людей, решающих конкретные задачи, выполняющих функции по управлению вполне определенными, конкретными процессами. Важно подчеркнуть, что менеджмент, выполняя функции организации и контроля, предполагает создание нормативного порядка и применение санкций («легитимного насилия») в отношении членов организации.

Итак, менеджмент – это не управление *как таковое*, а реализация его функций в управленческой деятельности. Но эта деятельность основана на познании, знании объективных закономерностей и их творческом использовании при решении конкретных управленческих задач. Успешный менеджер сумеет достичь поставленных целей, если сможет реализовать в своей деятельности знание общественных закономерностей, законов управления и организации, экономики и права, взаимодействия людей в коллективе, использования техники, а также закономерностей той части природной действительности, которая вовлечена в процесс достижения целей организации. Он должен учитывать также при рассмотрении конкретной управленческой ситуации наличие спонтанных процессов самоорганизации. Однако и этого может оказаться недостаточно, если различные организации конкурируют, борются друг с другом.

Последнее относится не только к экономике, но и к политической сфере. Однако если уход с рынка неэффективной компании часто служит развитию экономики, то решительная победа одной организованной части общества над другой разрушает общество как целое. Политика, по Аристотелю, представляет собой не только общение, направленное на общее и высшее благо, но и деятельность, которая организована таким образом, что она ведет к этому благу и обеспечивает участие в нем для всех при помощи власти и закона [1]. Организация политической жизни предопределяет процесс управления обществом, подобно тому, как менеджмент политической организации (например, партии) определяет ее способность к достижению поставленных целей.

Система управления обществом и его политический характер. Прежде чем рассматривать управление в обществе как системе, необходимо вспомнить о том, что управление является неотъемлемым свойством всех сложных динамических систем, как в обществе, так и в природе. Следовательно, существует наиболее общее понимание управления как важнейшей функции таких систем, управления *как такового*. Представляется удачным определение, характеризующее управление как функцию организованных систем различной природы, которая обеспечивает сохранение их определенной структуры, поддержание установленного режима деятельности (функционирования) и реализацию программы этой деятельности – достижения цели, развития [14, 282]. Управление связано с процессом выработки и осуществления управляющих воздействий на объект управления для достижения цели управления [12].

Качественной особенностью управления в обществе является то, что функции управления реализуются в процессе деятельности и взаимодействия людей, обладающих сознанием, волей, способностью к целеполаганию и целедостижению. В качестве управляющей и управляемой подсистем выступают люди и созданные ими организации и институты. Возникают специфические общественные отношения – управленческие отношения – как отношения между субъектами и объектами управления. Но в качестве объектов также выступают субъекты сознательной и целенаправленной деятельности. Поэтому управляющее воздействие должно быть подкреплено средствами власти, которая побуждает или принуждает людей исполнять решения субъекта управления. Вопрос о власти справедливо считается главным вопросом политической жизни, основой политической организации общества. Центральный институт публичной власти – государство – становится также субъектом управления обществом как целым. Однако в обществе

как сверхсложной системе существует огромное (избыточное) количество связей и отношений, которые невозможно контролировать из единого центра. Этому не может помочь ни иерархическое построение системы управления, ни распределение управленческих функций сверху вниз, ни обратные связи. В сверхсложной системе реализуются спонтанные процессы самоорганизации, саморегулирования, самоуправления, а также процессы творческой самодеятельности, присущие человеку и человеческому роду.

В результате процесс управления обществом складывается из целого комплекса взаимодействующих между собой организующе-регулирующих воздействий на общественные процессы, который правильнее было бы называть системой. Последняя включает не только государственное управление, но и общественную самоорганизацию и самоуправление. По мнению С.П. Курдюмова и Е.Н. Князевой, для устойчивого развития сложных социальных структур одинаково необходимы как доля спонтанности развития и самоуправления, так и определенная доля внешнего управления и контроля. Причем эти две составляющие – самоорганизация снизу и организация сверху – должны быть сбалансированы и согласованы друг с другом [8, 123, 145].

Именно этот момент согласования и сотрудничества и составляет, как представляется, тот невидимый глазу эфир, который придает управлению общественными процессами *политический характер*. Завороженные ожесточенной борьбой за власть, которой наполнена политическая жизнь, мы часто упускаем главное в политике. Политика служит тому, чтобы, оправляясь от несовпадения интересов, разногласий и конфликтов, люди через соперничество и борьбу находили пути к согласию во имя общего блага и общих интересов. Политика, политическая деятельность есть именно *солидарная деятельность во имя общей цели* (И.А. Ильин) [4, 268].

Политический характер управления обществом является следствием и результатом полноценной политической жизни, функционирования политической сферы во взаимодействии с другими общественными сферами. Политический характер управления обществом выражает созданную для него в общегосударственном политическом процессе основу (общество как целостную организованную систему); придает управлению смысл и цель (содержание); превращает систему управления обществом в главный механизм достижения общих целей и интересов. Данный механизм опирается на солидарность и духовное единение людей; единство их политической воли; на социально-организационный порядок, созданный властью и государством; которые приняты обществом, авторитетны и легитимны для всех и каждого. Пришедший к своему завершению общегосударственный политический цикл (осуществленный выбор) становится прологом для решения задач по управлению обществом и протекающими в нем процессами.

Итак, управление общественными процессами: политическое управление или политический менеджмент? Как представляется, решение лежит в иной плоскости. Эта задача по силе лишь объединенному воздействию «организации снизу» (самоорганизации, самоуправления) и «организации сверху» (государственного управления) совокупной деятельности людей, которая основана на солидарности, сотрудничестве и согласии, что придает управлению обществом политический характер и значение.

Литература

1. Аристотель. Политика. Соч. в 4 т. Т. 4. М., 1982.
2. Государственная политика и управление. В 2 ч. Ч. 1. Концепции и проблемы государственной политики и управления. М., 2006.
3. Зимина В.Д., Борисов Н.А. Политическое управление. М., 2008.
4. Ильин И.А. О сущности правосознания: собр. соч. в 10 т. Т.4. М., 1994.
5. Купряшин Г.Л., Соловьев А.И. Государственный менеджмент. М., 2004.
6. Купряшин Г.Л., Соловьев А.И. Теория и механизмы современного государственного управления. М., 2012.
7. Курашвили Б.П. Очерк теории государственного управления. М., 1987.
8. Курдюмов С.П., Князева Е.Н. Коэволюция сложных социальных структур: баланс доли

самоорганизации и доли управления // Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. М., 2004. Т. 1.

9. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / Пер. с англ. М., 1992.

10. Пушкарёва Г.В. Политический менеджмент. М., 2002.

11. Сморгунев Л.В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» // Политические исследования. 2003. № 4. С. 50–58.

12. Теория управления. Терминология. Вып. 107. М., 1988.

13. Управление публичной политикой: коллект. монография. М., 2015.

14. Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.

Конституционно-правовые основы права на равный доступ к государственной и муниципальной службе в Республике Башкортостан

А. КУРМАНОВ

Исторические предпосылки законодательного закрепления данного права находят свое отражение в международных правовых актах середины прошлого столетия. Так, в ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года закреплены право и возможность каждого гражданина иметь без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений допуск в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе.

Тем не менее, несмотря на признание данного права в международных нормах, Конституция РСФСР 1978 года и иные нормативные правовые акты СССР, РСФСР и БАССР не закрепляли данное право в числе основных гражданских прав и свобод. В частности, в ст. 46 Конституции РСФСР речь шла о том, что граждане РСФСР имеют право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решении общегосударственного и местного значения, а также имеют возможность принимать участие в работе государственных органов.

Вместе с тем, следует отметить, что в соответствии со ст. 38 Конституции РСФСР – граждане РСФСР имели право на труд, включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей. Представляется, что данная норма, наряду с нормой, закрепленной в ст. 32 Конституции РСФСР, закрепляющей равноправие граждан РСФСР, позволяли гражданам претендовать на трудоустройство в органы государственной власти с учетом личностных и профессиональных качеств. С одной стороны, анализ социально-политической ситуации, как в СССР в целом, так и в БАССР в частности, подтверждает данный тезис, поскольку позволяет выявить достаточное количество примеров, когда «простые» люди из отдаленных городов и районов достигали результатов и занимали высокие государственные должности. Но, с другой стороны, даже при наличии «социальных лифтов» для разных слоев населения обязательным условием продвижения по службе было членство в КПСС или ВЛКСМ. При таких обстоятельствах говорить, что все граждане имели равный доступ к государственной службе, было бы не объективно.

Курманов Альберт Сафуатович, д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республике Башкортостан. E-mail: kurmanov-albert@yandex.ru

Как правовая категория понятие «государственная служба» начинает формироваться с начала 1990-х годов. Именно в этот период появляются первые нормативные правовые акты, которые вводят в правовой оборот и закрепляют термин «государственная служба». Например, к их числу следует отнести Постановление Правительства РСФСР от 23.11.1991 № 16 «Об образовании Департамента государственной службы РСФСР» [3], Указ Президента Российской Федерации от 03.06.1993 № 848 «О первоочередных мерах по организации системы государственной службы в Российской Федерации» [5] и др.

Конституция Российской Федерации, основанная на признании основных прав и свобод человека и гражданина, провозглашенных в общепризнанных принципах и нормах международного права в ч. 4 ст. 32, закрепила право граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе. Аналогичное право было закреплено в первоначальной редакции ст. 38 Конституции Республики Башкортостан, в соответствии с которой гражданам Республики Башкортостан также гарантировался равный доступ к государственной службе.

Спустя два года после принятия Конституции Российской Федерации появляется первый системный нормативный правовой акт, регулирующий данную область правоотношений, – Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации» от 31.07.1995 № 119-ФЗ [6]. Данный закон не только на законодательном уровне прописал систему государственной службы, но и закрепил в числе ее основных принципов, что граждане имеют равный доступ к государственной службе в соответствии со способностями и профессиональной подготовкой.

Статья 34 Конституции Республики Башкортостан, гарантирующая равный доступ граждан к государственной и муниципальной службе, выступает важной составляющей основ конституционного строя Российской Федерации, провозглашенных в ст. 3 Конституции Российской Федерации и ст. 3 Конституции Республики Башкортостан.

Отраженный в названных статьях конституционный принцип называет многонациональный народ России единственным источником власти в стране. В свою очередь, ст. 34 Конституции Республики Башкортостан гарантирует реализацию функции народа по управлению государством через равный доступ граждан к государственной и муниципальной службе либо через своих представителей, которые на равных условиях могут претендовать на замещение должностей государственной и муниципальной службы.

Комментируя анализируемую норму, необходимо отметить, что по своей правовой природе она фактически выступает специальной нормой по отношению к общим нормам, закрепленным в ст. 19 и ст. 40 Конституции Республики Башкортостан. Соответственно ее содержание необходимо раскрывать во взаимосвязи с названными нормами.

Как следует из содержания ст. 34 Конституции Республики Башкортостан, она предоставляет гражданам «равный доступ к государственной и муниципальной службе». В основе подобного «равного доступа» лежит принцип равноправия, закрепленный в ст. 19 Конституции Российской Федерации и ст. 19 Конституции Республики Башкортостан, в соответствии с которым равенство прав и свобод человека и гражданина гарантируется независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Дальнейшую конкретизацию анализируемое право находит в ч. 1 ст. 40 Конституции Республики Башкортостан, в соответствии с которой каждый в Республике Башкортостан имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Следовательно, гражданин сам вправе определять свою профессию, включая работу в органах государственной власти или местного самоуправления, при этом ни один из дискриминационных признаков, перечисленных выше, не должен учитываться при отборе претендентов на замещение вакантных должностей государственной и муниципальной службы.

Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что ст. 34 Конституции Республики Башкортостан устанавливает только равный доступ, а не гарантирует каждому персональную возможность

поступления на государственную и муниципальную службу. Иными словами данное право надо воспринимать как юридическую возможность претендовать на трудоустройство при равных условиях, а не обязанность со стороны органов государственной власти или местного самоуправления трудоустраивать каждого желающего в органы государственной и муниципальной власти.

Подобный вывод следует, например, из положений ст. 6 Закона Республики Башкортостан от 18.07.2005 № 206-з «О государственной гражданской службе Республики Башкортостан» [1], которая устанавливает квалификационные требования для замещения должностей гражданской службы. В частности, для замещения должности гражданской службы требуется соответствие квалификационным требованиям к уровню профессионального образования, стажу гражданской службы или работы по специальности, направлению подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для исполнения должностных обязанностей и т.д.

Кроме того, на государственных и муниципальных служащих накладываются ограничения в соответствии с действующим законодательством (см., напр., ст. 7.2 Закона Республики Башкортостан от 16.07.2007 № 453-з «О муниципальной службе в Республике Башкортостан» [2]), а также обязанность пройти конкурс на замещение вакантной должности (см., напр., ст. 22 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [8]).

Данный подход по установлению определенных законодательных требований к претендентам на замещение вакантных должностей с позиции Конституционного Суда Российской Федерации является полностью обоснованным и законным. Например, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27.12.1999 № 19-П прямо указано: «Конституционный принцип равенства не препятствует законодателю при осуществлении правового регулирования трудовых отношений устанавливать различия в правовом статусе лиц, принадлежащих к разным по условиям и роду деятельности категориям, в том числе вводить особые правила, касающиеся условий замещения отдельных должностей и оснований освобождения от должности, если эти различия являются объективно оправданными, обоснованными и соответствуют конституционно значимым целям и требованиям. Различия, исключения или предпочтения в области труда и занятий, основанные на специфических требованиях определенной работы, в соответствии с пунктом 2 статьи 1 Конвенции МОТ № 111 1958 года о дискриминации в области труда и занятий, ... не считаются дискриминацией» [4].

В рамках анализа ст. 34 Конституции Республики Башкортостан представляется важным обратить внимание на то, что данная норма сформулирована более удачно, чем аналогичная норма, предусмотренная ч. 4 ст. 32 Конституции Российской Федерации. По правилам законодательной техники, норма права должна четко отражать те юридические термины, которые в ней использованы, при этом нельзя допускать ее расширительное толкование и противоречие другим нормам права. В данном случае ч. 4 ст. 32 Конституции Российской Федерации сформулирована значительно уже, поскольку в ней речь идет только о государственной службе. Тогда как ст. 34 Конституции Республики Башкортостан гарантирует равный доступ как к государственной, так и к муниципальной службе, что представляется более обоснованным, поскольку гарантирует соблюдение принципа равноправия и при трудоустройстве граждан в органы местного самоуправления.

Встречающийся в научной литературе и судебной практике подход, согласно которому при анализе ст. 32 Конституции Российской Федерации можно отождествлять муниципальную службу с государственной, следует признать ошибочным, поскольку он прямо противоречит законодательным определениям данных видов деятельности. Так, Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [7] определяет государственную службу Российской Федерации как профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий: Российской Федерации; федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов; субъектов Российской Федерации; органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов субъектов Российской Федерации и т.д.

В свою очередь, муниципальная служба – это профессиональная деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (см. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [9]).

Из приведенных дефиниций четко следует, что государственная служба и муниципальная служба охватывают разные сферы правоотношений и не могут подменять друг друга. Тем более что глава 8 Конституции Российской Федерации прямо отделяет органы местного самоуправления, в которых осуществляется муниципальная служба, от органов государственной власти. При таких обстоятельствах представляется обоснованным и социально обусловленным внести дополнение в ст. 32 Конституции Российской Федерации и наряду с государственной службой гарантировать в Основном законе страны равный доступ к муниципальной службе.

Лица, виновные в нарушении положений, закрепленных в ст. 34 Конституции Республики Башкортостан, могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности, а также к административной или уголовной ответственности, например, по ст. 5.27. КоАП РФ («Нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права») и ст. 136 УК РФ («Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина») и др.

Литература

1. Закон Республики Башкортостан от 18 июля 2005 г. № 206-з «О государственной гражданской службе Республики Башкортостан» // Республика Башкортостан. 2005. 26 июля.
2. Закон Республики Башкортостан от 16 июля 2007 г. № 453-з «О муниципальной службе в Республике Башкортостан» // Республика Башкортостан. 2007. 21 июля.
3. Постановление Правительства РСФСР от 23 ноября 1991 г. № 16 «Об образовании Департамента государственной службы РСФСР» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=203697#0>.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.1999 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 20 Федерального закона “О высшем и послевузовском профессиональном образовании” в связи с жалобами граждан В.П. Малкова и Ю.А. Антропова, а также запросом Вахитовского районного суда города Казани» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25870/
5. Указ Президента Российской Федерации от 03 июня 1993 г. № 848 «О первоочередных мерах по организации системы государственной службы в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 23. Ст. 2108.
6. Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7379/
7. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063.
8. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
9. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 10. Ст. 1152.

Особенности партийного рекрутмента в демократических режимах и гибридных режимах с доминантной партией

В. ГИЛЬМАНОВ

Политические партии как механизмы рекрутирования правящих элит и лидеров государственного уровня представляют собой структуры, осуществляющие деятельность по отбору, выдвижению и продвижению претендентов на депутатские должности в представительных органах государственной власти и на выборные должности президента страны и глав региональной исполнительной власти, использующие в своей рекрутационной деятельности конкретные нормы, процедуры.

Для мировой политической практики характерно большое разнообразие моделей партий как рекрутеров правящих элит и лидеров.

Базовыми факторами политико-системного уровня, определяющими наличие нескольких групп моделей партий-рекрутеров, являются тип политической системы и политического режима и связанные с ними характер партийной системы и характер выборов.

В соответствии с этими критериями можно выделить три группы моделей партий как рекрутеров правящих элит и лидеров:

- группа моделей партий-рекрутеров правящих элит и лидеров в демократических плюралистических системах с выборной конкуренцией в борьбе за власть;
- модели партий-рекрутеров в недемократических системах советского типа с отсутствием конкурентных выборов;
- модели партий-рекрутеров правящих элит и лидеров в модернизирующихся политических системах с гибридными политическими режимами с ограничением конкуренции в выборном процессе и с партийными системами с доминантной партией.

На наш взгляд, для исследования современных практик функционирования партий как рекрутеров правящих элит и лидеров наибольшую актуальность представляет изучение партий-рекрутеров в демократических режимах и в гибридных режимах с доминантной партией.

Общие свойства различных партий-рекрутеров, принадлежащих к группе моделей, характерной для демократических плюралистических систем с конкурентными выборами, и общие характеристики, отличающие партии-рекрутеры правящих элит и лидеров в модернизирующихся политических системах с гибридными политическими режимами и с партийными системами с доминантной партией, являются предметом исследования в данной статье.

Главным конституирующим фактором формирования моделей партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров в плюралистических демократических политических системах стран Западной Европы и Северной Америки был фактор демократизма системы и режима, проявляющийся в разделении гражданского общества и государства, в нейтралитете государства в электоральном процессе, в выборном формировании власти и ее электоральной подотчетности гражданам, в свободе выборов и политических ассоциаций, и вытекающие из него практики острой конкуренции кандидатов, партий за голоса электората на выборах.

Названные выше характеристики демократических политических систем обусловили появление моделей партий-рекрутеров в качестве автономных от государства «игроков» на электоральном рынке, в форме гражданских институтов отбора и продвижения кандидатов в элиту.

Автономная роль партий как рекрутеров правящих элит и лидеров с собственными интересами, стратегиями, ресурсами и роль посредника между избирателями и кандидатами в элиту – главная конституирующая характеристика всех партийных моделей рекрутирования в демократических политических системах с партийной выборной конкуренцией. Поэтому эти модели партий-рекрутеров можно назвать моделями «партий – гражданских посредников между правящими элитами и избирателями».

Партии как рекрутеры правящих элит и лидеров выполняют следующие функции: формирования правящих элит и оппозиции через выборы с участием населения, обновления политической элиты и лидеров с целью улучшения их качеств, необходимых для управления государством и обществом; придания новых импульсов государственной политике в решении важных проблем развития государства и общества, в целях согласования общественных интересов и разрешения политических конфликтов; «создания и воссоздания после каждых выборов нормально функционирующей системы государственного и общественного управления» [6, 112]; легитимации элит, лидеров-руководителей, органов власти и политической системы в целом; обеспечения связи между гражданами и элитами, лидерами; обеспечения подотчетности правящих элит и лидеров гражданам через выборную подотчетность самих партий перед гражданами за результаты своей рекрутационной деятельности; обеспечения политической стабильности демократических политических систем.

Партии как субъекты рекрутирования правящих элит и лидеров осуществляют рекрутационную деятельность в рамках выборного канала при формировании представительного сегмента правящих элит и рекрутировании лидеров руководителей общенационального и регионального уровней власти и в рамках парламента (в парламентских республиках) при формировании правительства. Роль партий как главных субъектов отбора и выдвижения кандидатов в рамках выборного канала при основной роли выборов в рекрутировании парламентских элит и лидеров – государственных руководителей общенационального и субнационального уровней – еще одна важная характеристика партий как рекрутеров в демократических политических системах.

При этом окончательное решение по поводу попадания/непопадания в правящую элиту кандидатов, отобранных партиями, в условиях конкурентных, альтернативных выборов делают избиратели. Поэтому партии как рекрутеры вынуждены ориентироваться не только на собственный интерес провести того или иного кандидата в элиту, но и на избирателей – их интересы, их представления о том, кто и как должен представлять их интересы, учитывать мнения избирателей в отборе кандидатов на стадии внутрипартийной номинации.

Это обуславливает привлечение партиями избирателей к отбору кандидатов в форме открытых праймериз, использование партиями рекрутационных стратегий, направленных на формирование социально представительной элиты и на расширение парламентского представительства прежде недопредставленных социальных групп – женщин, этнических меньшинств – в форме резервирования для них мест в партийных списках, введения избирательных квот. «Стратегии позитивного действия», направленные на выравнивание парламентского представительства мужчин и женщин, реализуются партиями как через введение в избирательные законы соответствующих положений (государственные гендерные квоты) [15, 99–100], так и посредством использования свободных гендерных квот во внутрипартийных правилах отбора [16, 100–103]. Достаточно широкий бассейн рекрутируемых кандидатов, предоставление возможности попадания в элиту через партийный канал не только членам партии, но и беспартийным кандидатам – также характерная черта большого числа партий-рекрутеров в условиях демократических систем.

Деятельность партий в условиях межпартийной конкуренции и политическая подотчетность партий избирателям по итогам каждого электорального цикла – за политику, которую проводила правящая элита, рекрутированная партиями и ее соответствие чаяниям общества – заставляют партии в отборе кандидатов поддерживать баланс внутрипартийных интересов и интересов общества. Например, использовать в отборе кандидатов не только критерии партийного членства, партийной лояльности, согласия с партийной предвыборной программой и обязательства ее реализации в случае избрания, объективно работающие на внутрипартийные интересы, связанные с укреплением партийной организации за счет лояльности старых и привлечения новых членов, сформировать партийно-подотчетную и лояльную партийному руководству фракцию в парламенте, но и важные как для общества, так и для самих партий критерии профессионализма, опыта, послужного списка, наличия навыков, позволяющих эффективно выполнять функции депутата, члена правительства, публичной политической деятельности.

Важная черта партий-рекрутеров в демократических политических системах – формализация процедур отбора, их конкурентный характер. Так, отбор довольно часто проводится в форме закрытых внутрипартийных либо открытых для участия беспартийных избирателей голосований (праймериз).

Все это работает как на решение задачи отбора наиболее способных, наиболее «проходных кандидатов» и на повышение межпартийной конкурентоспособности партий в процессе рекрутирования элиты, так и на формирование позитивного имиджа партий в глазах общества – как открытых и демократических организаций.

При этом в реальности партии в демократических политических системах различаются по уровню внутрипартийной демократии, уровню конкуренции в отборе кандидатов [14, 25–47]. Однако в целом демократический характер процедур отбора кандидатов – это характерная черта большого числа партий в демократических системах [10, 363–380].

Демократичность процедур отбора в современных партиях проявляется в том, что местные организации и активисты субнациональных партийных организаций имеют влияние в партийном номинационном процессе наряду с центральным руководством партий; в разнообразном и широком селекторате партийного отбора, включающем партийных делегатов (голосование на предвыборных съездах и конференциях), партийных активистов и партаппаратчиков (предварительная подготовка списков), массив партийных членов при использовании индивидуального членского голосования, часто по почте, и при проведении открытых праймериз – беспартийных избирателей.

В итоге коллективной рекрутационной деятельности партий-рекрутеров в каждой демократической политической системе формируется партийная и партийно-сегментированная (двухпартийная или многопартийная), конфликтно-консенсусная и сбалансированная правящая элита, разделенная на правящую группу и оппозицию, реально конкурирующие между собой и сотрудничающие в процессе управления государством и обществом.

Специфику конкретных моделей партий-рекрутеров, принадлежащих к группе «партий – гражданских посредников», определяют такие факторы, как характерные для конкретных партий типы избирательных и партийных систем, типы организационного строения партий [5, 432], внутрипартийные формальные правила, нормы, процедуры и реальные практики отбора кандидатов.

Немаловажно, что внешние для партий институциональные факторы работают в комплексе с внутрипартийными факторами [15, 103–106], и разнообразие этих сочетаний (множественность комбинаций), а также многофакторность обуславливают большое разнообразие национальных моделей партий-рекрутеров.

Кроме того, в зависимости от организационной модели партии в этой группе можно выделить модель «кадровой партии» как механизм рекрутирования правящих элит и лидеров, модель «массовой партии», модель «народной партии» (современной формы «партии-избирателей»).

В свою очередь, такие факторы, как тип избирательной системы и тип партийной системы, обусловили появление следующих модификаций внутри моделей «кадровой», «массовой» и «народной» партий: модель «кадровой партии» в условиях двухпартийности, а также в условиях многопартийности, при выборах по системе большинства (США, Великобритания, консервативные партии во Франции); модель «массовой партии» и модель «народной партии» в условиях многопартийных систем и выборов по пропорциональной системе; модель доминирующей партии в условиях конкурентных выборов и смешанной избирательной системы (Либерально-демократическая партия в Японии).

В зависимости от методов отбора кандидатов партиями исследователи выделяют партии-рекрутеры с большей или меньшей степенью инклюзивности/эксклюзивности селектората, с селекторатами разных типов, с разной степенью централизации/децентрализации в отборе, с различными системами внутрипартийного голосования при отборе кандидатов [12].

Определенные сочетания внутрипартийных правил отбора кандидатов и избирательных систем своими следствиями имеют появление партий-рекрутеров, обеспечивающих разный характер поведения избранных парламентариев в плане их подотчетности (местная или партийная), а также их поведения в ходе голосований в парламенте [15, 104].

Второй рассматриваемой в данной статье группой является группа партий-рекрутеров в модернизирующихся политических системах с гибридными политическими режимами – «электорального авторитаризма» [11, 308], «соревновательного авторитаризма» С. Левитски и Л. Уэя [2, 308], «доминантной партии» [9, 22].

Общим признаком, характерным для данных режимов, является важная роль многопартийных выборов в легитимации власти. При этом специфической особенностью выборов в гибридно-авторитарных режимах является нарушение стандартов демократических выборов – отсутствие равенства условий для партии правящей элиты и для партий оппозиции.

Рейтер О. Дж. и Ганди Дж. к режимам с доминантной партией относят: Зимбабве в период правления «Зимбабвийского африканского национального союза – Патриотического фронта», Мексику в период правления «Институционально-революционной партии», Тайвань в период правления «Гоминьдана», Сенегал в период правления «Социалистической партии», Парагвай в период правления партии «Колорадо», «Национальную Демократическую Партию» в Египте, «Партию Народного Действия» в Сингапуре, «Нур Отан» в Казахстане, «Камбоджийскую Народную Партию» в Камбодже [9, 26].

Грин К.Ф. считает, что к режимам с доминантной партией относятся: Малайзия при «Объединенной малайской национальной организации / Национальном фронте» (ОМНО/НФ) (с 1974 г.), Мексика при «Институционально-революционной партии» (ИРП) (1929–1997 гг.), Сенегал при «Социалистической партии» (СП) (1977–2000 гг.), Сингапур с его «Партией народного действия» (ПНД) (с 1981 г.), Тайвань при «Гоминьдане» (ГМД) (1987–2000 гг.) и Гамбия при «Народной прогрессивной партии» (НПП) (1963–1994 гг.) [3].

Данную модель партии-рекрутера можно назвать моделью «доминантной партии – инструмента воспроизводства у власти правящих элит и лидеров», функционирующую в условиях ограниченной партийной конкуренции.

На примере мексиканской ИРП и сингапурской ПНД можно выделить специфические характеристики рекрутационных практик режимов с доминантной партией, включающие и характеристики модели «доминантной партии – инструмента рекрутирования правящих элит и лидеров»:

- одна доминантная партия, реально формирующая правящую элиту и ряд разрешенных режимом партий системной оппозиции, выполняющих функцию рекрутирования в незначительной мере;

- ограниченная политическая субъектность и инструментальный характер доминантной партии как механизма рекрутирования правящих элит и лидеров – она является инструментом в руках правящей элиты, обеспечивающим воспроизводство правящей элитной группы у власти, а также гарантированную и бесконфликтную передачу власти новому главе государства – представителю правящей элитной группы;

- использование процедур отбора лидеров в форме институционального наследования – назначения кандидата-преемника на пост президента бывшим президентом, кабинетом министров, а затем легитимация данного кандидата через выборы (процедура «дедасо» в мексиканской ИРП);

- использование в качестве критериев отбора в правящую элиту согласия стать элементом правящего режима и «играть» по его правилам (лояльность режиму), а также социальной представительности (использование квот для различных социальных групп) (ИРП) или способности эффективно выполнять управленческие функции (ПНД) [4, 258];

- патронаж партии по отношению к избирателям и бизнесу и корпоратизм в части сращивания с правящей элитой и государством, институционализация особого государственного статуса доминирующей партии в качестве «национальной партии» с соответствующими преференциями и привилегиями в части госфинансирования, доступа к общенациональным СМИ;

- использование в качестве основной политической и электоральной стратегии – популизм (ИРП);
- широкий бассейн рекрутирования кандидатов для кооптации в правящую элиту большого числа социальных групп, в том числе слабо оппозиционных, но исключение возможностей попадания во власть реальных противников режима;
- формирование лояльной в отношении режима и лидера, партийно-однородной, неподотчетной гражданам элиты;
- реализация практики обязательной периодической ротации высшего эшелона власти в соответствии с определенными конституцией нормами периодичности проведения выборов главы государства.

Конкретные результаты функционирования доминирующей партии-рекрутера правящих элит и лидеров зависят от критериев отбора в элиту, применяемых доминантной партией. Доминантная партия может обеспечивать формирование как довольно представительной, но коррупционной и неэффективной элиты (практики мексиканской ИРП, ориентировавшейся в отборе на социальную представительность и электоральную «проходимость» кандидатов [8]), так и формирование элиты, способствующей повышению конкурентоспособности национального государства (меритократические образовательные и профессиональные, морально-этические критерии отбора ПНД в Сингапуре [4, 260]).

Механизмами, обеспечивающими доминирование доминантной партии в качестве рекрутера правящих элит и лидеров, являются: позиционирование доминантной партии как общенародной, ее претензии на представительство интересов всех крупных социальных групп общества и политика популизма (ИРП), манипуляции законами, ослабляющие оппозицию, преследование несистемной оппозиции и ограничение ее возможностей участия в выборах, сращивание доминантной партии с государством и использование его ресурсов в выборах, партийный электоральный патронаж.

Литература

1. Воскресенский А. Политические системы и модели демократии на Востоке. М., 2007. 190 с.
2. Григорьева М. Институт выборов в авторитарных режимах: дискуссии в современной западной политической науке // Политическая наука. 2012. № 3. С. 307–317.
3. Грин К.Ф. Политическая экономия авторитарного однопартийного доминирования // Полития. 2011. № 1. С. 19–49.
4. Гуревич Э.К. Сингапур после выборов 2011 г. // Ю-15 Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XVIII. (ЮВА 2011–2012). М.: ИВ РАН, 2012. С. 244–264.
5. Дюверже М. Политические партии. М., 2002. 560 с.
6. Исаев Б. Теория партий и партийных систем: учеб. пос. М.: Аспект Пресс, 2008. 367 с.
7. МакГрегор Р. Партия. Тайный мир коммунистических властителей Китая. Глава «Хранитель личных дел. Партия и кадры [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1018394/4/MakGregor_-_Partiya._Taynyy_mir_kommunisticheskikh_vlastiteley_Kitaya.html
8. Маркоткин Н. Мексиканский бизнес и Институционно-революционная партия (1962–2000 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://politcom.ru/article.php?id=6473>
9. Рейтер О. Дж., Ганди Дж. Экономическое развитие и расколы доминантных партий // Сравнительная политика. № 2. 2015. С. 22–49.

10. Billy L. Democratizing a democratic procedure: Myth or reality? Candidate selection in Western European Parties, 1960–1990. 2001. Party Politics, 7: 363–380.
11. Electoral Authoritarianism: the dynamics of unfree competitions / A. Schedler (ed.). Boulder; L. Lynne Reinner Publishers, 2006. 206 p.
12. Hazan R.Y., Rahat G. Democracy within Parties: Candidate Selection Methods and Their Political Consequences. Publ. to Oxford Scholarship Online, 2010.
13. Katz R.S., Mair P. Party organizations: a Data Handbook of Party Organization in Western Democracies. 1960–1990. London: SAGE, 1992.
14. Lundell K. Determinants of candidate selection – The degree of centralization in comparative perspective. 2004. Party politics, 10: 25–47.
15. Norris P. Political Recruitment / Handbook of Party Politics / Ed. by R.S. Katz and W. Crotty. London: SAGE Publication, 2006.
16. Norris P. Electoral Engineering. New York: Cambridge Univ. Press, 2004.

Идеология «третьего пути» России И.А. Ильина

Ч. САЛИМГАРЕЕВА

И.А. Ильин известен как идеолог Белого движения в России, антибольшевик, посвятивший свою жизнь разоблачению и борьбе с коммунизмом. Позиция воина, принятая Ильиным, наложила отпечаток на все его творческое наследие. И.А. Ильин призывал отказаться от партийных трафаретов, слепого западничества и славянофильского самодовольства. Ядром государственной доктрины Ильина стал курс на обновление основ русской культуры.

Ильин считал своим долгом внести свой вклад в развитие новой государственной идеологии, необходимость которой обуславливалась предстоящим наступлением кризисного периода в России. Называя собственную доктрину «Третий путь», Ильин подразумевает ее коренное отличие как от идеологии коммунизма и социализма в роли первого, так и формальной демократии в роли второго возможного пути развития современной России.

Коммунистический строй Ильин считал: 1) тиранией, отмечал, что она – «... система страха, пресмыкательства, лжи, лести и насилия» [3, 340]; 2) насаждением Запада, для которого «...Россия – это загадочная, полуварварская “пустота”... ее необходимо всячески ослаблять... насаждением в ней революций и гражданских войн, а затем – внедрением в Россию международной “закулисы”, упорным навязыванием русскому народу непосильных для него западноевропейских форм республики, демократии и федерализма» [3, 55].

Немедленный переход к демократии Ильин также считал губительным для России: «Лозунг “демократия немедленно и во что бы то ни стало” один раз привел уже в России к тоталитарной диктатуре... Если что-нибудь может нанести России, после коммунизма, новые, тягчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании демократический строй» [3, 336].

Взгляды Ильина во многом повторяют положения теории государства Муссолини, который аналогично пришел «к решительному отрицанию доктрины, составляющей основу так называемого научного социализма Маркса, доктрины исторического материализма, согласно которой история человеческой цивилизации объясняется исключительно борьбой интересов различных социальных групп и изменениями средств и орудий производства» и к борьбе «со

Салимгареева Чулпан Нурисламовна, аспирант Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: witch1708@mail.ru

всем комплексом демократических идеологий, отвергая их или в их теоретических предпосылках, или в их практических применениях и построениях», он отверг в демократии «абсурдную ложь политического равенства, привычку коллективной безответственности и миф счастья и неограниченного прогресса...». Муссолини в своей профашистской теории выступает с критикой демократии: «При них (демократических режимах) время от времени народу дается иллюзия собственного суверенитета, между тем как действительный, настоящий суверенитет покоится на других силах, часто безответственных и тайных. Демократия – это режим без короля, но с весьма многочисленными, часто более абсолютными, тираническими и разорительными королями, чем единственный король, даже если он и тиран» [8]. С критикой социализма и демократии выступают и исследователи евразийства: «Мы отвергаем социализм – и мы являемся сверхсоциалистами... Термин “социализм”, в его европейском понимании, недостаточен для обозначения социальной сущности евразийства» [9]. «Под демократией разумеется строй, в котором правящий класс отбирается по признаку популярности в известных кругах населения... Демократическое государство, не имея собственных убеждений (так как правящий слой его состоит из людей разных партий), не может само руководить культурой и хозяйственной жизнью населения, а потому старается как можно меньше вмешиваться в эту жизнь (“свобода торговли”, “свобода печати”, “свобода искусства” и т.д.), предоставляя руководство ею безответственным факторам (частному капиталу и прессе)» [10].

Ильин предвидел наступление переходного периода в России, отмечая следующее: «После большевиков Россию может спасти или величайшая государственная дисциплинированность русского народа, или же национально-государственно-воспитывающая диктатура». Кроме того, «сократить период самочинной мести, бесчинной расправы и соответствующего нового разрушения сможет только национальная диктатура, опирающаяся на верные войсковые части и быстро выделяющая из народа наверх кадр трезвых и честных патриотов» [3, 134–137]. Под национальной диктатурой Ильин подразумевает авторитарно-демократический строй, устанавливаемый на период «вращения» демократических ценностей и воспитания русского национального характера.

Учение Ильина о «третьем пути» России целиком построено на идее о том, что любая форма государства бессмысленна без надлежащего содержания. Под таким содержанием Ильин подразумевает творческую идею, идею воспитания национального духа, возврата к корням национальной культуры: «Она должна быть государственно-исторической, государственно-национальной, государственно-патриотической. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из их духовного лада. Эта идея должна говорить о главном в русских судьбах – и прошлого, и будущего, она должна светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь и вливая в них бодрость...» [7, 457]. Идею эту, по мнению Ильина, невозможно выдумать или искусственно создать, она существует на протяжении всей истории России, в основе ее заложены ценности православного христианства. Она может быть сгенерирована русскими национально мыслящими людьми на основе исторических и религиозных особенностей Российского государства с учетом и в рамках современной действительности. Он пишет: «Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только русской, национальной. Она должна выражать русское историческое своеобразие и в то же время – русское историческое призвание... И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь; это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях и довести до настоящей чистоты и полноты бытия – во всем: в нашей культуре и в нашем быту, в наших душах и в нашей вере, в наших учреждениях и

законах. Русская идея есть нечто живое, простое и творческое. Россия жива ею во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях» [3, 312].

Исходя из вышесказанного, идеальное государство, по мнению Ильина, основывается на преданности и следовании «ведущей идее», что соответствует понятию идеократии. В этом взгляды Ильина совпадают с идеями основоположника теории евразийства князя Н. Трубецкого: «...под идеократией разумеется строй, в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной идее-правительнице...». Такого рода строй можно было наблюдать в коммунистическом СССР и в фашистской Италии и Германии, где существовала тотальная государственная идеология, по принципу приверженности которой избирались члены правящей партии. И далее Трубецкой отмечает: «Идеократическое государство имеет свою систему убеждений, свою идею-правительницу, и в силу этого непременно должно само активно организовывать все стороны жизни и руководить ими» [10]. Ильин не причислял себя к евразийцам, не поддерживал евразийскую идеологию о «подмене» русской самобытности «оригинальничанием» и «чингисханством», в то время как, по его мнению, следовало в большей степени ориентироваться на свою культуру, религию и традиции.

Идеология Ильина выстроена вокруг понятия «русский мир», подразумевающего совокупность ряда народов, которых объединяют русский язык, православие и общие культурные ценности. К тому же в России на протяжении всей истории проходило сохранение идентичности народов, ни один народ не исчез с карты России, «сколько Россия малых племен получила в истории, столько и соблюла» [3, 247]. Тем временем евразийская цивилизация есть совокупность народов, населяющих территорию бывшего СССР, объединенных общей историей и культурой. Таким образом, «русский мир» Ильина составляет основу евразийской цивилизации, потому неразрывно связан с ней.

И.А. Ильин критиковал близкое родство евразийства с другими тоталитарными учениями, называл его «географическим материализмом». Однако, как и евразийцы, он считал, что «Россия есть единый живой организм: географический, стратегический, культурный, правовой, государственный, хозяйственный и антропологический. Этому организму, несомненно, предстоит разработать новую государственную организацию» [5, 304].

Философия Ильина во многом созвучна философии Муссолини и евразийцев. «Третий путь» Ильина и евразийский проект будущего государственного устройства – «Государство правды», предполагают построение нового государства на тождественных началах: совесть, нравственность и право [1]. Между тем, и учение Ильина, и доктрина Муссолини выстроены вокруг таких понятий, как «национализм», «патриотизм» и «духовность». Солидарны они и во взглядах на предназначение государства: государство «качественности, ответственности и служения» Ильина «упорядочивает», «воспитывает» и «приучает к подлинной свободе», в то время как государство Муссолини «воспитывает граждан в гражданских добродетелях, оно дает им сознание своей миссии и побуждает их к единению, гармонизирует интересы по принципу справедливости...» [8].

Ильин закладывает в фундамент государственной идеологии такие духовные основы, как религиозность, правосознание, государственность, национализм и патриотизм. «Исчезают эти основы – и политический строй вырождается: сначала в свою зловещую карикатуру, а потом в свою прямую противоположность» [3, 130]. Подобной точки зрения придерживается и Муссолини: «Когда чувство государственности ослабевает и берут верх разлагающие и центробежные устремления, тогда нации склоняются к закату» [8].

Доктрина Ильина обладает характерной особенностью: такие понятия, как государство и право, он наполняет нравственным, религиозным смыслом. Не законы государства, но каноны православия и нормы морали стоят у философа на первом месте. В то же время религия в теории

государства Муссолини «не только почитается, но пользуется защитой и покровительством». Он пишет: «Фашистское государство не создало своего “Бога”... оно не стремится тщетно, подобно большевизму, искоренить религию из народных душ. Фашизм чтит Бога аскетов, святых, героев, а также Бога, как его созерцает и к нему взывает наивное и примитивное сердце народа» [8].

Ильин был в числе группы эмигрантов, которые призывали бороться с «кошмаром всеобщей европеизации», «сбросить европейское иго». В то же время мы находим много параллелей в концепциях Ильина и евразийства: антизападничество, антиколониализм, идентаризм и солидарность народов Евразийского пространства, ведущая роль традиционных религий. В силу этого стоит объединить ильинство и евразийство в одно большое течение отечественной мысли, представляющее собой национальную версию новой рождающейся идеологии, о которой евразийцы писали: «Необходима новая идеология и необходима как носительница ее, новая партия, не менее одушевленная и сплоченная, чем первые большевики» [2].

Таким образом, Ильин предлагает свой путь развития России, который заключается в комплексном подходе к форме и содержанию российской государственности, основанном на объективной оценке исторической и культурной действительности нашего народа. Логика работ И.А. Ильина позволяет выделить фундаментальные основы развития новой государственной идеологии России: национализм и патриотизм, правосознание и свобода, религия и духовность, качественный отбор и выдвижение политической элиты.

Ильин высказал много самобытных идей обновления России, которые в целом оказались не новы и малоприменимы на практике. Во многом его взгляды повторяют положения евразийства, положения коммунизма и социализма, идеологии, против которой активно выступал ученый, а также профашистской теории «третьего исхода» развития государства Муссолини.

Литература

1. Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности) // Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 282–371.
2. Евразийство. Опыт систематического изложения. Евразийское книгоиздательство. Париж, 1926.
3. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: ст. 1948–1954 гг. М., 1992. 616 с.
4. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
5. Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. 480 с.
6. Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Русская книга, 1993. 480 с.
7. Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего // Собр. соч. в 10 т. Т. 7. Русская книга, 1998. 608 с.
8. Муссолини Б. «Третий путь: Без демократов и коммунистов» [Электронный ресурс]. URL: <http://rutlib.com/book/21471/p/18>
9. Савицкий П. В борьбе за евразийство: Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах // Тридцатые годы: Утверждение евразийцев. Кн. 7. Париж, 1931.
10. Трубецкой Н. Об идее – правительнице идеократического государства // Евразийская хроника. Берлин, 1935. Вып. 11.

Разработка системы контроллинга инвестиционной привлекательности муниципального образования

Л. ВАЛИНУРОВА

Управление инвестиционными процессами на муниципальном уровне основывается на устойчивости взаимосвязи между уровнем инвестиционной привлекательности и объемом инвестиций, вложенных в муниципальное образование. С точки зрения субъекта управления инвестиционный процесс реализуется через управление инвестиционной привлекательностью, что опосредованно воздействует на приток/отток капитала. С учетом этой особенности управления инвестиционным процессом «для регулирования инвестиционной привлекательности рекомендуется использовать модель оценки инвестиционной привлекательности и модель прогнозирования объема инвестиций в социально-экономическую систему» [1; 3].

Модель, включающая две составляющие, позволяет прогнозировать уровень инвестиционной привлекательности в зависимости от различных значений показателей, определяющих инвестиционную привлекательность муниципального образования [1; 3; 4]. Использование модели прогнозирования и расчетного значения показателя инвестиционной привлекательности муниципального образования дает возможность определить ожидаемый приток капитала в случае изменения внешних и внутренних факторов.

Сопоставление полученного значения с потребностью муниципального образования в капиталобразующих инвестициях демонстрирует необходимость дальнейших изменений. Если ожидаемый объем инвестиций меньше требуемого, социально-экономическая система нуждается в дальнейших изменениях, направленных на улучшение инвестиционной привлекательности. Если ожидаемый объем инвестиций больше требуемого, рекомендуется ограничить инвестиционную деятельность, чтобы не допустить перенасыщения социально-экономической системы инвестиционными ресурсами.

Эффективное управление инвестиционным процессом на основе разработанной методологии можно представить в виде схемы (рис. 1), где ИП – инвестиционная привлекательность, ИА – инвестиционная активность [1].

Одновременное использование модели оценки инвестиционной привлекательности и модели прогнозирования объема инвестиций позволяет разрабатывать более 1 млн вариантов мероприятий по изменению инвестиционной привлекательности муниципального образования, позволяющих достичь одинаковых результатов.

На муниципальном уровне формируется своя структура органов управления, соответствующая целям управления инвестиционным процессом, удовлетворяющая общим требованиям (что позволит облегчить мониторинг ее деятельности) и отражающая особенности развития муниципальных образований. Необходим постоянный контроль и отслеживание обеспечения поставленной цели, эффективности осуществляемых программ и т.д. Решение этих вопросов реализуется через систему контроллинга, осуществляемого в общем виде по следующей схеме (рис. 2).

Система контроллинга позволяет максимально быстро реагировать на изменения инвестиционного процесса и принять соответствующие меры для минимизации потерь [1; 3], четко определять цели, принципы и методы управления, способы их реализации. Контроллинг должен

Валинурова Лилия Сабиховна, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: valinurovalilia@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 16-12-02003 «Формирование механизма управления инвестиционной привлекательностью муниципальных образований Республики Башкортостан».

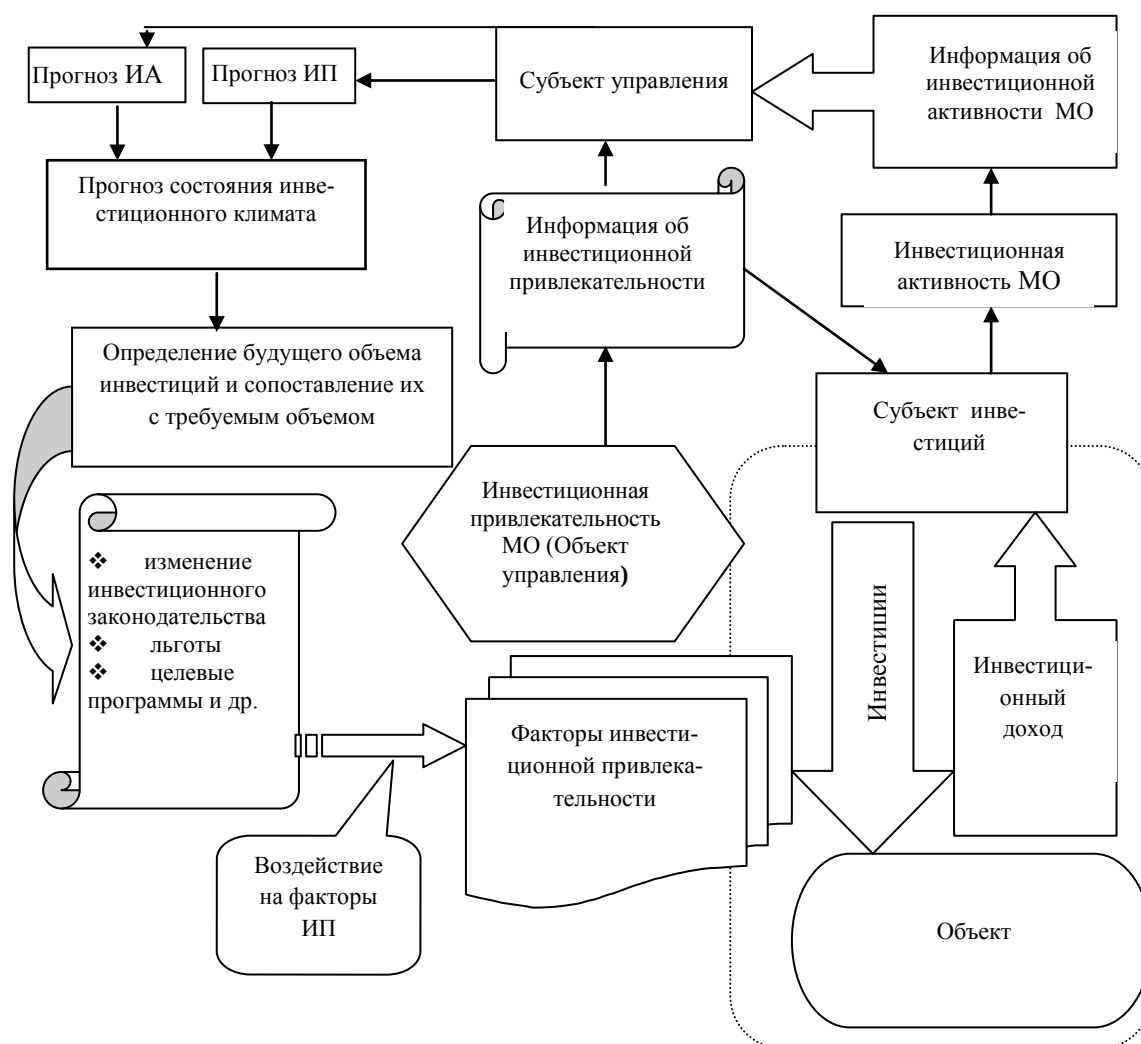

Рис. 1. Модель эффективного управления инвестиционным процессом; ИП – инвестиционная привлекательность; ИА – инвестиционная активность

быть направлен на решение проблем, возникающих в инвестиционном процессе, ориентацию на будущее в соответствии с принятыми и определенными целями, на достижение положительных результатов деятельности. Следует согласиться с Мельник Е.С в том, что «контроллинг – это не контроль, а некая технология эффективного управления. Контроль направлен в прошлое, на выяснение времени ошибок и просчетов, а контроллинг – это управление будущим» [6].

Основной целью контроллинга инвестиционной привлекательности является ориентация процесса управления на привлечение инвестиций в муниципальное образование. В соответствии с этим система контроллинга включает следующие основные элементы, определяющие цикл контроллинга (рис. 2) [1; 3]:

- в блоке «Параметры, стандарты нормы» исходя из системы факторов, определяющих инвестиционную привлекательность муниципального образования [1; 3; 5], выявляются контролируемые величины для измерения и оценки инвестиционной привлекательности МСУ и для выбранных показателей устанавливаются нормативные или необходимые величины;
- в блоке «Информация о промежуточных результатах» определяются фактические значения контролируемых величин;
- в блоке «Сравнение» фактические показатели сопоставляются с плановыми, фиксируются отклонения от цели и анализируются причины этих отклонений;
- разрабатываются требуемые корректирующие мероприятия для управления отклонениями в блоке «Регулирующее воздействие».

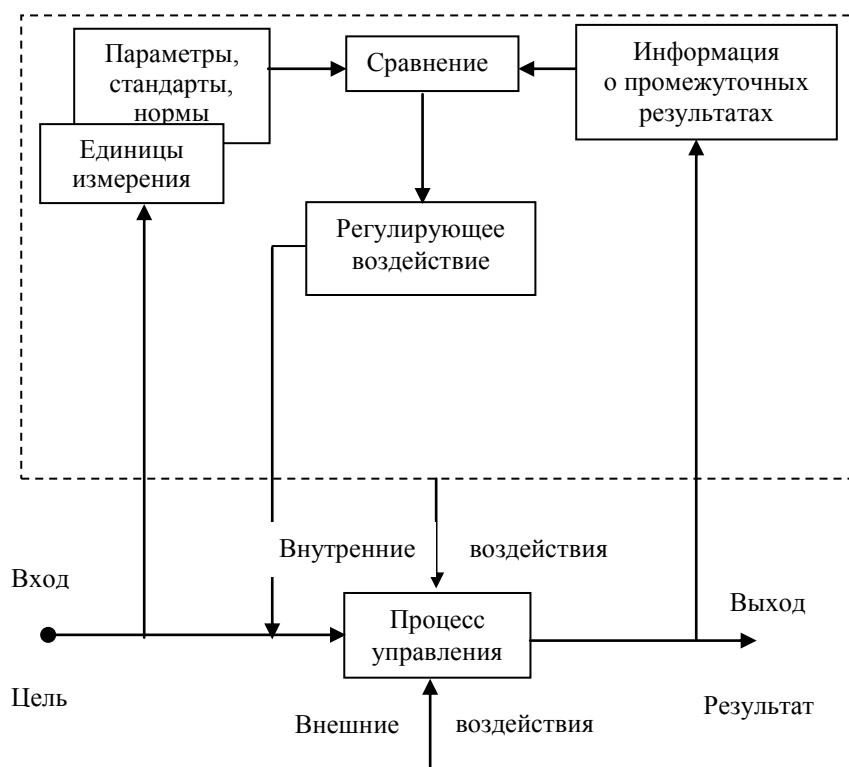

Рис. 2. Контроллинг инвестиционной привлекательности муниципального образования [1; 3]

Таблица 1

Группировка показателей по степени восприятия воздействия со стороны управляющего субъекта

Характеристика группы показателей	Состав группы показателей
1. Показатели, практически не воспринимающие воздействие	Монетарная политика, общее состояние платежных балансов, изменение мировых цен на нефть, объем природных ресурсов на единицу площади и на душу населения, вероятность угрозы извне, стабильность правительства, характеристика официальной оппозиции, вероятность вооруженных конфликтов и др.
2. Показатели, слабо поддающиеся влиянию	Доступ к зарубежному финансированию, фискальная политика, ставка рефинансирования, изменение курса национальной денежной единицы, уровень жизни населения, уровень безработицы, влияние нелегальной оппозиции и др.
3. Показатели, воспринимающие влияние на них в средней степени, воздействие изменяет их состояние через продолжительный период времени и не в полном объеме	Общее состояние экономики, рост ВРП, текущая инфляция, динамика инфляции, состояние окружающей среды, отношения рабочей силы с управленческим аппаратом, отношение властей к инвестициям и др.
4. Показатели, быстро изменяющиеся при воздействии на них, но не всегда полностью	Ожидаемый рост дохода муниципального образования, рост производства, рост инвестиций, рост потребления, уровень развития объектов инфраструктуры и их доступность, уровень налогообложения, динамика налогов, распределение совокупного дохода, доля муниципальной собственности в экономике и др.
5. Показатели «моментального действия», отлично поддаются влиянию и изменяют свое состояние в кратчайшие сроки	Наличие и стоимость рабочей силы, качество рабочей силы, уровень внедрения достижений НТП, вероятность экологического кризиса

При разработке системы контроллинга следует учитывать, насколько каждый из показателей, определяющих инвестиционную привлекательность, поддается воздействию и какой период времени проходит между воздействием на показатель и изменением состояния инвестиционной привлекательности. Группировка показателей по степени восприятия воздействия со стороны управляющего субъекта включает 5 групп показателей [1] (табл. 1).

Следует отметить, что проще корректировать показатели инвестиционной привлекательности 4-й и 5-й групп, на основе изменения входных параметров управление инвестиционным процессом предлагается реализовать по следующему алгоритму:

1) определить показатель инвестиционной привлекательности, обеспечивающий желаемый приток инвестиций в текущем периоде;

2) показатель инвестиционной привлекательности является комплексным, поэтому посредством изменения его составляющих путем моделирования определяются возможные значения показателей, позволяющие достичь необходимого состояния инвестиционной привлекательности;

3) по каждому возможному варианту рассчитывается процентное изменение показателей.

Выбор того или иного варианта в дальнейшем определяется стоимостью его реализации. Спланированные действия оформляются в виде положений инвестиционной политики, то есть совокупности мероприятий, направленных на активизацию инвестиционной деятельности в муниципальном образовании, повышение эффективности и широкое использование результатов в целях ускоренного социально-экономического развития.

На существующем этапе развития муниципальных образований сложились идеальные условия для развития контроллинга. Во-первых, органы управления муниципальными образованиями заинтересованы в привлечении и использовании средств. Муниципальные образования ставят перед собой задачу увеличения доходов бюджета и своей инвестиционной привлекательности. Во-вторых, для эффективного управления инвестиционным процессом недостаточно имеющихся источников финансирования, а необходимым условием эффективного функционирования муниципального образования является правильность формирования и своевременная корректировка бюджета. В-третьих, в органы управления муниципальных образований приходят работать молодые кадры, получившие соответствующее образование и готовые к использованию и применению на практике современных технологий управления и принятию новых идей.

Литература

1. Валинурова Л.С. Управление инвестиционным процессом в экономических системах. М.: Изд-во Палеотип, 2002.
2. Валинурова Л.С., Казакова О.Б., Кузьминых Н.А. Инвестиционная привлекательность муниципальных образований Республики // Евразийский юридический журнал. 2016. № 5. С. 351–354.
3. Валинурова Л.С., Казакова О.Б., Кузьминых Н.А. Управление инвестиционной привлекательностью муниципальных образований: теория и практика: монография М.: РУСАЙНС, 2016. 166 с.
4. Казакова О.Б. Методология оценки инвестиционной привлекательности муниципальных образований // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докладов XI Междунар. конф. В 2 т. 2017. С. 620–627.
5. Казакова О.Б. Система факторов, определяющих инвестиционную привлекательность территории // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 6. С. 14–19.
6. Мельник Е.С. Особенности внедрения контроллинга на предприятии // Экономика, управление, финансы: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, декабрь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 132–134.

Инвестиции как инструмент поступательного развития региона

Е. ПОНОМАРЕНКО

Актуальность проблем инвестиционного развития территории обусловлена необходимостью повышения конкурентоспособности ее экономики, обеспечивающей необходимые условия для решения проблем социально-экономического развития регионов, ускоренного достижения технологических укладов высокого уровня.

Изучение вопросов инвестирования всегда занимало центральное место в системе экономических наук. В основном это связано с тем, что инвестиции касаются самых значимых основ хозяйственной деятельности и обуславливают процесс экономического роста государства в целом.

В современных условиях формирования экономики, с целью решения проблем поднятия региональной экономики на продолжительную перспективу и обеспечения экономического роста нужно комплексно подойти к вопросам привлечения инвестиционных ресурсов и развития инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов.

В основе устойчивого экономического развития регионов России – особенности исторического, географического, природно-ресурсного и производственного потенциала. Внедрение жестких рыночных механизмов пришло на смену реализации политики уравнивания и перераспределения финансовых ресурсов. В итоге указанные изменения способствовали усилению проявления различий на стадиях воспроизводственного потенциала между регионами нашей страны. Следствием явилось то, что инвестиционные процессы в регионах, которые являются доминирующими, значительно деградировали, а остальные инвестиционные процессы характеризуются постепенным накоплением значительных объемов инвестиций, которые и были вовлечены в инвестиционный оборот. Таким образом, предпосылки стратегического развития экономики страны на данном этапе главным образом складываются благодаря выстраиванию результативных механизмов формирования благоприятного инвестиционного климата регионов [9].

Результаты Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в регионах России представлены в таблице.

Первое место, как и в 2016 году, занимает Республика Татарстан. Лидирующие позиции в указанном рейтинге также занимают Чувашская Республика, Москва, Тульская и Калужская области.

Наилучшую динамику в двадцати регионах по интегральному показателю демонстрировали Воронежская, Ивановская, Ленинградская, Костромская и Московская области. Республика Башкортостан находится на 13 месте, при этом в данном рейтинге регион улучшил свои позиции на семь пунктов.

Рассмотрим вопросы инвестирования на примере Республики Башкортостан. Работа в Республике Башкортостан по дальнейшему формированию и развитию инвестиционной привлекательности осуществляется в следующих направлениях: предоставление государственного содействия инвесторам, создание положительного инвестиционного климата.

На данный момент в Республике Башкортостан, как и в стране в целом, реализуется системная деятельность по усовершенствованию деловой среды, так называемая «экономическая акупунктура» в те сферы, которые представляются наиболее проблемными с позиции предпринимательства. В их числе – таможенное администрирование, регулирование в сфере строительства, присоединение к электросетям, регистрация прав собственности, защита предприятий и другие пункты. В указанных направлениях бизнесом разработаны «дорожные карты» и реализуется контроль за ними.

Пономаренко Евгений Александрович, магистрант кафедры государственного и муниципального управления Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: ponomarenko-akbuzat@mail.ru

**Результаты Национального рейтинга состояния
инвестиционного климата в регионах России [5]**

Регион	Место в рейтинге 2017	Место в рейтинге 2016	Изменение позиции 2016–2017
Республика Татарстан	1	1	0
Чувашская Республика	2	6	4
Москва	3	10	7
Тульская область	4	4	0
Калужская область	5	3	–2
Тюменская область	6	5	–1
Краснодарский край	7	7	0
Воронежская область	8	23	15
Московская область	9	21	12
Ульяновская область	10	11	1
Тамбовская область	11	19	8
Костромская область	12	25	13
Республика Башкортостан	13	20	7
Липецкая область	14	16	2
Владимирская область	15	8	–7
Ростовская область	16	24	8
Санкт-Петербург	17	22	5
Республика Мордовия	18	17	–1
Ивановская область	19	33	14
Ленинградская область	20	34	14

В регионе сформированы наилучшие условия для ведения бизнеса. Организациям, реализующим в республике инвестиционные проекты, предоставляются налоговые льготы и поощрения, субсидирование процентных ставок по кредитам, земельные участки в аренду без проведения торгов, а также компенсируются расходы на строительство инфраструктуры [7].

Существенная работа была реализована в рамках решения центральной проблемы по развитию и содействию малому и среднему бизнесу. Были приняты законы о предоставлении налоговых льгот для индивидуальных предпринимателей, которые применяют патентную и упрощенную системы налогообложения в производственной, социальной и научной сферах, так называемые «налоговые каникулы» на бытовые услуги, а также внесены некоторые изменения в патентную систему обложения налогами [8]. Был организован Фонд поддержки инвестиционных инициатив с целью предоставления займов субъектам малого бизнеса. Это дало возможность не допустить массового снижения количества субъектов малого и среднего бизнеса в непростых экономических условиях [6].

Значимым компонентом привлечения частных инвестиций в формирование объектов общественной инфраструктуры региона также выступает механизм государственно-частного партнерства. В Республике Башкортостан деятельность в указанном направлении осуществляется в пределах соглашения, установленного между Ассоциацией «Центр развития ГЧП» и Правительством Республики Башкортостан. Организованы система управления ГЧП-проектами, реестр ГЧП-проектов и план по их реализации. Вместе с Внешэкономбанком и государственными органами республики были осуществлены мероприятия по обучению государственных и муниципальных работников [4].

Однако следует отметить, что на данный момент в некоторых регионах наблюдается инвестиционный кризис. Кризис стал следствием ряда причин, среди которых ключевой выступает потеря традиционных потребителей продукции, поставщиков. Кроме того, необходимо

отметить, что некоторые транспортные и энергетические проблемы вызвали и усугубили факторы нарушения хозяйственных связей. В результате этого появились неконкурентоспособность материало- и энергоемких производств, замедленное развитие инфраструктуры, уменьшение экспортного потенциала и спроса внутри региона на производимую продукцию. Отсюда следует, что в большей степени кризисные явления появились в регионах, которые удалены от центров деловой активности.

Процесс улучшения инвестиционного климата в регионах предлагается нацелить на преодоление и нейтрализацию ключевых негативных тенденций:

- высоких рисков инвестирования практически на всей территории России;
- недостаточной конкурентоспособности продукции на товарных рынках;
- неустойчивого, меняющегося спроса на производимую продукцию;
- недостаточного эффекта ресурсов инвестирования через освоение инновационных мощностей, рост рентабельности производства и т.д.

На сегодняшний день многие исследователи говорят о значительном ухудшении инвестиционного климата в регионах нашей страны. Отрицательную роль в этом играют также санкции европейских государств. Поэтому российской экономике необходимо учитывать лишь собственный потенциал, для чего предлагается реализовать реформы с целью улучшения процессов регистрации новых компаний и привлечения инвестиций в главные отрасли. Несмотря на то, что старт указанному процессу был дан еще много лет назад, в настоящий момент он далек от своего завершения.

Сегодня отсутствие устойчиво функционирующих институтов оказывает негативное влияние на общий инвестиционный климат в нашей стране и формирует препятствия для представителей бизнеса в плане расширения капитальных затрат и улучшения показателей результативности и производительности. Это, собственно говоря, является существенной преградой на пути расширения инвестиций в модернизацию [2].

Так, к примеру, для улучшения и увеличения уровня инвестиционной активности в регионах предлагается совершенствовать соответствующую деятельность на муниципальном уровне. Для достижения указанной цели предлагается внедрить и использовать Стандарты деятельности органов местной власти, которые представляют собой своды специальных норм и методик проведения организационной деятельности. Также можно предложить к формированию на законодательном уровне единого федерального стандарта деятельности органов местной власти по обеспечению положительного инвестиционного климата в регионе (на базе уже существующих правил и стандартов для регионов) и в последующем осуществлять его корректировку в зависимости от особенностей региона через принятие на местном уровне соответствующих нормативно-правовых актов. Кроме того, необходимо выделить в профильных министерствах специальные подразделения, которые будут реализовывать контрольную функцию, связанную с соблюдением указанных стандартов муниципалитетами, а также доводить до регионов и муниципалитетов прогнозные показатели по рекомендуемому числу заключаемых инвестиционных проектов и следить за их выполнением.

С целью увеличения степени инвестиционной активности компаний (в особенности сектора малого и среднего предпринимательства) предлагается усовершенствование института залоговых фондов. Желательным в данном случае будет формирование единой системы залоговых фондов в качестве структурного подразделения системы гарантийных фондов, а также усовершенствование законодательной базы. За полномочиями региональных гарантийных фондов необходимо на правовом уровне закрепить возможность распоряжаться имуществом залогового фонда региона с целью предоставления обеспечения по инвестиционным сделкам с надлежащими обязательствами отчетности перед администрацией региона [1].

В нашей стране нередко актуализируется проблема, связанная с необходимостью активизации бизнес-ангельского инвестирования. По оценкам экспертов, возможность развития отечественного рынка бизнес-ангелов в численном выражении значительна. Его реализация зависит от множества правовых, финансовых, налоговых и политических причин [3].

Для отечественной экономики, с нашей точки зрения, целесообразно повышение числа функционирующих на рынке бизнес-ангелов. Это должно содействовать:

- росту количества малых инновационных предприятий;
- коммерциализации интеллектуальной собственности;
- росту числа выдвигаемых инновационных идей;
- развитию рынка венчурного финансирования;
- повышению доли инновационной продукции в ВРП.

Бизнес-ангелы могут служить дополнительным стимулом развития необходимой для нашей страны инновационной экономики. Прежде всего, это является необходимым для малых инновационных организаций, доля которых в некоторых регионах в структуре малого предпринимательства не превышает 0,3–0,5 %.

Необходимость формирования сети бизнес-ангелов подтверждает и опыт европейских государств с экономикой, ориентированной на инновационный путь развития. К примеру, в Великобритании бизнес-ангелам предоставляются существенные налоговые привилегии при инвестировании в инновационные проекты малых инновационных предприятий.

Для более эффективного развития института бизнес-ангелов, с нашей точки зрения, необходима разработка единого «пакета услуг» для бизнес-ангелов, который должен представлять собой совокупность преференций, налоговых льгот, государственных гарантий. Такой «пакет услуг» должен содержать в себе систему законодательных и консультационных взаимоотношений федеральных и региональных органов власти с представителями венчурной индустрии [2].

Подводя итоги исследованию, отметим, что с целью устойчивого развития инвестиционной активности и оздоровления инвестиционного климата региона нужно четко определить основные пути и приемы инвестирования. Необходимо поощрять линии развития реального сектора экономики, соответствующие спросу населения и модернизации наукоемких отраслей, которые включают в себя создание рыночных инструментов инвестирования, среди которых можно отметить улучшение гарантийно-залогового механизма, государственные инвестиции и целевые программы; высокоинтенсивный рост инновационной активности, бизнес-ангельское инвестирование.

Литература

1. Ворошилова И.В. Мушта Л.В., Мирошниченко М.Б. Паевые инвестиционные фонды как инструменты коллективных инвестиций: совершенствование механизма функционирования // Актуальные проблемы гуманитарных естественных наук. 2013. № 8. С. 90–95.
2. Гордеева Е.В. Инновационные методы инвестирования воспроизводства основного капитала // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 1. С. 11–14.
3. Жданова О.А. Бизнес-ангелы: кто они? // Инновации в науке. 2013. № 17. С. 81–88.
4. Мошкова Л.Е. Развитие партнерских отношений бизнеса и власти на территории присутствия: теория и практика: монография. Тверь: Тверской государственный университет, 2014. 234 с.
5. Официальный сайт Агентства стратегических инициатив [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/investclimate/rating/>
6. Петрова А.Д., Минеева В.М., Азнабаева Г.Х., Калимуллина Э.Р. Роль предпринимательства в экономическом развитии региона // Путеводитель предпринимателя. 2017. № 34. С. 212–232.
7. Султанова Л.Ф. Формирование благоприятного инвестиционного климата в регионе через систему налоговых преференций // Стратегия Республики Башкортостан – 2030: приоритеты экономического роста: сб. науч. ст. Всеросс. науч.-практ. конф. (16 марта 2017 г.). Уфа: УГНТУ, 2017. С. 65–69.
8. Султанова Л.Ф. Региональные особенности налогообложения субъектов малого предпринимательства // Актуальные проблемы науки и техники–2017: сб. тр. X Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. году экологии в России (14 апреля–19 мая 2017 года). Уфа: УГНТУ, 2017. С. 189–191.
9. Шурдумова Э.Г., Нагоев А.Б., Пахомов Р.И. Инвестиционное обеспечение устойчивого развития региона на современном этапе // Фундаментальные исследования. 2014. № 9.

Оценка обеспечения прозрачности государственных финансов

Е. ФОМИНА, Ю. ХОДКОВСКАЯ

Важнейшим направлением совершенствования современной бюджетной политики России и бюджетных инструментов регулирования является обеспечение информационной прозрачности государственных финансов.

Информационная прозрачность включает распространение надежной и достоверной информации, дающей всему социуму возможность корректно интерпретировать результаты управления государственными финансами, структуру рисков и приемы бюджетного риск-менеджмента.

Принятие Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ, создание рабочей группы по подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы «Открытое Правительство» в соответствии с Указом Президента РФ от 8 февраля 2012 г. № 150, присоединение России к международной инициативе по повышению прозрачности и подотчетности власти «Open Government Partnership» в апреле 2012 г., внедрение проектов «Открытое правительство» на федеральном, региональном, местном и ведомственном уровнях, утверждение и реализация государственных программ («Управление государственными финансами», «Программа повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года», «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков») обеспечили нормативно-правовое и законодательное регулирование открытости и прозрачности управления общественными финансами.

Оценка обеспечения информационной прозрачности государственных финансов проводится по следующим направлениям:

- оценка качества и эффективности государственного управления, включая управление бюджетными средствами;
- оценка обеспечения открытости деятельности государственных органов;
- оценка используемых современных технологий, способствующих достижению скоординированной работы всех пользователей информационных систем, обеспечивающих функционирование государственных финансов.

Кроме того, Министерство финансов России в целях повышения открытости и прозрачности управления общественными финансами реализует следующие мероприятия:

- стандартизация бизнес-процессов и создание единых формуляров документов;
- систематизация информации с обеспечением ее однократного ввода;
- автоматизация всех видов учета;
- внедрение юридически значимого электронного документооборота;
- переход на облачные технологии;

Фомина Елена Александровна, канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой финансов, бухгалтерского учета и анализа Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ)

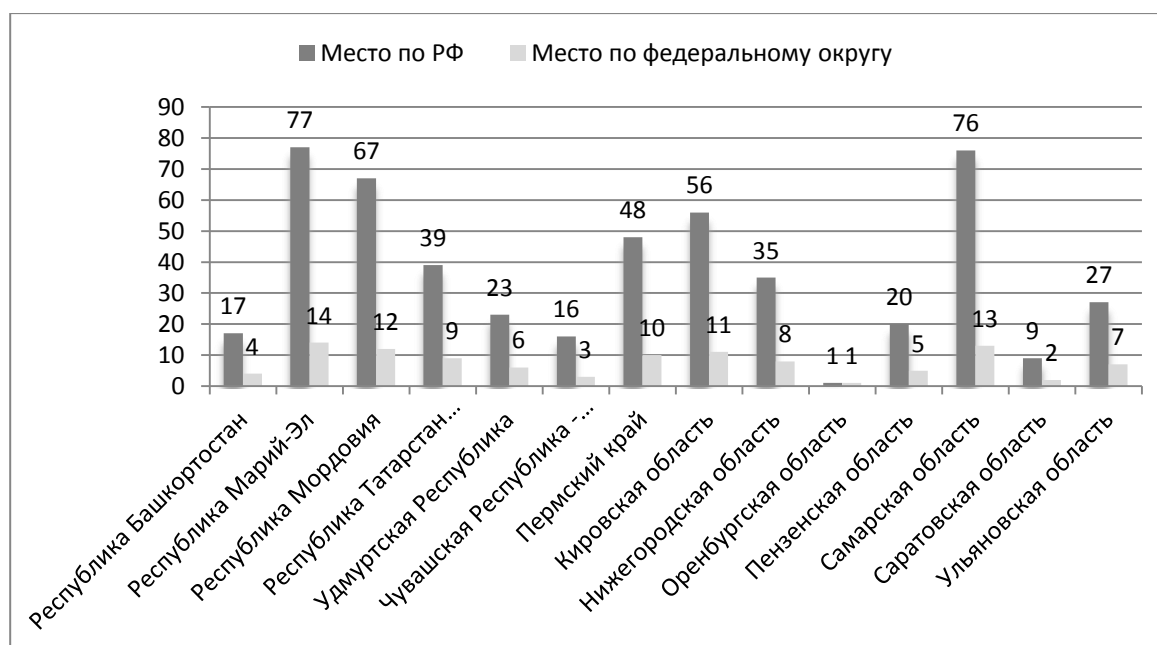
Ходковская Юлия Викторовна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и анализа БАГСУ. E-mail: khodkovskiy@bk.ru

- создание информационной среды, обеспечивающей взаимосвязь финансовых данных с результатами деятельности;
- специализация функций;
- внедрение форматов открытых данных.

Экспертная оценка информационной прозрачности государственных финансов позволила выявить, что результаты работы по повышению информационной открытости существенно различаются по отдельным регионам РФ, становятся заметными разные результаты проведенной работы за один и тот же период времени. Большая открытость характерна для бюджетов Ульяновской области, Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Пермского края. Крайне низкая информационная прозрачность наблюдается в Самарской области, Кировской области, Чувашской Республике. Объяснением таких несопоставимых итогов может являться неритмичное выделение средств на реализацию проекта «Открытый бюджет» и не вполне корректно используемый механизм оценки информационной прозрачности государственных финансов.

Несмотря на следование рекомендациям Мирового Банка по развитию транспарентности бюджетных процедур, для нашей страны все еще остается актуальной проблема высокой доли «закрытых» статей расходов бюджетов.

Анализ транспарентности государственных финансов в разрезе субъектов Приволжского федерального округа (ПФО) показал, что открытость показателей региональных бюджетов разная. Так, по статье «Национальная оборона» Республика Башкортостан (РБ) демонстрирует максимальные значения показателей использования бюджетных средств. Такие субъекты, как Нижегородская и Саратовская области, показывают нулевые значения по этой статье, хотя использование бюджетных средств по этой статье осуществляется. На фоне проанализированных бюджетов бюджет РБ является одним из наиболее открытых, что не раз подтверждалось общероссийскими рейтингами транспарентности: РБ за последние 3 года (2014–2016 гг.) занимала 3–4 место из субъектов РФ по обеспечению открытости бюджетных показателей (см. рис.).

Рейтинг по уровню открытости параметров региональных бюджетов ПФО за 2016 г.

Таким образом, можно заключить, что:

- 1) принцип транспарентности государственных финансов реализуется не в полном объеме, что выражается в наличии секретных статей в бюджетах всех субъектов РФ;
- 2) степень транспарентности бюджетных показателей по субъектам РФ различна;
- 3) эффективность и качество управления государственными бюджетными показателями напрямую связаны с точностью отражения всех бюджетных показателей, что влияет на качество планирования, усиливает риски принятия неверных управленческих решений, а значит, влияет на бюджетный риск-менеджмент;
- 4) неполная реализация принципа транспарентности влечет искаженный расчет потребностей субъектов в межбюджетных трансфертах, что снижает рациональность распределения бюджетных средств между участниками бюджетного процесса;
- 5) открытость бюджетных показателей обеспечивает своевременное проведение контрольных мероприятий, недопущение неэффективного и нецелевого использования государственных финансов.

В этой связи требуется проведение инвентаризации состава «закрытых» статей расходов бюджетов с точки зрения целесообразности их рассмотрения в качестве таковых, в особенности «непрофильных» расходов.

Возможность финансирования расходной части бюджета является одним из важных факторов, обеспечивающих оказание государством услуг населению в соответствии с принятыми расходными обязательствами. Поэтому оценка исполнения расходов бюджета регионов является важным инструментом современной бюджетной политики государства как для обеспечения транспарентности бюджетного процесса, так и для оценки информационной прозрачности государственных финансов.

Следует отметить, что наиболее широко используемой методикой оценки исполнения расходов бюджета считается рейтинговая методика, разработанная учреждениями PEFA (Public Expenditure and Financial Accountability) по двум показателям: относительное отклонение расходов по отдельным разделам и структурное отклонение. Согласно методике PEFA рейтинг бюджета страны ставится экспертами исходя из текущей ситуации в стране и в мире, расчетных оценок показателей за 3 года и других внешних и внутренних факторов, то есть нет единого оценочного показателя.

Методика PEFA позволяет оценивать исполнение расходов бюджетов по отдельным разделам и по региону в целом. Общая оценка по региону может быть использована для сравнения рейтингов.

На основе информации о фактических расходах бюджетных средств регионов и информации о проектируемых расходах сформируем рейтинг эффективности исполнения расходов бюджета регионов ПФО по предлагаемой методике за 2016 г., воспользовавшись шкалой (табл. 1).

Таблица 1

Эмпирическая шкала рейтинговой оценки эффективности расходов бюджета

Рейтинг	Эффективность расходов	Общая оценка по всем разделам расходов бюджета, в баллах
A	Высокая	До 0,2
B	Средняя	0,2–0,4
C	Ниже среднего	0,4–0,6
C+	Низкая	0,6–0,8
D	Критическая	0,8–1,0

В таблице 2 представлена оценка эффективности исполнения расходов региональных бюджетов Приволжского федерального округа по методике PEFA.

Таблица 2

Оценка эффективности исполнения расходов региональных бюджетов ПФО по разделам за 2016 г., баллы

Раздел расходов бюджета	Регионы				
	Пермский край	Республика Татарстан	Республика Башкортостан	Нижегородская область	Саратовская область
Общегосударственные вопросы	0,026	0,026	0,012	0,040	0,019
Национальная оборона	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	0,004	0,028	0,008	0,024	0,007
Национальная экономика	0,047	0,332	0,035	0,118	0,047
Жилищно-коммунальное хозяйство	0,005	0,026	0,024	0,012	0,012
Охрана окружающей среды	0,000	0,001	0,000	0,001	0,000
Образование	0,015	0,052	0,055	0,027	0,018
Культура, кинематография и средства массовой информации	0,006	0,032	0,007	0,006	0,016
Здравоохранение, физическая культура и спорт	0,026	0,104	0,038	0,058	0,022
Социальная политика	0,035	0,116	0,045	0,148	0,050
Межбюджетные трансферты	0,134	0,233	0,011	0,374	0,066

Общую оценку эффективности исполнения расходов региональных бюджетов ПФО и рейтинг каждого из регионов представим в таблице 3.

Таблица 3

Оценка эффективности исполнения расходов региональных бюджетов ПФО за 2016 г.

Показатели	Регионы				
	Пермский край	Республика Татарстан	Республика Башкортостан	Нижегородская область	Саратовская область
Общая оценка эффективности исполнения расходов бюджета, баллы	0,298	0,950	0,236	0,807	0,257
Рейтинг региона	B	D	B	D	B

В результате средняя эффективность (рейтинг B) исполнения расходов региональных бюджетов ПФО по разделам за 2016 г. наблюдается в Пермском крае, Республике

Башкортостан, Саратовской области. Критическая эффективность (рейтинг D) характерна для бюджетов Республики Татарстан и Нижегородской области.

Для объективизации полученных расчетных данных представим рейтинги эффективности по отобранным регионам за 2014 и 2015 гг. и сформируем итоговый рейтинг (табл. 4).

Таблица 4

Рейтинг регионов по годам и итоговый рейтинг

Показатели	Регионы				
	Пермский край	Республика Татарстан	Республика Башкортостан	Нижегородская область	Саратовская область
Рейтинг региона за 2014 г.	C+	D	B	C	B
Рейтинг региона за 2015 г.	B	C	B	C	B
Рейтинг региона за 2016 г.	B	D	B	D	B
Итоговый рейтинг региона	B	D	B	C	B

Среди обследованных регионов наилучший рейтинг (B) имеют три региона: Пермский край, Республика Башкортостан, Саратовская область.

Проведенное исследование вопросов оценки эффективности расходов бюджета по ряду регионов Приволжского федерального округа выявило достаточно выраженный разброс и некоторую противоречивость оценок, что свидетельствует о слабом обеспечении информационной бюджетной прозрачности, с одной стороны, и необходимости уточнения методики оценки уровня транспарентности государственных финансов – с другой.

Литература

1. Ковальская Ю.В., Кулешов Е. Динамика бюджетной обеспеченности регионов России // Начало в науке: материалы Всерос. науч.-практ. конф. школьников, студентов, магистрантов, посвященной 100-летию со дня рождения первого ректора Башкирского государственного университета Ш.Х. Чанбарисова. 2016. С. 224–227.
2. Фомина Е.А., Ковальская Ю.В. Методические подходы к оценке финансовой устойчивости регионального бюджета // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 5. С.102–105.
3. Фомина Е.А., Ходковская Ю.В. Программно-целевое управление бюджетными ресурсами: монография (электр. изд.). Уфа, 2017. 231 с.

Рейтинговая оценка налоговой системы России

Я. ТРОФИМОВА

Оценка положения России по рейтингу «Paying Taxes». С 1990-х гг. Россия перешла к налоговой системе, схожей с налоговыми системами ведущих западных стран, которые формировались на протяжении столетий с развитием рыночных отношений [3, 85]. Согласно международному рейтингу «Paying Taxes», являющемуся частью исследования «Doing Business» («Ведение бизнеса»), налоговая ситуация в стране с 2010 г. постепенно улучшается (табл. 1). Данный рейтинг используется для сравнительного анализа преимуществ и недостатков налоговых систем отдельных государств [4, 119].

Таблица 1

Рейтинг России по индикатору «Налогообложение»

Год (год отчета Paying Taxes)	ранг	показатели			
		количество налогов	время, ч./год	совокупная налоговая ставка	индекс пост-регистрации DTF
2010 [12]	102	29	290	46,9	
2011 [13]	64	7	177	54,1	
2012 [14]	56	7	177	50,7	
2013 [15]	49	7	168	48,9	
2014 [16]	40	7	168	47,1	
2015 [17]	45	7	168	48,9	87,6

Составлено по материалам [5], данные ежегодно могут корректироваться.

Данные показатели свидетельствуют о трансформации налоговой системы России в сторону ее упрощения и повышения эффективности управления. Так, сократилось количество налогов с 11 до 7. Практически в два раза уменьшилось время, затрачиваемое на уплату налогов, до 168 часов в год, что меньше, чем в среднем по Восточной Европе и Центральной Азии. Это позволило улучшить позиции страны в рейтинге со 102 до 45 места. Сравнивая позиции России и остальных членов Таможенного союза, следует отметить, что для РФ характерны более высокие значения показателей в части общей налоговой ставки (TTR) и пост-индекса DTF (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ по индикатору «Налогообложение»

показатель	РФ	Армения	Казахстан	Кыргызстан	Беларусь
1. Количество налогов	7	14	7	51	7
2. Время, час	168	313	178	225	176
3. Налог на прибыль (% к прибыли)	8,8	17,6	16,2	6,4	12,9
4. Налог на фонд заработной платы и выплаты на соц. нужды (% к прибыли)	36,1	0,9	11,2	19,5	39
5. Прочие налоги (% к прибыли)	2,5	–	1,8	3,1	2,9
6. Общая налоговая ставка (% к прибыли)	48,9	18,5	29,2	29,0	54,8
7. Индекс пост-регистрации DTF	87,6	49,1	49,1	36,9	50
8. Ранг	45	57	18	142	73

Составлено по материалам [5].

Трофимова Ярослава Владимировна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и анализа Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: tro1@mail.ru

Россия имеет наилучшие показатели по количеству налогов и временным затратам, близким к общеевропейскому значению (7 и 12 соответственно, 168 часов против 164 часов). Общая налоговая ставка в России остается высокой – 48,9 %. Налоговая нагрузка на российские компании выше общеевропейской (34,2 %) и среднемировой (40,6 %). В случае России налог на прибыль составляет незначительную долю налоговой нагрузки (8,8 %), а основную часть занимают налог и выплаты на заработную плату (36,1 %). По мнению экспертов, у России есть резервы с точки зрения снижения совокупной налоговой ставки.

Причины улучшения позиций России в рейтинге можно связать, например, с принятием в 2013 г. в рамках «Основных направлений совершенствования налоговой политики» дорожной карты «Совершенствование налогового администрирования» [1] с целью улучшения взаимодействия бизнеса и налоговых органов. Для этого создан институт налогового мониторинга, введено понятие «личный кабинет налогоплательщика», что позволяет более активно использовать электронный документооборот и сократить время на транзакции по налогам. Растет число налогоплательщиков, полностью перешедших на электронный документооборот. Кроме того, введены заявительный порядок возмещения НДС, предоставлено право на налоговый вычет по НДС по уплаченным поставщикам авансам, электронные счета-фактуры, амортизационная премия в размере 30 %; расширен перечень работ и услуг, облагаемых по нулевой ставке по НДС, что способствовало упрощению условий взаимодействия налогоплательщиков с государством.

По мнению директора Всемирного банка, «высокие налоговые ставки подталкивают бизнес к уклонению от налогов. Мы считаем идеальной систему, где налоговые ставки низки, но при этом государство остается конкурентоспособным на всех уровнях функционирования. В некоторых странах бюджетные ресурсы расходуются неэффективно. Правительство, пытаясь заставить бизнес выполнять свои налоговые обязательства, нарушает отношения партнерства с бизнесом» [2].

Рейтинговая оценка России в рамках рейтинга «Global Competitiveness Report». Рейтинг «Глобальная конкурентоспособность», впервые примененный в 2004 г., аналогичен рейтингу «Doing Business», результатом которого является анализ экономик стран мира (в 2014 г. – 144 участника) с целью выявления наиболее конкурентоспособных государств. Он проводится по 114 показателям, объединенным в 12 групп и соответствующим факторам конкурентоспособности, что позволяет рассчитать национальный индекс конкурентоспособности [6]. 34 показателя определяются на основе открытых статистических данных (внешний долг, бюджетный дефицит, продолжительность жизни) из исследований ЮНЕСКО, МВФ, ВОЗ, в частности, данных «Doing Business», а остальные – по опросам более 14 тысяч экспертов. Методология рейтинга совершенствуется, увеличивается перечень факторов, участвующих в оценке, с 9 до 12, растет количество стран-участниц.

Согласно рейтингу, наилучшие позиции занимает Швейцария в течение шести последних лет, на втором месте – Сингапур, который повысил свой ранг с 7 места в 2007 г. США в 2014 г. вновь вышли на третье место. Стабильно улучшает свои рейтинговые оценки Гонконг. Ежегодно высокие результаты показывают Финляндия, Германия, Япония, Нидерланды, Великобритания.

В исследовании «Global Competitiveness Report 2014–2015» Россия находится на второй стадии «Эффективное развитие» и приближается к третьей стадии «Инновационное развитие», занимает 53 место, улучшив свое положение за последние два года на 14 позиций. Страны перед Россией: Италия, Казахстан, Коста-Рика и Филиппины. Оценка налоговой системы страны в данном рейтинге не выделена как отдельное направление исследования, но она присутствует в ряде показателей, существенно расширяя перечень показателей оценки «Paying Taxes» (табл. 3).

Согласно данному исследованию, Россия по показателям, которые прямо или косвенно характеризуют налоговую систему, имеет недостаточно развитую налоговую систему. Значения данных коэффициентов ниже индекса глобальной конкурентоспособности (53 место). По другим критериям Россия обладает отдельными конкурентными преимуществами. Так, по мнению экспертов Всемирного экономического форума, к ним относятся емкий внутренний рынок

страны, высокий уровень образования населения, благоприятный макроэкономический фон (низкий уровень государственного долга).

Таблица 3

**Россия по показателям налоговой системы
в рейтинге «The Global Competitiveness Report 2014–2015»**

фактор	ранг	балл
Индекс глобальной конкурентоспособности	53	4,4
1 фактор. Институты	97	3,5
Незаконные выплаты и взятки: Ежегодные налоговые платежи	79	3,9
Качество стандартов отчетности и аудита	106	4,1
6 фактор. Эффективность рынка товаров	99	4,1
Влияние налогообложения на стимулы инвестировать	122	3,1
Общая налоговая ставка (% от прибыли)	116	50,7
7 фактор. Эффективность рынка труда	45	4,4
Влияние налогообложения на стимулы к работе	115	3,0

Источник: [6].

Рейтинговая оценка России в рамках отчета «Business Environment Rankings». Данный рейтинг проводится один раз в 5 лет The Economist Intelligence Unit среди 82 стран-участниц. Результаты рейтинга предназначены для инвесторов, так как измеряют качество и привлекательность деловой среды. Модель имеет прогнозный характер, предсказывая изменения на ближайшие 5 лет. Критерии оценки учитывают национальные и глобальные аспекты. Деловая модель построена по 10 критериям, оцениваемым в баллах от 1 (наихудшие) до 5 (наилучшие условия для бизнеса), в их числе политическая и макроэкономическая среда, налоговая и финансовая политика, рынок труда и т.д. Общее количество индикаторов, по которым оцениваются соответствующие категории, составляет 91, от 5 индикаторов, характеризующих внешнюю торговлю, до 16 – инфраструктуру. Около половины индикаторов определяется по количественным показателям национальной и международной статистической отчетности, дополняется собственными прогнозными данными, кроме того, есть и качественные параметры (например, качество регулирования финансовой системы).

По категории «Налоговый режим» собирается количественная (критерии 1–4) и качественная (5–7) информация. Среди количественных показателей – бремя налога на доходы корпораций, при его оценке учитывается, как могут повлиять налоговые льготы, специальные налоговые режимы на ставку налога, стимулы для иностранных инвесторов. В результате берется средняя величина между максимальным и минимальным результатом. К качественным показателям относят уровень налогового режима для новых инвестиций, справедливость налоговой системы, сложность налоговой системы. Последний показатель определяется по отчету DB. Согласно последнему отчету (2014–2015 гг.), инвестиционно привлекательным остается Сингапур, сохраняя свои ведущие позиции с 2009 г. (входит в первую пятерку стран-лидеров). Швейцария и Гонконг занимают 2 и 3 место соответственно. Остальные престижные места – за странами Северной Америки, Скандинавии и развитых экономик Азии. Россия занимает 60 место, опустившись на одну позицию по сравнению с рейтингом 2009 г.

Страны Азиатского региона сильно дифференцированы по уровню экономического развития, наиболее развитые, согласно рейтингу, имеют преимущества в финансовой сфере и условиях для свободной конкуренции. В Восточной Азии ожидается рост конкурентной борьбы между городами за превращение в международные финансовые центры. Финансовый кризис негативно влияет на состояние и перспективы европейских стран, тем не менее, инвестиционный климат в них стабильно привлекательный и ранжируемый в пределах от 10 до 30 места. Прогнозируется рост социальной напряженности из-за вынужденного сокращения государством социальной

поддержки населения. Особенностью данного региона была исторически высокая налоговая нагрузка в отличие от остальных стран мира. Прогнозируется изменение налоговых ставок прямых и косвенных налогов в странах ЕС. Так, большинство стран будут пытаться снизить выплаты по безработице, поскольку их высокий уровень стимулирует рост незанятости населения. Это же будет и долгосрочным трендом в большинстве европейских стран, как и снижение ставок налога на доходы и прибыль корпораций при одновременном росте косвенных налогов, включая экологические налоги.

Инвестиционный климат в восточноевропейских странах существенно улучшился: иностранные инвестиции привлекает недорогая квалифицированная рабочая сила и зачастую природные ресурсы, близость к развитым рынкам. Инвестиционная привлекательность рынка США (7 место) также высока, но результаты рейтинга по критериям сильно различаются: наихудшие значения имеют сфера налогов (17 место), финансовая и политическая стабильность (21 и 25 места соответственно). Особо выделяется позиция Канады как экономики с растущей инвестиционной привлекательностью, где слабой стороной остается налоговая система, отличающаяся сложностью по налогу на прибыль с корпораций.

Как показывает анализ рейтинга «Paying Taxes», налоговая система России активно трансформируется в сторону европейских налоговых систем, улучшая свои количественные и качественные параметры. Однако показатели, выявленные в ходе исследования «The Global Competitiveness Report», свидетельствуют о необходимости дальнейших изменений, в частности, в отношении налогообложения как стимула к инвестированию и повышению трудовой занятости населения. Рейтинг «Business Environment Rankings» в отличие от остальных рейтингов имеет не только оценочный, то и прогнозный характер, учитывает глобальные и национальные тренды. Согласно данному рейтингу, результирующее место России во второй половине списка (60 из 82) также подтверждает необходимость дальнейшей трансформации налоговой системы страны.

Литература

1. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 и плановый период 2017 и 2018 годы [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183748/
2. Россия заняла 105 место в рейтинге налоговых систем. Новости бухгалтерского учета и налогообложения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.audit-it.ru/news/account/671551.html>
3. Трофимова Я.В. Переход государства к экономическим методам регулирования в сфере экологии // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 3. С. 21–26.
4. Трофимова Я.В. Рейтинговая модель оценки налоговой системы // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 3. С. 119–123.
5. Business Environment Rankings [Электронный ресурс]. URL: http://www.iberglobal.com/files/business_climate_eiu.pdf
6. Paying Taxes 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pwc.com/payingtaxes>
7. The Global Competitiveness Report 2014–2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015>

Инструменты минимизации открытого риска при секьюритизации лизингового портфеля

А. РЕМНЕВ

На протяжении всего периода развития российского рынка лизинга основным способом финансирования лизинговой деятельности являлось банковское кредитование. Однако денежные средства, привлеченные на кредитном рынке, не в состоянии в полной мере удовлетворить потребности лизинговых компаний в финансовых ресурсах. «Дефицит финансирования лизинга в 2015 году предопределил использование различных способов фондирования лизинговой деятельности» [15, 318]. Несмотря на значительный интерес лизинговых компаний к альтернативным формам привлечения инвестиций, лишь в последнее время наметилась тенденция снижения роли банков и перераспределения источников финансирования в пользу инструментов фондового рынка. Одним из таких инструментов является секьюритизация лизинговых платежей. Участники рынка признают, что данный механизм позволяет не только диверсифицировать источники фондирования, но и заметно снизить их стоимость [12, 162].

Известный швейцарский специалист в области секьюритизации Х.П. Бэр дал следующее определение секьюритизации: «Секьюритизация активов – это инновационная техника (способ) финансирования, при которой диверсифицированный пул финансовых активов выделяется с баланса банка или иного предприятия, приобретает юридическую самостоятельность путем передачи специально созданному юридическому лицу, которое осуществляет его рефинансирование на международном рынке посредством выпуска ценных бумаг» [7, 87].

В случае секьюритизации лизинговых активов лизингодатель (оригинатор) формирует пул лизинговых договоров и продает их специальному юридическому лицу (SPV – Special Purpose Vehicle). SPV эмитирует облигации, обеспеченные денежными потоками по лизинговым сделкам. После продажи портфеля оригинатором секьюритизации функции, связанные с сопровождением договоров лизинга, передаются обслуживающей компании.

ABS-облигации являются более надежными по сравнению с обычными корпоративными облигациями, поскольку обеспечены реальными активами.

Высокий уровень надежности секьюритизированных облигаций в значительной степени обусловлен стабильностью денежных потоков по договорам лизинга. В случае возникновения дефолта по отдельным проектам данная стабильность может быть нарушена. В этих случаях предмет лизинга подлежит изъятию с последующей реализацией. Денежные средства, вырученные от продажи лизингового имущества, направляются на погашение обязательств по ABS-облигациям [14, 34].

Серьезный риск представляют ситуации, связанные с банкротством лизингополучателя, когда вырученные средства от реализации имущества полностью не покрывают остаток задолженности. В этом случае возникают прямые убытки, что может негативно сказаться на исполнении обязательств перед держателями всего пула секьюритизированных облигаций [3, 118].

Оценка потенциальных убытков в случае дефолта лизингополучателя является необходимой по каждому договору на стадии формирования пула сделок для секьюритизации [2, 61].

Ремнев Алексей Викторович, аспирант кафедры экономики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Отрицательным моментом данного подхода является ухудшение качества активов лизинговой компании после секьюритизации, так как первоклассные сделки попадают в пул и списываются с баланса originатора [13, 39].

Аналитики рейтингового агентства Fitch Ratings отмечают: «Применение секьюритизации к активам, которые являются лучшими, вызывает определенные сложности для необеспеченных кредиторов» [3].

Положительным фактором при секьюритизации является фиксация прибыли лизинговой компанией. Кроме того, происходит высвобождение капитала и улучшается соотношение собственных и заемных средств originатора [6, 152]. Лизинговая компания получает возможность привлекать более дешевое финансирование на кредитном рынке [10, 92].

При секьюритизации ипотечных кредитов или кредитов по кредитным картам существует прозрачный график будущих денежных поступлений, которые в полном объеме могут быть направлены на выплаты по облигациям. В случае секьюритизации лизинговых активов, помимо стоимости предмета лизинга и ставки лизингового процента, в график платежей также добавляются другие сопутствующие расходы, в том числе затраты на страхование, обслуживание предмета лизинга, налоги и т.д. Данные расходы могут включаться как в отдельные платежи, так и распределяться на весь срок лизинга с применением коэффициента дисконтирования [1, 97]. Таким образом, вышеперечисленные затраты могут оказывать существенное влияние на итоговый график лизинговых платежей.

В настоящее время наиболее распространенными в российской практике являются три вида графиков лизинговых платежей [9, 145]:

1. Аннуитетный. Лизингополучатель осуществляет платежи по договору равными частями. Погашение основного долга на начальном этапе происходит медленнее, чем в конце срока лизинга.

2. Дифференцированный – как правило, убывающий, то есть все затраты относятся на тот период, в который они реально производятся. Погашение тела кредита осуществляется равными частями в течение всего срока лизинга.

3. Сезонный. График учитывает сезонность деятельности и особенности финансово-хозяйственной деятельности лизингополучателя.

Какие-либо унифицированные стандарты в части расчета графиков лизинговых платежей на российском рынке отсутствуют. Каждый лизингодатель осуществляет калькуляцию в соответствии с внутренними нормативами и особенностями лизинговых проектов.

«Корректная выгрузка данных портфеля из внутренней ИТ-системы originатора напрямую влияет на конечный результат анализа портфеля. Большинство банковских ИТ-систем не приспособлены для аналитической обработки данных для целей секьюритизации» [11, 618].

Данный аспект является не менее актуальным и для лизинговых компаний, поскольку график лизинговых платежей имеет более сложную структуру, чем банковский кредит. Кроме того, до настоящего времени многие лизингодатели не имеют программного обеспечения, которое корректно рассчитывает график лизинговых платежей по сложным сделкам. В таких случаях расчеты производятся специалистами в программе Excel, и существует риск, что данные в ограниченном объеме попадают в ИТ-системы [5, 190].

При наличии необходимой информации подробный анализ динамики и структуры лизинговых платежей позволяет сформировать скорректированный или «очищенный» график денежных потоков, которые могут быть направлены непосредственно на выплаты по облигациям [8, 237].

В целях надлежащей оценки рисков и минимизации последствий в случае дефолта необходимо проводить сравнительный анализ «очищенного» графика платежей и остаточной рыночной стоимости предмета лизинга в динамике [4, 121].

Рассмотрим потенциальные убытки в случае банкротства лизингополучателя на примере типовой сделки.

Предмет лизинга: машины и оборудование для дорожного строительства.

Стоимость предмета лизинга – 1 млрд руб.

Авансовый платеж – 25 %.

Ставка финансирования – 16 % годовых.

Ликвидационная стоимость – 85 % стоимости лизингового имущества на момент приобретения, далее – в соответствии с графиком.

Рассмотрим два графика лизинговых платежей: дифференцированный с равномерным погашением задолженности и аннуитетный.

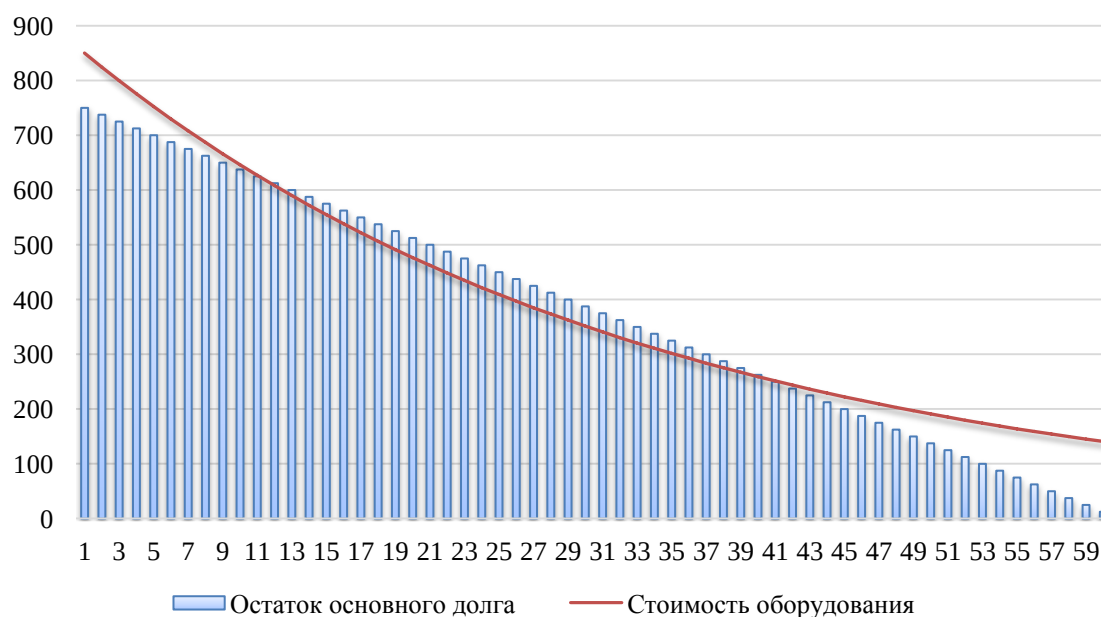

Рис. 1. Динамика ликвидационной стоимости предмета лизинга и остатка задолженности при дифференцированном графике платежей на 60 месяцев, млн руб.

На начальной стадии проекта предмет лизинга быстро теряет свою стоимость. Через 12 месяцев после передачи имущества лизингополучателю ликвидационная стоимость актива становится меньше, чем остаток тела кредита к погашению. Таким образом, в случае банкротства лизингополучателя возникнут убытки, которые не будут покрыты за счет реализации предмета лизинга. В случае дефолта существуют также дополнительные издержки, связанные с изъятием, юридическим сопровождением и хранением предмета лизинга до момента его реализации. Но поскольку обслуживающая компания получает плату за сопровождение портфеля, которая в том числе включает дополнительные расходы по изъятию, хранению и реализации предмета лизинга, данный риск мы не рассматриваем. Таким образом, при дифференцированном графике платежей с равномерным погашением тела кредита период риска составляет 28 месяцев (с 12 по 40 месяцы). Максимальные потери не превышают 4 % от первоначальной стоимости предмета лизинга.

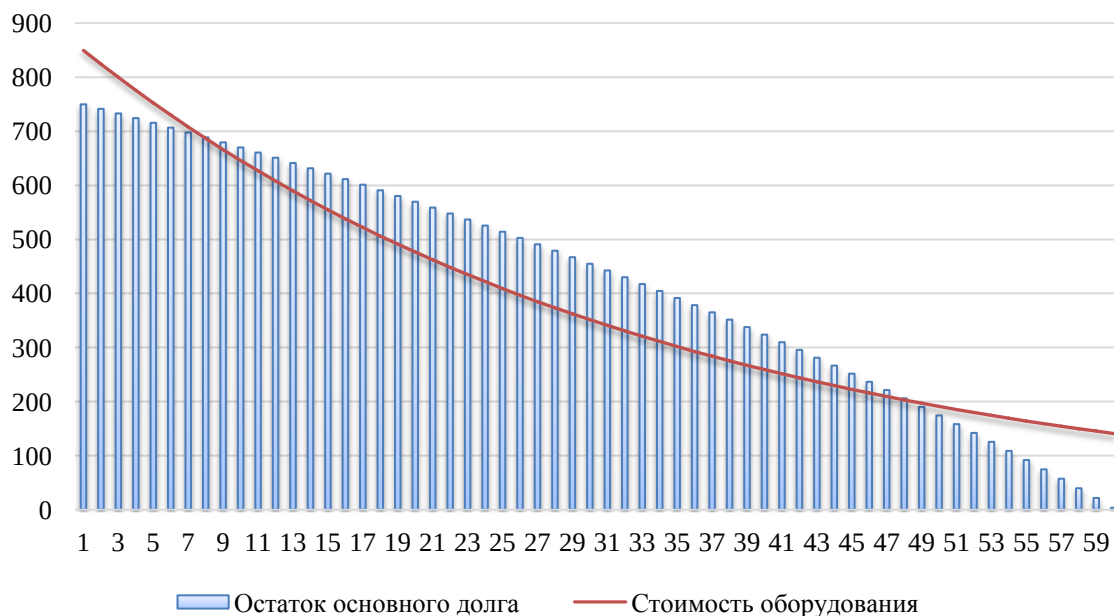

Рис. 2. Динамика ликвидационной стоимости предмета лизинга и остатка задолженности при аннуитетном графике платежей на 60 месяцев, млн руб.

При аннуитетном графике лизинговых платежей ликвидационная стоимость становится ниже остатка задолженности на восьмой месяц, суммарный период риска составляет 41 месяц. Максимальные потери достигают 11 % от первоначальной стоимости имущества, или 110 млн руб.

Данный пример наглядно демонстрирует, что использование аннуитетного графика платежей по сравнению с дифференцированным существенно влияет на риски проекта. Временной период потенциального риска увеличился в полтора раза, максимальные потери увеличились почти в три раза.

Таким образом, включение данной сделки с аннуитетным платежом в пул для секьюритизации представляется крайне рискованным. Дефолт по такому проекту может привести к серьезным убыткам и неисполнению обязательств перед инвесторами.

Несмотря на то, что с точки зрения лизинговой компании кредитные риски по проекту с аннуитетными платежами являются приемлемыми, для целей секьюритизации такая сделка не подходит.

Одним из инструментов снижения рисков в данной ситуации может быть предоставление обеспечения в виде залога дополнительного имущества или страхование кредитных рисков в размере 11 % от первоначальной стоимости предмета лизинга.

Если лизингодатель изначально планирует последующую секьюритизацию лизингового проекта, то необходимо осуществлять структурирование сделки и оптимизацию рисков с учетом требований секьюритизации еще на стадии заключения договора лизинга.

В данном случае одним из наиболее эффективных способов снизить риски и потенциальные убытки является заключение лизинговой сделки на 48 месяцев вместо первоначальных 60.

На рисунке 3 видно, что изменение продолжительности проекта существенно повлияло на величину возможных убытков по сделке. При уменьшении срока лизинга погашение тела кредита осуществляется быстрее. Таким образом, снижение срока лизинга с 60 до 48 месяцев позволило уменьшить период потенциального риска с 41 до 17 месяцев, а величину максимальных потерь – с 11 до 2 %.

Изменение срока лизинга является лишь одним из способов оптимизации структуры сделки с целью минимизации потенциальных убытков при банкротстве лизингополучателя.

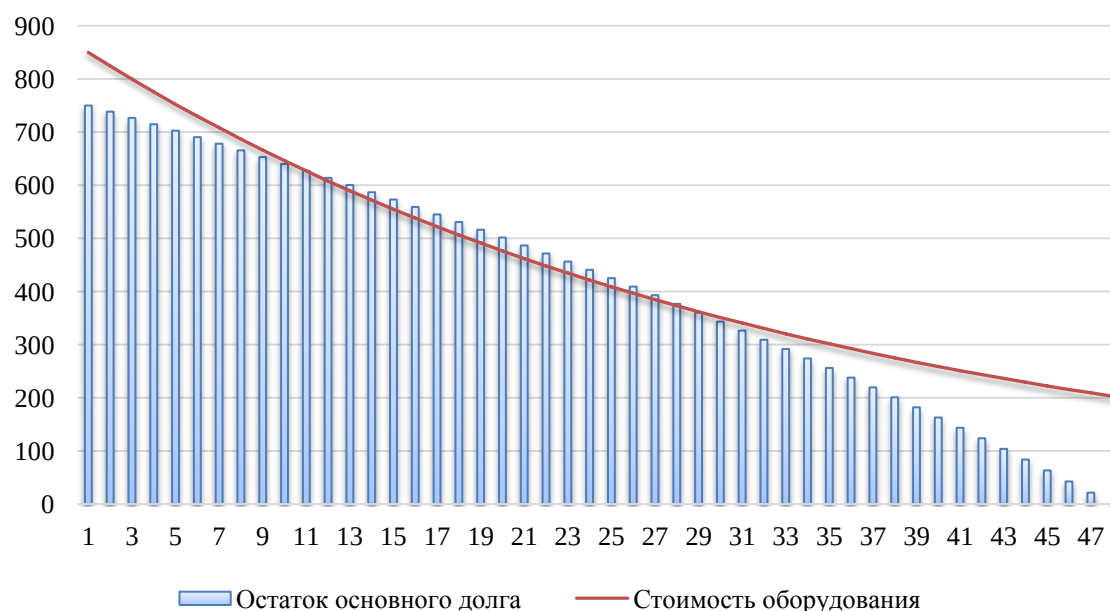

Рис. 3. Динамика ликвидационной стоимости предмета лизинга и остатка задолженности при аннуитетном графике платежей на 48 месяцев, млн руб.

В графическом виде это выглядит следующим образом: при уменьшении срока лизинга происходит сжатие графика остатка задолженности по оси X, также имеет место незначительная корректировка вниз по оси Y. При этом график изменения рыночной стоимости остается неизменным. Данный способ является наиболее эффективным, если открытый риск возникает в середине проекта.

Сопоставимый эффект также достигается при изменении авансового платежа по сделке. Однако в этом случае происходит равномерное сжатие графика по вертикальной оси. Наибольший сдвиг в абсолютном выражении имеет место при минимальном значении по оси X. Таким образом, данная мера более эффективна, если открытый риск возникает на начальной стадии проекта.

При формировании пула секьюритизируемых активов необходимо осуществлять детальный анализ динамики платежей по лизинговым проектам и строить график «очищенных» денежных потоков, которые могут быть направлены на погашение обязательств по облигациям.

Анализ денежных потоков позволяет выявить и оценить потенциальные убытки в случае дефолта по лизинговой сделке.

В статье рассмотрена взаимосвязь между уровнем открытого риска и элементами структуры лизинговой сделки, в том числе аванса, срока лизинга, особенностей графика погашения лизинговых платежей.

Лизингодатель располагает набором инструментов, которые влияют на доходность проекта и позволяют регулировать существующие риски, в том числе в целях включения проекта в пул для последующей секьюритизации.

Таковыми инструментами являются следующие:

- изменение срока лизинговой сделки;
- изменение размера авансового платежа;

- выбор графика погашения лизинговых платежей;
- предоставление в залог дополнительного обеспечения;
- страхование кредитных рисков в размере потенциальных убытков в случае дефолта.

Использование комбинации данных инструментов позволяет найти оптимальный баланс рисков и доходности.

Литература

1. Артемьева С.С., Тиньгаев А.М. Секьюритизация нематериальных активов как инструмент финансирования инновационных кластеров // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. Т. 32. № 4. С. 93–100.
2. Бердников В.А., Можаровский Е.В. Секьюритизация активов в условиях глобализации // Проблемы развития предприятий: теория и практика: материалы 13-й Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 57–62.
3. Бердников В.А., Можаровский Е.В. Секьюритизация активов в условиях глобализации валютной системы Российской Федерации // Синергетика природных, технических и социально-экономических систем. 2014. № 12. С. 111–121.
4. Денисов М.А. Асимметричность информации и секьюритизация активов // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2016. № 2. С. 118–122.
5. Денисов М.А. Обеспеченные облигации и секьюритизация активов: общие черты и отличительные особенности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6–7. С. 189–191.
6. Иноземцева Е.Ю. Секьюритизация финансовых активов: основные идеи, роль и участники сделки // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2016. № 1. С. 149–155.
7. Лясковская Е.А., Щёткина А.С. Влияние введения международного стандарта Базель III на секьюритизацию ипотечных активов в России // Управление инвестициями и инновациями. 2017. № 1. С. 82–88.
8. Малиева Ф.Г., Филипишина С.Л. Секьюритизация активов // Инновации и современные технологии в кооперативном секторе экономики: материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегодных Чаяновских чтений. Российский университет кооперации. М., 2014. С. 235–240.
9. Мягкова Т.Л. Секьюритизация лизинговых активов // Современное интеллектуальное пространство: идеи и решения: материалы междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2015. С. 142–146.
10. Ноздрева И.Е., Кроссман Т.Г. Секьюритизация банковских активов // Вестник Студенческого научного общества. 2014. № 2. С. 91–93.
11. Потомова С.А. Факторы, оказывающие влияние на развитие рынка секьюритизации в России // Финансы и кредит. 2017. Т. 23. № 11. С. 610–619.
12. Рагимова З.Т. Секьюритизация финансовых активов: мировой опыт и перспективы на российском рынке // Лучшая научная статья 2016: сб. ст. победителей V междунар. науч.-практ. конкурса. Пенза, 2017. С. 160–164.
13. Серова В.О. Секьюритизация лизинговых активов // Лизинг. 2013. № 1. С. 37–42.
14. Симанович Л.Н. Секьюритизация финансовых активов – государственные контракты станут защищать с помощью эскроу-счетов (escrow-account) // Закон и право. 2017. Т. 7. № 7. С. 33–35.
15. Туркин В.А. Секьюритизация финансовых активов // Экономика и бизнес: позиция молодых ученых: материалы конференции студентов, магистрантов и аспирантов (с международным участием). Барнаул, 2014. С. 317–320.

Проблемные аспекты гуманизации труда в Приволжском федеральном округе

Г. БИГЛОВА, Р. АМИРОВА

Понятие гуманности традиционно связывается с духовной и моральной сторонами жизни человека. Однако в тот момент, когда сам человек выступает в роли объекта управления другого человека, принцип гуманности закладывается от второго к первому. Другими словами, в системе взаимоотношений «работодатель – наемный работник» процесс гуманизации труда, в первую очередь, зависит от работодателя, создающего условия труда и обеспечивающего его охрану, а также справедливое вознаграждение по результатам труда. Несмотря на важность данного аспекта для развития человека, приоритет гуманности в социально-экономическом развитии пока не поставлен. Во всяком случае, по результатам реализации социально-экономической политики формируются довольно противоречивые выводы.

Согласно определению ООН «устойчивое человеческое развитие представляет собой такое развитие, которое не только приводит к экономическому росту, но и к справедливому распределению его результатов, которое восстанавливает окружающую среду, а не уничтожает ее, повышает ответственность людей, а не превращает их в бездушных исполнителей. Такое развитие уделяет первостепенное внимание бедным, повышая их возможности и обеспечивая им участие в принятии решений, которые влияют на их жизнь» [1].

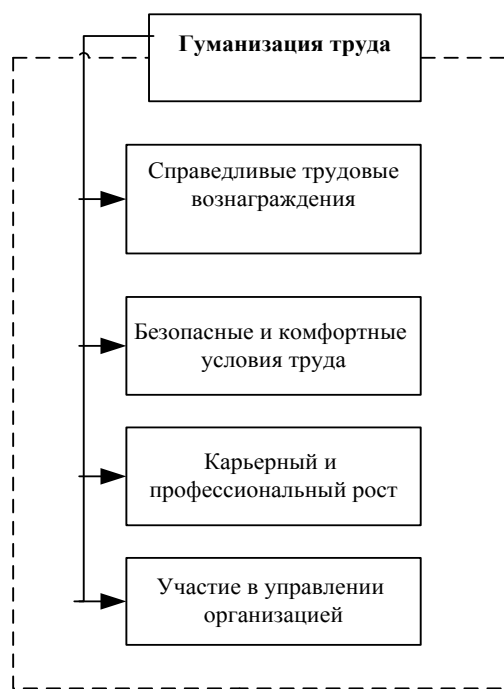
Таким образом, классическое понятие гуманизации труда предполагает такую организацию труда, которая направлена на профилактику переутомления, профессионально обусловленных заболеваний, предупреждение производственного травматизма и профессиональной деформации личности, повышение содержательности труда, создание условий для разностороннего развития способностей работника [2, 34]. Куликов В.В., заместитель директора НИИ труда и социального страхования, понимает под гуманизацией труда приспособление (адаптацию) одной, нескольких или большинства сторон трудовой жизни к человеку. Все это выражается в повышении социальной ориентации производственного процесса корректировкой условий труда в направлении благоприятствования работнику, реализацией его возможностей для самовыражения и самоутверждения, актуализации и развития способностей, трудового потенциала и творческой инициативы, эффективным применением на практике имеющихся у него знаний, умений и навыков [3, 125].

Таким образом, гуманизация труда обеспечивается за счет таких элементов, как справедливое трудовое вознаграждение, создание безопасных и комфортных условий труда, возможность карьерного и профессионального роста работников, а также участия работников в управлении организацией. Обобщенная схема элементов гуманизации труда представлена на рисунке.

Биглова Гузель Фатиховна, д-р экон. наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: biglou@list.ru

Амирова Регина Ирековна, младший научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: regina.yumakaeva@yandex.ru

Исследование выполнено в рамках госзадания ИСЭИ УНЦ РАН по теме «Социализация экономической системы, формирующая новые траектории социального развития региона» (№ гос. регистрации АААА-А17-117021310208-8).

Основные элементы гуманизации труда

В данной статье рассмотрены некоторые аспекты проблематики вознаграждения за труд. Поскольку вознаграждение является одним из основных мотивов к труду работника, то организация и содержание труда взаимосвязаны с условиями труда и оказывают существенное влияние на эффективность труда, на удовлетворенность трудом. В то же время одним из основных факторов, повышающих производительность и качество труда в организациях, является достойная заработная плата работников. Зарплата должна обеспечивать достойные условия жизни и возможность самореализации работников в профессиональной деятельности. Материальное благополучие является основным условием мотивации персонала и способствует активному труду и заинтересованности наемного работника.

Рассмотрим структуру доходов и долю заработной платы в динамике в Республике Башкортостан по сравнению с другими регионами Приволжского федерального округа.

Структура денежных доходов по Приволжскому федеральному округу представлена в таблице 1. Как видно из ее данных, в регионах Приволжского федерального округа доля доходов от предпринимательской деятельности в общем объеме доходов по сравнению с 2005 г. в 2015 снижается. В Республике Башкортостан в 2015 г. доля доходов от предпринимательской деятельности уменьшилась на 3,6 %. Снижение удельного веса доходов от предпринимательской деятельности также наблюдается в Удмуртской Республике, Чувашской Республике, в Пермском крае, в Нижегородской области, в Самарской, Саратовской и Ульяновской областях.

Удельный вес оплаты труда в общем объеме доходов также во всех регионах ПФО имеет тенденцию снижения. По сравнению с другими регионами в 2015 году Республика Башкортостан характеризуется самым низким удельным весом оплаты труда, такое положение сохраняется с 2005 года. В 2015 г. доля оплаты труда наемных работников составила 28,5 % денежных доходов, что на 6,8 % ниже, чем в 2005 г.

В то же время в Республике Башкортостан в 2015 г. социальные выплаты оказались на 5,2 % больше, чем в 2005 г. Относительно больший удельный вес социальных выплат, чем в Республике Башкортостан, характерны для Чувашской Республики, Кировской, Самарской и Саратовской областей.

Таблица 1

Структура денежных доходов (в процентах)

	Доходы от предпринимательской деятельности		Оплата труда		Социальные выплаты		Доходы от собственности		Другие доходы (включая «скрытые», от продажи валюты, денежные переводы и пр.)	
	2005	2015	2005	2015	2005	2015	2005	2015	2005	2015
Приволжский федеральный округ	13,5	8,2	39,7	33,3	14,4	19,3	4,7	4,4	27,7	34,8
Республика Башкортостан	16,2	12,6	35,3	28,5	11,2	16,4	6,4	3,7	30,9	38,8
Республика Марий Эл	8,9	7	51,7	37,5	24	26,5	3,4	5	12	24
Республика Мордовия	9,9	7,5	46,1	39,1	21,9	26,8	4	3,5	18,1	23,1
Республика Татарстан	12,5	10	36	33,1	12,5	15,3	3,4	3,7	35,6	37,9
Удмуртская Республика	8	4,3	57,2	36,6	17,7	21	8,5	4,9	8,6	33,2
Чувашская Республика	13,8	7	47	34,9	19,1	24,6	2,8	6,5	17,3	27
Пермский край	14,7	8,5	35,9	30,3	11,8	16,4	3,6	5,3	34	39,5
Кировская область	11,5	7,2	48,3	36,1	20,1	25,4	2,3	4,1	17,8	27,2
Нижегородская область	11,2	5,1	46,3	33,2	16,8	18,2	5,4	4,8	20,3	38,7
Оренбургская область	12,1	9	45,2	38,5	17	22	3,5	3,1	22,2	27,4
Пензенская область	14,5	8,7	40,1	33,8	20,7	22,8	2,9	3,3	21,8	31,4
Самарская область	15,9	6,5	35,2	35,8	10,6	19,7	5,6	5,4	32,7	32,6
Саратовская область	12,7	6,8	36,6	33,1	17,4	24,1	4,7	4,4	28,6	31,6
Ульяновская область	12,4	7,4	41,8	32,2	18,9	23,6	4,5	3,4	22,4	33,4

Источник: «Регионы России» (<http://www.gks.ru>).

В Республике Башкортостан наблюдается значительное снижение доходов от собственности. Так, в 2015 г. значение данного показателя снизилось на 2,7 % по сравнению с 2005 г. Более быстрыми темпами, чем в Республике Башкортостан, идет понижение данного показателя только в Удмуртской Республике – на 3,6 %.

В то же время в Республике Башкортостан в 2015 г. прочие доходы растут довольно интенсивно – рост в 2015 году составил 7,9 %. Меньшая динамика по данному показателю наблюдается в Республике Мордовия, Республике Татарстан, в Пермском крае, в Оренбургской, Самарской и Саратовской областях.

В анализируемый период в Республике Башкортостан в структуре денежных доходов мы наблюдаем тенденцию превышения в общем объеме денежных доходов по показателю «Прочие доходы», которые включают в себя и «скрытые» доходы. Таким образом, мы наблюдаем усиление тенденции к неформальной занятости. Неформальная занятость наносит ущерб, прежде

всего, наемному работнику, поскольку в таком положении он не имеет формальных прав. То есть работодатель формально «ничего ему не должен». Требовать в такой ситуации справедливого вознаграждения и безопасных условий труда для сотрудника, которого «как бы нет», не представляется возможным. В таких условиях понятие гуманизации труда становится более чем уместным.

Одним из основных показателей денежных доходов населения является показатель «Номинальная и реальная среднемесячная заработная плата в организации» (табл. 2).

Таблица 2

Номинальная и реальная среднемесячная заработная плата работников организаций

	Среднемесячная заработная плата в ценах соответствующего года, рублей	В % к предыдущему году		
		номинальная заработная плата	индекс потребительских цен	реальная заработная плата
2005	6612,0	122,7	113,1	108,5
2010	16377,7	109,5	107,6	101,8
2011	18397,0	112,3	109,0	103,0
2012	20264,7	110,2	104,7	105,3
2013	22377,4	110,4	106,8	103,4
2014	24987,6	111,7	107,4	104,0
2015	25927,5	103,8	114,2	90,9

Источник: «Республика Башкортостан в цифрах в 2015 году» (<http://bashstat.gks.ru/>).

Как следует из таблицы 2, в Республике Башкортостан темпы прироста реальной заработной платы были неравномерны и в 2015 году существенно снизились. Это свидетельствует об еще одном признаке, характеризующем процесс дегуманизации труда. В разрезе видов деятельности она представлена в таблице 3.

Как следует из данных Росстата, наименее благоприятная ситуация с объемами начисленной заработной платы складывалась по виду деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство», и в 2015 г. она составила всего лишь 14694,5 руб. Также на последнем месте находится гостиничный и ресторанный бизнес, в рассматриваемые годы среднемесячная номинальная начисленная заработная плата составила 16474,3 руб. По среднемесячной номинальной начисленной заработной плате отстает также оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; рыболовство и рыбоводство. При этом известно, что в сфере ресторанного бизнеса и торговли часто используется оплата труда «в конвертах». То есть норма доходности этих бизнесов может быть высока, однако долю оплаты труда и принцип справедливости в условиях теневой занятости никто контролировать не может. В тех видах деятельности, где скрыть доходы объективно сложнее, наблюдается более высокий уровень оплаты труда. Так, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в добыче полезных ископаемых – 46205,2 руб., в финансовой деятельности и в государственном управлении и обеспечении военной безопасности – 38630,9 руб., социальном страховании – 37726,0 руб.

Таким образом, в Республике Башкортостан в рассматриваемый период наблюдается снижение удельного веса оплаты труда по сравнению с другими регионами. В то же время снижается и номинальная заработная плата при одновременном росте ВРП. На основе данных соотношений можно констатировать, что в Республике Башкортостан заложены предпосылки для дегуманизации труда, приводящей, как правило, к снижению мотивации к труду и оттоку трудоспособного населения в другие регионы.

Таблица 3

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности (руб.)

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего	6612,0	16377,7	18397,0	20264,7	22377,4	24987,6	25927,5
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2486,0	8762,9	10000,1	11016,4	11744,9	14061,2	14694,5
Рыболовство, рыбоводство	2717,5	10299,4	10328,6	11455,0	12457,0	12979,8	19262,9
Добыча полезных ископаемых	13079,9	32409,1	40898,5	42223,1	45313,3	49947,6	46205,2
Обрабатывающие производства	8338,6	17591,8	19873,9	21734,3	23445,5	26355,6	28100,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	9228,5	20555,8	23246,1	25341,5	27314,0	30291,7	31810,8
Строительство	6156,6	17244,2	18483,7	19251,7	18851,9	22508,1	22980,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	4824,0	14547,6	15813,1	15957,4	15304,2	18412,7	18978,9
Гостиницы и рестораны	4234,6	10090,4	11316,3	11738,8	12484,4	14973,9	16474,3
Транспорт и связь	9286,7	20589,3	23036,4	24825,7	26657,3	28589,9	29632,1
Финансовая деятельность	15459,3	29582,7	31493,7	34605,5	35561,5	36129,9	38630,9
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7516,9	17410,4	19438,8	21269,8	24197,0	27054,5	28761,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	9816,4	21538,8	24959,9	31506,7	36427,0	38403,2	37726,0
Образование	4018,7	10686,6	12100,2	14281,9	18239,7	19761,8	20683,0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4526,9	11620,8	13578,6	16649,7	20259,8	22199,6	23452,5
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	5174,6	15959,5	17615,4	17324,4	20275,8	22501,2	23211,6

Источник: «Республика Башкортостан в цифрах в 2015 году» (<http://bashstat.gks.ru>).

Литература

1. Доклад о развитии человека. М.: ПРООН, 1994.
2. Климова Е.А. Психология профессионального самоопределения. М.: «Академия», 2004. 384 с.
3. Куликов В.В. Современная экономика труда. М.: Финстатинформ, 2001. 660 с.

Факторы и институты развития трудовой миграции

Е. БЕГЛОВА, У. МУСИН

Трудовая миграция населения является одним из сложнейших социально-экономических процессов, на развитие которого оказывают влияние как политические, социально-экономические, так и другие детерминанты. Активизация деятельности РФ на международном рынке труда привела к тому, что на протяжении последних двух десятилетий наблюдается динамичное перемещение как иностранной рабочей силы, преследующей цель повысить свой уровень жизни или реализовать свой потенциал в России в ходе трудовой деятельности, так и выезд российских граждан за границу с целью занятия предпринимательской деятельностью или найма на работу. Однако следует отметить, что миграционное движение населения не способствует относительно равномерному перераспределению трудовых ресурсов по территории страны, наблюдаются отраслевые и территориальные диспропорции, а рыночный механизм становится неэффективным. Актуален запрос на государственное управление миграционными процессами в стране путем обеспечения прав трудоактивных граждан на свободу перемещения и формирования в рамках этой работы экономических стимулов.

Сегодня наша страна – значимый принимающий центр трудовых мигрантов, в основном из ближнего зарубежья. Причина этого, в первую очередь, экономическая, поскольку по ряду экономических параметров и показателей РФ характеризуется как относительно более комфортная и благополучная страна по сравнению со многими государствами бывшего СССР. Миграционная активность имеет отчетливо выраженный экономический характер, определяемый, в первую очередь, активными поисками обоснованного места приложения труда, переносом деятельности в те сферы экономики, где наблюдается более высокая цена человеческого капитала (стремление получить временную либо постоянную работу). При этом доля убывших повышается на 1 %, если внутренний региональный продукт на душу населения снижается на 101 тыс. рублей либо ожидаемая продолжительность жизни сокращается на 1,7 года [4, 123]. Также следует отметить влияние на приток мигрантов и ситуации на рынке труда РФ, структура которого отличается несбалансированностью спроса и предложения. Российские работники не желают или еще не готовы занять рабочие места, тем самым устранить неудовлетворенный спрос на трудовые ресурсы, готовые заниматься физическим трудом в строительстве, сельском хозяйстве, торговле. И причины тому самые разные, например, низкий уровень заработной платы, тяжелые условия труда, непрестижность профессий. Заполняют данные вакантные ниши граждане ряда стран СНГ.

Решение мигранта о возможном перемещении формируется под влиянием рационального сравнения фактического уровня жизни с его потенциально улучшенным вариантом, предопределенным переселением мигранта. Миграционный поток возникает тогда, когда работоспособный член домохозяйства предпочитает вариант «переехать» варианту «остаться», при этом издержки от переезда будут компенсированы ожидаемыми в будущем выгодами. Вышесказанное позволяет заключить, что экономические показатели могут, с одной стороны, стимулировать интеграцию мигрантов, а с другой стороны, наоборот, дезинтегрировать.

Беглова Елена Ирековна, д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга Башкирского государственного университета (БашГУ). E-mail: beglovaelena75@mail.ru

Мусин Урал Рамазанович, канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга БашГУ

Статья представляет результаты исследования по проекту № 17-02-00425 «Межрегиональная асимметрия территорий и миграционная мобильность населения в России», получившему поддержку Российского фонда фундаментальных исследований по результатам конкурса 2017 года как проект проведения научных исследований, выполняемых научными коллективами или отдельными учеными.

Заметим, что в числе факторов, помимо основного (экономического), влияющих на принятие решения трудового мигранта о переезде, натурализации, можно выделить демографические особенности регионов, природные ресурсы и климатические условия, «обжитость» территорий. Кроме того, дополнительными факторами миграционной мобильности выступают и нестабильность политической ситуации, и межнациональная напряженность, и законодательное регулирование перемещений. Все эти детерминанты имеют не принципиальное, а лишь второстепенное значение для мигрантов в вопросах принятия решения о выезде из региона или страны. Тем не менее, действие факторов территориальной подвижности населения имеет комплексный характер, меняется лишь их значимость в разное время на разных территориях.

Следует отметить, что миграция характеризуется своей прочной зависимостью от таких объективных факторов социально-экономического развития, как интенсивность урбанизации, создание социальной и производственной инфраструктуры, увеличение заработной платы, уровень социально-экономического развития региона и т.д. В данной работе исследованию подлежит межрегиональное экономическое неравенство в РФ, являющееся, на наш взгляд, одной из основных причин развития трудовой миграции в стране. В последние годы проблеме межрегиональной асимметрии социально-экономического развития субъектов РФ уделяется огромное внимание как со стороны государства, так и научного сообщества, предлагаются различные варианты ее выравнивания. Предлагаемые варианты решения проблемы направлены на сглаживание межрегионального экономического неравенства в России путем применения разнообразных механизмов в области государственных финансов, создания территорий опережающего роста, регулирования рынка труда и миграционной политики.

Однако, как показывает действительность, инициативы по устранению диспропорций социально-экономического развития регионов РФ не привели к существенным сдвигам. Сравнительный анализ регионов по показателю ВРП на душу населения демонстрирует рост межрегионального экономического неравенства в РФ (табл. 1). Разрыв данного показателя между регионами с высоким и с низким значением составляет 54 раза. В мировой практике различие значений ВРП на душу населения территорий уже в 5–10 раз характеризуется как серьезная проблема.

Таблица 1

Валовой региональный продукт на душу населения в регионах РФ в 2015 г.

Субъект РФ Высокие значения	ВРП/чел., тыс. руб.	Субъект РФ Низкие значения	ВРП/чел., тыс. руб.
Ненецкий автономный округ	4990,3	г. Севастополь	92,9
Ямало-Ненецкий автономный округ	3376,6	Республика Ингушетия	116,0
Сахалинская область	2048,0	Чеченская Республика	116,1
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	1937,0	Республика Крым	130,6
Республика Саха (Якутия)	1700,0	Карачаево-Черкесская Республика	143,8
Чукотский автономный округ	1269,3	Кабардино-Балкарская Республика	145,6
г. Москва	1103,4	Республика Тыва	150,3
Магаданская область	846,4	Ивановская область	165,5
Тюменская область	624,7	Республика Калмыкия	169,1
Республика Коми	608,0	Республика Северная Осетия – Алания	181,0
Среднее значение по субъектам РФ		444,0	

Регионы с высокими значениями ВРП на душу населения характеризуются значительным уровнем природно-ресурсного потенциала либо развитой социально-экономической

инфраструктурой. В то же время субъекты РФ, для которых характерны низкие значения данного показателя, отличаются неудовлетворительной социально-экономической инфраструктурой, где преобладает сельскохозяйственная направленность экономики. Заметим, что в стране четко прослеживается тенденция сокращения ВРП на душу населения с севера (богатые нефтяные регионы) на юг (депрессивные сельскохозяйственные регионы). Ухудшение экономических условий в стране в настоящее время не способствует экономическому росту проблемных регионов, что усиливает межрегиональную асимметрию.

Анализ регионов по ВРП на душу населения позволяет отследить привлекательность территорий для мигрантов. В то же время с точки зрения трудовой миграции фактором притяжения трудовых мигрантов чаще всего становится стоимость жизни в регионе. Следует отметить, что регион тем привлекательнее для иммигранта, чем выше стоимость жизни в нем, то есть наблюдается положительная корреляция (данный фактор имеет наибольшее значение для лиц трудоспособного возраста с высшим образованием). Поэтому для выявления миграционной привлекательности регионов необходимо произвести анализ показателя среднемесячной номинальной начисленной заработной платы по субъектам РФ. Данный показатель имеет прямую связь с показателем развития экономики ВРП на душу населения, что подтверждается данными таблицы 2.

Таблица 2

**Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников
в целом по экономике по субъектам РФ в 2015 г.**

Субъект РФ (высокие значения показателя)	Руб.	Субъект РФ (низкие значения показателя)	Руб.
Чукотский автономный округ	99592	Республика Дагестан	24155
Ненецкий автономный округ	91779	Кабардино-Балкарская Республика	24173
Ямало-Ненецкий автономный округ	89941	Республика Ингушетия	24860
г. Москва	88623	Алтайский край	24919
Магаданская область	85685	Карачаево-Черкесская Республика	25014
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	82992	Брянская область	25131
Республика Саха (Якутия)	81750	Республика Калмыкия	25528
Сахалинская область	77098	Псковская область	25529
Камчатский край	71269	Костромская область	25719
Мурманская область	59297	Чеченская Республика	26088
Среднее значение по субъектам РФ	43408		

К наиболее привлекательным регионам по уровню заработной платы относятся субъекты РФ, имеющие сырьевую направленность экономики, кроме г. Москвы, для которого характерна наиболее развитая инфраструктура, а также наличие огромных возможностей по предложениям на рынке труда. Разрыв в значениях анализируемого показателя по регионам составляет 4,1 раза (Чукотский АО и Республика Дагестан). Причем диапазон разрыва среднемесячной заработной платы по среднему значению по стране и Республике Дагестан незначителен и составляет 1,8 раза.

По логике межрегиональные разрывы в оплате труда должны усилить и трудовую иммиграцию в регионы с высоким значением данного показателя. Однако, согласно данным таблицы 3, картина несколько иная, из установленных регионов с наивысшими значениями ВРП и величины заработной платы весомый прирост миграции труда наблюдается лишь в г. Москве. Кроме данного центра притяжения миграции рабочей силы, следует отметить и такие субъекты РФ, как Московская область, Краснодарский край и г. Санкт-Петербург. Миграционные потоки в разрезе регионов показывают, что отток рабочей силы наиболее значителен из экономически депрессивных и слаборазвитых регионов, таких как Республика Дагестан, Республика Коми, Архангельская область, а также из Ямало-Ненецкого АО (хотя этот субъект РФ имеет высокие значения показателей ВРП на душу населения и среднемесячной заработной платы).

Таблица 3

Миграционный прирост (убыль) по субъектам РФ в 2015 г.

Субъект РФ (высокие значения прироста)	Чел.	Субъект РФ (высокие значения убыли)	Чел.
г. Москва	112211	Республика Дагестан	–13390
Московская область	87603	Ямало-Ненецкий автономный округ	–11972
Краснодарский край	57736	Республика Коми	–8738
г. Санкт-Петербург	25263	Архангельская область	–8119
Тюменская область	17933	Забайкальский край	–7207
г. Севастополь	17883	Оренбургская область	–6681
Республика Крым	16297	Иркутская область	–6114
Новосибирская область	12365	Республика Башкортостан	–5927
Воронежская область	12213	Волгоградская область	–5667
Ленинградская область	12145	Курганская область	–5536
Миграционный прирост по РФ	245384		

Экономическое неравенство регионов и межрегиональные разрывы в оплате труда, по мнению большинства исследователей миграционной активности населения, должны оказывать влияние на трудовую миграцию в России. В частности, существенной мотивацией для трудовой миграции является поиск более высокооплачиваемой работы, отвечающей ожиданиям потенциального мигранта. И трудовые мигранты готовы переехать в другой регион в поисках работы, если их заработок превысит зарплату по последнему месту работы более чем в 3 раза [5, 31].

Наши статистические наблюдения показывают, что преобладающее мнение о преобладании финансовых причин развития трудовой миграции не соответствует действительности на рынке труда РФ, а показатель «уровень заработной платы» несущественно влияет на межрегиональный переток населения, и тому есть следующее объяснение: в одних регионах высокая зарплата служит, безусловно, притягивающим фактором, но в то же время в регионах оттока она же позволяет быстро скопить деньги на переезд, тем самым естественным образом противодействуя «ловушкам бедности» [5, 31]. Считаем, что миграционная привлекательность регионов в части уровня оплаты труда может быть интересна в большей мере для временной трудовой миграции, обусловленной ростом трудовой бедности и обострением социальной напряженности в стране.

Определенный интерес представляет анализ коэффициентов миграционного прироста на 10 тысяч человек населения, позволяющий определить соотношение численности трудовых мигрантов и постоянных жителей в регионах, указывающий на неравномерность потоков трудоактивных граждан в федеральных округах РФ. По данным Росстата, миграционные потоки в пределах субъектов РФ складываются следующим образом (табл. 4).

Как видно из данных таблицы 4, структура регионов-лидеров по миграционному приросту претерпевает изменения. И здесь значительный отрыв по коэффициенту миграционного прироста на 10 000 человек населения демонстрирует г. Севастополь, характеризующийся самым низким значением показателя ВРП на душу населения. Оценка статистических данных позволяет выделить регионы с повышенной и с низкой миграционной привлекательностью. К первому типу с максимальным превышением показателя притока трудовых мигрантов над показателями оттока трудовых мигрантов из региона относятся г. Севастополь, Московская область, г. Москва, Тюменская область, Республика Крым, Краснодарский край, Ленинградская область, Калининградская и Курская области, а также Республика Адыгея. Все эти центры притяжения характеризуются либо благоприятными природно-климатическими условиями, либо более развитой инфраструктурой.

К регионам с низкой миграционной привлекательностью с максимальным превышением показателя оттока трудовых мигрантов над показателями их притока относятся экономически

депрессивные и слаборазвитые регионы (такие как Республика Калмыкия, Коми, Тыва, Еврейская автономная область, Архангельская область), хотя есть среди них и экономически успешные (Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ). Все эти регионы сосредоточены либо на востоке страны в слабо освоенной зоне, либо на севере, а отток населения из них происходит не всегда в тренде экономической логики.

Таблица 4

Коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения по субъектам РФ в 2015 г.

Субъект РФ	Высокие значения коэффициента	Субъект РФ	Низкие значения коэффициента
г. Севастополь	438,7	Ямало-Ненецкий автономный округ	–222,9
Московская область	120,4	Еврейская автономная область	–120,4
Тюменская область	124,4	Архангельская область	–117,6
Краснодарский край	105,3	Чукотский автономный округ	–116,9
г. Москва	91,5	Республика Калмыкия	–102,9
Республика Крым	85,7	Республика Коми	–101,5
Калининградская область	81,6	Республика Тыва	–75,6
Курская область	69,8	Архангельская область	–71,5
Ленинградская область	68,3	Забайкальский край	–66,4
Республика Адыгея	56,1	Курганская область	–63,9
Среднее значение по субъектам РФ	16,76		

Таким образом, можно заключить, что межрегиональная асимметрия в регионах РФ по уровням социально-экономического развития и среднемесячной заработной платы не является единственным фактором, стимулирующим приток и отток трудовых мигрантов, оказывает лишь влияние на временную трудовую миграцию, для которой и характерна в большей мере экономическая мотивация в основе поведения данного типа мигрантов. Это свидетельствует о необходимости проведения полноценного качественного анализа миграционных потоков в динамике внутри РФ, формирования комплексной системы показателей, а также полноценной, открытой и достоверной информации о миграции с целью разработки и реализации национальной миграционной политики как важного инструмента реализации экономических и социальных целей, обеспечения приоритетов прогресса в жизненно важных сферах – демографии, экономики, национальной безопасности.

Национальная миграционная политика с позиции таких принципов общественного развития, как прагматизм и гуманизм, должна исходить из того, что регионам РФ для привлечения трудовых мигрантов необходимо усиливать свою конкурентоспособность и повышать в комплексе значение таких показателей, как темпы развития региональной экономики, уровень и качество жизни населения, мобильность рынка труда, обеспечение жильем и социальными гарантиями, уровень развития социальной и транспортной инфраструктуры. Рост конкуренции регионов за трудовые ресурсы обусловит решение следующих задач:

- создание качественных рабочих мест;
- переход на инновационный путь развития экономики;
- формирование качественной среды проживания.

Следует отметить, что в настоящее время в России создана система институционального обеспечения миграционных процессов в РФ. Государственная миграционная политика реализуется через сеть учреждений ФМС, организаций в сотрудничестве с другими федеральными органами законодательной и исполнительной власти, а также органами власти в субъектах РФ, неправительственными и общественными организациями. В разработке и

реализации государственной миграционной политики РФ как основы обеспечения национальной безопасности страны участвуют Президент РФ, Правительство РФ, Федеральное Собрание РФ, Совет Безопасности РФ, а законодательные акты определяют их состав, принципы и порядок действий. Помимо Федеральной миграционной службы России, среди основных федеральных органов исполнительной власти, задействованных в регулировании процессов миграции населения, можно отметить Минтрудсоцразвития РФ, Минобрнауки РФ и Минрегионразвития РФ.

Одним из важнейших направлений работы институтов, оказывающих содействие в вопросах интеграции мигрантов в РФ, является формирование нормативной правовой базы миграционной политики, профилактики межнациональных конфликтов и социально-культурной адаптации мигрантов. При этом, исходя из самой сути миграции как демографического и социально-экономического явления, использование лишь силового и административного подхода к ее управлению, без вовлечения общественности в систему государственного управления не позволит решить успешно существующие многочисленные проблемы на пути интеграции и адаптации мигрантов в РФ. Мы считаем, что над решением проблемы миграции должны совместно работать как государственные органы власти, так и гражданское общество (неправительственные организации). С целью повышения эффективности государственной миграционной политики, ориентированной на стабильное будущее страны, на наш взгляд, следует обратить внимание на ряд основных вопросов, возникающих на государственном уровне:

1) построение единой системы мер в масштабе страны, объединяющей, с одной стороны, действия государства, общественности и бизнеса, а с другой – охватывающей все стороны общественных отношений в миграционной сфере;

2) пересмотр распределения компетенций между федеральным центром и органами власти субъектов РФ с целью привлечения муниципальных властей и населения к устранению недоработок в миграционной политике как наиболее заинтересованных в их разрешении;

3) осуществление интеграционной политики РФ в первую очередь на региональном и местном уровнях власти с учетом как ресурсного потенциала региона, так и его специфических проблем в миграционной сфере;

4) формирование комплексной, унифицированной системы показателей оценки миграционной ситуации, ориентированной на учет всех категорий мигрантов;

5) построение надежной концептуальной и информационной основы политики интеграции мигрантов.

На наш взгляд, в сложном комплексе системных задач государственной миграционной политики РФ полученные в ходе проведенного исследования результаты и выводы могут быть использованы для корректировки практико-ориентированного механизма интеграции мигрантов в регионах страны.

Литература

1. Беглова Е.И., Мусин У.Р. Межрегиональная асимметрия территорий и миграционная мобильность населения в России: проблемы и взаимосвязи // Евразийский юридический журнал. 2016. № 7. С. 329–331.

2. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Рощин С.Ю. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад ЦеТИ и ЛИРТ НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 148 с.

3. Тарханова Э.И. Интеграция различных категорий мигрантов в современной России: монография. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. 282 с.

4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/

5. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева, Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 108 с.

Возрастные особенности репродуктивных установок и риски бедности в семьях с несовершеннолетними детьми в Республике Башкортостан

Н. ШАМСУТДИНОВА, Д. ЯГАФАРОВА

Изменения в функционировании семьи как социального института – вопрос актуальный, затрагивающий многие аспекты человеческой жизнедеятельности. Обращение к нему актуально и в связи с необходимостью формирования поля возможностей в реализации семейной и демографической политики. Влияние факторов на рождаемость рассматривается в разном ключе – с точки зрения экономической теории репродуктивное поведение рассматривается как вид рационального поведения, при котором решения о рождении и воспитании принимаются с точки зрения экономической целесообразности. Г. Беккер рассматривал рождение каждого последующего ребенка в семье как фактор снижения качества жизни и повышения денежных и временных затрат [2, 141]. Аналогичным образом уменьшение реальных доходов относительно ожидаемых снижает вероятность рождений. Число детей зависит от экономической целесообразности, что характерно для традиционного и аграрного обществ, и от социально-психологических факторов – в современном, индустриальном, причем для последнего больше характерна бездетность. Согласно современным исследованиям, рождаемость тесно связана с дифференциацией населения по уровню дохода, но только на макроуровне: чем выше социальное неравенство по уровню доходов населения, тем ниже уровень рождаемости [10]. На микроуровне конкретных семей исследователи рассматривают наличие обратной связи между уровнем дохода и числом детей – «парадокс обратной связи». Согласно исследованиям, чем выше уровень жизни в семье, тем меньшее число детей в ней, что сопряжено не условиями жизни как таковыми, а с принятием другой системы ценностей по мере удовлетворения потребностей.

Социологический подход предполагает рассмотрение проблемы в рамках микроуровня – через призму межличностных взаимоотношений, потребность в детях и т.д. Немаловажную роль играют социальные институты, социальные нормы. При исследовании рождаемости следует учитывать и социально-экономическую ситуацию, и сложившиеся в обществе культурные особенности, и долговременность реализации мер семейной политики.

Тенденция роста уровня рождаемости с 2007 г. в Российской Федерации обычно преподносится как безусловный положительный эффект взятого с этого времени курса демографической политики. Однако исследования указали на скромность его достижений, хотя их позитивное воздействие не отрицается. Более значимым было влияние на рождаемость благоприятной возрастной структуры, реализации отложенных рождений, а также сдвига календаря рождений на более ранний срок, при этом потребность в детях не повысилась [1; 5]. Изучение репродуктивных установок на основе социологических исследований показало, что с 2007 по 2011 гг. произошел рост вероятности вторых и последующих рождений: при этом наиболее значимыми факторами оставались возраст и брачный статус [11].

Шамсутдинова Найля Кадымовна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра изучения человеческого потенциала Института стратегических исследований Республики Башкортостан (ИСИ РБ). E-mail: shamsutdinovank@isirb.ru

Ягафарова Дилара Гафуровна, научный сотрудник Центра изучения человеческого потенциала ИСИ РБ. E-mail: yagafarovadg@isirb.ru

Статья выполнена в рамках выполнения государственного задания Центра изучения человеческого потенциала ГАНУ «ИСИ РБ» за 2017 г.

На региональном уровне наиболее ощутимым рост рождаемости был именно в тех субъектах страны, где демографический переход не был завершен, в том числе в Республике Башкортостан.

Население республики остается неоднородным по социальной структуре: доля жителей городов составляет 61,8 %, 36,1 % – русские, 25,4 % – татары, 29,5 % – башкиры. Рост рождаемости в первое десятилетие XXI в. в Республике Башкортостан произошел отчасти за счет повышения степени реализации репродуктивного потенциала, понимаемого как совокупность потенциальных возможностей, необходимых для достижения максимальной реализации репродуктивности и способных проявиться при определенных условиях. В 2002 г. степень реализации биологического потенциала рождаемости составляла в республике 27,0 %, в 2010 г. – 35 % [7; 8]. Социологические исследования указывают на сохранение этносоциальных различий в репродуктивном поведении населения республики, сложность адаптации семей к экономическим условиям [3; 9]. Разница между репродуктивными намерениями и их реализацией с 2007 по 2015 г. уменьшилась, но осталась значительной [6]. У многодетных семей, несмотря на объективно более низкий уровень жизни, есть потребность в значительно большем числе детей, чем они имеют на данный момент. В целом можно предположить, что есть пороговое значение, где уровень доходов начинает играть определенную роль и ограничивает репродуктивный потенциал населения [6].

Однако пока остается открытым ответ на вопрос – есть ли поколенческие сдвиги в репродуктивных установках населения республики.

Наиболее информативными для изучения репродуктивного поведения поколения являются панельные (лонгитюдные) обследования, то есть опрос одной и той же выборки, позволяющий изучить изменения мотивов, предпочтений, планов и их реализацию в течение жизненного цикла одного или нескольких поколений. При отсутствии подобных исследований в республике на основе социологических исследований Центра изучения человеческого потенциала ИСИ РБ, проводимых в 2007 и 2015 гг. по сопоставимой методике, была сформирована единая база данных, где на основе совпадения у респондентов основных социально-демографических признаков: пол, возраст в пределах пятилетних групп, тип поселения, сгенерирована «условная» лонгитюдность – поколения. Так, возрастной группе 18–24 лет в 2007 г. (1983–1989 гг. рождения) соответствует группа 26–32 лет в 2015 г. и т.д. В новой базе данных отобраны респонденты в возрасте от 18 до 39 лет в 2007 г. и 26–47 лет в 2015 г. соответственно (мужчины и женщины). Анализ по более дробным группам (по образованию и другим признакам) затруднен по причине недостаточности числа наблюдений.

Согласно полученным данным, можно говорить об окончательном установлении у населения республики социальной нормы двухдетности. Что касается репродуктивных предпочтений и намерений респондентов («желаемое» и «ожидаемое» число детей), то следует отметить, что зафиксировано небольшое их повышение. Особенно это заметно у группы, возраст представителей которой на момент опроса составлял 18–24 года в 2007 г. и 26–32 года в 2015 г. Ранее исследования указывали, что к 30-летнему возрасту репродуктивные установки действительно могут повыситься. Однако «ожидаемое» число детей без указания примерного горизонта планов – слишком расплывчатая категория для полновесных выводов об изменениях репродуктивного поведения.

В более молодой возрастной группе 18–26 лет (1990–1997 гг. рождения) в 2015 г. значимого снижения репродуктивных установок не зафиксировано. Нереализованный потенциал рождений оказался (в виде разницы между желаемым и ожидаемым числом детей выше всего) у 43–47-летних респондентов без партнера. Нужно учесть, что именно это поколение в неблагоприятные 1990-е гг. было в возрасте наиболее активного деторождения и, вероятно, вынуждено было откладывать или вовсе отказаться от рождения детей.

У респондентов, имеющих партнера, состоящих в семейных отношениях, репродуктивные установки выше, чем у лиц без партнера. Среди всех возрастных групп в группе населения с наиболее низким доходом нереализованный потенциал выше у респондентов в возрасте 38–42 лет.

Улучшение социально-экономического положения, продолжающееся в «нулевые» годы, способствовало более полной реализации потребности в детях, особенно при наличии партнера, что способствовало росту рождаемости. Отсутствие партнера не только способствует проявлению более низких репродуктивных установок, но и является барьером в их реализации.

Нужно сказать, что в то же время увеличение числа несовершеннолетних детей в семьях увеличило риск бедности. Распределение населения по уровню доходов и потребления (при анализе ответов на вопрос «Какое из следующих суждений точнее описывает материальное положение Вашей семьи?») позволяет выделить четыре слоя населения: низший, нижний средний, верхний средний, высший. За период 2007–2015 гг. произошло усиление социальной поляризации населения: доля низшего слоя осталась значительной (порядка трети населения), при этом доля высшего слоя выросла с 8,3 до 13,2 %.

Особенно ощутимо рождение детей сказывается на уровне жизни семей с детьми, в том числе молодых семей: рождение первого ребенка резко увеличивает долю малообеспеченных семей в этой группе на 10 %. В возрастной категории семей 31–45 лет значительно снижает уровень жизни рождение третьего ребенка – рост доли малообеспеченных семей на 12–14 % по сравнению с семьями, имеющими одного или двух детей.

Среднемесячные денежные доходы на одного члена домохозяйства сокращаются при рождении каждого последующего ребенка во всех возрастных группах. При наличии одного ребенка до 18 лет на каждого члена семьи приходится сумма, сопоставимая с размером прожиточного минимума, то есть гарантирующая проживание на уровне минимальных потребительских стандартов. Рождение второго и последующих детей выводит материальное содержание каждого члена семьи за черту бедности.

Положение семьи, имеющей детей, не улучшается: хотя уже с 2007 г. до 2015 г. заметно было сокращение разрыва между предпочтениями и желаемым числом детей, что свидетельствует о реализации репродуктивного потенциала, с ростом числа детей в семьях увеличивались риски бедности. Ухудшение социально-экономической ситуации с 2014 г. еще более ослабило материальное положение семей, воспитывающих несовершеннолетних детей, особенно многодетных. Для реализации репродуктивных намерений необходимо стимулирование сокращения срока откладывания рождений первых и вторых детей; создание благоприятных условий для формирования крепких семейных союзов; воспитательные меры семейной и молодежной политики.

Литература

1. Антонов А.И., Грудина Т.Н. Снижение социальных установок на число детей в российской семье (по данным социолого-демографических исследований «Москва-1976», «Россия-2000» и «Россия-2014») // Экономические стратегии. 2015. № 5–6.
2. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. М., 2003.
3. Бурханова Ф.Б., Хилажева Г.Ф. Этнические аспекты демографических процессов // История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа: Гилем, 2012. Т. 7. С. 141–146.
4. Дрепа Е.Н. Теоретико-методологические подходы к исследованию демографических процессов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-podhody-k-issledovaniyu-demograficheskikh-protsessov>
5. Захаров С.В. Стимулирующие меры политики не усилили желания россиян иметь больше детей. Население России. 2010–2011 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ. С. 309–317.

6. Республика Башкортостан. Демографический доклад. Вып. 2. Уфа, 2016. 148 с.
7. Скрыбина Я.А. Репродуктивный потенциал населения Республики Башкортостан // Воспроизводственный потенциал региона: проблемы количественных измерений его структурных элементов: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: ИдельПресс, 2016. С.187-191.
8. Скрыбина Я.А. Концепции рождаемости в разработке и реализации государственной демографической политики // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. 2015. С. 344–350.
9. Шаяхметова Р.Р. Факторы изменения рождаемости молодежи в Республике Башкортостан // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/shajahmetova.pdf>
10. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи: науч. монография. М.: М-Студио, 2009.
11. Biryukova S., Sinyavskaya O., Nurimanova I. Estimating effects of 2007 family policy changes on probability of second and subsequent births in Russia // Basic research program working papers series: sociology WP BRP 68/SOC/2016/ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/02/03/1137672794/68SOC2016.pdf>

Формирование трудового потенциала организации

Л. ИМАЕВА

Понятия «обучение» и «развитие» сотрудников организации: анализ подходов. Организация представляет собой открытую систему, на деятельность которой оказывают влияние факторы микро- и макросреды, поэтому ее конкурентоспособность будет зависеть от того, насколько своевременно и эффективно организация сможет адаптироваться к непрерывно меняющимся условиям внешней среды. Эффективность управленческих решений будет зависеть от уровня компетенций сотрудников как главного источника создания конкурентных преимуществ, то есть уровня трудового потенциала.

Трудовой потенциал можно определить как систему ресурсов, способствующих достижению результатов труда, возможность выполнять задачи при заданных условиях. Формирование трудового потенциала базируется на опыте, знаниях, способностях работника. Поэтому ключевой задачей в системе менеджмента управления становится создание условий, позволяющих каждому работнику раскрыть свой потенциал, вносить вклад в деятельность организации. Одним из факторов успешного развития трудового потенциала является повышение профессионального уровня сотрудников организации. Это становится особенно актуально на современном этапе, когда возникает проблема обновления знаний, умений и навыков, внедрения наукоемких технологий, роста конкуренции.

В связи со стремительным устареванием знаний, обновлением информации возникает потребность в совершенствовании системы обучения и создания условий для накопления и реализации трудового потенциала с использованием современных разработок в области методов и приемов обучения и повышения квалификации сотрудников.

Имаева Лилия Мазитовна, аспирант Института социально-экономических исследований УНЦ РАН.
E-mail: lilian_71@mail.ru

Исследование выполнено в рамках госзадания ИСЭИ УНЦ РАН по теме «Социализация экономической системы, формирующая новые траектории социального развития региона» (№ гос. регистрации АААА-А17-117021310208-8).

Исследования в области профессионального обучения и развития в организации представлены в трудах Веснина В.Р., Курбатовой М.Б., Кибанова А.Я., Виханского О.С., Наумова А.И., Егоршина А.П. и других исследователей.

Существует несколько подходов к определению понятий «развитие» и «обучение» применительно к трудовым ресурсам организации, рассмотрим их подробно. Так, Кибанов А.Я. определяет обучение как целенаправленно организованный, планомерно и систематически осуществляемый процесс овладения знаниями, умениями, навыками и способами общения под руководством опытных преподавателей, наставников, специалистов, руководителей [12, 425].

В свою очередь, Магура М.И. и Курбатова А.Я. рассматривают обучение трудовых ресурсов организации как важнейший инструмент, с помощью которого руководство получает возможность повышать потенциал человеческих ресурсов и оказывать влияние на формирование организационной культуры [6, 12].

Егоршин А.П. под обучением персонала понимает обеспечение соответствия профессиональных знаний и умений работника своевременному уровню производства и управления [4, 179].

Таким образом, несмотря на разницу подходов, под обучением сотрудников в организации понимается процесс усвоения знаний, умений, навыков с целью решения производственных и управленческих задач.

Развитие сотрудников, с точки зрения Веснина В.Р., – это проведение мероприятий, способствующих полному раскрытию личного потенциала работников и увеличению их способности вносить вклад в деятельность организации [1, 190].

С точки зрения Виханского О.С., Наумова А.И., развитие – это совокупность мероприятий, которые ориентированы на повышение квалификации и улучшение психологических характеристик сотрудников. В эти мероприятия входят переквалификация, повышение квалификации, общее и профессиональное обучение и другие [2, 128].

Пацук О.В. под профессиональным развитием сотрудников понимает процесс подготовки работника к выполнению новых производственных функций, занятию определенных должностей [9].

Таким образом, под профессиональным развитием в организации понимается совокупность мероприятий, направленных на рост умений работника и расширение его функций. В данном случае обучение выступает необходимым элементом накопления трудового потенциала. При этом большинство современных исследователей не акцентируют внимание на различиях между понятиями «обучение персонала» и «развитие персонала», используя единую формулировку «обучение и развитие персонала».

Этапы и варианты организации процесса обучения и развития трудовых ресурсов организации. Процесс обучения и развития в организации – неотъемлемая часть кадровой политики. Если до недавнего времени работа кадровой службы заключалась в приеме и увольнении сотрудников, то на современном этапе важным становится создание условий для эффективной работы системы по обучению и развитию трудовых ресурсов организации. При этом недостаточное внимание к развитию персонала может привести, в конечном счете, к снижению эффективности функционирования самой организации.

Так, Нестерова О.В. выделяет следующие варианты организации развития и обучения сотрудников организации, а именно:

1. Обучение отдельных групп (категорий) сотрудников. Характерной чертой данного вида обучения является минимизация затрат, выделяемых на обучение, путем подбора стандартных видов учебных программ и обучения отдельных работников некоторых подразделений (например, отдела продаж и т.п.). Здесь обучение персонала выступает как ответная реакция на изменение факторов внешней среды организации. Администрация организации не рассматривает обучение как возможность роста конкурентных преимуществ.

2. Корпоративное обучение и развитие. Здесь обучение носит долгосрочный характер и связан со стратегией развития компании. Особенностью данного варианта организации развития и обучения сотрудников организации является нацеленность на конечный результат как итог обучения. Повысить результат обучения возможно на основе системного подхода (определение потребности в обучении, ресурсов и оценка результатов обучения).

3. Обучающая организация. Ориентиром становится ценность знаний сотрудников как конкурентное преимущество организации, в связи с чем организация стремится создать благоприятные условия для всестороннего развития кадров. Актуальным становится вопрос сохранения высококвалифицированных кадров, их постоянного самосовершенствования, повышения культуры обучения. В образовательном процессе особое внимание уделяется активным и интерактивным методам обучения [8, 3–8].

Таким образом, в рамках создания эффективной системы развития и обучения трудовых ресурсов организации ориентиром становится ценность знаний сотрудника как интеллектуального капитала организации.

В целом систему профессионального обучения и развития в организации можно представить в виде следующих этапов и направлений работы (рис. 1).

Этапы работы по организации процесса обучения сотрудников организации

На первом, подготовительном, этапе процесса обучения кадров важно правильно сформулировать цели обучения, определить ресурсы и потребности в обучении. Потребность в обучении может рассматриваться в качественном аспекте (чему учить) и количественном (кого учить).

Цели должны соответствовать принципу SMART (конкретный, измеримый, согласованный, реалистичный и определенный во времени). Цели служат ориентиром при разработке содержания учебных программ, выбора методов и технологий обучения.

На втором этапе проводится сам процесс обучения, формируются учебные группы, осуществляется выбор вида обучения, образовательных программ, обучающей компании, выбор преподавателей, методов обучения и т.д. Неотъемлемой частью данного этапа является мотивация сотрудников: выбор мотивационных инструментов, методики мотивации и непосредственно процесс мотивации персонала.

На завершающем этапе процесса обучения происходит оценка эффективности процесса обучения, а именно контроль обучения, выявление слабых сторон с последующей корректировкой, определение эффективности и качества обучения, а также проверка полученных знаний.

Таким образом, обучение и развитие трудовых ресурсов организации, накопление и реализация трудового потенциала должны стать неотъемлемой частью корпоративной культуры организации. Многие исследователи отмечают высокую практическую значимость и эффективность применения системного подхода в подготовке кадров и принципа непрерывности обучения как способа ликвидации устаревания знаний сотрудников. В этом процессе особая роль должна отводиться созданию единой системы обучения кадров. Работа системы будет направлена на выявление потребностей сотрудников в обучении, их последующую мотивацию, выбор наиболее эффективных форм и методов обучения и как итог – достижение целей организации. Важно помнить, что инвестиции в обучение кадров в организации должны рассматриваться как инвестиции в основной капитал, поскольку это приведет к росту прибыли за счет роста качества человеческого капитала.

Литература

1. Веснин В.Р. Практический менеджмент персонала: пособие по кадровой работе. М.: Юрист, 2001. 496 с.
2. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: учебник, 4 изд., доп. и перераб. М.: Экономика, 2006. 670 с.
3. Гуляев А.В. Развитие системы профессионального обучения персонала в предпринимательских организациях: дис. ... канд. экон. наук. М., 2006.
4. Егоршин А.П. Управление персоналом: учебник для вузов, 4 изд., исправ. Н. Новгород: НИМБ, 2003. 720 с.
5. Кузьмина Ю.А. Особенности развития персонала в исследовательском университете // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2010. № 2. С. 41–44.
6. Магура М.И., Курбатова М.Б. Организация обучения персонала компании. Управление персоналом. 2 изд., доп. и перераб. М., 2003. 264 с.
7. Наумов А.И., Мраморнова О.В. Проблемы профессионального обучения персонала на железнодорожном транспорте // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15. Вып. 3. С. 269–276.
8. Нестерова О.В. Обучение персонала как инструмент реализации стратегических целей организации // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Т. 7. № 2. С. 1–13.
9. Пацук О.В. Роль человеческого фактора в социально-экономическом развитии регионов // 2000–2010 годы: эволюция и генезис структуры социально-политических отношений в России и за рубежом: междунар. колл. монография. В 3-х ч. Т. I. / Под общ. ред. Д.П. Пискарева, И.Е. Пискаревой. М., 2010.
10. Поздеева Н.Р., Хакимова Д.В. Повышение эффективности работы предприятия на основе совершенствования управления трудовым потенциалом // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 2. С. 1–19.
11. Тузков И.С., Никонорова С.А. Развитие и профессиональное обучение персонала в системе подготовки кадров организации // Вестник Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых. 2017. № 2. С. 119–130.
12. Управление персоналом организации: учебник / под ред А.Я. Кибанова. 4 изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2010. 695 с.
13. Урываева Е.В. Персонал в бизнес-организациях: обучение и развитие в современных условиях. дис. ...канд. социол. наук. Волгоград, 2006.

Внутренние миграции в муниципальных образованиях Башкортостана

Г. ХИЛАЖЕВА, И. УТЯШЕВА,
О. АДИАМОВА, Д. ЯГАФАРОВА

Одним из факторов социально-экономического и демографического развития региона и отдельных его территорий является миграция. Она определяет качественные и количественные показатели трудовых ресурсов, численность, половозрастной состав, репродуктивный и брачный потенциал населения как на региональном, так и муниципальном уровнях.

Учет территориальной специфики сложившейся миграционной ситуации является важным условием реализации эффективной региональной миграционной политики. Это особенно актуально для регионов со значительной дифференциацией территорий, к которым относится и Республика Башкортостан. В республике наблюдается большой разброс основных показателей социально-экономического, демографического развития, развития человеческого потенциала [3; 5; 8].

В российских регионах и Башкортостане проводятся исследования миграционных процессов на муниципальном уровне: выявляются интенсивность межмуниципальных связей [7]; влияние социально-экономических показателей [1]; состояние и эффективность регулирования миграционных процессов [2]; особенности миграций в городах и районах [6]; миграционная ситуация в муниципальных образованиях РБ [5].

Уровни потоков миграции в Республике Башкортостан. Эффективное регулирование миграционных процессов предполагает необходимость учитывать их содержательную, качественную составляющую (направленность, интенсивность, состав участников и т.д.). В Башкортостане международный, межрегиональный, внутрирегиональный потоки миграции отличаются по объему, интенсивности, характеру. Международная и межрегиональная миграции вносили разный вклад в общий миграционный прирост РБ: международная – положительный, межрегиональная – отрицательный (рис. 1).

В последние годы в каждом из рассмотренных уровней наблюдаются различные тенденции. Международная миграция, постепенно снижая свои показатели (в результате сокращения прибытий в последние три года), к 2016 г. продемонстрировала беспрецедентную для республики ситуацию – отрицательное сальдо. Несколько другая картина сложилась в сфере межрегиональной миграции – с 2011–2012 гг. миграционная убыль стала постепенно сокращаться и к 2016 г. уменьшилась почти вдвое (в основном в связи с некоторым ростом числа прибытий).

Хилажева Гульдар Фаритовна, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения человеческого потенциала Института стратегических исследований Республики Башкортостан (ИСИ РБ). E-mail: aguldar@yandex.ru

Утяшева Ирина Борисовна, начальник отдела статистики населения и здравоохранения Башкортостанстата, старший научный сотрудник Центра экономического мониторинга и анализа ИСИ РБ

Адиамова Олеся Флюновна, научный сотрудник Центра изучения человеческого потенциала ИСИ РБ

Ягафарова Дилара Гафуровна, научный сотрудник Центра изучения человеческого потенциала ИСИ РБ

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Центра изучения человеческого потенциала ГАНУ «ИСИ РБ» за 2017 г.

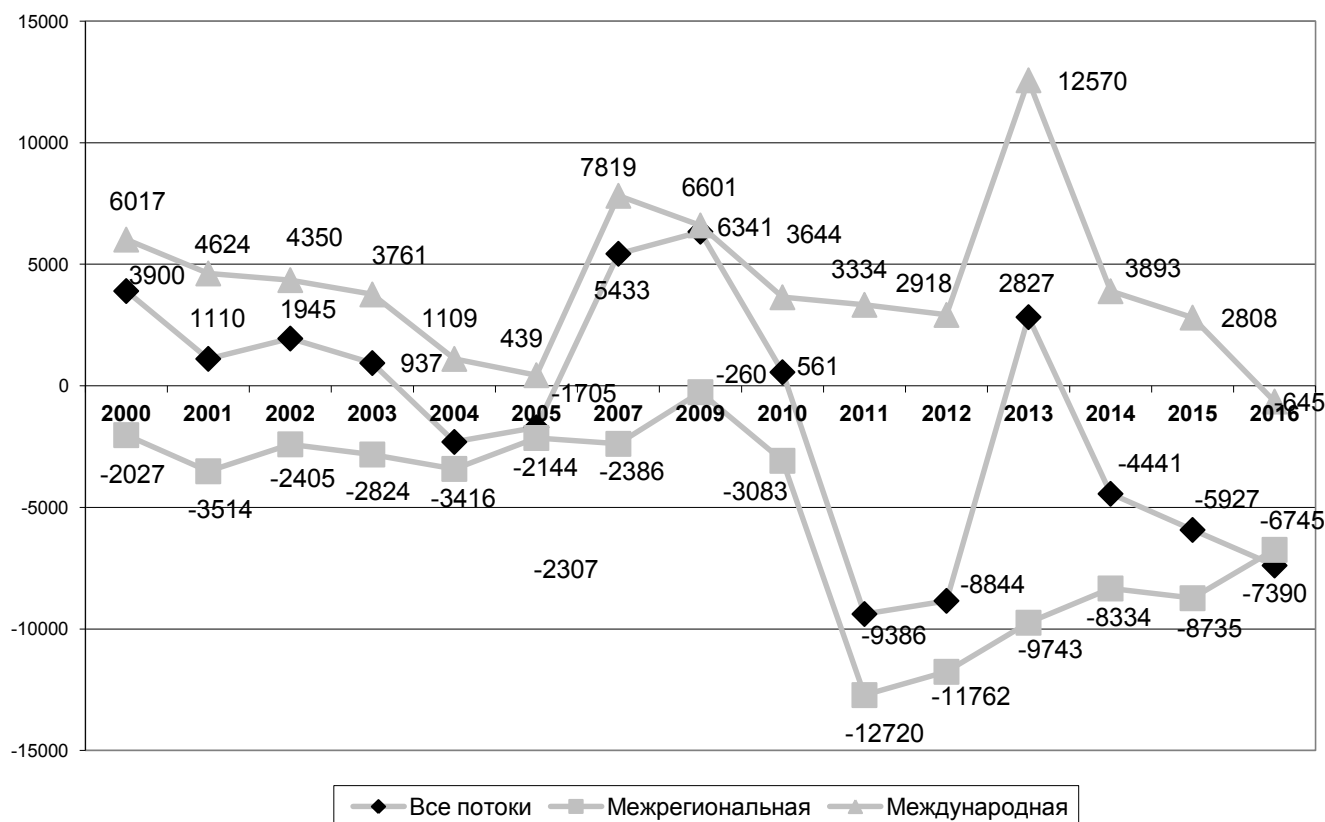

Рис. 1. Динамика миграционного прироста Республики Башкортостан по потокам, 2000–2016 гг., человек

Источник: данные Башкортостанстата.

Внутриреспубликанская миграция, которая реализуется преимущественно в направлении «село–город», характеризуется в последние годы ростом объемов. Если в 2013–2016 гг. общее число миграционных перемещений в пределах республики составляло 99–100 тыс. человек ежегодно, то в предыдущие годы было значительно меньше (78 тыс. человек в 2011 г.). Более интенсивная по сравнению с другими регионами РФ внутрирегиональная миграция всегда была характерна для Башкортостана, имеющего значительную долю сельского населения.

Основными участниками внутренних миграций (межрегиональной и внутрирегиональной) являются лица трудоспособного возраста (около 80 %). Межрегиональная миграционная убыль более интенсивно происходит среди лиц в возрасте от 15 до 35 лет, а также среди женского населения. Та же тенденция наблюдается на селе в результате внутриреспубликанской миграции.

На наш взгляд, наибольшее воздействие на демографический потенциал республики оказывают внутренние миграции. Международная миграция, незначительная как по своему объему (ее доля составляет около 10 % в общих миграционных процессах), так и по своей длительности (основная масса международных мигрантов прибывает временно, с целью трудовой занятости), не оказывает существенного влияния на качественный состав и численность постоянного населения республики [8, 206]. Последствия межрегиональной и внутрирегиональной миграции (объем которых составляет около 20 и 70 %, соответственно) для демографического развития республики более значительны и сегодня носят преимущественно негативный характер.

Миграционные процессы в муниципальных образованиях. Интенсивность межрегиональных и внутрирегиональных выбытий на уровне муниципальных образований республики нами рассмотрены на основе средних значений коэффициентов интенсивности выбытий, прибытий, миграционного прироста по потокам за 2014–2016 гг.

Показатели межрегиональных выбытий по муниципальным образованиям колеблются в пределах от 50 до 300 на 10 тыс. человек. Сверхвысокий уровень оттока в другие регионы (более 200) наблюдается на восточных и северных границах республики. В уральской зоне выделяются Абзелиловский (218 выбытий на 10 тыс. человек) и Учалинский районы (255), в первую очередь, за счет г. Учалы, в котором самая высокая в республике интенсивность межрегионального оттока (291); в северо-восточной зоне – Кигинский (264), Мечетлинский (242); в северной – Аскинский (234), Татышлинский (223); в северо-западной зоне – г. Агидель (234).

В целом по республике высокая интенсивность выбытий наблюдается в 21 муниципальном образовании, то есть примерно в трети из них. Самый высокий отток в другие регионы России наблюдается в районах, удаленных от центра республики, расположенных на границе с другими субъектами РФ или близких к ним территориально.

Перечисленные муниципальные образования имеют и относительно высокие показатели межрегиональных прибытий. Однако доля выезжающего населения в указанных районах больше, что ведет к значительной межрегиональной миграционной убыли населения в них.

Интенсивный межрегиональный обмен республики с российскими регионами сопровождается миграционными потерями населения во всех муниципальных образованиях, в том числе и в двух самых крупных городских округах – Уфе (–1 на 10 тыс. человек) и Стерлитамаке (–22). Прирост населения в результате межрегиональной миграции наблюдается лишь в двух муниципальных образованиях – Уфимском и Иглинском районах (20 и 28 на 10 тыс. человек соответственно) (см. рис. 3).

Наиболее активно население республики участвует во внутрирегиональной миграции. Ее интенсивность выше, поэтому и значения коэффициентов имеют больший разброс (от 100 до 500–700 на 10 тыс. человек).

Районы, из которых чаще всего выезжает население, находятся на периферии республики. В южной зоне выделяются Федоровский (529) и Куюргазинский (491) районы; западной – Шаранский (463) и Миякинский (460); северо-западной – Краснокамский районы (384) и г. Агидель (479). 34 муниципальных образования, то есть более половины сельских муниципальных районов, характеризуются значительными выбытиями.

Население Башкортостана чаще всего мигрирует в муниципальные районы в центре республики – Уфимский (интенсивность прибытий – 702 на 10 тыс. человек), Иглинский (661) и Стерлитамакский (529).

Миграционный прирост в результате обмена внутри республики складывается лишь в 13 муниципальных образованиях. Лидерами являются те же районы, которые и имеют высокий прирост в результате межрегиональной миграции, – Уфимский и Иглинский (418 и 386 соответственно), после них со значительным разрывом следует Стерлитамакский район (81). Число городов, в которых происходит интенсивный внутриреспубликанский миграционный прирост, незначительно. Среди городских округов лидируют Нефтекамск (29), Стерлитамак (20), Уфа (15). Их опережают малые и средние города в составе муниципальных районов – Бирск (92), Учалы (53), Баймак (19), которые «стягивают» к себе население из соседних районов и близлежащих населенных пунктов (см. рис. 4).

Миграция в пределах республики имеет достаточно выраженную связь с уровнем развития поселения. Можно предположить, что внутрирегиональный миграционный прирост при прочих равных условиях связан с более высоким уровнем доходов населения, более низким уровнем безработицы и лучшими условиями проживания, а также возможностью получения высшего профессионального образования.

Для оценки социально-экономических причин внутрирегиональной миграции в Башкортостане была построена регрессионная модель, включающая в себя основные характеристики муниципального образования [4]. В связи с ограниченностью показателей муниципальной статистики отобранные индикаторы не отражают всей сложности и глубины процессов.

Проведенный анализ показал наиболее сильное влияние на внутрирегиональную миграцию такого показателя, как уровень доходов (рис. 2). Коэффициент миграционного выбытия для муниципальных образований связан с отрицательной корреляцией с заработной платой, то есть чем выше заработная плата в муниципальном образовании, тем меньше отток населения. Таким образом, можно сказать, что на уровне локальной миграции (на небольшие расстояния) отсутствуют так называемые «ловушки бедности», то есть население имеет финансовые возможности для перемещения внутри региона и недалеко за его пределы, для реализации своих миграционных намерений.

Показатель	Тренд миграции при увеличении показателя: снижение/рост
Среднемесячная заработная плата работников организаций	↓
Уровень безработицы	↑
Оборот розничной торговли	↓

* R-квадрат= 0,553

Рис. 2. Влияние основных компонент анализа на показатель внутрирегиональной миграции

Можно предположить, что если «ловушки бедности» и имеют место, то в случае миграции на дальние расстояния в пределах региона влияние материальных ограничений не настолько существенно. Согласно исследованиям, при перемещении на дальние расстояния определяющую роль играют характеристики региона выбытия, а при перемещении на близкие расстояния – региона прибытия [1].

Уровень безработицы также в значительной степени влияет на миграционное поведение населения: с ростом безработицы в муниципальном образовании растет миграционный отток. Оборот розничной торговли связан с отрицательной корреляцией с оттоком населения: чем выше показатель, тем ниже миграционная активность в муниципальном образовании. Показатель отражает средний индивидуальный уровень покупки товаров и характеризует социальный эффект торговой деятельности, степень удовлетворения спроса населения.

Таким образом, миграционная ситуация в республике в последние годы характеризуется изменением интенсивности разных потоков: снижением прироста за счет международной миграции и сокращением убыли в результате межрегионального обмена, увеличением объема внутриреспубликанской миграции.

Большинство муниципальных образований характеризуются миграционной убылью в результате внутренних миграций. Отток лиц трудоспособного и репродуктивного возрастов в российские регионы ведет к снижению репродуктивного, трудового, интеллектуального потенциала региона. Следствием внутриреспубликанской миграции является неравномерное распределение человеческих ресурсов в регионе, концентрация трудоспособного населения в высокоразвитых территориях; старение населения и обезлюдивание слаборазвитых сельских территорий.

В муниципальных образованиях, характеризующихся относительно более низкой заработной платой, высоким уровнем безработицы, миграционная активность населения выше, основные миграционные потоки направлены на территории с более высокой заработной платой и возможностью трудоустройства, то есть социально более благополучные.

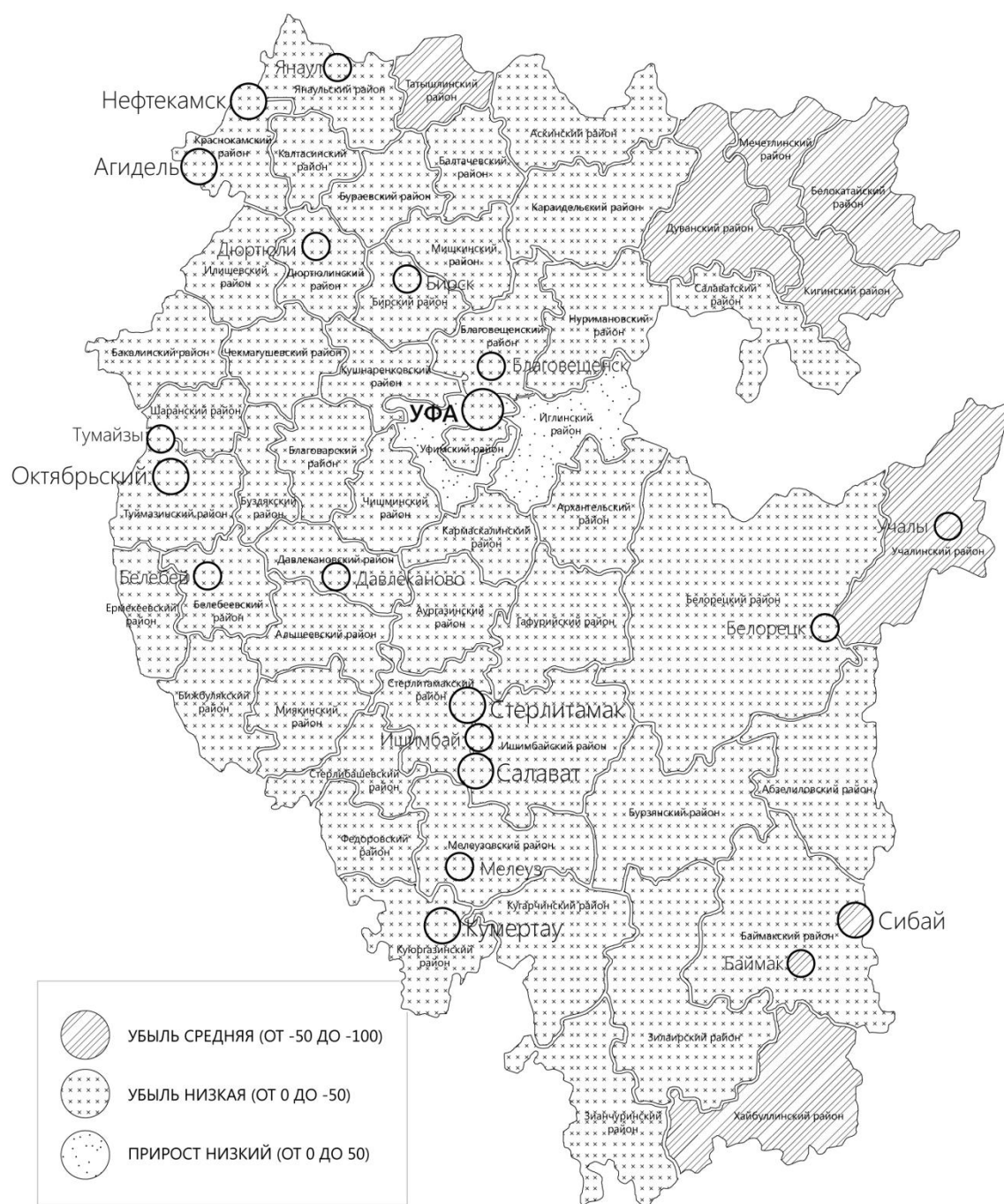

Рис. 3. Межрегиональный миграционный прирост в муниципальных образованиях РБ, среднее значение за 2014–2016 гг., на 10 тыс. человек

Источник: расчеты авторов на основе данных Башкортостанстата.
Карта составлена Сагитовым И.З.

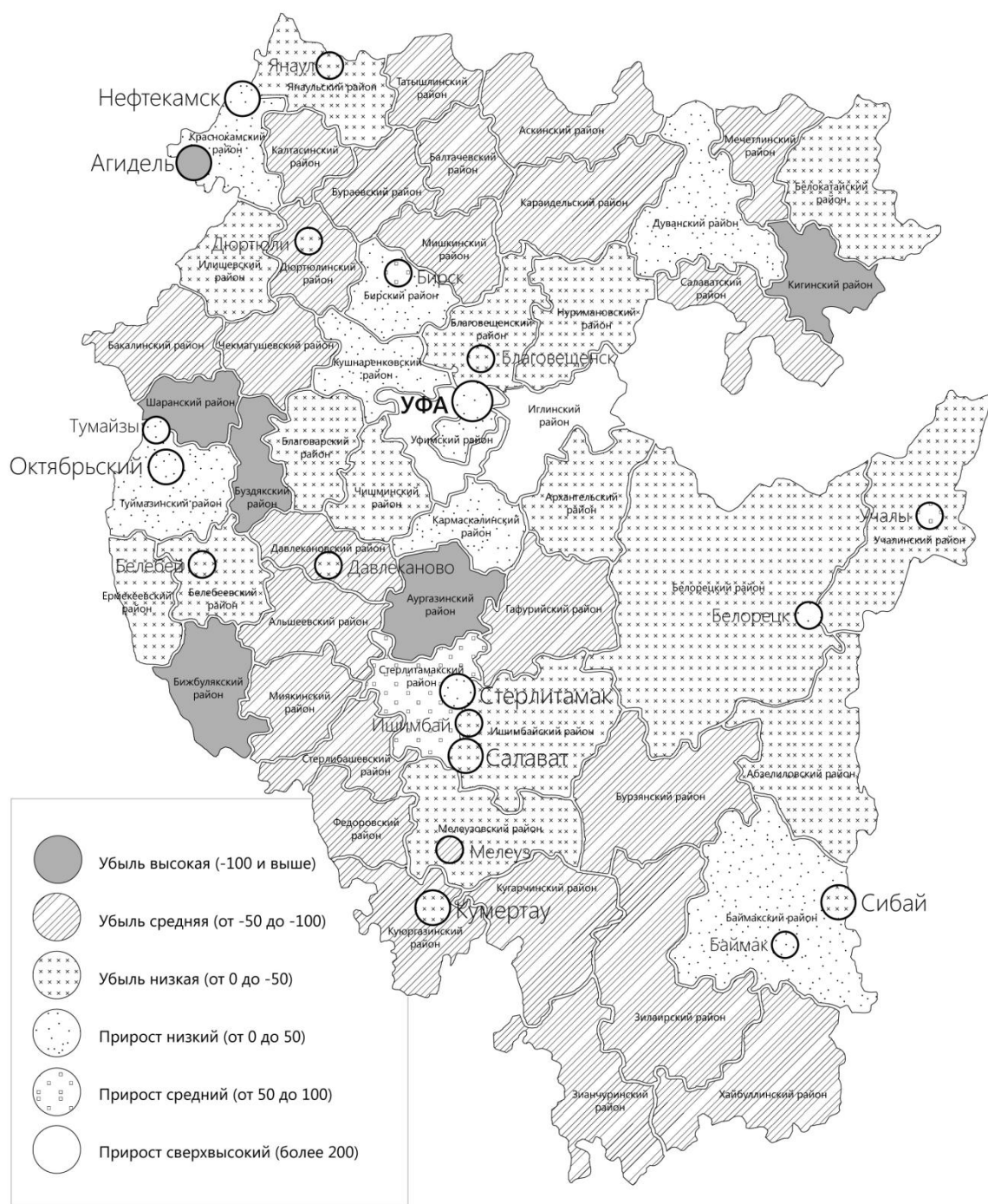

Рис. 4. Внутрорегиональный миграционный прирост в муниципальных образованиях РБ, среднее значение за 2014–2016 гг., на 10 тыс. человек

Источник: расчеты авторов на основе данных Башкортостанстата.
Карта составлена Сагитовым И.З.

Неравномерное социально-экономическое развитие республики приводит к крайне высокой дифференциации показателей миграции по объему, интенсивности, направленности. Сегодня в республике назрела необходимость в формировании такой политики в сфере миграции, которая бы учитывала эти особенности. Механизмом ее реализации может стать система мер для каждого муниципального образования, в частности, разработка муниципальных планов по реализации Концепции миграционной политики Республики Башкортостан на период до 2025 г.

Литература

1. Вакуленко Е.С. Моделирование миграционных потоков на уровне регионов, городов и муниципальных образований: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2013. 28 с.
2. Глазкова Л.А. Регулирование миграционных процессов на территории городских муниципальных образований: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2014. 19 с.
3. Исянбаев М.Н. Экономические подрайоны Республики Башкортостан: приоритетные направления социально-экономического развития. Уфа: Гилем, 2008. 292 с.
4. Показатели муниципальных образований. База данных Башкортостанстата [Электронный ресурс]. URL: <http://bashstat.gks.ru/>
5. Республика Башкортостан. Демографический доклад. Вып. 2 / под ред. Р.М. Валиахметова, Г.Ф. Хилажевой, Н.К. Шамсутдиновой. Уфа: Восточная печать, 2016. 148 с.
6. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. и др. География миграционных процессов Республики Башкортостан: содержание, эволюция, политика. Уфа: УГАЭС, 2012. 132 с.
7. Стешина М.П. Методика оценки межмуниципальных миграционных связей // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2010. № 6. С. 76–80.
8. Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Г.Р. Баймурзиной, Н.М. Лавренюк. Уфа: Восточная печать, 2015. 360 с.

Влияние размера вуза на его мировой рейтинг

Г. ИСЛАКАЕВА

Повышение конкурентоспособности российских вузов на мировом рынке в глобальной науке относится к числу приоритетных направлений образовательной политики России на протяжении последних 10 лет.

Задачу достижения мирового уровня в сфере высшего образования федеральным правительством было предусмотрено решить путем создания многочисленных научно-образовательных «точек роста» на территории страны в рамках федеральных университетов (ФУ) и национальных исследовательских университетов (НИУ). Всего было создано 10 ФУ и 29 НИУ.

В последующем с 2013 г. было принято решение о реализации проекта «5/100», цель которого – обеспечить вхождение к 2020 году не менее 5 российских вузов в число 100 лучших университетов в ведущих мировых рейтингах: Quacquarelly Symonds (QS World University Rankings), THE (The Times Higher Education World University Rankings), ARWU (Academic Ranking of World University). В числе участников проекта «5/100» – 17 вузов, имеющих статус ФУ или НИУ.

Ислакаева Гузель Разимовна, канд. экон. наук, заместитель заведующего лабораторией исследований социально-экономических проблем регионов Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: Islakaeva@list.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-46-020762а.

Принципиальным отличием ФУ от НИУ, как показал анализ концепции создания и государственной поддержки развития федеральных университетов [3], является то, что у федеральных университетов многопрофильная ориентация, большая численность студентов, профессорско-преподавательского состава в силу объединения нескольких вузов.

Национальные исследовательские университеты, созданные на базе существующих вузов и не путем объединения нескольких вузов, в отличие от федеральных университетов в большей степени ориентированы на подготовку научных кадров.

По сути, задачу, связанную с достижением российскими вузами мирового уровня (войти в топ-100 мировых университетов), федеральным правительством предусматривается решить за счет двух принципиально отличающихся друг от друга подходов: первый – это концентрация ресурсов путем укрупнения вузов, что инициировало создание ФУ; второй – это ориентация на подготовку научных кадров и усиление научно-исследовательской деятельности в рамках создания НИУ.

Насколько эти два подхода согласуются с мировыми? Оказывает ли влияние размер вуза на его мировой уровень? Схожи ли российские вузы с ведущими международными вузами по своим масштабам (численности студентов, магистрантов и аспирантов на одного преподавателя)?

С целью поиска ответов на поставленные вопросы нами был проведен сравнительный анализ зарубежных вузов с федеральными университетами и национальными исследовательскими университетами по таким показателям, как число студентов, магистрантов и аспирантов, численность профессорско-преподавательского состава (ППС). Для анализа мы использовали рейтинг вузов «QS World University Rankings» (QS) за 2017 год [4]. Выбор данного рейтинга обусловлен меньшей долей субъективизма по сравнению с другими рейтингами мировых вузов (к примеру, рейтингом мировых вузов Шанхайского университета). В рейтинге QS доля экспертной оценки составляет только 40 %. С другой стороны, согласно проекту «5/100» этот рейтинг учитывается как один из целевых ориентиров по вхождению в него российских вузов.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что образовательные центры достигли мирового уровня, даже обладая небольшой численностью студентов и профессорско-преподавательского состава, если сравнивать с ФУ, которые представлены в рейтинге QS (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг лучших университетов мира (рейтинг «Times Higher Education-QS World University» 2017–2018)

Institution	Число студентов (чел.)	Число преподавателей (чел.)	Число магистров и аспирантов (чел.)
Среднее по вузам, занимающим позиции топ-10 в рейтинге	8269,9	4001,1	8795,6
Среднее по 10 вузам, занимающим 490–500 позиции (в середине списка рейтинга)	18 133	2 131	6 604
Среднее по последним 10 вузам в рейтинге	15 852	1 033	3 334
Среднее по вузам топ-10 и последним 10 вузам в рейтинге	12 061	2 517	6 065
Среднее по вузам топ-10, средним 10, последним 10 вузам в рейтинге	14 085	2 388	6 245
Среднее по вузам «5/100», вошедшим в рейтинг	13896,5	1554,9	4205,4
Среднее по российским вузам, вошедшим в рейтинг QS	14470,8	2090,8	4690,4
Среднее по ФУ, попавшим в рейтинг QS	22108,6	2515,8	5531,2
Среднее по НИУ, попавшим в рейтинг QS	12629,3	1429,9	3924,2

Составлено на основе источников: по зарубежным вузам [5]; по российским вузам [3].

Среднее число студентов первых десяти ведущих университетов мира в международном рейтинге университетов «QS World University Rankings» составляет всего 8269,9 чел., вместе с аспирантами – 17065,5 чел.

Примечательно то, что в этих вузах, входящих в топ-10, высокая доля магистрантов и аспирантов в общей численности обучающихся, соотношение студентов с магистрантами и аспирантами составляет 1:1. Что касается российских вузов, оказавшихся в рейтинге QS, то эта доля составляет менее четверти в общей численности обучающихся в разрезе всех рассматриваемых нами вузов. Причем она существенно ниже в ФУ (Казанский ФУ, Уральский ФУ, Дальневосточный ФУ, Южный ФУ) – 20 %. Из этого следует, что в ведущих российских вузах, в сравнении с ведущими мировыми вузами, акцент делается на подготовке студентов, а не на подготовке научных кадров.

Уровень подготовки студентов определяется не абсолютной численностью студентов и преподавателей, а их соотношением, не общим объемом финансирования вуза, а финансированием на одного студента. В 10 лучших вузах мира соотношение числа преподавателей, аспирантов и студентов составляет в среднем 1:2,1:2,2 (табл. 2). В первых десяти ведущих университетах мира на одного преподавателя приходится от 1,0 до 3,8 студента.

Таблица 2

Сравнительная характеристика мировых вузов с российскими университетами по численности НПП, студентов и аспирантов

Вуз	Число студентов (чел.)	Число преподавателей (чел.)	Число магистрантов и аспирантов (чел.)	Доля магистрантов и аспирантов в общей численности обучающихся
Средняя численность студентов, преподавателей по вузам, занимающим позиции в топ-10	8269,9	4001,1	8795,6	51,5
Средняя численность студентов, преподавателей в последних десяти вузах в рейтинге	15 852	1 033	3 334	17,4
Средняя численность студентов, преподавателей по вузам, входящим в топ-10, и последним 10 вузам в рейтинге	12 061	2 517	6 065	33,5
Средняя численность студентов, преподавателей по 10 вузам, занимающим 490–500 позиции (в середине списка рейтинга)	18 133	2 131	6 604	26,7
Средняя численность студентов, преподавателей в вузах проекта «5/100»	13896,5	1554,9	4205,4	23,2
Среднее численность студентов, преподавателей в российских вузах, включая участников проекта «5/100»	14470,8	2090,8	4690,4	24,5
Средняя численность студентов, преподавателей в ФУ	22108,6	2515,8	5531,2	20,0
Средняя численность студентов, преподавателей в НИУ	12629,3	1429,9	3924,2	23,7

Составлено на основе источников: по зарубежным вузам [5]; по российским вузам [3].

Проведенное сравнение мировых вузов с российскими университетами по численности студентов, магистрантов и аспирантов, приходящихся на одного преподавателя, показывает, что российские вузы по данному показателю в значительной мере уступают ведущим мировым вузам (из топ-10 рейтинга QS).

Отметим, что в рейтинг QS 2017 г. вошел 21 российский вуз, из них лишь 15 являются участниками проекта «5/100», а к оставшимся 6 относятся Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский госуниверситет, Московский государственный институт международных отношений, 1 ФУ (Южный федеральный университет), 2 НИУ (Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Саратовский госуниверситет им. Н.Г. Чернышевского). Если рассматривать соотношение между числом преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов по совокупности всех российских вузов, вошедших в рейтинг QS 2017, то оно выглядит следующим образом: 1:6,9:2,2.

Если рассматривать данное соотношение по ведущим вузам-участникам проекта «5/100», то в среднем на одного преподавателя приходится 8,9 студентов, магистрантов и аспирантов – 2,7.

Среднее значение по ФУ, вошедшим в рейтинг QS, показывает, что на одного преподавателя приходится 8,8 студентов, 2,2 магистранта с аспирантами. В НИУ на одного преподавателя в среднем приходится 8,8 студентов, магистрантов и аспирантов – 2,7.

На основании проведенного сравнительного анализа российских и мировых вузов на предмет их размеров по численности студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и соотношений этих показателей можно заключить, что нет прямой связи между размером вуза и его мировым уровнем.

Таблица 3

Сравнительная характеристика российских и мировых вузов по численности студентов, магистрантов и аспирантов, приходящихся на одного преподавателя

	Среднее количество студентов на одного преподавателя	Средняя численность магистрантов и аспирантов на 1 преподавателя
в первых десяти ведущих вузах мира (топ-10)	2,1	2,2
в последних десяти ведущих вузах мира	15,3	3,2
в топ-10 и последних десяти ведущих вузах мира	4,8	2,4
в 10 вузах, занимающих 490–500 позиции (в середине списка рейтинга)	8,5	3,1
в вузах проекта «5/100»	8,9	2,7
в российских вузах, включая участников проекта «5/100», вошедших в рейтинг	6,9	2,2
в ФУ, вошедших в рейтинг	8,8	2,2
в НИУ, вошедших в рейтинг	8,8	2,7

Составлено на основе источников: по зарубежным вузам [5]; по российским вузам [3].

Критический анализ подходов к проблеме достижения вузами мирового уровня, проведенный в статье, показал, что российские вузы по численности студентов, магистрантов и аспирантов, а также соотношению между числом преподавателей и студентов, аспирантов не в полной мере соответствуют вузам мирового уровня. Российские преподаватели перегружены педагогической нагрузкой, что затрудняет возможность приблизиться к мировому уровню подготовки кадров. Поэтому говорить о соответствии мировым вузам (топ-10) в этой части, очевидно, пока не приходится (в соответствии с данными таблицы 3). На наш взгляд, в отношении российских вузов следует акцентировать внимание на развитии научной деятельности, что предполагает коррекцию соотношения между числом преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов.

НИУ по принципу подготовки кадров подобны ведущим мировым университетам с позиции того, что они исследовательские и в них в большей степени, по сравнению с ФУ и другими вузами, уделяется внимание подготовке научных кадров. Учитывая, что размеры ведущих мировых университетов небольшие, соответственно, размер НИУ должен быть небольшой для мирового уровня.

Таким образом, можно сделать следующие обобщенные выводы теоретического и методологического плана. На момент проведения конкурса на получение статуса национального исследовательского университета все участники конкурсного отбора были немаленькими, если судить по меркам ведущих мировых университетов. Поскольку размеры российских вузов не соответствуют размерам ведущих мировых университетов, соответственно, следовало бы создать вузы «нового формата». Речь идет о создании маленьких вузов, соответствующих формату мировых университетов: маленькие по размерам (7–8 тыс. обучающихся), в которых доля подготовки магистрантов и аспирантов составляла не менее 50 %; соотношение числа преподавателей, студентов, аспирантов должно быть в среднем 1:4:2. Более того, они должны быть размещены по территории страны равномернее по сравнению с НИУ, которые в большинстве своем созданы в Москве. Причем вузы нового формата должны быть размещены не просто равномерно, а оптимально с точки зрения размещения производительных сил, научно обоснованных теорий пространственной экономики. Для решения такой оптимизационной задачи следует использовать современные методы исследования, агент-ориентированное моделирование [1; 2]. При использовании предлагаемого нами подхода к повышению уровня российской системы образования можно было бы достичь целей, например, проекта «5-100», затратив меньшие бюджетные средства.

Литература

1. Зулькарнай И.У. Методологические вопросы агент-ориентированного моделирования экономической целесообразности границ юрисдикций // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 3. С. 903–906.
2. Зулькарнай И.У. Моделирование горизонтальной конкуренции юрисдикций // Искусственные общества. 2014. Т. 9. Искусственные общества [Электронный ресурс]. URL: <http://artsoc.jes.su/s207751800000033-5-1>
3. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. Мониторинг 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>
4. Концепция создания и государственной поддержки развития федеральных университетов / Приложение к протоколу заседания межведомственной рабочей группы по приоритетному национальному проекту «Образование» при Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике от 29.09.2009 АФ-33/03пр [Электронный ресурс]. URL: http://old.kpfu.ru/capr/bin_files/09_09_22_fu_konc!17.pdf
5. QS World University Rankings [Электронный ресурс]. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018>

Ф. САФИН, Э. МУХТАСАРОВА, К. СИРАЗЕТДИНОВ. Социально-экономические факторы развития федеративных отношений (на примере Республики Башкортостан)

В статье на основе статистических данных предпринята попытка показать социально-экономические факторы развития федеративных отношений в Российской Федерации на примере Республики Башкортостан. Принятие Декларации о государственном суверенитете республики преподносилось как самый главный фактор, позволяющий самостоятельно решать многие социальные программы. Пройденные годы суверенизации показали, что республика из региона-донора превратилась в дотационный регион.

Ключевые слова: федерализм, социально-экономические отношения, договорный процесс, регион-донор, регион-реципиент.

F. SAFIN, E. MUCHTASAROVA, K. SIRAZETDINOV. Social and Economic Factors of the Development of Federal Relations (the Republic of Bashkortostan as the Example)

Based on the statistical data, the article reveals social and economic factors of the development of federal relations in the Russian Federation on the example of the Republic of Bashkortostan. The introduction of the Declaration on the state sovereignty was presented as the main factor allowed solving many social programs on their own. The previous years of sovereignty show that the republic transformed from a donor-region into a subsidy-region.

Key words: federalism, social and economic relations, treaty process, donor-region, recipient-region.

Л. СУЛТАНОВА. К вопросу об оценке конкурентоспособности регионов

В статье представлен анализ отдельных методов оценки конкурентоспособности регионов. Исследованы показатели и факторы, влияющие на интегральный показатель конкурентоспособности территории. Систематизированы преимущества и недостатки рассматриваемых моделей оценки конкурентоспособности регионов.

Ключевые слова: конкурентоспособность региона, инвестиционная привлекательность, уровень жизни, интегральный показатель.

L. SULTANOVA. The Question of Competitive Ability of Regions Assessment

In the article the analysis of competitive ability assessment methods was presented. There researched indexes and factors influencing on an integral index of competitive ability. There systematized advantages and disadvantages of researched models of competitive ability assessment of regions.

Key words: competitive ability of a region, investment attractiveness, standard of living, integral index.

Н. КУЗЬМИНЫХ. Механизм создания благоприятного инновационного климата региона

В статье раскрыты особенности формирования инновационного климата региона в современных условиях хозяйствования. Выявлены место и роль понятия «инновационный климат» в системе понятий, характеризующих инновационный тип развития; уточнение его трактовки позволили обосновать механизм его формирования. Предлагаемый механизм основан на реализации модели открытых инноваций, отличается факторами, условиями, принципами и инструментами, отражающими интересы всех участников инновационной деятельности и определяющими точки их эффективного взаимодействия, что обеспечивает формирование благоприятного инновационного климата региона.

Ключевые слова: инновационный климат, инновационная среда, инновационное развитие, модель открытых инноваций, факторы, условия, принципы и инструменты формирования инновационного климата.

N. KUZMINYKH. Mechanism of Formation of Favorable Innovative Climate of the Region

In article features of formation of innovative climate of the region in modern conditions of managing are revealed. Identification of the place and a role of the concept «innovative climate» of the system of the concepts characterizing innovative type of development; specification of his treatment have allowed to prove the mechanism of his formation. The offered mechanism is based on realization of model of open innovations, differs in the factors, conditions, the principles and tools reflecting the interests of all participants of innovative activity and defining points of their effective interaction that provides formation of favorable innovative climate of the region.

Key words: innovative climate, innovative environment, innovative development, model of open innovation, factors, conditions, principles and instruments of formation of innovative climate.

Я. СКРЯБИНА. Реализация социальной политики по защите и поддержке граждан пожилого возраста в Республике Башкортостан

Статья посвящена анализу эффективности социальной политики в отношении пожилых людей в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: социальная политика, пожилые люди, старение населения.

Ya. SKRYABINA. Realization of Social Policies for the Protection and Support of the Elderly in the Republic of Bashkortostan

The article is devoted to analysis of the effectiveness of social policy towards elderly people in the Republic of Bashkortostan.

Key words: social policy, elderly people, aging of the population.

И. СИНГИЗОВ, Н. СИНГИЗОВА. Показатели эффективности экономики региона

Статья посвящена исследованию эффективности экономики регионов Приволжского федерального округа на основе расчета и оценки производительности общественного труда и фондоотдачи, а также воздействия структуры региональной экономики на эффективность ее функционирования.

Ключевые слова: экономика региона, эффективность, производительность труда, фондоотдача, структура экономики, отраслевая структура.

I. SINGIZOV, N. SINGIZOVA. Performance Indicators of the Economy of the Region

The article investigates the efficiency of the economy of the Volga Federal district regions on the basis of the calculation and evaluation of the productivity of labor and capital productivity, and also influences the structure of the regional economy to the efficiency of its functioning.

Key words: region's economy, efficiency, labor productivity, capital productivity, economic structure, sectoral structure.

Л. ЖАМАЛОВ, М. МИНАСОВ. Модернизация системы здравоохранения – необходимая составляющая стратегии устойчивого развития региона

Здравоохранение как важный сегмент экономики – объект особого внимания и исследований системы государственного и муниципального управления. Модернизация системы здравоохранения выступает условием устойчивого развития экономики региона и страны. Частная медицина является препятствием для монополизации медицинской деятельности и создает предпосылки для развития конкурентной среды в медицине.

Ключевые слова: модернизация системы медицинской помощи, стационарозамещающие технологии, организация качественной лекарственной помощи, частная система здравоохранения, качество жизни населения.

L. ZHAMALOV, M. MINASOV. Modernization of the Health Care System is a Necessary Component of the Strategy for Sustainable Development of the Region

Healthcare system is important part of economics and the subject of special attention of the system of state and municipal management. Improvement of the healthcare system is a condition for the development of the region's economics. Private medicine is a barrier to the monopolization of medical activities.

Key words: healthcare system modernization, stationary substitution technologies, organization of quality medicines, private medicine, life quality of population.

Н. ТРОФИМОВА, А. ТАЙМАСОВ. Анализ структурных факторов развития российских регионов

Встраивание национальной экономики в систему международного разделения труда посредством ее открытости предопределяет активное региональное наполнение данного процесса. В складывающихся условиях полноценное позиционирование экономики Российской Федерации на мировом рынке невозможно без прогрессивных структурных сдвигов в региональных экономиках в сторону инновационных и ресурсосберегающих отраслей и секторов, обеспечивающих повышение эффективности и конкурентоспособности всех отраслей национальной экономики. Обеспечение прогрессивных структурных сдвигов в региональных экономиках является приоритетным направлением в среднесрочной и долгосрочной перспективе, которое потребует как от федерального уровня управления, так и регионального более активной государственной политики структурных преобразований.

Ключевые слова: экономика, регион, валовая добавленная стоимость, структурные факторы.

N. TROFIKOVA, A. TAIMASOV. Analysis of the Structural Factors of Development of Russian Regions

The integration of national economies into the international division of labor through its openness determines the fulfillment of the regional content of this process. In this context, the full positioning of the Russian economy on the world market is impossible without progressive structural changes in regional economies towards innovative and resource-saving industries and sectors, which would increase efficiency and competitiveness of all sectors of the national economy. Ensuring progressive structural shifts in regional economies is a priority in the medium and long term. This will require a more progressive public policy of structural reforms both at federal and regional levels.

Key words: economy, region, gross value added, structural factors.

Ю. ТОКТАМЫШЕВА, К. ЮСУПОВ. Оценка воспроизводственного потенциала региона с инновационной направленностью развития

В статье рассмотрены основные социально-экономические индикаторы экономики региона, позволяющие оценить условия для достижения экономического роста, эффективность функционирования экономики, уровень жизни в регионе и возможности дальнейшего социально-экономического развития на основе имеющегося воспроизводственного потенциала.

Ключевые слова: воспроизводственный потенциал региона, инновационная направленность развития.

Yu. TOKTAMYSHEVA, K. YUSUPOV. Assessment of the Reproductive Potential of the Region with an Innovative Direction of Development

The article contains an analysis the main socio-economic indicators of the region's economy that allow assessing the conditions for achieving economic growth, the efficiency of the functioning of the economy, the standard of living in the region and the possibilities for further socio-economic development based on the available reproductive potential.

Key words: reproductive potential of the region, innovative direction of development.

И. НУСРАТУЛЛИН. Межрегиональная асимметрия территорий с позиции неравновесного подхода

Целью исследования является выявление основных причин сформировавшегося межрегионального экономического неравенства и путей его преодоления. В рамках исследования проведен анализ работ, посвященных оценке межрегиональной дифференциации, выявлены причины межрегиональной дифференциации, получена неравновесная модель дифференциации регионов России по уровню социально-экономического развития.

Ключевые слова: межрегиональная асимметрия, межрегиональное неравенство, межрегиональная дифференциация, неравновесный подход.

I. NUSRATULLIN. Interregional Asymmetry of Territories from a Non-equilibrium Approach

The purpose of the study is to identify the main causes of the emerging interregional economic inequality and ways to overcome it. In the framework of the study, an analysis of the works devoted to the evaluation of interregional differentiation was carried out, the causes of interregional differentiation were identified, and a non-equilibrium model of differentiation of the regions of Russia in terms of socio-economic development was obtained.

Key words: interregional asymmetry, interregional inequality, interregional differentiation, non-equilibrium approach.

Л. ТИШИНА. Анализ чувствительности российской экономики на изменение спроса на импортные товары

В статье описывается разработанная автором модель, которая позволяет анализировать чувствительность российской экономики при изменении спроса на импортные товары. В статье представлена теоретическая основа модели, описано ее практическое применение. Также автор рассматривает вопрос оценки регрессионных функций спроса на импорт, входящих в разработанную модель.

Ключевые слова: импорт, функции спроса, «Затраты–Выпуск», государственная политика, промежуточное потребление, конечное потребление, валовое накопление капитала.

L. TISHINA. Analysis of the Russian Economy Sensitivity to Changes in Imported Goods' Demand

The article describes the model developed by the author, which allows analyzing the sensitivity of the Russian economy to changes in imported goods' demand. In the article the theoretical basis of the model is presented and its practical application is described. The author also considered the issue of estimating the regression import demand functions which are included in developed model.

Key words: import, demand function, «Input–Output», public policy, intermediate consumption, final consumption, gross capital formation.

Р. МИЯНОВ. Коррупция: искоренить нельзя смириться

Статья посвящена анализу пространственных особенностей коррупции на основе материалов международных организаций. Признается, что коррупция остается глобальной проблемой всего мирового социума. Приводятся примеры многосторонних международных конвенций по борьбе с коррупцией и механизмы по предупреждению и борьбе с ней на современном этапе.

Ключевые слова: коррупция, глобальная проблема, угроза современности, международные рейтинги, борьба с коррупцией.

R. MIYANOV. Corruption: Better to Reconcile than to Nip in the Bud

Article is devoted to the analysis of spatial features of corruption on the basis of materials of the international organizations. Admits that corruption remains a global problem of all world society. Examples of multilateral

international conventions on fight against corruption and mechanisms according to prevention and fight against her at the present stage are given.

Key words: corruption, global problem, present threat, international ratings, fight against corruption.

О. ВОДЯНЕНКО. Место и роль социальной экономики в эволюционном развитии общества

В статье показана роль «социального» в процессе эволюции общества, раскрыты элементы концепции становления социальной экономики на основе эволюционного подхода, выражающегося в выделении основных характеристик развития постиндустриальной экономики. Обоснована необходимость учета социальной составляющей в действиях экономических субъектов, раскрыты и обоснованы такие принципы социальной экономики, как гуманизм, социальная справедливость, общественная целесообразность, экономическая эффективность, приоритет государственных начал, экономическая самостоятельность местных органов власти.

Ключевые слова: социальная экономика, социальная сфера, социэкономика, социодинамика, постиндустриальное общество, социально-ориентированная экономика.

O. VODYANENKO. Place and Role of the Social Economy in the Evolutionary Development of Society

The article shows the role of «social» in the process of society's evolution, the elements of the concept of the formation of the social economy are revealed on the basis of the evolutionary approach, expressed in identifying the main characteristics of the development of the postindustrial economy. There are substantiated the need to take into account the social component in the activities of economic entities, disclosed and justified such principles of the social economy as humanism, social justice, social expediency, economic efficiency, priority of state principles, economic independence of local authorities.

Key words: social economy, social sphere, socioeconomics, sociodynamics, post-industrial society, socially-oriented economy.

Н. КЛИМОВА. Валовой муниципальный продукт: зарубежный и российский опыт оценки и применения

В работе представлены результаты анализа российских и зарубежных разработок в области оценки валового муниципального продукта как одного из важнейших показателей, характеризующих конечные результаты функционирования и развития субрегиональных образований. Выявлены достоинства и недостатки используемого и предлагаемого инструментария его оценки. Обоснована целесообразность и практическая значимость задействования данного показателя в управлении муниципальными образованиями России.

Ключевые слова: валовой муниципальный продукт, муниципальные образования, территориальное управление.

N. KLIMOVA. Gross Municipal Product: Foreign and Russian Experience of Assessment and Application

The paper presents the results of the analysis of Russian and foreign developments in the field of estimating the gross municipal product as one of the most important indicators, characterizing the final results of the functioning and development of subregional entities. The advantages and disadvantages of the used and proposed tools for its evaluation are revealed. The expediency and practical significance of the use of this indicator in the management of municipalities in Russia is justified.

Key words: gross municipal product, municipal formations, territorial management.

З. САБИРОВА. Развитие социального предпринимательства: федеральный и региональный аспекты

Социальное предпринимательство может выступать в качестве дополнительного, альтернативного государственным институтам механизма решения социальных задач. Проект Закона о социальном предпринимательстве содержит более четкие формулировки и приведен в соответствии с Трудовым кодексом РФ. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года предусматривает дополнительные меры поддержки в области социального предпринимательства.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальные задачи, экономическое развитие, социальная сфера, социально ориентированные некоммерческие организации.

Z. SABIROVA. Development of Social Entrepreneurship: Federal and Regional Aspects

Social entrepreneurship can act as an additional mechanism, alternative to state institutions, for solving social problems. Draft Law on Social Entrepreneurship contains more clear language and is aligned with the Labor Code of the Russian Federation. The strategy for the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation for the period until 2030 provides for additional support measures in the field of social entrepreneurship.

Key words: social entrepreneurship, social tasks, economic development, social sphere, socially oriented non-profit organizations.

Э. МЕХДИЕВ. Особенности региональной интеграции на примере ЕАЭС

В настоящей статье рассмотрены предпосылки возникновения, а также основные правовые аспекты функционирования Евразийского экономического союза. Были изучены мнения отечественных исследователей, давших правовую оценку Договору 2014 года, сам Договор, структура Союза, его правовая система, источники и принципы.

Ключевые слова: международное право, ЕАЭС, евразийская интеграция, глобализация, регионализация, СНГ.

E. MEKHDIYEV. Features of Regional Integration on the Case of the EEU

The author considers the prerequisites for the EAEU emergence and the main legal aspects of the Eurasian Economic Union functioning. The article examines the views of domestic researchers who gave legal assessment to the Treaty of 2014, as well as the Treaty itself, the structure of the Union, its legal system, sources and principles.

Key words: international law, EEU, Eurasian integration, globalization, regionalization, the CIS.

З. ИБРАГИМОВА, Н. ИШМУХАМЕТОВ, Г. РОССИНСКАЯ. Социально-экономическая дифференциация потребления домохозяйств России в периоды экономического сжатия

Рассмотрены вопросы социально-экономической дифференциации потребления домохозяйств России во взаимосвязи с периодами экономического сжатия. Вскрыты различия между этими периодами по факторам дифференциации, особенностям их проявления. Отмечена необходимость в государственной стратегии преодоления чрезмерной дифференциации.

Ключевые слова: домохозяйства, потребление, потребительское поведение домохозяйств, человеческий потенциал домохозяйств, доходы, дифференциация, экономическое сжатие, бедность.

Z. IBRAGIMOVA, N. ISHMUKHMETOV, G. ROSSINSKAYA. Socio-economic Differentiation of Consumption of Households in Russia During Periods of Economic Contraction

The issues of socio-economic differentiation of consumption of households in Russia in connection with periods of economic compression are considered. The differences between these periods are revealed on the factors of differentiation, the peculiarities of their manifestation. The need for a state strategy to overcome excessive differentiation was noted.

Key words: households, consumption, consumer behavior of households, human potential of households, incomes, differentiation, economic compression, poverty.

У. НАЗАРОВА, Т. ШТОЛЬ. Мотивация государственных гражданских служащих на основе причастности

В статье рассматривается проблема мотивации государственных гражданских служащих, которая выражается в росте текучести кадров в органах государственной власти, и осуществляется поиск новых инструментов на основе причастности. Статья основывается на результатах комплексного обследования специфики труда государственных служащих в Республике Башкортостан и экспертном опросе руководителей кадровых служб органов государственной власти.

Ключевые слова: мотивация, система причастности, государственные гражданские служащие, мотивационные инструменты, мотивационный эффект.

U. NAZAROVA, T. SHTOL. Motivation of State Civil Servants Based on Involvement

The article is considered the motivation of state civil servants on the basis of implication, the search of new mechanisms for motivating labor, motivational tools and also the problems of personnel turnover in public authorities of the Republic of Bashkortostan. Article is based on the results of a comprehensive survey of 5 heads of personnel departments of public authorities in the Republic of Bashkortostan.

Key words: motivation, system of participation, public civil servants, motivational tools, motivational effect.

А. ГАВРИКОВА. Факторы формирования качества человеческого капитала в условиях информационного общества

Статья посвящена анализу влияния информационного общества на формирование факторов, влияющих на развитие качества человеческого капитала. В информационном обществе возникают новые факторы формирования качества человеческого капитала. Внешние факторы обусловлены развитием информационных технологий и оказывают влияние на внутренние факторы. В совокупности данные факторы формируют определенные компетенции, которые позволяют индивиду встраиваться в экономическую систему.

Ключевые слова: человеческий капитал, факторы, информационное общество.

A. GAVRIKOVA. Factors of the Quality of Human Capital Forming in the Information Society

The article is devoted to the analysis of the influence of the information society on the formation of factors influencing the development of the quality of human capital. In the information society, new factors arise in the formation of the quality of human capital. External factors caused by the development of information technology have an impact on internal factors. Together, these factors form certain competences that allow an individual to integrate into the economic system.

Key words: human capital, factors, information society.

Д. ИШМУРАТОВА. Общий и специфический человеческий капитал: основные тенденции накопления и использования

Изучение человеческого капитала относится к числу актуальных тем современности, что связано с поиском резервов роста производительности труда, повышения конкурентоспособности экономики в целом. В исследованиях отмечаются разнонаправленные тенденции в данной сфере, вызванные изменением его количественных и качественных характеристик, а также характером его использования.

Ключевые слова: общий и специфический человеческий капитал, специальный стаж, уровень образования.

D. ISHMURATOVA. General and Specific Human Capital: the Main Trends of Accumulation and Use

The study of human capital is one of the topical issues of our time, which is connected with the search for reserves for the growth of labor productivity and for improving the competitiveness of the economy as a whole. Studies note multidirectional trends in this area, caused by changes in its quantitative and qualitative characteristics, as well as the nature of its use.

Key words: general and specific human capital, special work experience, level of education.

М. МИНАСОВ, Д. ПЕТРОВ. Интеллектуальный ресурс как экономическая категория

В данной статье представлена авторская трактовка сущности интеллектуального ресурса как экономической категории, которая позволяет не только выделить его категориальные элементы, но и представить в качестве открытой системы, которая непрерывно взаимодействует с внешней средой и регулируется ее потребностями.

Ключевые слова: интеллектуальный ресурс, содержательная основа, ресурсная основа, категория, инновации, знания, воспроизводство.

M. MINASOV, D. PETROV. Intellectual Resource as an Economic Category

In this article is representing the author's interpretation of intellectual resource essence. It is representing as economic categories that allow selecting categories elements and imagining it as an open system (which has been continuously engaged with the external environment and regulated by its needs).

Key words: intellectual resource, content basis, resource base, category, innovations, knowledge, reproduction.

Л. АБЗАЛИЛОВА. Имитационная модель процесса предоставления услуг информационных технологий и связи

В статье представлены результаты моделирования работы отдела поддержки пользователей (HelpDesk) управления информационных технологий и связи (УИТиС), функционирующего на территории общества с ограниченной ответственностью «Газпром нефтехим Салават». На основании полученных результатов найдены оптимальные параметры работы отдела поддержки пользователей и сформулированы рекомендации по проведению мероприятий, связанных с оптимизацией бизнес-процесса предоставления услуг информационных технологий и связи.

Ключевые слова: моделирование, система массового обслуживания, бизнес-процесс.

L. ABZALILOVA. Imitation Model of the Process of Providing Services of Information Technologies and Communications

The article presents the results of modeling the work of the Customer Support Department (HelpDesk) of the Information Technology and Communications Department (UITiS) operating on the territory of the limited liability company «Gazprom Neftekhim Salavat». Based on the results obtained, the optimum parameters for the work of the customer support department were found and recommendations were formulated for carrying out activities related to the optimization of the business process of providing information technology and communications services.

Key words: modeling, queuing system, business process.

Ю. ДОРОЖКИН. Какая политическая система и почему нужна современной России: вектор обновления

Статья посвящена актуальным проблемам развития политической системы России. Рассматривается необходимость обновления российских политических институтов и государственной политики, повышения качества и эффективности политического управления. Исследуются три сценария реновации политической

системы современной России: консервативный – «косметические» действия по развитию институтов и политики; эффективный персоналистский политический режим; демократическая политическая система.

Ключевые слова: альтернативы политического развития, политическая стагнация, персоналистский политический режим, демократическая власть.

Yu. DOROZHNIKIN. **What Political System and Why Modern Russia is Needed: the Vector of Renewal**

The article is devoted to the present-day development problems of the political system in Russia. The renewal need for quality and effectiveness political control improvement and the renewal need for Russian political institutes and state policy are considered. Three renewal scenarios of the political system of the contemporary Russian Federation are under investigation: conservative – «cosmetic» action to develop relative institutes and politics; personalistic effective political regime; democratic political system.

Key words: alternative for political development, political conservation, personal political regime, democratic government.

Г. КАМАЛОВА. **Федеральные и муниципальные выборы в Российской Федерации: предвыборная агитация и новые тренды**

В статье анализируется предвыборная кампания политических партий, принявших участие в федеральных и муниципальных выборах осенью 2016 года в Российской Федерации. Особое внимание уделено агитационным материалам регионального уровня, выделены новые тенденции и тренды в избирательном процессе.

Ключевые слова: выборы, избирательная кампания, политические партии, политическая реклама, предвыборная агитация.

G. KAMALOVA. **Federal and Municipal Elections in the Russian Federation: Political Campaign and New Trends**

The article discusses the pre-election campaign materials that were used by parties and candidates during the electoral campaign in the autumn of 2016 at the Federal and municipal elections in the Russian Federation on the example of some regions of the country and highlighted new trends in the electoral process.

Key words: elections, election campaign, political parties, political advertising.

Р. ЛАТЫПОВ, Д. БИКТИМИРОВА. **Глобальные и классические агенты политической социализации современной российской молодежи**

В представленном материале статьи актуализируется научная проблема создания новой теории политической социализации молодежи, отличной от классической. Авторы доказали, что глобальные агенты политической социализации, возникшие с появлением сети Интернет, ослабили национальную модель политической социализации и угрожают нивелировать некогда стабильные политические культуры национальных государств.

Ключевые слова: политическая социализация, агенты политической социализации, политическая социализация молодежи, теория политической социализации.

R. LATYPOV, D. BIKTIKIMIROVA. **Global and Classical Agents of Political Socialization of Modern Russian Youth**

The presented material of the article actualizes the scientific problem of creating a new theory of political socialization of young people, different from the classical one. The authors have proved that the global agents of political socialization that have arisen with the advent of the Internet have weakened the national model of political socialization and threaten to level out the once stable political cultures of national states.

Key words: political socialization, agents of political socialization, political socialization of youth, theory of political socialization.

А. КУЛИНЧЕНКО. **Управление общественными процессами: политическое управление или политический менеджмент**

В работе анализируются научные подходы к управлению общественными процессами. Обосновывается положение об интегральном управляющем воздействии на общество со стороны государственного управления, самоорганизации, самоуправления, взаимодействие и взаимодополнительность которых образуют систему управления обществом. Раскрывается роль политики и политический характер управления обществом.

Ключевые слова: управление, управление в обществе, политика, государственное управление, политический менеджмент, система управления обществом, политический характер управления обществом.

A. KULINCHENKO. Administration of Social Processes: Political Administration or Political Management

This paper analyzes the scientific approaches to the management of social processes. The author substantiates the position of the integral control actions on society by state control, self-organization, self-management, interaction and application of which constitutes a system of governance. The role of policy and political governance is revealed.

Key words: administration, society administration, politics, public administration, political management, system of social control, political nature of governance.

A. КУРМАНОВ. Конституционно-правовые основы права на равный доступ к государственной и муниципальной службе в Республике Башкортостан

Статья посвящена вопросам возникновения и законодательного закрепления права гражданина на доступ к государственной и муниципальной службе. На основе проведенного анализа автор показывает, что нормативные правовые акты Республики Башкортостан в части реализации данного права полностью отражают международные стандарты и принципы Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, Конституция Республики Башкортостан, государственная служба.

A. KURMANOV. Constitutional and Legal Bases of the Right to Equal Access to State and Municipal Service in the Republic of Bashkortostan

The article is devoted to the emergence and the legislative recognition of the right of a citizen to access to public and municipal service. On the basis of the conducted analysis the author shows that normative legal acts of the Republic of Bashkortostan, in implementing this right fully reflect international standards and principles of the Constitution of the Russian Federation.

Key words: rights and freedoms of man and citizen, Constitution of the Republic of Bashkortostan, public service.

В. ГИЛЬМАНОВ. Особенности партийного рекрутмента в демократических режимах и гибридных режимах с доминантной партией

В статье дано авторское определение партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров. Предложено объединение партий как механизмов рекрутирования парламентских элит и лидеров в три группы моделей. Обозначены специфические характеристики партий как механизмов рекрутирования правящих элит и лидеров в демократических режимах с конкурентными партийными системами и характеристики доминантной партии как рекрутера в гибридных режимах с ограничением партийной конкуренции.

Ключевые слова: политические партии, политическое рекрутирование, партийное рекрутирование правящих элит и лидеров, модели партийного рекрутирования правящих элит и лидеров, факторы формирования моделей партийного рекрутирования правящих элит и лидеров.

V. GILMANOV. Specificity of the Party's Recruitment in Democratic Regimes and Hybrid Regimes with a Dominant Party

In the article the author's definition of parties as mechanisms for the recruitment of ruling elites and leaders is given. A consolidation of parties as mechanisms for recruiting ruling elites and leaders in the form of three groups of models is proposed. Specific characteristics of parties as mechanisms for recruiting ruling elites and leaders in democratic regimes with competitive party systems and characteristics of a dominant party as a recruiter in hybrid regimes with restriction of party competition are indicated.

Key words: political parties, political recruitment, party recruitment of ruling elites and leaders, models of party recruitment of ruling elites and leaders, factors of formation of models of party recruitment of ruling elites and leaders.

Ч. САЛИМГАРЕЕВА. Идеология «третьего пути» России И.А. Ильина

Рассмотрена концепция идеологии «третьего пути» России И.А. Ильина. Выявлена актуальность теории «третьего пути» в переходный период развития России.

Ключевые слова: идеология, коммунизм, демократия, диктатура, идеократия.

Ch. SALIMGAREEVA. Ideology of the «Third Way» of Russia of I.A. Ilyin

The ideology conception of «the third way» of Russia of Ilyin is considered. The «third way» theory's actuality in the transition period of Russian development is defined.

Key words: ideology, communism, democracy, dictatorship, ideocracy.

Л. ВАЛИНУРОВА. Разработка системы контроллинга инвестиционной привлекательности муниципального образования

В статье изложены основные положения разработки системы контроллинга инвестиционной привлекательности муниципальных образований, основанной на концепции эффективного управления инвестиционными процессами в социально-экономических системах, предложена схема контроллинга инвестиционной привлекательности на муниципальном уровне, определены возможности ее встраивания в модель эффективного управления инвестиционными процессами.

Ключевые слова: управление инвестиционным процессом, система контроллинга, инвестиционная привлекательность, муниципальное образование.

L. VALINUROVA. Development of a System for Controlling the Investment Attractiveness of the Municipality

The article outlines the main provisions for the development of a system for controlling the investment attractiveness of municipalities based on the concept of effective management of investment processes in socio-economic systems, proposed a scheme for controlling investment attractiveness at the municipal level, and the possibilities for its integration into the model of effective management of investment processes.

Key words: investment process management, controlling system, investment attractiveness, municipal formation.

Е. ПОНОМАРЕНКО. Инвестиции как инструмент поступательного развития региона

На данный момент времени эффективное развитие любого региона непосредственно связано с инвестиционным климатом и привлечением инвестиций. В статье проведен анализ мероприятий и программ по привлечению инвестиций и формированию инвестиционной привлекательности Республики Башкортостан. Предложены мероприятия по сохранению и увеличению инвестиционного потока в экономику региона.

Ключевые слова: инвестиции, деловой климат, потенциал, инвестиционная привлекательность, инвестиционная активность.

E. PONOMARENKO. Investment as a Development Tool of the Region

At the moment time effective development of any region is directly connected with investment climate and attraction of investments. In article the analysis of actions and programs for attraction of investments and formation of investment attractiveness of the Republic of Bashkortostan is carried out. Actions for preservation and increase in an investment stream in region economy are offered.

Key words: investments, business climate, potential, investment attractiveness, investment activity.

Е. ФОМИНА, Ю. ХОДКОВСКАЯ. Оценка обеспечения прозрачности государственных финансов

В статье исследованы подходы к оценке обеспечения информационной прозрачности государственных финансов. Представлен анализ транспарентности государственных финансов в разрезе субъектов Приволжского федерального округа. Сформирована рейтинговая оценка исполнению расходов региональных бюджетов по статьям и в целом по расходам бюджетов по методике PEFA, установлен уровень транспарентности региональных финансов.

Ключевые слова: транспарентность, бюджет, государственные финансы, регион, методика PEFA.

E. FOMINA, Yu. KHODKOVSKAYA. Assessment of the Transparency of Public Finances

The article examines approaches to assessment ensure information transparency of public finances. An analysis of transparency of public finance in the context of the Volga Federal District is presents. The rating of the execution costs region budgets for articles and overall expense budgets for the PEFA methodology is formed, the level of transparency of regional finances is set.

Key words: transparency, budget, public finance, region, PEFA methodology.

Я. ТРОФИМОВА. Рейтинговая оценка налоговой системы России

В статье дана сравнительная оценка налоговой системы России на основе всемирно известных международных рейтингов: Paying Taxes (Doing Business), Global Competitiveness Report, Business Environment Rankings. Автором выделены основные моменты методологии моделей, указаны отдельные их преимущества и недостатки, отмечены тенденции совершенствования налогообложения по странам.

Ключевые слова: налоговая система, налоги, рейтинг, налоговое бремя, налоговое администрирование, модель.

Ya. TROFIKOVA. Rating of the Russian Tax System

In article presented a comparative assessment of tax system of Russia is given on the basis of world famous international ratings: Paying Taxes (Doing Business), Global Competitiveness Report, Business Environment Rankings. The author has allocated highlights of methodology of models, specified their separate advantages and shortcomings, and noted tendencies of improvement of the taxation over the countries.

Key words: tax system, taxes, rating, tax burden, tax administration, model.

А. РЕМНЕВ. Инструменты минимизации открытого риска при секьюритизации лизингового портфеля
В статье рассмотрены некоторые особенности формирования пула лизинговых сделок для целей секьюритизации. Проанализирована взаимосвязь между уровнем открытого риска и элементами структуры лизинговой сделки, в том числе аванса, срока лизинга, особенностей графика погашения лизинговых платежей. Представлены предложения относительно набора инструментов, позволяющих снизить открытый риск. Выявлены нюансы, при которых использование того или иного инструмента является наиболее эффективным.

Ключевые слова: секьюритизация, финансирование, лизинг, пул договоров, открытый риск.

A. REMNEV. Instruments for Minimizing Open Risk in Securitizing a Leasing Portfolio

In the article some features of forming a pool of leasing transactions for securitization purposes are considered. The relationship between the level of open risk and the elements of the structure of the leasing transaction is analyzed, including: the advance, the term of leasing and the specifics of the schedule for the repayment of lease payments. The proposals for a set of tools to reduce the open risk are presented. Nuances are revealed, in which the use of one or another instrument is the most effective.

Key words: securitization, financing, leasing, contract pool, opens risk.

Г. БИГЛОВА, Р. АМИРОВА. Проблемные аспекты гуманизации труда в Приволжском федеральном округе

В статье актуализируется проблема гуманизации труда как предпосылки развития человеческого капитала и социализации экономики в современных условиях на примере регионов Приволжского федерального округа и Республики Башкортостан. Предложены критерии, характеризующие процесс дегуманизации труда, выраженные в снижении доли заработной платы в общем объеме доходов населения.

Ключевые слова: гуманизация труда, доходы населения, заработная плата, развитие человеческого капитала.

G. BIGLOVA, R. AMIROVA. Problem Aspects of the Humanization of Labor in the Volga Federal District

The article actualizes the problem of the humanization of labor as a prerequisite for the development of human capital and the socialization of the economy in modern conditions by the example of the regions of the Volga Federal District and the Republic of Bashkortostan. The criteria characterizing the process of dehumanization of labor, expressed in reducing the share of wages in the total income of the population, are proposed.

Key words: humanization of labor, incomes of the population, wages, development of human capital.

Е. БЕГЛОВА, У. МУСИН. Факторы и институты развития трудовой миграции

В статье проанализированы основные факторы внутрироссийских миграционных процессов населения, установлен отчетливо выраженный экономический характер миграционной активности. Проведено сопоставление показателей, характеризующих экономическое неравенство регионов и межрегиональные разрывы в оплате труда с миграционным приростом (убылью) по субъектам РФ. Определен круг задач, возникающих на государственном уровне, решение которых позволит повысить эффективность государственной миграционной политики и преодолеть дисбаланс на российском рынке труда.

Ключевые слова: трудовая миграция населения, факторы миграции, социально-экономическая дифференциация регионов, миграционная политика, Россия.

E. BEGLOVA, U. MUSIN. Factors and Institutions of Labor Migration Development

The article offers analysis of the main factors of internal migration processes in the Russian Federation which has identified a clearly marked economic character of migration activity. The authors have undertaken comparative study of indicators which show regional economic inequality and interregional wage gaps with migration growth (decrease) in the Russian Federation members. A range of objectives to be dealt with by at the government level has been determined, which will make it possible to increase the efficiency of the state migration policy and overcome the imbalances in the Russian labor market.

Key words: labor migration of the population, migration factors, social and economic differentiation of regions, migration policy, Russia.

Н. ШАМСУТДИНОВА, Д. ЯГАФАРОВА. Возрастные особенности репродуктивных установок и риски бедности в семьях с несовершеннолетними детьми в Республике Башкортостан

В статье на основе репрезентативных республиканских социологических исследований рассмотрены изменения в репродуктивных установках и материальном положении семей с несовершеннолетними детьми с 2007 по 2015 г. Показано, что, несмотря на тренд к реализации репродуктивных установок населения, с ростом числа детей в семьях увеличиваются риски бедности, особенно для многодетных семей.

Ключевые слова: репродуктивные установки, уровень жизни, детность, Республика Башкортостан.

N. SHAMSUTDINOVA, D. YAGAFAROVA. Age Features of Reproductive Attitudes and Poverty Risks in Families with Minor Children in the Republic of Bashkortostan

The article based on a representative republic sociological studies and examined changes in reproductive attitudes and material situation of families with minor children from 2007 to 2015. Despite the trend towards the realization of reproductive potential of the population, the increasing number of children in families develops risks of poverty, especially for large families.

Key words: reproductive attitudes, standard of living, dynasty, Republic of Bashkortostan

Л. ИМАЕВА. Формирование трудового потенциала организации

В статье раскрываются особенности формирования трудового потенциала организации в современных экономических условиях. Приведен сравнительный анализ теоретических подходов к определению понятий «обучение» и «развитие» применительно к трудовым ресурсам организации.

Ключевые слова: трудовой потенциал, трудовые ресурсы, обучение, развитие, конкурентные преимущества, система.

L. IMAEVA. Formation of the Labor Potential of the Organization

The article reveals the features of the formation of the labor potential of the organization in the current economic conditions. A comparative analysis of theoretical approaches to the definition of the concepts «training» and «development» is made with reference to the labor resources of the organization.

Key words: labor potential, labor resources, training, development, competitive advantages, system.

Г. ХИЛАЗЕВА, И. УТЯШЕВА, О. АДигамова, Д. ЯГАФАРОВА. Внутренние миграции в муниципальных образованиях Башкортостана

В статье анализируются тенденции миграционных потоков в Башкортостане, интенсивность внутренних миграций в муниципальных образованиях; их связь с социально-экономическими показателями. В связи со значительной дифференциацией миграционных процессов на муниципальном уровне условием эффективной реализации миграционной политики в регионе может стать разработка системы мер, планов реализации Концепции миграционной политики РБ на период до 2025 года на уровне муниципальных образований.

Ключевые слова: регион, муниципальные образования, миграционные потоки, интенсивность миграций, миграционная политика.

G. KHILAZHEVA, I. UTYASHEVA, O. ADIGAMOVA, D. YAGAFAROVA. Internal Migrations in the Municipal Units of Bashkortostan

The article analyses the trends of migration flows in the Republic of Bashkortostan, the intensity of internal migrations in municipal units; their relationship with socio-economic indicators. Due to the significant differentiation of migration processes at the municipal level condition for the effective implementation of migration policy in the region could be the development of a system of measures, plans of implementation of the Concept of migration policy of the republic of Bashkortostan for the period until 2025 at the level of municipal units.

Key words: region, municipal unit, migratory flows, the intensity of migration, migration policy.

Г. ИСЛАКАЕВА. Влияние размера вуза на его мировой рейтинг

В статье исследуется вопрос о влиянии размера вуза на его мировой рейтинг. Проведен сравнительный анализ ведущих российских вузов, участников проекта «5/100», с лучшими мировыми университетами по соотношению в них численности студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей. Показано, что ведущие мировые университеты большее внимание уделяют подготовке научных кадров и научным исследованиям с участием магистрантов и аспирантов по сравнению с подготовкой студентов.

Ключевые слова: вуз, рейтинг университетов, федеральный университет, национальный исследовательский университет, высшее образование.

G. ISLAKAYEVA. Influence of the Size of the University on its World Rating

The article examines the issue of the impact of the size of the university on its world rating. Comparative analysis of the leading Russian universities, participants of the educational project «5/100», with the best world universities on the ratio of the number of students, undergraduates, graduate students, and teachers was conducted. It is shown that in the leading world universities much attention is paid to the training of scientific personnel, and not to students.

Key words: university, university rating, federal university, national research university, higher education.

* * *

Самигуллину Вениру Калимулловичу, доктору юридических наук, профессору, члену Российской академии юридических наук, действительному члену Академии военных наук Российской Федерации, заведующему кафедрой теории государства и права и международных отношений Академии ВЭГУ, профессору кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД РФ 15 ноября исполнилось 70 лет.

Как юрист-парламентарий он участвовал в подготовке проекта российской Конституции 1993 г. Венир Калимуллович – один из основных авторов Декларации о государственном суверенитете Башкирской ССР – РБ 11 октября 1990 г., действующей Конституции Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г.

В.К. Самигуллин хорошо известен в российских научных кругах. Основные направления его исследований: вопросы теории и истории права и государства, конституционного права.

Редакция журнала искренне поздравляет своего давнего автора с юбилеем и желает крепкого здоровья, благополучия и долгих лет творчества.

* * *

Редакция нашего журнала поздравляет с юбилеем коллегу из БАГСУ, ученого-экономиста **Скрябину Яну Альбертовну**. Долгие годы проработав в научном центре Академии, она посвятила себя изучению и анализу демографической ситуации в республике.

Желаем нашему постоянному автору здоровья, семейного счастья и дальнейших творческих успехов!

* * *

Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан
опубликовало 13-й выпуск сборника «**Законодательные исследования**»

Научно-исследовательская деятельность – неотъемлемая часть нормотворческого процесса парламента Башкортостана, возможность выявить актуальные вопросы развития законодательства Республики Башкортостан и Российской Федерации в целом.

Сборник, издаваемый с 2005 года, содержит статьи представителей органов государственной власти, научного сообщества, имеющие политическую, экономическую, социальную значимость. Публикуемые материалы могут быть использованы для подготовки проектов законов Республики Башкортостан, проектов федеральных законов для внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, запросов в Конституционный Суд Российской Федерации.

Секретариат Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан приглашает к сотрудничеству магистрантов, аспирантов, профессорско-преподавательский коллектив и предоставляет возможность публикации результатов исследовательской деятельности.

Статьи можно присылать по адресу: khazhipov.r@bashkortostan.ru
тел. (347) 218-30-54

Информация о требованиях к статье содержится на сайте <http://www.gsrb.ru>

	№
Актуальные проблемы развития экономики и общества	
АБЗАЛИЛОВА Л. Имитационная модель процесса предоставления услуг информационных технологий и связи	4
АГАДУЛЛИНА Р. Государственная политика Республики Башкортостан в сфере социальной поддержки населения: политико-правовой аспект	3
БИГЛОВА Г. Актуальные теоретические вопросы развития волонтерских услуг	3
ВАХИТОВ Р. Промысел как феномен сословного общества	1
ВОДЯНЕНКО О. Место и роль социальной экономики в эволюционном развитии общества	4
ГАВРИКОВА А. Факторы формирования качества человеческого капитала в условиях информационного общества	4
ГАЛЛЯМОВ Р., КУЗНЕЦОВА Ю. Качество высшего образования в представлениях его акторов: эволюция ведущих трендов в российском регионе (теоретический анализ проблемы)	3
ГИМРАНОВ Г. Особенности функционирования сферы услуг в сетевой экономике на примере Uber	3
ГРИШАНИН М., ЛИСИН Ю., ЗИНЕЦ Т., КОТОВ Д. Методический подход к отбору проектов для формирования программ ремонта и реконструкции	3
ДЖИКИЯ А. Способы стимулирования инноваций в производстве товаров наноиндустрии в условиях реализации политики импортозамещения	3
ЕНИКЕЕВ Р. Основная государственно-правовая проблема в России: история и современность	1
ИБРАГИМОВА З., ИШМУХАМЕТОВ Н., РОССИНСКАЯ Г. Социально-экономическая дифференциация потребления домохозяйств России в периоды экономического сжатия	4
ИЗИЛЯЕВА Л. Основные тенденции современной российской государственной информационной политики	1
ИШМУРАТОВА Д. Общий и специфический человеческий капитал: основные тенденции накопления и использования	4
КАМАЛОВА Г. Государственная политика в области открытых данных: анализ практик	3
КЛИМОВА Н. Валовой муниципальный продукт: зарубежный и российский опыт оценки и применения	4
«Круглый стол». Послание Президента России: развитие экономики за новыми технологиями (ведущий – Р. Миянов)	1
МЕХДИЕВ Э. Особенности региональной интеграции на примере ЕАЭС	4
МИНАСОВ М., ПЕТРОВ Д. Интеллектуальный ресурс как экономическая категория	4
МИННИАХМЕТОВА К. Позиция Лиги арабских государств в отношении ситуации в Ливии и Сирии	1
МИХАЙЛОВ М. Анализ итогов единого дня голосования – 2016 в Республике Башкортостан	1
МИЯНОВ Р. Коррупция: искоренить нельзя смириться	4
НАЗАРОВА У., ШТОЛЬ Т. Мотивация государственных гражданских служащих на основе причастности	4
ПОТИЙ К. Преимущества семейного предпринимательства в экономической жизни современного общества	3
РАУПОВ К. Анализ конкурентных факторов развития экспортного потенциала Республики Таджикистан	1
САБИРОВА З. Развитие социального предпринимательства: федеральный и региональный аспекты	4
СОЛИЕВ Р. Важнейшие тенденции информационно-коммуникационных технологий в развитии современной глобальной экономики	1

СУЛТАНОВА Л. Планирование закупок для государственных и муниципальных нужд: практика реализации и проблемы	3
ТИШИНА Л. Анализ чувствительности российской экономики на изменение спроса на импортные товары	4
ТРОФИМЧУК Т., ТРОФИМЧУК А. Анализ тенденций добычи нефти и цен	1
ЧУМАКОВ Д. Концепция устойчивого развития как фактор повышения туристической привлекательности Башкирии	1

Региональная экономика

АХУНОВ Р., ЯНГИРОВ А., ПРУДНИКОВ В., МУХАМЕТОВА А.	
Исследование демографического развития Южно-Башкортостанской агломерации	3
АВБАКУМОВ А. Совершенствование инновационной деятельности образовательных организаций высшего образования в Республике Башкортостан	3
БЕЛОЛИПЦЕВ И., ФОМИНА Е., ХОДКОВСКАЯ Ю. Финансовая обеспеченность как основа эффективного управления регионом	3
ЖАМАЛОВ Л., МИНАСОВ М. Модернизация системы здравоохранения – необходимая составляющая стратегии устойчивого развития региона	4
ЗАРАМЕНСКАЯ Г., МИНАСОВ М. Семейный бюджет: основа устойчивой экономики региона и страны	2
ЗУЛЬКАРНАЙ И., ИСЛАКАЕВА Г. Статус университета в регионе: возможности и реалии	2
ИШМУРАТОВ М. Некоторые аспекты реализации в регионе аграрной политики по обеспечению населения продовольствием	3
КАРЕЛИН И. Эффективность реализации накопленного потенциала развития территории в инновационной экономике	3
КУЗЬМИНЫХ Н. Механизм создания благоприятного инновационного климата региона	4
НУСРАТУЛЛИН И. Межрегиональная асимметрия территорий с позиции неравновесного подхода	4
РАФИКОВА Н., ХАЗИЕВА А. Статистический подход к анализу себестоимости продукции выращивания и откорма крупного рогатого скота	2
САФИН Ф., МУХТАСАРОВА Э., СИРАЗЕТДИНОВ К. Социально-экономические факторы развития федеративных отношений (на примере Республики Башкортостан)	4
СИДОРОВА О. IT-бюджеты российских регионов: проблемы формирования и оценки	3
СИНГИЗОВ И., СИНГИЗОВА Н. Показатели эффективности экономики региона	4
СКРЯБИНА Я. Подходы к определению сельской бедности регионов: зарубежный опыт	2
СКРЯБИНА Я. Реализация социальной политики по защите и поддержке граждан пожилого возраста в Республике Башкортостан	4
СТАФИЙЧУК И., ХИСАМОВ Р. Земля как фактор развития АПК Республики Башкортостан	2
СУЛТАНОВА Л. К вопросу об оценке конкурентоспособности регионов	4
ТОКТАМЫШЕВА Ю., ЮСУПОВ К. Оценка воспроизводственного потенциала региона с инновационной направленностью развития	4
ТРОФИМОВА Н., ТАЙМАСОВ А. Анализ структурных факторов развития российских регионов	4
ШЕВЧЕНКО Д., АСКЕНДЕРОВ А. Перспективы развития инвестиционной деятельности в республиках Северного Кавказа	3

Политические процессы

ГИЛЬМАНОВ В. Особенности партийного рекрутмента в демократических режимах и гибридных режимах с доминантной партией	4
ДОРОЖКИН Ю. Какая политическая система и почему нужна современной России: вектор обновления	3–4
ИЗИЛЯЕВА Л. Особенности реализации внешнеполитического курса России в Сирии на современном этапе	3

КАМАЛОВА Г. Федеральные и муниципальные выборы в Российской Федерации: предвыборная агитация и новые тренды	4
КУЛИНЧЕНКО А. Управление общественными процессами: политическое управление или политический менеджмент	4
КУРМАНОВ А. Конституционно-правовые основы права на равный доступ к государственной и муниципальной службе в Республике Башкортостан	4
ЛАТЫПОВ Р., БИКТИМИРОВА Д. Глобальные и классические агенты политической социализации современной российской молодежи	4
МАРКОВ А. Политическая теория И.А. Ильина: опыт современного прочтения	3
САБИРОВ В. Институциональное развитие молодежных общественных политических организаций в России через призму истории	3
САЛИМГАРЕЕВА Ч. «Третий путь» России И.А. Ильина: политический идеал государственности	3
САЛИМГАРЕЕВА Ч. Идеология «третьего пути» России И.А. Ильина	4

Финансы (Инвестиции. Налоги)

АХМЕДОВ Б. О сравнительной оценке финансовой устойчивости банковского сектора	2
ВАЛИНУРОВА Л. Разработка системы контроллинга инвестиционной привлекательности муниципального образования	4
ГАЛИМОВ А. Экономический рост и инфляционные риски	3
КУЛАКОВА Е. Основные направления развития валютно-финансового сотрудничества Евразийского экономического союза	3
ПОНОМАРЕНКО Е. Инвестиции как инструмент поступательного развития региона	4
РЕЗБАЕВ В. Реформирование налоговой системы в Российской Федерации и США в 2017–2020 гг.	2
РЕМНЕВ А. Инструменты минимизации открытого риска при секьюритизации лизингового портфеля	4
ТРОФИМОВА Я. Рейтинговая модель оценки налоговой системы	3
ТРОФИМОВА Я. Рейтинговая оценка налоговой системы России	4
ТРОФИМОВА Я. Эволюция налоговой системы	2
ТУМАЙКИНА И. Развитие финансово-экономического сотрудничества стран БРИКС	3
ФОМИНА Е., ХОДКОВСКАЯ Ю. Финансово-экономические и организационно-правовые формы обеспечения эффективности реализации государственных программ: отечественный и зарубежный опыт	3
ФОМИНА Е., ХОДКОВСКАЯ Ю. Оценка обеспечения прозрачности государственных финансов	4
ФОМИНА Е., ХОДКОВСКАЯ Ю., МУЛЛАГАЛИЕВ А. Инструменты повышения эффективности экономической деятельности нефтяной компании	2
ШАХАЕВА А. Денежно-кредитная политика России в современных условиях	3
ШВЕЦ А., ЛИТУН В., КОРАБЛЕВ А. Процессное управление в банковской отрасли	2

Государственное и муниципальное самоуправление (гражданская служба)

БИКТИМИРОВА Д. Кадровая политика как ресурс повышения эффективности государственной гражданской службы	2
КАБАШОВ С. Государственный аппарат как стабилизирующий фактор в переломные периоды развития российского государства	2
КАБАШОВ С. Электронная бюрократия: возвращение к постановке проблемы	1
КАМАЛОВА Г. Об использовании органами местного самоуправления Республики Башкортостан электронных систем при предоставлении услуг населению	1
КАРЕЛИН И. Потенциал государственного управления в Республике Башкортостан: перспективы реализации	2

ЛАТЫПОВ Р., ВАСИЛЬЕВ М. Модель «30 граней»: проект профиля ключевых компетенций гражданских (муниципальных) служащих Республики Башкортостан	2
СУФИЯНОВ А. Крепко стоим на ногах. Уверенно смотрим в будущее	1
ХАЛИКОВ М. Тренинги как ключевой инструмент профессионализации государственных и муниципальных служащих	1
ЯРЫГИНА Я. Компетентностный подход в моделировании управленческого потенциала руководителей (на примере отбора кандидатов в федеральный резерв управленческих кадров)	2

Менеджмент

АВДЕЕВ П. Модель опосредованного обмена в транзакционном лидерстве	1
АГЗАМОВ Р. Место и функциональное назначение механизмов регуляции совместной деятельности	1
БИГЛОВА Г. Социализация собственности посредством расширения прав работников в управлении предприятием	2
КИСЕЛЕВА М. Социальные связи как важный ресурс организационной культуры предприятия	1
КОТОВ Д., НУРТДИНОВ Э. Механизм реализации корпоративной социальной ответственности, основанный на гражданских инициативах	1
КОШЕЛЕВ Б., ЧЕРВОННЫХ М. Методика синтеза управленческих решений при производстве зерна на предприятиях Западной Сибири	2
КУЗНЕЦОВА О., ДЕДОВА О., МЕЛЬГУЙ А. Оптимизация численности бухгалтерии и расходов на ее содержание	2
ПАРШИНА В., ЯКУШЕВА А. Управление наставничеством как средством эффективного использования работников старшего возраста	1
ПРИВЕЗЕНЦЕВА Е. Потребность современной кадровой политики в механизмах социальной регуляции	1

Социальная сфера

АХУНОВ Р., ЗУЛЬКАРНАЙ И., ИСЛАКАЕВА Г. Оценка соответствия статуса университетов региона его потенциалу (на примере Республики Башкортостан)	1
БЕГЛОВА Е., МУСИН У. Факторы и институты развития трудовой миграции	4
БИГЛОВА Г., АМИРОВА Р. Проблемные аспекты гуманизации труда в Приволжском федеральном округе	4
ГИМРАНОВ Г. Влияние интернет-агрегаторов пользовательских отзывов на потребительский выбор	1
ИМАЕВА Л. Формирование трудового потенциала организации	4
ИСЛАКАЕВА Г. Влияние размера вуза на его мировой рейтинг	4
КАДЫРОВ С. Уровень жизни городского и сельского населения в условиях экономического кризиса	1
ТУМАКОВА С. Выход на пенсию как социологическая проблема	1
ХИЛАЖЕВА Г., УТЯШЕВА И., АДИАМОВА О., ЯГАФАРОВА Д. Внутренние миграции в муниципальных образованиях Башкортостана	4
ЧУМАКОВ Т. Демографические факторы, влияющие на развитие Республики Башкортостан	1
ШАМСУТДИНОВА Н., ЯГАФАРОВА Д. Возрастные особенности репродуктивных установок и риски бедности в семьях с несовершеннолетними детьми в Республике Башкортостан	4

Вопросы теории

АВДЕЕВ П. Психологические механизмы трансформационного лидерства	2
БАДРТДИНОВ Р. Антиглобализационное движение как актор мирового политического процесса	2
БРЕСЛЕР М. Аксиальный фактор в социальных процессах информационного общества: философский анализ	2
ГИРФАТОВ А. Транспарентность избирательного процесса: понятие и современные информационно-коммуникационные технологии обеспечения	2
ФРОЛОВА И. Российская гуманитарная наука в «кривом зеркале» наукометрии	2

Страницы истории

АРИСТАРХОВА М., КУДАШЕВ А., НИЗАМОВА А. Управление предприятием: феномен Гареева	2
ГАРИПОВ Р. Февраль или Октябрь? Альтернативы развития революции (на основе опыта России и Китая)	2
СОЛОВЬЕВ А. О студенческой научной политологической конференции «Революция как политический процесс: к 100-летию двух революций в России»	2

Статистика

Социально-экономическое положение Республики Башкортостан в 2016 году	1
---	---

Хроника. Рецензии

САЛАХУТДИНОВА Р. О книге «Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа)»	3
Юбилей кафедры БАГСУ	3

Учредители:

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Башкирский государственный университет, Уфимский государственный нефтяной технический университет

Адрес редакции:

450057, г. Уфа, ул. Цюрупы, 6, 1-й подъезд, к.402
Тел. (347) 273-87-32
E-mail: ekonuprav@ufanet.ru
<http://bagsurb.ru/about/journal/>

Подписано в печать 12.12.2017. Усл. печ. л. 23.
Формат 60x84/8. Тираж 500 экз. Заказ № 230.

Отпечатано в РИЦ УГНТУ

450062, г. Уфа, ул. Космонавтов 1. Тел. (347) 243-19-73
E-mail: polegaln@mail.ru